

***Путь
позитивного
служения***

Путь позитивного служения (12-13-14 Лучи)
«12-13-14. Şuâlar (rusça tercümesi) »

Перевод осуществлен с оригинала:

«12-13-14 Şuâlar. »

Bediüzzaman Said Nursi.

© 2014 Sözlér Publications

Издательство: Sözlér Neşriyat San. ve Tic. A.Ş.

S. Demirel Bulvarı Aykosan San. Sitesi

4'lü A blok Kat: 3 No:244, İkitelli/ K.Çekmece/İstanbul

Tel: +90 212 671 25 47-48 (pbx)

www.sozler.com.tr

sozler@sozler.com.tr

Отпечатано в типографии:

İMAK OFSET BASIM YAYIN

Введение

Данная тема четко описывает позитивную деятельность Бадиуззамана, выраженную во всех аспектах самого сложного периода его жизни. Она состоит из защитительных речей на судебных процессах Афьона, которые он писал в качестве жалоб на всякого рода злоупотребления и противозаконные обращения с ним и его учениками. В тюрьме Афьона Бадиуззаман провел двадцать месяцев. Как и в Эмирдаге, все внимание и все атаки были сосредоточены на подавлении его личности. И в этот раз его враги невольно подготовили почву для собственного поражения. Искренность и личные качества Саида Нурси были таковы, что он безропотно переносил непомерно тяжелые условия и горькие мучения ради Рисале-и Нур и его учеников. И несмотря на все это, он нигде и никогда не понуждал своих учеников к открытому противоборству с властями. Он не только выжил в тех условиях, но и преодолел их. В возрасте более семидесяти лет, неоднократно находившийся на краю смерти и терпящий невообразимые страдания Саид Нурси продолжал писать наставления своим ученикам, а все ночи проводил в молитвах и размышлениях. Он не только обдумывал свою собственную защиту, но еще и руководил рекламной компанией по защите себя и учеников, чтобы довести до сведения общественности правду об их деле, а также защитить Рисале-и Нур от этой последней атаки. И своим несломленным духом Бадиуззаман полностью разбил и уничтожил своих противников.

Подобно тому, как в тюрьме Саид Нурси и его ученики становились объектом всякого рода бесправия, так же и во время судебного процесса закон извращали и использовали с ясной целью – осудить Саида Нурси, несмотря ни на какие реальные доказательства по делу. И когда ход событий обернулся против властей, суд и заключение были последней тщетной попыткой заставить Бадиуззамана замолчать и остановить нарастающий интерес и симпатии по отношению к книгам Рисале-и Нур и через них - к Корану и Исламу. Определенное отчаяние властей Турецкой республики подтверждает и тот факт, что снова были выдвинуты те

же самые обвинения, по которым Саида Нурси и его ученики уже были однажды оправданы. Эти обвинения были голословными, и Саид Нурси сравнивал их с водой, собранной из тысячи ручьев. Он в очередной раз опроверг обвинения и показал, что ни Рисале-и Нур, ни его действия, ни действия его учеников не нарушали законов.

В течение этих двадцати месяцев Саид Нурси написал своим ученикам в тюрьме много коротких писем. Они касаются различных вопросов их тюремной жизни. Главным образом, они убеждают учеников смотреть на свое заключение с позитивной точки зрения, в свете Божественной мудрости, как на испытание и экзамен, которые дают новые возможности для служения Корану посредством книг Рисале-и Нур. Некоторые из писем касаются судебного процесса, даются указания по поводу написания копий защитительных речей, их отправки в различные правительственные учреждения и департаменты и других аспектов служения. Другие письма предупреждают учеников об информаторах и шпионах, о попытках посеять меж ними разногласия, чтобы сломить их солидарность. Главной задачей Саида Нурси было возродить мусульманскую этику в чрезвычайных условиях современной жизни, чтобы мусульмане могли исповедовать свою религию, не прибегая к политической власти.

В этой книге ясно выявляются принципы Бадиуззамана касательно исламского единства в эпоху современной культуры, как возродить мусульманские ценности, чтобы пролить свет на вопросы власти и управления, современности и традиции, и как эти ценности связаны с земной и загробной жизнью. В нее были также добавлены отрывки из его произведений и утешительные письма своим ученикам, которые в этом третьем по счету медресе Юсуфа (а.с.), упорно продолжали переписывать Рисале-и Нур, изучая и обучая других заключенных. Таким образом, работа по Рисале-и Нур продолжалась даже в условиях Афьонской тюрьмы.

От редакции

Двенадцатый Луч

[Защитительные речи в суде города Денизли*]

Да, мы являемся общиной! И относимся к такой общине, в которой находятся по триста пятьдесят миллионов последователей каждый век, и каждый день они своим пятикратным намазом с совершенным почтением выказывают свое отношение и служение этой священной общине, и со святой программой **إِنَّمَا الْمُؤْمِنُونَ إِخْوَةٌ**

«Поистине, все верующие – братья» устремляются на помощь друг другу молитвами и духовными успехами. Именно к этой Священной и Величественной общине мы и принадлежим. И наша главная обязанность, это в убедительной форме довести до верующих Коранические истины основ веры, спасти их и себя от вечной казни и постоянного одиночного заточения. А к прочим мирским, политическим и сеющим раздоры общинам и комитетам мы не имеем никакого отношения, и никогда не опустимся до этого.

Будь у нас желание вмешаться в дела сего мира, это не произвело бы шума подобно комариному писку, а скорее разорвалось бы равнозначно артиллерийскому снаряду. И тот, кто обвиняет человека, выступившего на военном трибунале и против ярости Мустафы Кемалея на заседании парламента с суровой и дерзкой защитой – в том, что он в течение восемнадцати лет тайком от всех проворачивает светские интриги – безусловно, делает это из злого умысла.

Недопустимо в данном вопросе из-за моих недостатков или ошибок некоторых моих братьев оказывать давление на Рисале-и Нур! Ведь Рисале-и Нур непосредственно связан с Кораном! А Коран же, связан с Арши Азамом. И пусть тот, у кого хватит сил, посмеет протянуть туда руки и развяжет эти крепкие нити.

К тому же, засвидетельствованный тридцатью тремя указаниями из Корана, тремя сообщениями из скрытого мира Имама

* Почтенный Устад Бадиуззаман Саид Нурси, делая некоторые необходимые поправки и дополнения в защитительных речах города Денизли, и представив их, в соответствии с наличием одного общего вопроса, суду города Афьон, объединил большую часть защитительных речей Денизли с речами города Афьона и дал им название «Четырнадцатый Луч».

Али (р.а.) и твердыми оповещениями Гавс аль-Азама (к.с.) – Рисале-и Нур – которому обязана эта страна за свое материальное и духовное обеспечение и необыкновенное служение – не может и не должен нести ответственности за наши характерные и личные недостатки. Иначе, эта страна понесет невосполнимые материальные и духовные убытки. (Прим.)

Планы и натиски, направленные против Рисале-и Нур, исходящие от сатанинских происков некоторых безбожников, Ин шаа Аллах, будут расстроены. Над несравненными, несокрушимыми и неотступными учениками Рисале-и Нур, благодаря Милости и Помощи Аллаха, невозможно будет одержать победу. И от того, что Коран запретил нам физическую борьбу, эти привлечшие к себе повышенное внимание народа, заслужившие всеобщую симпатию и повсеместно распространившиеся ученики не могут быть оклеветаны в причастии к мелким и безрезультатным событиям наподобие тех, что произошли с Шейхом Саидом и в Менемене; но если, да сохранит Аллах, угнетениями и давлением на Рисале-и Нур вынудить их, то несомненно, безбожники и лицемеры, вводящие в заблуждение власти, тысячи раз пожалеют об этом!

Одним словом, поскольку мы не вмешиваемся в брешную жизнь мирских людей, то и они пусть не вмешиваются в нашу вечную жизнь и служение вере!..

Заключенный
Саид Нурси

* * *

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Господа!

Я вам решительно заявляю, что среди присутствующих здесь личностей, помимо тех, которые либо вообще не связаны, или же имеют незначительную связь с нами и Рисале-и Нур, на пути истины у меня есть столько верных братьев и преданных друзей, сколько вы себе даже представить не можете. Благодаря убеждающим разум открытиям Рисале-и Нур мы с такой же несомненностью, как дважды два – четыре, познали, что смерть для нас, согласно таинству Корана, это не окончательный уход в никуда, а некий билет, освобождающий от земных забот и направляющий нас в мир вечности. Для тех же, кто противостоит нам и идет путем заблуждения, эта неминуемая смерть является либо вечным исчезновением (если у них нет

Примечание: Это заявление, было написано за двадцать дней до землетрясения в Кастомону, который, в сравнении с другими областями, благодаря благодати Рисале-и Нур, был сохранен от большого ущерба. Теперь же это бедствие подтвердило наши утверждения.

твердой веры в жизнь после смерти), либо вечным, мрачным одиночным заключением (если у них есть вера в жизнь после смерти, но они следуют по пути греха и заблуждения). Разве, кроме этой общечеловеческой проблемы, в мире есть какой-либо другой более важный и глобальный вопрос, которому она бы послужила орудием? Я к вам обращаюсь! Раз нет, да и быть не может – тогда почему же вы враждуете с нами? Самое суровое ваше наказание мы ожидаем с совершенной стойкостью, зная, что получаем билет для отправления в мир вечности. Однако мы не просто знаем, а даже видим, как видим сейчас воочию вас в этом зале, что те, кто по причине заблуждения отвергает и осуждает нас, будут приговорены к вечным мукам и одиночному заточению, а в ближайшем будущем будут подвергнуты ужасному наказанию, и нам по-человечески, искренне жаль их. Я готов доказать эту неоспоримую истину и заставить замолчать даже самых заядлых упрямцев. И если я не смогу это ясно, как день, доказать не то что вашим неосведомленным, недоброжелательным и духовно скудным знатокам, а даже самым величайшим ученым и философам, то согласен буду на любое ваше наказание!

Итак, в качестве примера я приведу работу под названием «Плоды Веры», написанную для заключенных в течение двух пятниц, объясняющую принципы, суть и основы Рисале-и Нур, и выступающую в качестве его защитительной речи. И для того, чтобы передать ее в правительственные учреждения Анкары, мы, преодолевая большие трудности, стараемся скрыто переписать ее новой письменностью. Так прочитайте же ее внимательно! Если ваше сердце (я не касаюсь вашего нафса) не согласится со мной, то на любые ваши оскорбления и мучения, которым вы подвергнете меня в моей теперешней ситуации – я отвечу молчанием!

Одним словом, либо дайте Рисале-и Нур полную свободу, либо, если сможете, разрушите эту мощную и неопровержимую истину! До сих пор я не думал о вас и о вашем мире, и не собирался этого делать, однако, вы заставили меня. Скорее вас нужно было предупредить и поэтому Божественное предопределение направило нас по этому пути. Мы же, руководствуясь священным правилом:

مَنْ آمَنَ بِالْقَدَرِ آمِنَ مِنَ الْكَدْرِ

«Тот, кто уверовал в Божественное предопределение, спасается от печалей», решили терпеливо сносить все ваши притеснения.

Заключенный
Саид Нурси

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَهُ

«Он искажает религию», – с этими словами нас осудили из-за того, что мы, согласно исламскому обычаю, действующему со времен Пророка (мир ему и благословение) Века Счастья, собрали наподобие книги «Энам» – «Хизби Куран», который состоит из сотен известных аятов, являющихся особенными источниками Рисале-и Нур.

Вдобавок, они хотят обвинить нас в том, будто бы конфиденциальная брошюра «О покрытии женщин», за которую меня уже подвергли однодневному наказанию, и которая якобы, как было отмечено в протоколе, извлечена из-под груды дров, была написана и опубликована в этом году. И в то время, как на сделанные мною резкие высказывания и возражения в лицо одному из руководителей правительства Анкары (Мустафа Кемал), он отреагировал лишь молчанием; изложенная после его смерти из смыслов Хадиса естественная, необходимая и конфиденциальная критика, указывающая на его ошибку, стала поводом для нашего обвинения. Интересно, что на самом деле важнее и выше – уважение и почтение к умершей, не имеющей влияния на руководство личности, или же почтение к государству и нации, к справедливости и законам, являющимся проявлением господства Всевышнего Аллаха?!

Мало того, принцип «свободы совести», входящий в число принципов республиканской власти, на который мы более всего ссылаемся при своей защите, они сделали основой для выдвинутых против нас обвинений, будто бы мы выступаем против свободы совести.

К тому же, от того, что я критикую недостатки и распутство современной цивилизации, в протоколе мне было приписано такое, что ранее не приходило мне в голову: словно (*Прим.*) я не принимаю использования радио, самолета и поезда; обвиняют меня в возражениях против этих открытий.

Итак, основываясь на этих примерах, Ин шаа Аллах, совестливые и справедливые прокурор и суд города Денизли, не придав никакого значения безосновательным подозрениям, имеющимся в тех рапортах, продемонстрируют, в какой же степени несправедливому отношению мы подверглись.

И самое поразительное то, что на другом судебном процессе прокурор у меня спросил: «Ты в конфиденциальной теме Пятого Луча сказал: «Армия спасется от узд правления той ужасной

Примечание: Я сказал, что в качестве благодарности за такой великий Божественный дар, как радио, необходимо было «дать услышать всему человечеству на земле чтение Корана по радио, превращая атмосферу в образ некоего чтеца Корана».

личности». Твоей целью было спровоцировать армию к восстанию против государства». Я же ему ответил: «Я имел ввиду то, что когда этот командующий умрет или же будет сменен, армия спасется от его диктатуры. Удивительно, как может быть поводом для обвинений чрезвычайно конфиденциальная брошюра, которую никто не видел, и которая излагает всеобщие смыслы Хадиса, преддверия Конца Света, написанная много лет назад, и за восемь лет только два раза попавшая мне в руки, а затем сразу же была утеряна?» К сожалению, подобные обвинения тех бессовестных лиц вошли в обвинительное заключение.

И самым странным является то, что я в одном месте сказал: «Человечеству следовало бы отнестись с большой благодарностью к таким великим дарам Всевышнего Аллаха, как самолет, поезд и радио... Но оно не сделало этого – и самолетами на их головы были низвергнуты бомбы. И радио является таким же великим Божественным даром, что в знак благодарности Всевышнему необходимо было уподобить его некому Хафизу, читающему Коран миллионами голосов всему населению земли. И излагая в Двадцатом слове сокровенное сообщение Корана по поводу удивительных достижений цивилизации, я изложил следующее указание одного аята: «Неверные, посредством поезда поработят Исламский мир». Но, несмотря на то, что я побуждал мусульман к этим удивительным достижениям, в конце обвинительного акта, опираясь на пристрастность предыдущего прокурора, было сказано: «Он против таких открытий современного прогресса человечества как поезд, самолет и радио».

Также, один человек, не имея никакого отношения к предыдущей речи, сделал заявление по поводу второго имени Рисале-и Нур – «Рисалетун-Нур», – которое имеет значение, как «послание, вдохновение, взятое из света Корана. В обвинительном заключении они ошибочно вменили мне это в качестве обвинения, сказав, будто «Рисале-и Нур является самим посланником».

Также, в двадцати местах своей защитительной речи, мы с твердыми доводами доказали, что: религию, Коран и Рисале-и Нур, мы не используем, даже в отношении всего этого мира! И мы, ни одну из их истин не променяем на царство всего мира, и доказали это на деле! За двадцать лет есть тысячи признаков этого утверждения. Поскольку это так, я и все мы, изо всех сил говорим:

حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дополнение к моему обжалованию обвинительного заключения.

(Эта жалоба обращена не к Денизлинскому суду и прокурору, а скорее к злорадным и крайне мнительным служащим, и главным образом, к прокурорам Испарты и Инеболу, использовавшие против нас здесь ошибочное и неправильное обвинительное заключение.)

Во-первых, назвать без всяких оснований политическим обществом невинных и не имеющих каких-либо связей с политикой учеников Рисале-и Нур, которые не преследуют никаких целей, кроме веры и Иного мира, а затем обвинить и отдать под суд его активного основателя по поводу организации, чтения и распространения этих книг. Насколько это является далеким от сути справедливости, твердый его довод таков:

Хотя, они по правилу «свободы слова и печати», не рассматривали в качестве преступления чтение написанных против Корана пагубных произведений Доктора Дузи и прочих безбожников, а чтение и распространение же Рисале-и Нур посчитали противозаконным, который подобно солнцу дал знать страстно желающим и нуждающимся в познании истины веры и Корана. Вдобавок, среди сотни трактатов они показали поводом для обвинений только несколько строчек в двух-трех трактатах, запрещенные нами для публикации и державшиеся в строжайшей тайне, дабы избежать их ошибочного истолкования. Между тем как суд города Эскишехир сделал необходимым изучить те брошюры, за исключением одной из них, которую я в своем ходатайстве и обжаловании оправдал словами: «В наших руках нет политического инструмента, есть только нур», и в суде Эскишехира с двадцати сторон решительно доказал это. Но, несмотря на это, бездушные обвинители, словно относя ко всему собранию Рисале-и Нур три-четыре строчки из трех конфиденциальных и непубликованных брошюр, обвинили всех читающих и переписывающих Рисале-и Нур в преступлении, а меня – в борьбе с руководством.

Встречающиеся со мной мои близкие друзья свидетельствуют, и я сам клятвенно заверяю, что уже больше десяти лет, помимо двух председателей, одного депутата и губернатора Кастомону, я не знаю ни глав руководства, ни министров, ни главнокомандующих, ни служащих, ни депутатов, да и не испытывал к этому желание. Интересно, возможно ли вообще такое, чтобы человек не знал и не

желал бы знать тех, против кого он борется? Кто он – друг или враг? Не придавал бы значения личности противника?

Из всего этого становится ясным, что они преднамеренно будут измышлять самые бесосновательные предлоги, чтобы осудить и приговорить меня к заключению. Но поскольку положение таково, я обращаюсь не к здешнему суду, а скорее к тем бессовестным: Я не дам и гроша вашему, даже самому суровому наказанию! И значимости оно никакой не имеет! Так как, я уже в возрасте семидесяти лет нахожусь у дверей могилы. Променять на степень шахида подобных два года угнетенной и невинной жизни для меня является большим счастьем. Ведь с тысячами доводами Рисале-и Нур у меня есть твердая вера в то, что смерть для нас является освобождением от прижизненных обязанностей. Будь даже смертный приговор – для нас этот трудный час будет ключом в мир вечного счастья и милости. Однако, о вводящие посредством своего безбожия судебные власти в заблуждение и беспричинно настраивающие против нас руководство страны! Твердо знайте и трепещите: Вы приговариваетесь к вечной казни и к пожизненному одиночному заточению. И мы видим, как наша месть будет в многократном виде возмещена; при этом мы сочувствуем вам. Да, истина смерти, опустошившая этот город на кладбище сто раз, несомненно желает от жизни чего-то большего. И найти способ спастись от ее казни, для всего человечества является самым большим, самым важным и самым необходимым вопросом естества. И даже безумцы поймут, в какой степени на взгляд истины и справедливости становятся виновными обвиняющие под банальными предложениями Рисале-и Нур и его учеников, которые с помощью его тысячи доводов нашли для себя этот способ.

Три факта, которые ввели в заблуждение этих безбожников и натолкнули их на подозрения по поводу не имеющего какого-либо отношения к нам политического общества:

Первый, факт поддержания моими братьями со мной с давних пор сильных братских отношений, вызвало у них подозрения относительно некоего общества.

Второй, некоторые ученики Рисале-и Нур действовали подобно имеющимся повсюду группам исламских общин, свободно функционирующих согласно республиканским законам. Между тем как, намерением этих трех-четырёх братьев не было образовывать общество, скорее это было истинной сплоченностью и искренним братством в чистом служении вере.

Третий, те бездушные, видя себя в заблуждении и в предании земным утехам, и найдя для себя удобными некоторые законы

властей, мысленно говорят: «Вполне вероятно, что Саид и его братья настроены против нас и «законов цивилизации», благоприятствующих нашим недозволенным страстям. А если так, то это противоборствующее политическое общество».

Я же отвечаю: «О несчастные! Если бы этот мир был вечен; и человек в этом мире тоже оставался бы навечно; а из обязанностей у него была бы только политика; то возможно в этой вашей клевете имелся бы какой-то смысл. К тому же, если бы я относился к делу посредством политики, вы бы нашли среди ста трактатов не десять предложений, а скорее, даже тысячу политических и оппозиционных строк. И допуская невозможное: предположим, что мы, подобно вам, изо всех сил стараемся ради мирских целей, своих удовольствий и политики, (то даже сатана в этом не смог бы убедить кого-либо). Допустим, пусть будет даже так, но ведь за двадцать лет не было ни одного негативного случая, а власти, с учетом оппозиционных сил, смотрят лишь на содеянное и не могут знать истинного намерения сердца; то разумеется, вновь согласно законам справедливости нас нельзя будет обвинять! И последнее наше слово:

حَسْبِيَ اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ عَلَيْهِ تَوَكَّلْتُ وَهُوَ رَبُّ الْعَرْشِ الْعَظِيمِ

Саид Нурси

* * *

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Изложу вам в точности из моих старых воспоминаний один приятный случай защитительного выступления, который на суде Эскишехира остался засекреченным, не был зафиксирован в официальных отчетах и не включен в защитительные речи.

У меня спросили: «Какого ты мнения о республиканском строе?»

Я им ответил: моя биография, которая находится перед вами, подтвердит, что еще до вашего появления на этот свет, не считая здешнего председателя суда, я был религиозным республиканцем.

Краткий его вывод таков: как и сейчас, в те времена я находился в уединении. Из того рисового супа, который мне приносили в келию, я сыпал зерна муравьям, а сам ел окунувшие в суп кусочки хлеба. На вопрос свидетелей этого, я отвечал: «Эти муравьи и пчелы живут общиной, я давал зерна муравьям из уважения к их стремлению жить общественной жизнью».

Затем они сказали: «Ты действуешь вопреки убеждениям Праведных Предков». В ответ я сказал: «Каждый из Праведных

Правителей был Халифом и лидером общества. Несомненно, что Абубакр Сыддык (р.а.), Аширеи Мубашере и Почтенные Сподвижники выступали в качестве лидеров республики. Однако, они не были бессмысленным олицетворением этого титула, а скорее они являлись лидерами общества в религиозном понимании, то есть, представляли истинную справедливость и свободный Шариат.

Итак, о общественный обвинитель и судебные заседатели! Вы обвиняете меня в противоположность моим убеждениям, имеющиеся у меня в течение пятидесяти лет. Если вы спрашиваете меня о светском государстве; то насколько я знаю смысл понятия светский, означает быть нейтральным; то есть, воспринимаю такую власть, которая по правилу свободы совести не задевает права как безбожников и распутных, так и набожных и богобоязненных. И уже десять лет – а сейчас уже прошло двадцать – как я отстранился от политической и общественной жизни. Я не знаю какое положение приобрела на данный момент власть. Не приведи Господь, если принятые посредством безбожия законы сейчас приняли такие зловещие формы, что привлекают к ответственности живущих для своей веры и Иного мира, то я с бесстрашием напоминаю и заявляю, что будь у меня даже тысячу жизней, я готов буду ими пожертвовать ради веры и своего Иного мира. Делайте, что вам угодно! Последним

моим словом будет, **حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ**, и в ответ на ваши несправедливые смертные и строгие приговоры, я скажу, что с убедительными открытиями в Рисале-и Нур, я не приговариваюсь к казни, а скорее, получив освобождение, отправляюсь в мир света и счастья. И вас, о несчастные, угнетающие нас посредством заблуждения; я знаю и воочию вижу приговоренными к вечной казни и пожизненному одиночному заточению, и сполна отомстив вам за себя, готов с совершенным спокойствием в сердце отдать душу!

Заключенный
Саид Нурси

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Господа!

В силу многих причин у меня сложилось твердое убеждение: те, кто нападают на нас, якобы из-за того, что мы «нарушаем общественный порядок, используя при этом религиозные чувства», действуют не в интересах правительства, а в интересах безбожия; и, прикрываясь

этим лживым покровом, они нападают на нас из-за нашего служения вере и общественному порядку. Одним из множества доказательств этого является следующее:

Несмотря на то, что в течение двадцати лет, двадцать тысяч человек прочитали и приняли истины из двадцати тысяч частей и отрывков Рисале-и Нур, ученики Нура ни разу не нарушили общественный порядок по какому бы то ни было поводу; ни один такой случай не был зарегистрирован правительством; а также, ни этот суд, ни предыдущий не смогли обнаружить свидетельств подобного инцидента. Если бы такой случай произошел, то столь широко развернутая против нас пропаганда обнаружила бы его за двадцать дней. Это означает, что вопреки принципам свободы совести, статья 163 этого двусмысленного закона, который касается всех религиозных наставников, является лишь лживой маской. Безбожники, вводя в заблуждение некоторых членов правительства и запутывая правосудие, хотят любой ценой нас раздавить.

Так как, в этом и состоит суть дела, мы всеми силами заявляем: «О, несчастные, продавшие свою веру за мирские блага и впавшие в абсолютное неверие! Делайте то, что вам будет угодно. Ваш мир приведет вас к вашему же концу. И пусть станут наши головы жертвой за ту священную истину, за которую уже пали сотни миллионов жизней. Мы готовы к любому наказанию, и даже к казни. В этой ситуации находиться вне тюрьмы для нас в сто раз хуже, чем быть внутри нее. Поскольку, здесь нет никакой свободы – ни свободы познаний, ни свободы совести, ни свободы вероисповедания, при абсолютном деспотизме, который нас окружает – кроме смерти или тюрьмы для людей чести и сторонников свободы не остается иного выхода». Мы говорим:

إِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ

И вверяем себя нашему Господу.

Заключенный
Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Председателю суда Али Риза Бейэфенди,

В защиту своего права у меня есть одно важное требование и просьба. Я не знаю новой письменности, а мой почерк старой графики с изъянами. К тому же, мне на разрешают встречаться с

другими; я словно нахожусь в полной изоляции. Вдобавок к этому, через пятнадцать минут после того, как мне дали обвинительное заключение, его у меня забрали. Так же у меня нет возможности нанять адвоката. И при этом, тайно представленный вам один экземпляр той защитительной речи, с большим трудом был написан новой письменностью. Мало того, они забрали у меня один экземпляр Плодов Веры, являющийся своего рода защитительной речью Рисале-и Нур и сутью его принципов, который я попросил написать, чтобы передать его прокурору, и еще два-три его экземпляра в правительственные учреждения Анкары, которые до сих пор не вернули. Тогда как Эскишехирские судебные власти отправили к нам печатную машинку, на которой печатал суд, чтобы на ней мы напечатали один-два экземпляра защиты. Итак, вот мое важное требование: либо предоставьте нам печатную машинку, либо позвольте нам раздобыть ее самим, чтобы, напечатав новой письменностью свою защитительную речь, и те брошюры из категории защиты Рисале-и Нур, отправить их в Министерство Юстиции, в Кабинет Министров, в Парламент и в Государственный Совет. Потому что в обвинительном приговоре за основу был принят Рисале-и Нур. Утверждения и возражения, выдвинутые против него, нельзя считать частным случаем или индивидуальным вопросом, чтобы не придавать ему большой важности. Скорее, это вопрос и событие всеобщего характера, крепко связанный с этой нацией, страной и руководством, а также в значительной степени он привлекает внимание всего Исламского мира.

Да, те, кто под завесой скрытости совершает нападки на Рисале-и Нур с помощью чужеземных сил, используют политику в качестве инструмента в безбожии, и тайно внедряют абсолютное безверие, для того, чтобы разрушить симпатию, любовь и братство Исламского мира, являющееся самой большой точкой опоры для этого народа, вызывая этим отвращение к себе. Они, вводя в заблуждение правительство и дважды запутывая следствие, говорят: «Рисале-и Нур и его ученики используют религию в политике; есть вероятность нарушения правопорядка».

О несчастные! Рисале-и Нур не имеет отношения к политике. Он разрушает абсолютное безверие и лежащий в его основе анархизм, разбивает и уничтожает тотальную тиранию, являющуюся ее внешним проявлением. Своего рода защитительная речь Плодов Веры – это один из сотни аргументов обеспечения безопасности, порядка, свободы и правосудия. Научное собрание и общественность должны исследовать его, и если они не подтвердят

меня в этом, то я буду согласен на любое наказание и даже на мучительную казнь.

Заключенный
Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Уважаемый Председатель Суда,

В нашем приговоре, за основу были приняты три пункта:

Первый, «политическое общество». Вы спросите в качестве свидетелей у всех здешних учеников Рисале-и Нур, а также, у всех беседовавших со мной; ни одному из них я не говорил: «Создадим политическую организацию или сообщество Накши». Я лишь постоянно утверждаю: «Мы будем трудиться только ради спасения нашей веры». Не было между нами какого-либо обсуждения на предмет создания общества, кроме Исламского братства, в которое входят все верующие и которое каждое столетие имеет более трехсот миллионов последователей. И с точки зрения братства всех верующих, мы ради служения Корану, нашли себя в кругу приверженцев Корана и Аллаха, названных в Нем «хизбуллах». Если в обвинительном приговоре имеется в виду именно этот смысл, то мы со всей душой и совершенной гордостью готовы признать это. Однако, если подразумеваются другие смыслы, то об этом у нас нет никаких сведений.

Второй, согласно признанию обвинительного акта и подтверждению протокола Кастамонской полиции, неопубликованные ранее трактаты о Покрытии женщин, Шесть Атак и его Приложение, были найдены в забитом гвоздями ящике под грудой дров и угля. Эти державшиеся в строжайшей тайне книги, за которые уже подвергали нас небольшому наказанию, привлекли внимание и критику Эскишехирского Суда. Ныне, ошибочно истолковав смыслы некоторых предложений в выше указанных книгах, они хотят вернуть нас на девять лет назад и привлечь к ответственности за уже отбытое наказание.

Третий, во многих местах обвинительного заключения, выражениями «может нарушить безопасность Государства», они вместо фактов использовали принцип вероятности. Однако, есть вероятность, что каждый человек может совершить убийство; могут ли они привлекаться к ответственности, исходя из этой вероятности?

Заключенный
Саид Нурси

يَا سَيِّدِ سُبْحَانَهُ

Уважаемый Председатель Суда,

Хочу представить вам в виде ходатайства мою защитительную речь, отправленную правительственному учреждению Анкары и Главе Республики, а также прилагаю к нему ответное письмо, которое демонстрирует одобрительное признание его Премьер-министром. В этой защитительной речи имеется решительный ответ на подозрения, изложенные против меня обвинительной стороной. Кроме того, основываясь на злорадном и поверхностном рапорте полиции других мест, в докладе экспертной комиссии было отмечено очень много нелогичных выражений и противоречивых сведений. Мое обжалование так же представлено и против этих заявлений.

Главным образом: Как я вам уже сообщал ранее, в то время, когда на Эскишехирском суде меня хотели приговорить по 163 статье, я сказал: «Из двухсот депутатов Парламента, 163 депутата (та же цифра) поставили свои подписи и одобрили финансирование в сто пятьдесят тысяч банкнот для строительства Университета в Ване (моего медресе); в результате этого, уделенного мне Парламентом внимания, аннулирует в отношении меня положение 163 статьи»; но, несмотря на сказанное, та экспертная комиссия исказила его смыслы, сказав: «163 депутата открыли процесс против Саида». Итак, теперь обвинительная сторона тоже привлекает нас к ответственности, основываясь на полностью вымышленном обвинении этой экспертной комиссии.

Между тем как постановление вашей комиссии, после изучения всех экземпляров Рисале-и Нур, переданных для исследования и изучения Институту научных исследований, единогласно приняло решение о том, что «в работах Саида и его учеников не имеется каких-либо признаков для предположений об использовании религии и святынь в собственных интересах, и подстрекательств к нарушению безопасности государства, или об основании организации и попытке их захвата власти; и установлено, что в разговорах Саида и его учеников, так же не отмечено злых намерений к созданию политического общества или тариката, которое действовало бы против власти».

К тому же, в докладе экспертной комиссии единогласно постановили, что «Девяносто процентов книг Саида никак не отклонялись от своих искренних, бескорыстных, научных и религиозных принципов. Они не давали ни малейшего повода для предположений об использовании религии или об основании движения, которое могло бы нарушить общественный порядок.

Разговоры в письмах между Саидом и его учениками тоже сходятся с этим утверждением. Кроме пяти-десяти конфиденциальных и ненаучных брошюр, каждая другая была написана от имени толкований аятов и славных Хадисов. И девяносто из ста существующих брошюр, написанные для разъяснения убеждений религии, веры, Аллаха, пророка и Иного мира, составлены в представлении аллегорических примеров и научного мировоззрения, заимствованные из жизненного опыта и полезных повествований, в качестве нравственных советов для молодых и старых. Ни с одной стороны там нет вероятности вмешательств во власть и общественный порядок.»

Итак, обвинительная сторона, в необычной форме выдвинула нам обвинение, основываясь на старом, запутанном и ошибочном рапорте, и не приняла во внимание тот доклад экспертной комиссии, что в действительности чрезмерно огорчило нас. Разумеется, мы не считаем это достойным делом беспристрастного суда. И например – а в примере не может быть ошибок – у одного из последователей Бекташи спросили: «Почему ты не совершаешь намаз?» Он же в ответ: «в Коране есть аят (Сура 4, Аят 43)

لَا تَقْرَبُوا الصَّلَاةَ». На возражение: «читай и следующее за ним, то есть وَأَنْتُمْ سُكَارَى» (4:43), – он сказал: «Ведь я не хафиз». И в точности, подобно этому примеру, они выступают против нас, взяв во внимание один отрывок из книг Рисале-и Нур, не читая дополнения в следующем за ним предложении. В предоставленной мною защите, со стороны обвинителя наблюдается тридцать-сорок подобных примеров – сопоставлений. Из этих примеров я изложу один беспрецедентный случай:

Несмотря на то, что в результате одной ошибки в Эскишехирском суде, обвинительная сторона была вынуждена в итоге отказаться от выражения «подстрекает народ», которое было использовано по отношению к урокам Рисале-и Нур, через год после этого, один из учеников Нура, по имени Абдурразак, сказал: «О, несчастные! Вы называете «подстрекательством» нравственное воспитание Рисале-и Нур, который удостоился подтверждения тридцати трех аятов Корана, трех необычайных сообщений из скрытого Имамом Али (р.а.) и твердых извещений Гавс аль-Азама (к.с.); он, своими наставлениями, в течение этих двадцати лет не причинил никакого вреда безопасности государства, и вместе с этим укрепил веру тысячам сыновьям родины. Разве вы не боитесь Аллаха; да будут прокляты ваши языки!»

Теперь же, хотя обвинительная сторона и сочла слова этого ученика правильными, фразу «Саид сеет вокруг себя раздор» я оставляю на их совести.

Обвинительная сторона, с целью придраться к общественным урокам Рисале-и Нур, заявила: «Основой и местом проявления религии, является совесть; она не может быть связана с силой власти и законом. Так как, в прежние времена, это приводило к социальным волнениям». Я же в ответ скажу:

«Религия не состоит только из одной веры; скорее второй ее половиной является совершение благих дел. Удивительно, будет ли достаточным только страха перед тюремным заключением и вероятности быть увиденным стражами правопорядка, чтобы воспрепятствовать совершающим большие грехи, отравляющие общественную жизнь, наподобие убийства, прелюбодеяния, воровства, азартных игр и распития спиртного? В таком случае, необходимо будет постоянное присутствие в каждом доме, скорее даже, рядом с каждым в отдельности по одному полицейскому, чтобы непокорный нафс отвел их от скверного. Итак, Рисале-и Нур, с точки зрения благих деяний и веры, ставит над каждым из них по одному духовному надзирателю. И, напоминая о заточении Ада и Гневе Аллаха, с легкостью спасает их от плохих поступков».

Вдобавок, обвинительная сторона изложила безосновательное предположение по поводу поставленных подписей в одной приятной теме с необычными совпадениями, сказав, что это «лица одного общества». Интересно, разве можно назвать обществом подобного рода подписи, которые имеются так же в конспектах у ремесленников и арендодателей. Подобное, безосновательное подозрение было и в Эскишехирском суде. Тогда я ответил и продемонстрировал им тему «Чудеса Ахмеда», на что они отреагировали с изумлением. Если бы мы состояли в социальном сообществе, те, кто в такой степени из-за меня испытал вред, несомненно бежали бы от меня в полном отвращении. Стало быть, как у нас имеется неразрывная связь с Имамом Газали, так же и эти невинные, простодушные и искренние верующие, из уважения к этим урокам веры, показали свою крепкую связь с таким несчастным, как я. Чем вызвало безосновательные подозрения мнимой, политической организации. Последним моим

словом будет: **حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ .**

*Находящийся в изоляции
Саид Нурси*

НИЖЕСЛЕДУЮЩАЯ ЧАСТЬ ИМЕЕТ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Один важный отрывок заключительного слова.

Господа! Уважаемый председатель, примите во внимание! Вынести обвинительный вердикт Рисале-и Нур и его ученикам, будет приговором по отношению к истинам Корана и веры, используя при этом абсолютное безбожие. Стремиться перекрыть Великий Путь, который в течение тысячи трехсот лет ежегодно ведет к истине и миру счастья по триста миллионов мусульман, и триста миллиардов в целом, может вызвать к себе их отвращения и протесты. Потому что вновь прибывающие на этот путь поддерживают их своими молитвами и воздаяниями. И к тому же, это станет причиной прихода несчастий на эту благословенную родину. Удивительно, если во время Великого Суда, по требованию трехсот миллиардов истцов с вас будет спрошено: «Несмотря на имеющиеся, от начала и до конца, против вашей родины и религии Ислам, произведения Доктора Дузи и Европейского описания Истории Ислама, которые находились среди других безбожных произведений в ваших библиотеках, и свободно читались, ваши законы не воспринимали последователей этих книг в виде сообщества; а также вы беспрепятственно оставляли противодействующие вашей политике общество безбожников, коммунистов, анархистов, или существующий с давних пор национальный комитет оппозиции. Почему же вы препятствовали, называя искренних верующих сообществом, которые не имели никакого отношения к политике, а следовали только по Великому Пути Корана и веры, читали верное и истинное толкование Корана, подобное Рисале-и Нур, чтобы спасти себя и своих земляков от вечной казни и одиночного заточения, проявляя с ними братство и вечную дружбу, никак не связанных с политическими движениями; и желали приговорить их своими странными законами?». Какой ответ вы дадите? У вас спрашиваем. Наши враги – безбожники и лицемеры – ввели вас в заблуждение и запутали следствие, заставили власти бороться против нас, причинив при этом вред родине и народу; они, называя абсолютное безбожие «республикой», взяв под его режим тотальное вероотступничество, давая полному распутству имя «цивилизация», произвол и принуждение к безверию назвали «законом», захватили власть и разобщили нас, а за счет иностранных течений, они наносят удары родине, народу и по властвующему Исламу.

Господа!

Смысл того, что в течение четырех лет случаи разрушительных землетрясений, целиком совпадают со временем четырех страшных нападков и притеснений, и к тому же, что каждый случай происходил в момент совершения нападков, а с прекращением же давления успокаивались и подземные толчки, говорит о вашей ответственности за нынешние небесные и земные беды, начатые с нашим осуждением.

Находящийся в полной изоляции
и одиночном заточении Денизлинской тюрьмы
Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

ОТРЫВОК из ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА

Господа!

Я не знаю нынешних норм общественной жизни, но, судя по манипуляциям со стороны прокурора, после наших решительных ответов, так же единодушно подтвержденных экспертной комиссией Анкары, по поводу обвинения в создании политической организации, которое вы так настойчиво выдвигали в качестве повода для нашего, предрешенного вами заранее, осуждения; что я, пораженный и изумленный степенью вашей настойчивости в этом вопросе, задумался:

Поскольку, краеугольный камень общественной жизни и насущная потребность человеческой природы, начиная с семьи и заканчивая жизнедеятельностью племени, нации, Ислама и всего человечества – это самые необходимые и сильные звенья; и поскольку каждый человек во вселенной, сталкиваясь с каждым кругом проблем, несущих вред и смятение при исполнении им человеческих и мусульманских обязанностей, которым он, по материальным и нематериальным причинам, не может противостоять в одиночестве, то в этом случае, точкой опоры и местом утешения для него является дружба, родственные объединения, собрания, союзы и братства, основанные на искренней вере в вечную жизнь. При отсутствии какого-либо политического фронта, особенно при том, что верным средством к счастью, как в этом мире, так и в вере и в вечной жизни, является искренняя дружба на основе изучения веры и Корана, товарищество на пути истины и взаимопомощь перед

лицом опасностей, грозящих стране и нации, – эти сборы учеников Рисале-и Нур с целью изучения веры достойны высочайшей похвалы и одобрения; то несомненно и наверняка, что люди, называющие их «политической организацией», были либо чудовищным образом введены в заблуждение, либо являются ярыми анархистами, питающими дикую неприязнь к человечеству и «намрудову» враждебность к Исламу, которые в самой испорченной, пагубной и анархистской манере испытывают неприязнь к общественной жизни; по-предательски, бешено и упрямо борются против родины и нации, против господства Ислама и святынь веры.

Либо они – сатаниствующие безбожники, которые в интересах иностранцев стремятся перерезать и искалечить жизненно важные артерии этого народа, обманывают правительство, вводят в заблуждение правосудие, чтобы нематериальные орудия, до сих пор применявшиеся нами против них – сатанистов, фараонов и анархистов – направить против наших братьев и родины, и истребить их!

Заключенный
Саид Нурси

Господа! Позвольте мне выступить перед вами с небольшой речью; однако, косвенно я адресую это обращение к тайному разрушительному комитету, который посредством иностранных движений, в течение тридцати-сорока лет многократно перевоплощался с целью насаждения смут среди народа, чтобы от имени безверия и отрицания развалить нашу родину, а также, под любым предлогом совершая нападки на истины Корана и веры, и, сбивая с толку суд в этом нашем вопросе, они прикрылись за бездушными и небрежными чиновниками, и их пропагандистами в облике мусульман.

(Однако, вынесенное на второй день оправдательное решение, заставило отложить эту суровую речь)

Находящийся в полной изоляции
и одиночном заточении, заключенный
Саид Нурси

Истинный ответ на один важный вопрос.

Несколько влиятельных чиновников, спросили меня: «Мустафа Кемал предложил тебе исполнять обязанности муфтия в Курдистане и Восточной области, вместо Шейха Синуси, назначив тебе жалование в триста лир. Почему же ты не принял его предложения? Ведь, в противном случае ты стал бы причиной спасения ста тысяч людских жизней, которые пали жертвой революции?»

В ответ я им сказал, что вместо спасения жизни тех людей, я посвятил двадцать-тридцать лет своей мирской жизни Рисале-и Нур, который стал причиной для спасения миллионов лет вечной жизни каждого из сотен тысяч моих земляков. Он, тысячекратно восполнил ту потерю. И если бы я принял это предложение, то не появились бы книги Рисале-и Нур, чистые от стремлений к мирским целям, независимые и несущие в себе секрет искренности. К тому же, своих уважаемых братьев по заключению я попросил засвидетельствовать, что если приговорившие меня к смерти из-за отправленных в Анкару сильных пощечин Рисале-и Нур, благодаря ему спасут свою веру и уберегутся от вечного наказания, то я их от всей души прощу! А старшим руководителям, полицейским начальникам и надоедавшим мне своими слезками, после оправдания судом Денизли, я сказал, что в результате проводившихся в течение девяти месяцев проверок в сотнях брошюр и письмах, среди тысяч учеников и во всей моей двадцатилетней угнетенной жизни, они не выявили ни одного компрометирующего документа, ни одного доказательства связей с каким-либо внутренним или внешним обществом, течением или комитетом. Это является неопровержимым караматом Рисале-и Нур. Разве может быть это результатом чьих-либо мыслей или мер предосторожностей, чтобы можно было добиться подобного удивительного успеха. Ведь если у одного человека обнаружится личная тайна, скрытая в течение долгих лет, то найдется двадцать таких статей, которые привлекут его к ответственности. И поскольку это правда, то вы или скажите: «Всеим этим руководит несравненный и неуязвимый гений», – или же: «Это является заботливым Божественным покровительством».

В таком случае, противостоять такому гению будет ошибкой и большим вредом для всего общества, и сопротивляться подобному Божественному покровительству и Господнему благоволению является фараонским упрямством.

Но если вы скажете: «Если мы оставим тебя на произвол и не будем следить за тобой, то ты своими уроками и неизвестными нам

сочинениями можешь привести в беспорядок нашу общественную жизнь».

В ответ я скажу: «Все без исключения мои уроки прошли через руки чиновников правительства и органов юстиции, и в результате не нашлось какой-либо причины для назначения мне наказания даже на срок в один день. Люди очень внимательно и с большим интересом изучают сорок-пятьдесят тысяч экземпляров Рисале-и Нур. Это не принесло ничего, кроме пользы. Новый суд, не найдя никаких причин для привлечения меня к ответственности, единогласно оправдал нас. И прошлый суд, исключительно ради уважения к всемирно известному человеку, основываясь только на своем умозаключении, сделал предлогом пять-десять слов из ста тридцати брошюр, и присудил пятнадцати из ста двадцати задержанных учеников только по шесть месяцев наказания. У меня больше нет новых уроков и никаких секретов, которые бы вы могли исказить своими проверками».

Сейчас для меня необходимо соблюдение моего права на свободу. Хватит уже бесполезных и несправедливых слезок за эти двадцать лет! Старость дает мне право проклинать несправедливых, чего я до сих пор не делал. Ведь то, что «Стоны угнетенного доходят до самого Арша» – является твердой истиной.

Затем, эти несчастные деспотичные люди на высоких постах, сказали: «Ты уже двадцать лет ни разу не одевал шляпу установленного образца, как не снимал чалмы ни перед старым, ни перед новыми судами, и все время сохраняешь свой прежний внешний вид. Между тем как семнадцать миллионов человек приняли новые требования по внешности».

В ответ на это я сказал: *чем изменять свой внешний вид из-за обязывающих законов и войти под допустимое постановление шариата относительно отдельных вопросов, как добровольно и с открытой душой сделали это ни семнадцать и даже ни семь миллионов, а всего лишь семь тысяч поклонников Европы, я предпочитаю богобоязненное исполнение всех требований шариата, по которым живут семь миллиардов святых личностей.*

Подобного мне человека, который уже двадцать пять лет, как отказался от общественной жизни, недопустимо осуждать словами: «Он упрямится и противодействует нам». Даже если тут будет иметь место упрямство, которое не смогли сломать ни Мустафа Кемал, ни два суда, ни власти трех провинций, то возникает вопрос, а кто вы такие, что бесполезно, во вред народу и правительству, стараетесь сломить это упрямство? Допустим,

даже если по вашему утверждению он окажется политическим оппозиционером, то такой человек, который на двадцать лет отстранился от жизни и отошел от этих вопросов, не будет занимать себя бесполезным делом и не станет во вред себе связываться с вами, возвращаясь обратно в политику. В этом случае подозревать его в противоборстве будет безумством. Но, от того, что вести серьезный диалог с сумасшедшими людьми является безрассудным делом, я отказываюсь от общения с вами. И сказал: «Что бы вы ни делали, я не придам этому никакого значения!». Чем привел этим их в гнев и заставил замолчать. Последние мои слова будут:

﴿حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ﴾

﴿حَسْبِيَ اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ عَلَيْهِ تَوَكَّلْتُ وَهُوَ رَبُّ الْعَرْشِ الْعَظِيمِ﴾

В ЭТОЙ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ Я СКАЗАЛ:

«Принципы милосердия, человечности, истины и справедливости, содержащиеся в уроках Рисале-и Нур, запрещают нам вмешательство в политику. Так как в несчастьях могут пострадать и невинные люди; а в этом мы можем поступить несправедливо по отношению к ним».

Некоторые личности попросили дать подробное объяснение этому. Я же сказал:

Деспотизм и тирания, получили в наше время свое широкое распространение по причине высокомерия и расизма, которые породила сегодняшняя беспощадная цивилизация, послевоенное самовластие и, изошедшая от заблуждения, жестокость; и если люди истины будут отстаивать свою веру путем использования силы, то, поддерживая какую-либо из сторон, они погубят тем самым многих невинных людей, непричастных к этому; в этом случае они останутся на положении угнетателей и потерпят поражение. Потому что, агрессивны настроенные люди, относительно вышеуказанных чувств, под примитивным предлогом ошибок одного или двух, сражают двадцать-тридцать человек, приводя их в смятение. В случае же, если люди истины ради справедливости устранят только сражающегося против них, то взамен тридцати потерь, они, приобретая лишь одного, опять останутся на положении

побежденных. Но, а если эти же люди истины, по принципу тиранов отвечая возмездием, из-за ошибок одного или двух, притеснят двадцать-тридцать ни в чем неповинных людей, то в это время, они от имени справедливости поступят крайне несправедливо.

Так вот, согласно повелению Корана – это и есть истинная мудрость нашего сильного отвращения и воздержания от вмешательства в политику и во власть. Иначе говоря, у нас есть такая сила истины, с которой мы смогли бы отстоять ее в полноценном виде. Кроме того, поскольку в этом мире все является временным и преходящим, и поскольку смерть не умирает, а двери могилы не закрываются и трудности обращаются в отраду; то разумеется, мы будем молчать, уповая с терпением и благодарностью. Нарушить это наше молчание с причинением нам насилия и вреда, будет абсолютно противоположным человечности, справедливости, а также, патриотическому и гражданскому долгу.

Заключение: У руководителей властей, политиков, министров, представителей правопорядка и судебных органов нет оснований выступать против нас. Так или иначе, некоторая часть безбожников своими сатанистскими происками настраивают против нас официальные лица, вводя их в заблуждение из-за своей фанатичности к абсолютному безверию, которое исходит от страшной чумы материализма, и которое не поддержит ни одно правительство мира, как и не примет ни один здравый человек. Мы же скажем: Не только подобно этим нескольким подозрениям, а скорее, если настроите против нас и весь остальной мир, то мы, благодаря силе Корана и покровительству Аллаха, не отстранимся; не сдадимся перед лицом абсолютного безверия и безбожников!

Саид Нурси

Тринадцатый Луч

[Эта тема состоит из очень ценных и светлых писем Устада своим ученикам, которые в блестящем виде демонстрируют их славное усердие в служении Рисале-и Нур.]

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, преданные братья!

От всей души я поздравляю вас с прошедшей ночью Могущества и с наступающим праздником, а также, вверяю вас на Единство и Милость Всемилостивого Аллаха. Вместе с тем, что согласно тайному смыслу фразы **مَنْ آمَنَ بِالْقَدَرِ آمِنَ مِنَ الْكَدْرِ** я не вижу необходимости в утешении вас, скажу лишь:

وَاضْبِرْ لِحُكْمِ رَبِّكَ فَإِنَّكَ بِأَعْيُنِنَا وَسَبِّحْ بِحَمْدِ رَبِّكَ

утешение в смысловом указании этого аята я вижу для вас вполне достаточным.

Итак, думая о своем отстранении от мирских занятий ради умиротворения в месяце Рамадан, я стал свидетелем того, что в этих невообразимых и в крайней степени невыносимых событиях, как для меня, так и для вас и для Рисале-и Нур, а также для нашего Рамадана и братства имеется бескрайняя божественная милость. И я раскрою вам только две-три пользы этих событий, которые касаются меня.

Первая: С крепким усердием и рассудительностью, преодолевая свою страшную болезнь, я старался провести Рамадан в мольбах и просьбах.

Вторая: Я сильно желал и в этом году тоже увидеться и находиться рядом с каждым из вас. Согласен даже был принять это мое нынешнее мучение, только чтобы повидаться с кем-нибудь из вас и прибыть в Испарту.

Третья: Вопреки моим ожиданиям и воли была проявлена божественная забота, которая необыкновенным образом изменила мое гнетущее состояние по дороге сюда и в Кастамону, что заставило меня сказать: **الْخَيْرُ فِي مَا اخْتَارَهُ اللَّهُ**. Но больше всего я задумывался над тем, что же заставляет читать Рисале-и Нур с

прикованным вниманием даже самых беспечных и занимающих высокое положение в этом мире, открывая этим возможности для успехов и в других сферах. В утешение тем огорчениям и сожалениям в связи с вашими тяготами, которые вызывают у меня сострадание и волнуют меня больше, чем мои трудности – это снизошедшее бедствие, основываясь на том, что в Рамадане один час обращается в сотню, в этом благословенном месяце возвышает каждый час этих тягот до десяти часов поклонения, а ту сотню воздаяний доводит до тысячи, и то мое состояние жалости и сострадания к искренним, получающим совершенный урок от Рисале-и Нур, которые знают о бренности этого мира и о его выгодной торговле, жертвуют всем ради веры и Иного мира, и веруют в то, что временные томления в этом медресе Юсуфа (а.с.) дают постоянные наслаждения и пользу в мире вечности, оно обращает в поздравление и радость за ваше терпение.

И я сказал: **الْحَمْدُ لِلَّهِ عَلَى كُلِّ حَالٍ سِوَى الْكُفْرِ وَالضَّلَالِ .**

Я полностью убежден в том, что как эти пользы относятся ко мне, также они имеются и для нашего братства, Рамадана, Рисале-и Нур и для вас самих; и что если откроется завеса сокрытого, то это заставит вас сказать «Хвала Всевышнему! Эти несчастья и божественное предопределение, стали милостью для нас». И не порицайте тех, кто послужил причиной этим событиям. Ибо, эти повсеместные и коварные планы были организованы еще с давних пор; однако, они не сломали нас морально. Ин шаа Аллах, и это пройдет. И согласно

тайне этого аята **عَسَى أَنْ تَكْرَهُوا شَيْئًا وَهُوَ خَيْرٌ لَكُمْ** не печальтесь.

Саид Нурси

Дорогие мои братья!

От близкого соседства с вами я испытываю большое счастье. Мысленное, время от времени, общение с вами доставляет мне утешение. Знайте же, что по возможности я с совершенным почтением и радостью испытал бы на себе все ваши тяготы. Благодаря вам, я полюбил каждый камушек и кусочек земли Испарты и ее округи. Вдобавок еще я скажу, и официально готов буду об этом заявить: Если власти Испарты приговорят меня к тюремному заключению, в то время, как в других областях мне вынесут оправдательное решение, то я все равно предпочту эти места.

Да, я по трем причинам являюсь выходцем из Испарты. Хотя не могу подтвердить это происхождение историческими фактами; однако я убежден, что корни предков Саида, появившегося на свет в области Испарит, появились именно здесь. К тому же, эти места дали мне таких истинных братьев, что я с удовольствием готов пожертвовать ради каждого из них ни только Абдулмеджидом и Абдурахманом, но даже и Саидом.

Я полагаю, что помимо учеников Рисале-и Нур, сейчас в мире нет тех, кто в наименьшей степени испытывает тяготы сердцем, душой и разумом. Потому что сердце, душа и разум, заполненные светом осознанной веры, не стеснены никакими проблемами. Материальные же трудности, с помощью уроков Рисале-и Нур, они принимают с благодарностью и терпением, зная о их мимолетности, прибыльности и маловажности; также и в других сферах они открывают возможности для служения истинам веры. Утверждая, что «осознанная вера и в этом мире дает истинное счастье», они доказывают это на деле. И с фразой: «Посмотрим что Господь свершит, ведь все прекрасно он вершит» – они стойко стараются заменить мимолетные трудности на вечную отраду.

Да приумножит Всевышний Аллах численность подобных братьев; сделает их предметом гордости для этой страны, и удостоит их вечного счастья на высоких степенях Рая. Аминь.

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

Согласно справедливому предопределению, данное событие произошло, вследствие того, что некоторые лица из числа новых учеников, противоположно основам искренности, желая использовать Рисале-и Нур в делах этого мира, столкнулись с корыстолюбивыми противниками, которые обнаружили вдали от моего местонахождения ранее утерянный Пятый Луч, оригинал которого был написан двадцать пять лет назад, и в течение последних восьми лет, за исключением одного-двух раз не попадавшая мне в руки; и они, подобно лжеимамам, намеренно этим настроили против нас судебные органы. В то же время, произошла некоторая путаница, так как вместо «Мифтахуль Иман», который я попросил напечатать в новой письменности, без моего согласия была напечатана брошюра «Великое Знамение», которые затем попали в руки властей.

И злорадные люди под предлогом того, что брошюра «Пятый Луч» не соответствует современным общественным нормам, раздувая этот абсурд, стали беспощадно подвергать нас суровым испытаниям. Однако Божественное предопределение, вновь направило нас для нашей же пользы в медресе Юсуфа (а.с.); и подобно тому, как в старые времена набожные люди уходили для потусторонних наград в добровольный аскетизм, привлекло нас в это место, чтобы мы смогли получить полный урок искренности и ослабили свои, поистине, маловажные связи с мирскими делами.

А против подозрений мирских людей, мы скажем:

Вы заблуждаетесь, Седьмой Луч полностью содержит в себе истины веры, а Пятый Луч, оригинал которого был написан двадцать лет назад и держался в строжайшей тайне, и который не был обнаружен у нас в результате тщательного осмотра, содержит в себе исключительно другую ценность. И несмотря на то, что сокровенные предания полностью соответствуют действительности и не понуждают к силовой борьбе, сейчас мы не только пускать его в тираж, но даже показывать его кому-либо не дали бы своего согласия.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Вновь, поздравляя вас с праздником, я прошу не расстраиваться из-за отсутствия условий для наших встреч. С точки зрения истины, мы все время вместе. Ин шаа Аллах, эта солидарность и на пути вечности останется постоянной. Я убежден, что те вечные награды, достоинства, отрада души и сердца, которые вы заработали в служении вере, сведет на нет ваши нынешние мимолетные грусть и печали. Ведь до сих пор, не было тех, кто испытал бы в великом святом служении наименьшие трудности, подобно ученикам Рисале-и Нур.

Рай недешево обходится. И очень важно в наше время спасти других от абсолютного безверия, которое уничтожает счастье двух миров. Если на нашем пути будут незначительные тяготы, то мы их встретим с радостью, благодарностью и терпением. Поскольку, наш Создатель Милостив и Мудр – все наши старания и происходящее с нами, мы должны принимать с согласием и одобрением, полагаясь на Его милость и мудрость.

Один наш брат, по-геройски взяв на себя ответственность решить вопросы, связанные с брошюрой Великое Знамение, заслужил для себя чрезмерную славу и достоинства Иного мира за свое перо, Хизби Куран и Хизби Нур; чем заставил меня пролить слезы радости.

А временное изъятие брошюры Великое Знамение, привлекающее к себе пристальное внимание, произошло для того, чтобы подготовить его к достойным победам в будущем; и уповая на Божью милость, мы надеемся, что из-за этой конфискации служение и расходы нашего брата и его товарищей не пропадут даром, Ин шаа Аллах, они еще больше приумножат их.

Включивший вас всех без исключения во все свои такие молитвы, как **أَجْرْنَا وَأَرْحَمْنَا وَاحْفَظْنَا**, и усердствующий согласно правилу сотрудничества в духовных делах на положении одной души среди множества, и намного больше вас связанный с вашими же тяготами, и ждущий от вашей коллективной личности стараний, помощи, стойкости, упорства и заступничества,

ваш брат
Саид Нурси

В результате этого события, я твердо решил пожертвовать своей жизнью ради невинных братьев. И в то время, когда я мысленно искал выход из этого положения, читая Джальджалютию, я внезапно вспомнил о том, что имам Али (р.а.) произносил следующую молитву: «О Аллах, дай нам спасение», – по секрету которой вы, Ин шаа Аллах, избавитесь от опасности.

И как Хазрати Али (р.а.) в Джальджалютии двумя способами сообщает о книгах Рисале-и Нур, так же он, сообщая

وَ بِالْآيَةِ الْكُبْرَى آمِنِي مِنَ الْفَجْتِ, указывает на тему Великого Знамения. В этом указании он обращает внимание на большую беду, в которую попадут ученики Рисале-и Нур по причине Великого Знамения, и фразой: «Дай ученикам спасение от этой беды и от **فَجْتِ**, ради чуда этого Великого Знамения!» – делает эту тему и его источник заступниками за них. Да, эта беда, которая случилась под предлогом издания брошюры Великое Знамение, совершенно точно подтверждает это тайное указание.

К тому же, на противоположной странице этой Касыды, в конце указаний говорится о важных темах Рисале-и Нур, и о порядке их следования:

وَ تِلْكَ حُرُوفُ الثُّورِ فَاجْمَعْ خَوَاصَّهَا ❁ وَ حَقِّقْ مَعَانِيهَا بِهَا الْخَيْرُ تُمَّتْ

То есть, говорит: «Итак, это слова и буквы из Рисале-и Нур, на которые мы указали. Ты собери их воедино и проверь их смыслы. Ибо с ними будет дополнено все благо и счастье». Указанием «исследуй смыслы тех букв» он ставит целью не бессмысленные отдельные буквы, а скорее это «Слова» в виде отдельных тем.

لَا يَعْلَمُ الْغَيْبَ إِلَّا اللَّهُ ❁ رَبَّنَا لَا تَوَاخِذْنَا إِنْ نَسِينَا أَوْ أَخْطَأْنَا

Саид Нурси

Дорогой мой, верный брат, Рефет Бей!

Я не могу оставаться равнодушным к твоим компетентным вопросам вследствие того, что в них есть ключи от очень важных истин, которые содержатся в книге Письма из коллекции Рисале-и Нур. Таков будет его краткий ответ:

Поскольку Коран является извечной проповедью, и говорит со всеми слоями человеческого общества и со всеми группами поклоняющихся; то несомненно, Он будет содержать в себе много граней всеобщих смыслов и значений, обращенных ко всем. Некоторые муфассиры отдают предпочтение именно тем смыслам, которые выражают только самые всеобщие, или самые очевидные, или необходимые и важные по значению суннаты. Например, из этого аята وَمِنَ اللَّيْلِ فَسَبِّحْهُ они выделяли упоминание о двухкратном тахаджут намазе, являющийся важной сунной, и аятам اِدْبَارَ النُّجُومِ они упоминали о намазе фаджр, который тоже является постоянно выполняемой сунной. В противном случае, у первоначального толкования имеется больше особенностей. Брат мой, я еще не прервал с тобой общения.

Дорогие мои, преданные братья!

Сейчас, я совершил дневной намаз (зухр). И во время чтения тасбихата, мне на ум невольно пришли вы. Каждый из вас, был опечален мыслями о самих себе и о своих родных. Вдруг, мое сердце озарилось: согласно тому, как в старые времена были те, кто отдавал предпочтение потусторонней жизни, нежели своей мирской; таким же образом те, кто в старину уединялся в пещерах

и кельях с целью сохранения себя от грехов общественной жизни и искреннего усердствования ради Иного мира, в наше время стали бы учениками Рисале-и Нур; и разумеется, в условиях современной жизни, последние являются в десять раз более нуждающимися, более прибыльными и благополучными.

Дорогой мой, уважаемый брат!

Я крепко приветствую тебя... Раньше на моей родине, в день Арафа мы читали по тысячу сур Искренность. Теперь же я могу прочесть лишь пятьсот до, а остальные пятьсот в день Арафа. А кто уверен, что может читать тысячу раз, то пусть читает. И оттого, что у меня нет возможности увидеться с вами, и лично пообщаться с каждым из вас, я очень часто в своих молитвах беседую с вами поименно.

Дорогие мои, преданные братья!

Я полагаю, что двое главных братьев из почтенной фабрики Нур, избавились от тягот заключения. В действительности же, тот круг с успехом выполнил за эти шесть-семь лет тридцатилетний труд. Словно подарки светлых перьев, это не ограничится только на данном служении, и после их ухода продолжит записывать ту награду в тетради их деяний. Между тем как книга Хизбунурие достигла таких больших успехов и дошла до таких важных мест, что указывает на непрерывное усердие его распространителей. Еще я полагал, что много проработавший трудолюбивый Хафиз Мустафа, как и первый брат, находится на воле, но как-то я услышал, что он здесь. «Возможно, это другой Мустафа», – утешал я себя.

Дорогие мои, преданные братья!

Во время тасбихата этим утром, я испытал боль за Хафиза Товфика. Вспомнил, что это уже второй раз, когда он переносит подобные трудности. И вдруг мне пришло на ум: «Поздравь его». Ведь он из-за своей излишней предосторожности пожелал до определенного момента выйти из важного круга Рисале-и Нур, и от участия в значительной его доле. Однако, святость и величие этого служения, вновь удостоило его большей ее доли и великого воздаяния.

В обмен на малые и непродолжительные трудности, недопустимо упускать возможность заработать такую честь в духовных делах.

Да, братья мои. Поскольку все проходит, и если этим преходящим является радость и веселье, то оно уходит впустую, оставляя после себя печаль; а если, наоборот, является бременем и трудностью, то по причине столь святого служения, в них имеются приятные результаты двух миров, и вследствие чего сводит на нет те трудности. Среди вас, за исключением одного, я самый пожилой и испытывавший самые большие трудности. И заверяю вас, что я с совершенным терпением, благодарностью и стойкостью доволен своим положением. Благодарность же при несчастьях приносит воздаяния, результаты этого и Иного миров.

Дорогие мои братья!

Препятствия, которые не позволяли завершить темы Плодов Веры, Ин шаа Аллах, вновь возобновятся после их исчезновения; одна из которых сильный холод, а другая, наводящая страх на масонов его сила. В этих несчастьях я думаю именно о стороне божественного предопределения. После чего мои тяготы превращаются в отраду.

Да, как было изложено в «Трактате о предопределении», в каждом событии имеются две причины:

Одна из них внешняя; люди относительно нее выносят свои решения, зачастую поступая несправедливо.

Другая – истинная; в отношении нее выносит решение божественное предопределение; то есть, в одном и том же событии за действиями человеческой тирании проявляется справедливость предопределения.

Например, несправедливо осудили и посадили в тюрьму одного человека за кражу, которую он не совершал. Однако, вследствие того, что за ним было некогда совершенное тайное преступление, божественное предопределение присудило его к этому заключению; таким образом, в человеческой несправедливости, божественное предопределение творит справедливость. Так же, есть две причины нашего вступления в эти суровые испытания, с тем чтобы отделить алмаз от стекла, беззаветно преданных от нерешительных, самых искренних от эгоистичных и корыстолюбивых:

Первая: это крепкая сплоченность и необыкновенно искреннее служение религии, которое вызвало к себе подозрения светских людей и политиков, вследствие чего, человеческая несправедливость обратила свой взгляд на эту сторону.

Вторая: это недостаточное проявление полной сплоченности и искренности в этом святом служении каждым из вас в отдельности; и в результате предопределение обратило свой взгляд на это обстоятельство.

Тем не менее, божественное предопределение в отношении нас является абсолютной милостью и совершенной справедливостью, что страстно желающих увидеть друг друга братьев привело в одно собрание, превращая тем самым их трудности в поклонение, а их потери в пожертвование. И еще, например, со многих сторон является истинной милостью в привлечении со всех сторон внимания к написанным темам, и дабы не навредить своему Иному миру, приучить себя к терпению и стойкости, не увлекаясь мирским имуществом, детьми и уютом – ибо в один день придется оставить их и предаться земле, – а также героически стать примером для подражания, а скорее, даже имамами, для верующих в будущем поколении. Однако есть одна сторона, которая заставляет меня задуматься. Как например, если поранится один палец, то глаза, разум и сердце, оставив свои важные обязанности, начнут заниматься им; подобно этому, наша стесненная проблемами жизнь пришла в степень необходимых нужд, и таким образом стала занимать своей раной сердце и душу. Мое состояние, которое требовало от меня забыть все мирское, привело меня в собрание масонов, и увлекла меня духовными пощечинами в их адрес; но я лишь утешил себя тем, что, возможно, Аллах примет это беспечное состояние в качестве моей идейной борьбы.

Я получил салам от Али Гюля, брата достойного учителя Рисале-и Нур, Хафиз Мехмеда. Тысячекратно приветствую и молюсь за него, за всех его земляков, и живых и мертвых Савы.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, преданные братья!

Ваши стойкость и непоколебимость, срывают все планы масонов и лицемеров.

Но, тем не менее, братья мои, нет нужды что-либо скрывать; те безбожники, уподобляя Рисале-и Нур и его учеников тарикату, и особенно тарикату Накши, совершили на нас нападение с целью погубить и разрушить согласно плану, при помощи которого они уже ранее нанесли поражение последователям тариката.

Во-первых: Внести панику и страх, а также показать злоупотребления того пути.

Во-вторых: Огласить о недостатках его столпов и последователей.

В-третьих: Посредством раздора философии материализма, и при помощи распутства соблазнительной цивилизации и его усыпляющего сладкого яда, нарушить ряды сплоченности, и своим вероломством сгубить устатов, а также некоторыми принципами этой философии и науки подорвать в глазах общества их путь. Они совершили нападки на нас орудием, который использовали против последователей Накши и тариката; но они оказались в заблуждении. Основы Рисале-и Нур нельзя уподоблять тарикату, потому что главные его принципы, это совершенная искренность и отказ от собственного эгоизма, в трудностях проявление милости, а в огорчениях вечные наслаждения, и демонстрирование душераздирающих огорчений в тех самых преходящих распутных наслаждениях; а также показать, что вера и в этом мире является источником безграничных наслаждений, и дать уроки истин и сокровений, которых не смогли постичь никакие умы философии; Ин шаа Аллах, это полностью сорвет их планы и заставит замолкнуть.

Один интересный случай: Этим утром меня окликнул один жандарм, из находящегося рядом со мной помещения для жандармов; я выглянул в окно.

Он сказал: «Нашу дверь заклинило; сколько мы не стараемся, она не открывается».

Я же им ответил: «Это является для вас знаком того, что среди тех, кого вы заперли здесь и поочередно сторожите, есть такие же невинные, как и вы. А также под предлогом короткой встречи с одним из моих братьев, которого я не видел десять лет, под выдуманном основанием, вы вероломно закрыли вторую из внешних дверей. И в наказание за это ваша дверь тоже захлопнулась».

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

В написанном вам вчерашнем случае имеются три тонкости:

Первая: Подобно тому, как по тайне благословения представителя одной почтенной духовной группой, которая появится в будущем, перед ним сами по себе открывались запертые двери; так же вследствие их проявленного на меня гнева по поводу полуминутного свидания со мной представителя появившейся той почтенной группы, я в ответ тоже разгневался и сказал: «Да чтоб

закрылись и ваши двери». И на следующее утро произошло то, чего не случалось ранее: двери надзирателей затворились сами по себе, и в течение двух часов не открывались.

Вторая: я через директора тюрьмы отправил прокурору письмо следующего содержания: «Я нахожусь здесь в изоляции и ни с кем не могу видаться, если даже и смогу, то в этом городе я никого не знаю. Здешний муниципалитет с одним из... и так далее».

Далее прокурор: «Разве он сейчас в изоляции?»

Директор ответил: «Нет»

И оба они мне возразили. В тот же день, по причине полуминутной встречи со мной одного полоумного и дальнего родственника, они создали для меня такие условия, каких не было в других изоляциях. В результате те возражения обернулись против них.

Третья: Лязги распушенной молодежи возле дверей соседней камеры, мешали мне в промежутке между вечерним и ночным намазами, но не значительно. И они эту дверь закрыли под тем же предлогом. После чего в моей камере усилился скверный запах, и шум тех безнравственных возле моих дверей, еще сильнее стал беспокоить меня. Я же снова сказал: «Да чтоб закрылись их двери. Почему же они так поступают?». И в то же утро произошел этот случай.

Братья мои!

Две темы, написанные вами в новой письменности, показали свое серьезное воздействие. И было бы лучше, если написать еще первую, вторую и третью темы. Но меня обеспокоило то, что такие писцы, как Хусрев и Тахири, у которых перья исключительно для Корана и коранической письменности, занялись этим вопросом. Будет сообразно, если этим займется кто-то другой.

Дорогие мои братья!

В течение целого года я расходывал на себя только из одной части, то есть, из одного килограмма вермишели и риса. И у меня не осталось сомнений, что в этом для меня кроется благодать. Теперь же вы не даете мне готовить еду. Поэтому я дарю его вам, как благословение и баракат. Ибо однажды я стал свидетелем этого необыкновения, когда варил и сушил вермишель. Вместе со мной видели и другие, как одна вермишелина в десять раз превышала свои размеры.

Дорогие мои братья!

Этой ночью, когда я читал вслух свои постоянные молитвы, их слышали надзиратели и все остальные. Вдруг мне пришло на сердце: «А не уменьшит ли такое чтение моего воздаяния?» – забеспокоился я. И вспомнил об известной фразе Худжетуль Ислама – Имама Газали. Он сказал: «Иногда чтение вслух предпочтительнее чтения шепотом». То есть, громкое чтение может оказаться полезным для всех остальных; что послужит примером для подражания, либо пробудит их от беспечности, либо покажет достоинство религии и основ Ислама для тех, кто упорствует в заблуждении и распутстве, или подобно этому еще много других причин; а для получивших полный урок искренности это не станет проявлением лицемерия, особенно в это время, скорее в значительной степени обернется обильными воздаяниями, при условии если не проникнет в этот поступок притворство; от чего я получил утешение.

В то время, когда два дня назад меня вызвал к себе следователь, я задумался: «Какой же речью я смогу защитить своих братьев?» – и открыв книгу Хизбуль Масуну Имама Газали, мой взгляд остановился на аятах:

[لِنَّ اللّٰهٖ يُدَافِعُ عَنِ الَّذِيْنَ اٰمَنُوْا] [يَسْعٰى نُوْرُهُمْ بَيْنَ اَيْدِيْهِمْ وَّبَايْمَانِهِمْ]

[اَللّٰهُ حَفِيْظٌ عَلَيْهِمْ] [طُوْبٰى لَهُمْ]

Я увидел, что если пересчитать все шадды первого аята, не рассматривая его мадды, в слове **آمَنُوا** «вав» тоже как мадда, по посчету джифр и абджад получается тысяча триста шестьдесят два (1362), то есть, целиком по смыслу и по числам совпадает с этим годом, это время, когда мы решили выступить с речью в защиту наших верующих братьев. И я сказал: «Альхамдулиллах», – это не оставляет нужды в моих защитительных речах.

Затем мне на сердце пришло: «А каким же будет ее результат?», – и я заинтересовался. Смотрю, [اَللّٰهُ حَفِيْظٌ عَلَيْهِمْ] [طُوْبٰى لَهُمْ] у двух фраз из этих аятов, вместе с тенвином, подсчет по джифру тоже равен 1362 (если засчитать одну мадду будет два, а если нет, то три); в полном совпадении с событиями этого и следующего годов, когда

против страшных нападков, спланированных в широких кругах и сферах в течение этого года, мы сильно нуждались в божественной заботе, этим дало нам утешение. И оттого, что Рисале-и Нур имеет блестящий успех в правящих кругах, нынешняя его приостановка в служении не опечалит нас, и не должна этого делать. А изъятие книги «Великое знамение», из-за ее печатания, я воспринимаю за популяризацию, которая притягивает к его блеску внимание со всех сторон.

Сейчас я прочитал аят **رَبَّنَا آتِنَا لَنَا نُورَنَا وَاعْفِرْ لَنَا**. И фраза **اعْفِرْ لَنَا** целиком составляет тысяча триста шестьдесят два (1362); в точности совпадает с событиями этого года, призывая нас к покаянию и повелевая полностью проявить свет, чтобы не допустить недостатков в Рисале-и Нур.

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, преданные братья!

Я убежден, что люди истины и последующие поколения будут аплодировать непоколебимым ученикам в этих суровых испытаниях, прежнего и двух новых медресе Юсуфа (а.с.), которые наперекор стольким нападкам не сломали свою духовную силу и не отказались от его уроков; и несмотря на то, что обжигали свои рты горячим супом они не оставили свое служение; также, как и ангелы и духовные существа аплодируют им ныне. Однако, поскольку среди вас находятся больные, слабые и неимущие, эти материальные неудобства слишком обременительны. Но думая о том, что каждый из вас будет утешать друг друга, и станет примером для подражания в нравственности и стойкости, неким сострадательным братом в солидарности и благосклонности, и в некотором роде смысленным собеседником в научных дискуссиях, и образным зеркалом, отражающим красивые и необходимые черты характера друг друга, вы сведете на нет те материальные трудности; и в отношении вас, столь дорогих мне больше собственной души, я получу утешение.

Как-нибудь, в один день, я отправлю вам двадцатилетнюю джубу Мевлана Халида (к.с.). И как он сам однажды надел ее на меня, так и я от имени этой личности отправлю ее вам, когда пожелаете, чтобы в качестве дара надеть на каждого из вас.

Едва мы пришли сюда, как доктор сделал мне противооспенную прививку. После нарыва у меня отекала рука; этот отек, опускаясь

вниз, не дает мне уснуть, а также беспокоит меня при омовении. Интересно было бы знать, это мой организм не подходит для вакцинации, или же есть какая-то другая причина! Двадцать лет назад мне уже делали прививку в Анкаре; до сегодняшнего дня она дает о себе знать, беспокоит меня. Я подумал, как бы и с этой тоже не получилось так. А как обстоят дела у вас?

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

Одна из мудростей справедливого божественного предопределения, которое направило нас в медресе Юсуфа (а.с.) города Денизли, такова: более остальных мест заключенные и жители округа, и даже чиновники и судебные власти этого города, испытывают нужду в Рисале-и Нур и его учениках. На основании этого, ради служения основам веры и делам Иного мира, мы взвалили на свои плечи бремя этих тягостных испытаний. Да, до этого момента, из двадцати-тридцати заключенных только один или два совершали намаз с соблюдением всех его норм; но затем, все без исключения сорок-пятьдесят учеников Рисале-и Нур стали выполнять намазы в совершенном виде – это такой урок и наставление, что сводит на нет эти тяготы и трудности, а скорее даже заставляет полюбить их. И подобно тому, как ученики дают этот урок своими поступками, так же мы надеемся на божественную милость и заботу, что с крепко осознанной верой, имеющейся в их сердцах, они послужат причиной для устранения у верующих сомнений и подозрений, которые исходят от заблудших людей, превращаясь тем самым в стальную крепость.

Нам не повредит то, что здешние беспечные люди препятствуют нам в нашем общении и встречах. Ведь язык действий воздействует гораздо сильнее языка речи. Поскольку в тюрьму сажают для перевоспитания; и если они любят народ, пусть позволят ученикам Рисале-и Нур общаться с заключенными. С тем, чтобы они в течение одного месяца, или даже одного дня, получили воспитание целого года; и стали бы приносящими пользу людьми как для своего общества и родины, так и для своего будущего и Иного мира. Было бы лучше, будь у нас Путеводитель для молодежи; Ин шаа Аллах, когда-нибудь он войдет в стены этой тюрьмы.

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

Сегодня я вспомнил об одной известной беседе с моим старшим, покойным братом Молла Абдуллахом о Хазрети Зияуддине. После чего я, подумав о вас, в сердце сказал: «Я убежден, что если откроется завеса сокровенного, и каждый из этих искренних верующих и истинных мусульман, демонстрирующих в наше беспокойное время свою стойкость, а в этих жгучих и огненных ситуациях свою непоколебимость, покажется святым, или даже кутбом, то они лишь незначительно усилят, ту, на мой взгляд, значимость и связь, которую я дал им ныне; ну а если они покажутся простыми и обычными, то никак не убавят ту мою положительную оценку о них. Потому что спасение веры в таких суровых условиях, может стоять выше всего остального. А личное положение и дополненное положительным мнением заслуги, в подобных суматошных и бурных ситуациях рассеивают то положительное мнение о нем, от чего любовь к нему начинает слабеть, и этот обладатель заслуг станет испытывать потребность в притворстве, манерности и неестественном поведении, чтобы в их глазах сохранить свое положение. Итак, безграничная хвала Аллаху за то, что мы не нуждаемся в такой мрачной манерности.

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

От всего своего сердца и души я поздравляю вас с последними десятью святыми ночами Рамадана. И прошу у божественной милости сделать более прибыльным это наше сотрудничество в духовных делах. Этой ночью, я видел себя во сне навестившим вас, и намереваясь стать в качестве имама в намазе, я проснулся. И в то время, когда я по своему опыту истолковывал этот сон, от имени всех вас пришли двое братьев, из числа героев Савы и Хома, с тем, чтобы осуществилось увиденное мною во сне. Я обрадовался этому так, словно увидел вас всех.

Братья мои! Хотя это положение дало единомышленникам и некоторой части чиновников чувство страха и воздержания от Рисале-и Нур; у всех противников, верующих, и имеющих к этому отношению чиновников, он пробуждает внимание и жгучий интерес к себе. (Прим.)

Саид Нурси

Примечание: О брат! Будь внимателен. В то время, когда все причины этого мира в Денизлийской тюрьме внешне были против Устада, он, отдаваясь под суд с целью вынесения ему смертного приговора, говорит: «Братья мои, не беспокойтесь, этот Нур будет освещен». И посмотри, как осуществилось сказанное им.

Ученики Устаза

Согласно выводу и изложению Сабри, сделанному в соответствии с указанием Суры Аср, Рисале-и Нур превратил Анатолию на подобие Ноева ковчега на горе Арарат, а Испарту и Кастомону сделал средством сохранения от небесных и земных кар; в этом случае было бы лучше, если они образумились и не стали придираться к Рисале-и Нур, иначе пусть с готовностью ждут прихода скорых бед. За некоторое время до этого несчастья, я многократно повторял об этом; и вам тоже были отправлены эти письма. Сейчас я получил следующую весть: Кастомону, вместе с ее окрестностями и крепостью плакали и сотрясались от землетрясения, словно держат траур по Рисале-и Нур; Ин шаа Аллах, они вновь обнимут Рисале-и Нур, и будут смеяться и благодарить.

Я написал вам о двух наших прибыльных пользах предыдущего дня. Во второй имеется ошибка: «Сотней языков совершить дуа и тасбихаты...и так далее». Правильнее будет: «В зависимости от степени каждого из нас, сотней языков, и так далее...»

И еще меня очень обрадовало то, что мы пришли закованными в наручники с очень уважаемым старцем из села Сава, с которым я имею тесную связь. Я осознал тесную связь этого благословенного села со мной. Тому моему брату я шлю отдельный салам.

Дорогой мой брат!

Аят **وَخَسِرَ هُنَالِكَ الْكَافِرُونَ** намекает на указание этого аята **وَ الْعَصْرِ ﴿١﴾ إِنَّ الْإِنْسَانَ لَفِي خُسْرٍ** и свидетельствует, что столь значительные разрушения и войны безбожников, стали для них самих бессмысленными и явились исключительным вредом среди многих их потерь. В **وَ الْعَصْرِ** имеется указание на Рисале-и Нур, этот аят говорит о том, что в 1360 году по Румийскому летоисчислению лицемеры и впавшие в безбожие люди, подвергнут атакам Рисале-и Нур, однако они сами останутся в убытке. Так как, Рисале-и Нур является средством устранения несчастий, подобных войнам и землетрясениям. Этот аят тайно намекает на то, что приостановка его деятельности влечет за собой несчастья.

Саид Нурси

Дорогие мои братья!

Я предполагаю, что истинной и самой последней нашей защитительной речью, будет тема, которая стала плодом Денизлинской тюрьмы. Потому что, из-за некоторых первоначальных подозрений, в течение целого года повсеместно обращенные против нас планы были таковыми: «Тарикатский орден, тайная политическая организация, орудие внешнеполитических движений, использование религии в политике, противоборство конституции, вмешательство во власть и общественный порядок», – и подобно этому, они подвергли нас нападкам и поддругими безосновательными предложениями. Я возношу безграничную хвалу Аллаху за то, что их планы остались безуспешными. И в таких широких сферах, среди сотен учеников и брошюр, в течение восемнадцати лет, в письмах и книгах они не обнаружили ничего, кроме истин веры и Корана, познания Иного мира и усердия ради вечного счастья. Однако теперь, чтобы скрыть свои планы, они начали искать для себя банальные причины. Я полагаю против вероятных нападков, обратившегося против нас страшного и тайного комитета безбожия, который, с непосредственным использованием абсолютного безверия, вводил в заблуждение некоторых лиц руководства, что заставило нас написать явные, как солнце, неоставляющие сомнений и прочные, как горы, непоколебимые темы Плодов Веры в качестве самой сильной защиты против них, принуждая их к молчанию.

Саид Нурси

О мои братья!

Хотя место в вашей камере очень узко, однако ширина ваших сердец не придаст значения этим неудобствам; к тому же, в сравнении с нашей, она более просторна. Знайте, что самая основная наша сила и точка опоры это солидарность. Будьте осторожны, не допускайте между собой критики из-за раздражительности, которая появилась в результате этих несчастий. И не проявляйте жалобу на свою участь и предопределение, говоря в виде возражения: «Если бы этого не произошло – такого бы не случилось», – не сердитесь друг на друга. Я понял, что спасительного средства от их нападков не было; что бы мы не делали, они все равно проявили бы свою агрессию. Мы же, до тех пор пока не проявится божественная забота, отвечая на это терпением, благодарностью, смирением и покорностью

предопределению, должны стараться заработать в малых деяниях и за короткий срок большие награды и воздаяния.

Я продолжаю молиться за благополучие тамошних братьев.

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

Важным утешительным средством в этой жизни против ее скоротечности и расставаний, а так же против тленных, скверных и безрезультатных наслаждений, и пощечин гибели и разлук, является встреча и беседа с искренними друзьями. Да, иногда, чтобы повидаться с одним другом в течение часа или двух, проделывается путь в двадцать дней и затрачивается сто лир. Но теперь, если мы увидимся в течение месяца или двух сразу с сорока-пятидесятью искренними друзьями, чтобы в это необыкновенное время отсутствия друзей беседовать с ними ради Аллаха и истинно утешать друг друга, то безусловно, мы отделаемся очень легко за те свалившиеся на наши головы трудности и материальные потери; и они уже не будут иметь никакой значимости. Я сам готов принять эти трудности, чтобы повидаться с одним из здешних братьев после десятилетней разлуки.

Жалоба – является возражением против предопределения, а благодарность же – покорностью ему.

Я заверяю вас, что если сейчас придет мой смертный час, то я встречу его с совершенным спокойствием на сердце. Потому что среди вас есть много сильных, стойких и молодых Саидов, которые унаследуют Рисале-и Нур, и будут намного более преданны и ответственны бедного, старого, больного и слабого Саида. Я рад и признателен тем, кто поименно перечислен в записке Назифа, за эффективное укрепление духовной силы. К тому же, я предполагал, что они именно так и поступят. Да удостоит их Всевышний Аллах успехом и сделает другим примером для подражания. Аминь.

Дорогие мои, преданные братья!

Поскольку ради Иного мира и благодеяний, ради поклонения и наград, ради веры и духовных воздаяний, вы связали себя со

служением Рисале-и Нур; то несомненно, каждый час в этих трудных условиях становится на положении двадцати часов поклонения, а эти двадцать часов, вследствие духовной борьбы в служении вере и Корану, становятся ценными, как сто часов; и дабы увидеться с истинно воинственными братьями, каждый из которых равнозначен стам человек, вы должны быть согласны войти в стены медресе Юсуфа (а.с.), являющееся собранием для испытаний, с целью заработать степень ученика Медресетузахры, и чтобы заключить братство, и укрепить друг друга силой, и дать утешение и получить его самому, и с истинной солидарностью стойко продолжать святое служение, и видеть друг в друге лишь все прекрасное, и получить свою долю и пай от установленного здесь судьбой, и съесть свой предопределенный кусок хлеба, зарабатывая воздаяния в этой пище; тем самым мы должны быть благодарными за то, что пришли сюда. И, думая о перечисленных пользах, нам необходимо ответить терпением и стойкостью на все тяготы.

Саид Нурси

О мои братья!

В сердце я пожелал, чтобы такие крепкие и стойкие, как железо и сталь, герои Испарты и ее окрестностей (как Хусрев и Хафиз Али), также и со стороны Кастамону проявили себя здесь. Возношу безграничную хвалу Аллаху за то, что окрестность Кастамону осуществила эти мои желания, и послала мне в помощь многочисленных героев. Я постоянно держу в своих мыслях имена и, не имея возможности записать их, передаю салам всем находящимся рядом с вами моим братьям, а также молюсь за их благополучие.

Дорогие мои, верные, стойкие и преданные братья!

Сообщаю вам о своем состоянии не для того, чтобы вы приняли материальные меры или этим огорчить вас, а скорее с намерением использовать гораздо больше от ваших общих духовных молитв, и дабы вы действовали осмотрительно, со смирением и терпением, а также сохранили свою солидарность. То есть, тяготы и мучения, испытанные здесь мной в течение одного дня, я не испытывал в Эскишехире в течение целого месяца. Эти мрачные масоны приставили ко мне своего бездушного представителя, чтобы я,

отвечая гневом на их пытки, сказал: «Хватит уже!»; и дабы под этим предлогом скрыть свою ложь, показывая в качестве причины для своих жестоких нападок. Однако, как результат божественного дара, я смиренно решил выражать благодарность.

Так как, мы подчинились предопределению, то согласно смыслу **خَيْرُ الْأُمُورِ أَحْمَرُهَا**, с точки зрения получения больших воздаяний, эти тяготы мы признаем для себя, как духовное благо; и поскольку результаты преходящих, мирских бед в большинстве своем приносят нам счастье и пользу; и поскольку у нас есть твердая, в степени абсолютной несомненности, уверенность в том, что мы пожертвовали своими жизнями ради такой истины, которая ярче солнца, и прекрасна, как Райские сады, и приятна, как вечное счастье; то разумеется мы, при условии не выражать жалоб, с гордостью и признательностью ведем духовную борьбу с этими удручающими состояниями.

Дорогие мои братья!

Даю вам один неизменный совет: хладнокровность, осторожность, и сохранение солидарности; а также отказ от эгоизма, самомнения и соперничества.

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

Из обвинительного акта прокурора стало ясно, что тайные планы безбожников, в которых они настраивали против нас некоторых лиц руководства, вводя их в заблуждение, остались безрезультатными и показали свою ложность. Теперь же, приписывая нас в виде предлога к общине и комитету, они стараются скрыть свой обман. И в результате этой деятельности никому не дают видеться со мной. Как будто, при встрече с нами, они сразу станут одними из нас. Вдобавок, высокопоставленные чиновники тоже избегают нас; они, досаждая мне через других, стараются снискать симпатии своих начальников. В особенности, в конце кассационной жалобы я хотел сказать следующий отрывок из текста; но одна мысль помешала мне это сделать. Текст был таков:

Безусловно, мы являемся общиной! И относимся к такой общине, в которой находится по триста пятьдесят миллионов последователей каждый век, и каждый день, совершая пятикратный намаз, они с совершенным почтением выказывают свое отношение и служение этой священной общине, и со святой программой **إِنَّمَا الْمُؤْمِنُونَ إِخْوَةٌ** устремляются на помощь друг другу молитвами и духовными успехами.

Вот именно к этой Священной и Величественной общине мы и принадлежим. И наша главная обязанность, это в убедительной форме довести до верующих Коранические истины основ веры, спасти их и себя от вечной казни и постоянного одиночного заточения. А к прочим мирским, политическим и сеющим раздоры общинам и комитетам мы не имеем никакого отношения, и никогда не опустимся до этого.

Дорогие, преданные мои братья!

Сегодня на рассвете, я испытал к каждому из вас искреннее сожаление. Затем, я вдруг вспомнил о Трактате для больных, и это утешило меня.

Но, тем не менее, это несчастье обрело вид общественной болезни. Большая часть духовных лекарств в том трактате и на это имеет свое средство. Особенно, как я сказал тому почтенному больному из Эрзурума, печали всех несчастий до этого часа прошли, оставив после себя воздаяния и блага, пользы Корана и имана, а также прибыль этого мира и Иного. Стало быть, то временное одно небольшое несчастье обратилось в постоянные и неисчислимы плоды. И оттого, что будущие дни еще не настали, а значит нет и печалей за те несчастья, которые произойдут в будущем. С опасением сейчас ждать несуществующего, будет означать недоверие к божественной милости и предопределению.

Во-вторых: Сейчас большая часть человечества – сердцем, душевно и мысленно – охвачена материальными и духовными несчастьями. Наша беда в сравнении с их обходится нам очень легко и прибыльно; а также, от веры, благополучия и здоровья для души и сердца имеются свои наслаждения.

В-третьих: Если в этих суровых условиях мы бы не вошли сюда, то в изложениях крайне мнительных чиновников, эта по сути не тяжкая беда, значительно осложнилась бы для нас, и в дело вступили бы злополучные притворство и подхалимство.

В-четвертых: В этот тяжкий период безработицы, материальной и духовной зимы, в этом медресе Юсуфа (а.с.), в учебном отделе Медресетуззехры, видеть с наименьшими затратами многих истинных, подобно мюршидам, братьев Иного мира и друзей, которые для меня любимее родного брата; навещать и восторгаться их личными достоинствами, беря силу от их духовной помощи, радости, утешений и прекрасных дел, как луч проникающий сквозь прозрачные вещи, является причиной смены облика беды в некую завесу божественной заботы. Да, и в знак приятной особенности этой скрытой заботы, всем вошедшим сюда ученикам Рисале-и Нур дали звание «Ходжи». Все, произнося «Ходжа, Ходжа», с почтением относятся к ним. В этой особенности имеется такой изящный смысл, что подобно тому, как эта тюрьма превратилась в медресе, так же ученики Рисале-и Нур тоже стали по одному некому наставнику и учителю. И другие тюрьмы, благодаря этим наставникам, Ин шаа Аллах, станут на положении школ.

Братья мои!

Если вы время от времени будете читать такие же короткие утешительные письма, какие были написаны ранее, и при этом изучать Плоды Веры, особенно ее последнюю часть, проводя беседы на любую тему из Рисале-и Нур, Ин шаа Аллах, заслужите звание «ученика знания». Великие личности, подобно Иمامу Шафи (к.с.), придавали этому большое значение, говоря: «Даже сон у ученика науки считается поклонением». И вследствие такого великого учения, когда при отсутствии религиозного образования в этих местах томлений, будь у нас даже в сто раз больше нынешних проблем, мы все равно не должны придавать этому никакого значения; либо сказав в этих трудностях: **خَيْرُ الْأُمُورِ أَحْمَرُهَا**, должны облегченно улыбнуться. Однако, согласно принципам Корана, веры и Нура, в несчастьях нужно смотреть на более бедственных по положению, а в благах на менее благополучных; но, тем не менее, у восьмидесяти из ста человек семейное и материальное положение этих бедных братьев гораздо более благополучнее. Они не только не имеют право на жалобу, а скорее, даже должны в восьмидесятикратной степени благодарить Аллаха. К тому же, мы можем получить и съесть здесь нашу долю; начертанную нам божественным предопределением. Справедливая милость Всевышнего собрала нас здесь, а наши семьи

вверила Истинному Кормильцу, избавляя нас на некоторое время от обязанностей попечителей; так же, как в один день полностью лишит нас всех связей. И поскольку истина такова, мы сказав:

حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ, и подчинившись, должны благодарить Аллаха.

Дорогие мои, преданные братья!

Хотя у меня нет возможности видеться с вами лично, но я настолько благодарен и счастлив от нахождения с вами по соседству в одном здании, что иногда невольно вспоминаю о важных мерах предосторожности. Главным образом, первая: масоны направили в соседнюю камеру своего лжезаклученного сотрудника. И от того, что путь разрушения легок – особенно среди такой невоспитанной молодежи – из доставленных мне больших неудобств, и направленных в отношении тех молодых провокации я понял, что против ваших наставлений и уроков по воспитанию, тот тип усердствует в пропагандировании безбожия, подстрекательстве и разрушении нравственных устоев. Против такого положения вам необходимо по мере сил действовать осмотрительно, не допускать разногласий, не обижаться на заключенных и не расстраивать их, проявлять серьезность и терпение; и очень важно и необходимо, насколько это возможно, чтобы наши братья со смирением, покорностью и отказом от эгоизма укрепляли свое братство и солидарность. Занятия мирскими делами мне не по сердцу, но, полагаясь на вашу сообразительность, я без необходимости не обращаю на это внимания.

Саид Нурси

Братья мои!

На всякий случай появилась необходимость изложить вам один вопрос, о котором я вспомнил этим утром. Поскольку изучаемые нами истины Корана подобно солнцу и дню не принимают никаких колебаний и сомнений, еще двадцать лет назад мои нафс и шайтан заинтересовались: «А что же скажут по этому поводу безбожные философы, и на что они опираются?» И, не найдя ни в одном уголке ошибку, они замолкли. Полагаю, истина, которая заставила замолчать замешанных в этом деле моего шайтана и щепетильного нафса, заставит замолкнуть даже самых упрямых безбожников.

Поскольку мы стараемся ради такой несотрясаемой, и самой возвышенной, и самой великой, и самой важной, и самой бесценной истины, рядом с которой цена всего мира ничтожна; то, разумеется, нам необходимо с совершенной стойкостью противостоять всем бедам, тяготам и врагам. И скорее всего против нас еще настроили обманутых или вводящих в заблуждение имамов, шейхов и внешне набожных людей. В ответ, мы, сохраняя наше единство и солидарность, не должны вступать с ними в споры и пререкания.

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

Истинная причина этих масштабных, значительных нападков и агрессии против нас, не относилась к Пятому Лучу, а скорее, согласно одному духовному напоминанию этим утром, я почувствовал, что она заключалась в Хизбу Нури, Мифтахуль Иман и Худжетуль Балига. Я внимательно прочел часть книги Хизбу Нури, размышлял над Мифтахуль Иман, и понял, что против ударов этих двух острых алмазных мечей безбожники не смогли сохранить свои убеждения в абсолютном безверии; вследствие чего они показали Пятый Луч, отчасти имеющий отношение к политике, в качестве внешней причины; и вводя тем самым в заблуждение власти, они настроили их против нас. И вместе с этим напоминанием я вспомнил еще и о следующем: «Если часть наших слабых братьев на время откажутся от наших принципов, то вероятно они смогут спасти себя от этой беды», – и даже хотел позволить им это. Но вдруг мне пришло на ум, что в такой степени поддерживая продолжительную тесную связь, дважды войти в эти испытания, что в результате, после всех пройденных трудностей невозможно было бы отказываться сердцем, столь бесполезное и вредоносное для нас, а скорее, с намерением обмануть их можно продемонстрировать только внешнее воздержание. Иначе, они могут навредить и самим себе, и нам, и нашему святому пути, а в качестве наказания за это еще получат духовную пощечину по своим опасениям.

Дорогие мои, преданные братья!

Неосомненно, у переживших затруднения и тяготы в этой, в сравнении с остальными, самой изнурительной и холодной тюрьме, в зависимости от выдержки появится желание избегать причин, ведущих к заключению. Однако Рисале-и Нур, та самая внешняя причина, для испытывающих тяготы дает обрести осознанную веру, и с этим преподносит благополучный исход в этой жизни и дает возможность получить воздаяние в благодеяниях сотен людей, чем превращает те горькие затруднения в приятное благо; а платой же за эти два результата, является непоколебимая преданность и стойкость. Поэтому разочаровываться и избегать, станет для нас большим убытком. Для не имеющих связей с этим миром или имеющих самую ее малость учеников, эта тюрьма, в некоторой степени давая свободу, является лучшим местом. А для имеющих связи и обязанности, потраченные деньги станут двукратным пожертвованием, что делает необходимым вместо жалобы благодарить Аллаха. Неимущая и слабая категория же, и без того, за пределами тюрьмы обладают незначительными воздаяниями и ответственной нагрузкой, в результате эти благие, прибыльные и беззаботные тяготы, облегчаясь взаимными утешениями, для них становятся предметом благодарности.

Дорогие мои, преданные братья!

Один богобоязненный человек из Кастамону обратился ко мне в виде жалобы:

«Я пришел в полный упадок. Утратил свое бывшее состояние, чувство духовных наслаждений и нур».

Я ему ответил:

Скорее ты достиг совершенств. Так как, оставив в стороне ласкающие нафс изыскания и наслаждения, которые дают в этой жизни вкушать плоды Иного мира и усиливают чувство эгоизма, ты со смирностью и отказом от своего эго и преходящих наслаждений, взлетел на более высшие уровни.

Да, самым ценным божественным даром считается дар, которого Всевышний не дает тому, кто не оставил собственное эго, чтобы тот не впал в гордыню и высокомерие.

Мои братья, исходя из этой истины, обычные и простые люди, которые мыслят как он или принимают во внимание лишь обремененные положительными мнениями яркие положения,

посмотрев на вас, облаченных во внешний вид смиренности, кротости и служения вере, скажут: «И это те самые герои истины, бросившие вызов всему миру!? Какая жалость! На каком же уровне они, и на каком уровне те, кто оставил в наше время позади святых и борющихся в этом святом служении», – вследствие чего, друг может разочароваться, а противник же найдет вполне справедливым свое мнение.

Саид Нурси

Дорогие мои, преданные братья!

На мой взгляд, плоды вашего заключения ценны и приятны, как райские плоды. И как это подтвердило мои надежды и заявления в отношении вас, так же это в прекрасном виде показало силу вашей солидарности. Эти благословенные перья, объединяясь, подобно объединению трех-четырёх алифов, под воздействиями такого сильного давления, продемонстрировало цену трехсот-четырехсот. И духовное присутствие, которое сохранило в беспорядочных условиях ваше единение, доказывает мое вчерашнее утверждение.

Да, как например – а в примере не может быть ошибки – даже великий святой в отношении служения Исламу – согласно мнению Ахлю Сунна – не сможет занять место самого маленького Асхаба; и подобно этому, полагая, что «В это время, один искренний брат в служении вере, оставив в стороне услады страстей, и со смирением сохраняя солидарность и единство, зарабатывает в сравнении с одним святым еще большее положение», в результате этого ко мне пришла убежденность, которую вы постоянно продолжаете укреплять. Да будет доволен вами Аллах. Аминь.

Дорогие мои, преданные братья!

Плоды Веры – очень важная и очень ценная брошюра. Надеюсь, однажды она достигнет больших успехов. Вы полностью осознали ее цену, и поэтому не оставили эту дерсхане без уроков. От своего имени я скажу: плодом стольких страданий и расходов, может быть только эта брошюра и тема Защитительных речей, а также возможность находиться с вами в одном месте, что сведет эти страдания и затраты на нет; и если я испытаю еще сверх этого десятикратное несчастье, то все равно оно обойдется мне очень дешево.

На основании многих испытаний, особенно в этой давящей и изнурительной тюрьме, ко мне пришла твердая уверенность в том,

что занятия чтением и написанием Рисале-и Нур, сильно облегчают тяготы и придают радость. В то время же, когда я не занимаюсь этим, те несчастья увеличиваются, занимая меня ненужными делами. По некоторым причинам я полагал, что в самом затруднительном положении находятся Хусрев, Хафиз Али (р.а.) и Тахири, но увидел и тех, кто находился рядом с ними, чрезмерно серьезными, смиренными и умиротворенными. Я говорил себе: «Интересно, почему же дело обстоит так?». Теперь я понял, что они выполняли свой истинный долг: не занимали себя бессмысленными вещами и не вмешивались в дела предопределения, а также, избегая исходящего от эго самолюбия, критики и опасений, они со стойкостью и с удовлетворенностью в сердцах осветили лица учеников Рисале-и Нур, и показали безбожникам его духовную силу. Да укрепит Аллах среди всех наших братьев черту совершенного достоинства и героизма в полной кротости и смирении. Аминь.

Братья мои!

Сейчас, в наше время, преобладает страшный эгоизм, исходящий от беспечности и любви к этому миру. Поэтому людям истины, даже в кругу дозволенного, необходимо отказаться от эго и самолюбия. Истинные ученики Рисале-и Нур, растворив кусок льда своего эго в духовной личности и в резервуаре совместного сотрудничества, Ин шаа Аллах, не сотрясутся в этих бедах.

Но, тем не менее, крупные и многолетние планы лицемеров собирают вас вместе в таких раздражительных и давящих местах, в то время, как каждый из вас в отдельности является одной некой властной и рассудительной личностью, чтобы ослабить ваше усердие в совместных делах, и чтобы поссорить вас друг с другом, рассеивая всю вашу духовную силу. Затем, утративших эту силу, они с легкостью отхлестав, уничтожат. Ученики Рисале-и Нур, следуя по пути братства, преданности и растворения друг в друге, Ин шаа Аллах, оставят безуспешным этот многолетний и лицемерный план.

Дорогие мои, преданные братья!

Однажды, власти одной страны обеспокоились по политическим мотивам положением шейха, у которого было очень много последователей. Они пожелали распустить их.

Тот шейх, обращаясь к властям, сказал: «У меня всего лишь полтора последователя, и кроме них никого нет. Если желаете можем проверить». И, установив в одном месте палатку, он собрал там тысячи своих последователей. Затем он обратился к ним: «Я хочу испытать вас. Если тот, кто является моим последователем подчинится моему приказу, то он отправится в Рай».

После чего начал зазывать по одному в палатку. В тайне от всех он заколол жертвенное животное, и сделал вид, словно зарезал своего преданного последователя, и отправил того в Рай! Увидев кровь, те тысячи последователей, не стали больше прислушиваться к шейху, начали отрекаться от него. В результате чего остался только один человек, который сказал: «Я готов пожертвовать собой», – и отправился к нему. За ним пошла и еще одна женщина; в то время, как остальные рассеялись.

Шейх обратился к руководителям: «Итак, теперь вы увидели, что у меня всего лишь полтора последователя».

Да вознесется стотысячная хвала Аллаху, что Рисале-и Нур в испытаниях и судах города Эскишехир, потерял всего лишь полтора ученика. И в противоположность тому шейху, благодаря героям Испарты и ее окрестностей, на место тех утраченных полутора пришло десять тысяч учеников. Ин шаа Аллах, благодаря усердиям героев востока и запада, в этом испытании тоже потерь будет не много, и один ушедший приведет на свое место десятых.

Однажды, один не мусульманин, найдя способ руководить тарикатом, приступил к своим наставлениям. Тогда один из находящихся в его подчинении последователей, достигнув духовного развития, увидел своего наставника в состоянии упадка. Однако тот своей пронизательностью понял это, и сказал ему: «Теперь ты узнал обо мне правду». Он же в ответ ему сказал: «Поскольку я достиг этого уровня благодаря твоим наставлениям, отныне я еще больше буду носить тебя на своих руках», – и стал молить Аллаха за него, вследствие чего спас того несчастного шейха; затем тот внезапно получив развитие по степеням, превзошел всех своих последователей, и вновь стал им истинным наставником.

Следовательно, иногда один последователь, становится наставником своего наставника. И главный талант, это когда ты видишь брата в плохом положении не отрекаться от него сразу, а еще сильнее

укрепляя свое братство, стараться исправить его, что является делом преданных людей.

И лицемеры, с тем, чтобы разрушить в таких ситуациях сплоченность и положительное мнение друг о друге, говорят: «Итак, те, кому ты в такой степени придаешь значение – всего лишь обычные и слабые люди».

Так или иначе, при том, что беды причиняют людям большие потери, мы имеем такое положение, с которым связан весь Исламский мир, чем обходится нам не дорого, и приносит очень большую прибыль. В похожих событиях, используя религиозную политику или же другие причины, не дало никакого эффекта от имени всего Исламского мира.

В заглавии напечатанного Сияния (Лемеат), под необычной подписью и с небольшими изменениями я написал о полном соответствии Старого Саида с моими нынешним состоянием и моим семидесятилетним возрастом. И если вы найдете уместным, то напишите его вместо подписи в конце книг Мудафаат, Плоды Веры и коротких писем. Итак, та необычная подпись, состоит из следующих нескольких строчек:

الدَّاعِي

Молящийся.*

Шестьдесят девять умерших Саидов
Собрались все в моей обветшалой могиле, за грехи страдая.
Семидесятый стал в той могиле надгробьем
Плачут все вместе они над упадком Ислама.
Вместе с надгробьем стонут и множество умерших душ.
Мчусь я в могиле своей к площади Судного Дня.
Но убеждение есть у меня: небеса будущего и Азия
Покорятся все чуду Ислама.
Потому что клятва истиной веры
Дает спокойствие и уверенность народу.

*оригинальный текст этого Сияния добавлен в конце книги Лучи.

Дорогие мои, преданные братья!

Причина того, почему я придаю большую важность вашей сплоченности, заключена в пользе не только для нас и Рисале-и Нур, а скорее она больше обращена к простым мусульманам, не находящимся в кругу осознанной веры, и которые сильно нуждаются в точке опоры и в твердой истине, которую обнаружила одна несокрушимая группа; и с точки зрения своего бесстрашия, неотступности, честности и непоколебимости стать для них и наставником, и имамом, и путеводителем; а они в свою очередь, видя вашу такую сильную сплоченность, убеждаются в том, что «Есть истина, которую нельзя будет пожертвовать ничему; не склонит она головы перед заблудшими, и не будет побеждена», вследствие чего, укрепив свою духовную силу и веру, они спасутся от примыкания к беспечным и распутным людям.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, преданные братья!

Будьте осторожны и не допускайте между собой конфликтов; ведь этим могут воспользоваться доносчики. Прав он или нет, тот, кто в этом нашем положении будет отстаивать свое мнение, окажется неправым. Доказывать свою правоту размером в один дирхам, посредством разногласий может причинить нам вреда в тысячу дирхамов.

Я повторю для вас один пример из истории, рассказанный мною однажды сварливым братьям в Эскишехирской тюрьме:

Во время Первой мировой войны, мы вместе с девяноста офицерами находились в плену на севере России, в одной большой казарме. Оттого, что эти люди чрезмерно преувеличенно думали обо мне, я своими наставлениями не позволял возникать спорам между ними. Но однажды напряженность, исходящая от раздраженности и изнурения, стала причиной сильного разногласия. Я же, обращаясь к трем-четырем из них, сказал: «Там, где вы услышите спор, отправляйтесь и становитесь на сторону неправого». И они поступив так, устраняли те злополучные разногласия.

У меня спросили: «Почему же ты принял непропорциональные решения?»

Я сказал: «Правый человек судит справедливо, и ради права размером в один дирхам, он жертвует правами общества ценою в сто дирхам. В то время, как неправые в большинстве эгоистичны, и жертвовать не станут; тем самым разногласия увеличиваются».

Братья мои!

Вы читайте с вниманием и повторами части коротких писем, написанные как средство утешения, терпения и стойкости. Среди вас я самый слабый; и у меня самая большая доля в этой гнетущей беде. Хвала Аллаху, я продолжаю переносить ее с терпением, и вовсе не сержусь на тех, кто взвалил на меня всю вину; как не придал значения на тайно возложивших на нас все обвинения по поводу политического общества, которые с точки зрения одного общего дела защищали только самих себя. И поскольку мы являемся братьями, то я прошу от вас подражать моему терпению.

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَہُ

Дорогие мои, верные братья и товарищи в гостинице сего мира!

С чувством собственного достоинства Старого Саида, думая этой ночью над нашим вооруженным сопровождением в здание суда с закованными руками, я сильно разгневался. Как вдруг мне на сердце снизошло следующее: нужно отреагировать на это положение не гневом, а скорее с чувством совершенной гордости и радости, и благодарить за это Аллаха. Потому что обладатели разума – бесчисленные ангелы и духовные существа, – а из людей обладатели истинной, чистой совести и осознанной веры, видят нас в виде собрания героев на пути истины, Корана и веры, которые в нашем столетии бросили вызов всему миру. Относительно их внимания и расположения, демонстрирующее божественную милость и согласие, не будут иметь никакого значения оскорбительные отношения ограниченной части беспутных, одержимых и безнравственных людей. И даже, однажды, отправившись по причине болезни на автомобиле, я почувствовал сильную тяжесть на душе. Затем, когда мы вместе шли с закованными руками, я испытал большое облегчение и духовную радость. Значит, то состояние исходило именно от этого смысла.

И как я говорил уже об этом много раз, вновь повторяю, что в истории не было тех, кто подобно ученикам Рисале-и Нур, в значительной степени стараясь в служении на пути истины, заслужили большие воздаяния, испытывая при этом малые трудности. Через какие бы трудности мы не прошли вновь, это окажется для нас несущественным.

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ ❁ وَإِنْ مِنْ شَيْءٍ إِلَّا يُسَبِّحُ بِحَمْدِهِ

Дорогие мои, преданные братья!

По двум причинам нам нет необходимости скрываться и спасаться от этого нашего несчастья:

Первая: по всей вероятности, мы должны были оказаться здесь, чтобы, согласно божественному предопределению, получить предначертанную часть пропитания. А этот способ являлся самым благоприятным.

Вторая: у нас не было возможности избавиться от этих устроенных против нас интриг. Я заранее это предчувствовал, но выхода не было. Несчастливые покойный Шейх Абдулхаким и Шейх Абдулбаки тоже не спаслись. Стало быть, критиковать друг друга в этой беде будет и неправильным, и бессмысленным, и убыточным, и в некоторой степени будет считаться обидой на Рисале-и Нур. Ни в коем случае в этом несчастье не держите обиду на основных учеников, проявивших себя столпами нашего служения еще не изучив истины веры, это равнозначно выходу из Рисале-и Нур, вопреки обретению вами истин веры и при этом сожалеете. А это, окажется больше духовным несчастьем, чем материальным. Я клятвенно уверяю вас в том, что у меня в этой беде в тридцать раз больше доли участи, которая произошла по причине неосторожности и не проявленного с искренним намерением усердия, и если она увеличится еще в десять раз, то вновь я не буду в обиде на них. К тому же, бессмысленно высказывать претензии к уже прошедшему, так как восстановлению оно не подлежит.

Братья мои!

Беспокойство удваивает беду, материальная же беда, располагаясь в сердце, пускает корни, вследствие чего это станет своего рода возмущением и критикой предопределения, и обвинением в адрес милости. Поскольку во всем имеется прекрасная сторона и проявление милости, а также все действует с мудростью и справедливостью, то, несомненно, благодаря святому служению, которое в наше время имеет отношение ко всему Исламскому миру, мы обязаны не придавать значения малым трудностям.

(Появилась необходимость написать вам о своем личном состоянии)

Братья мои!

Я твердо уверен в том, что сглаз серьезно влияет на мое состояние и делает меня больным. И я многократно это проверял. Во всех положениях, я душой и сердцем желаю быть вам братом; однако, согласно известному правилу

النَّظَرُ يُدْخِلُ الْجَمَلَ الْقِدْرَ وَ الرَّجُلَ الْقَبْرَ этот сглаз меня сразил. Потому что те, кто смотрит на меня, делает это либо с чувством враждебности, либо с одобрением. Эти два взгляда характерны некоторым людям, имеющим предрасположенность к этому. Поэтому, по возможности, если они не будут принуждать меня, я решил не ходить каждый раз на суд вместе с вами.

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ ❁ وَإِنْ مِنْ شَيْءٍ إِلَّا يُسَبِّحُ بِحَمْدِهِ

Дорогие мои братья!

На рассвете мне вдруг на ум пришла одна фраза. Да, я тоже подтверждаю караматы Рисале-и Нур, которые Хусрев описал в деталях относительно землетрясений. Мое мнение совпадает с ним. Потому что не случайны четыре страшных землетресения, полностью совпавшие со временем четырех жестоких нападков на Рисале-и Нур и его учеников; так же невозможно считать случайностью и сохранность от разрушений стихийного бедствия, в сравнении с другими местами, Испарты и Кастамону, двух центров распространения Рисале-и Нур; и указание в суре Аср утверждает, что в предверии Конца Света спасительным средством от самых больших человеческих потерь этих двух мировых войн будут вера и благие дела, и что, благодаря Рисале-и Нур, чудесное сохранение Анатолии от этих губительных разрушений целиком совпало со временем повсеместного распространения истин осознанной веры. И подобно тому, как не случайны полное совпадение сотен случаев милостивых и гневных пощечин в отношении тех, кто причиняет вред и допускает ошибки в служении Рисале-и Нур, так же не может быть случайностью свидетельство тысячи событий с исключительным изобилием и благодатью в пропитании, а также радости и покоя в сердцах тех, кто искренне служит вере.

Дорогие мои, преданные братья!

По тайне этих аятов **الْخَيْرُ فِي مَا اخْتَارَهُ اللَّهُ** и **عَسَى أَنْ تَكْرَهُوا شَيْئًا وَهُوَ خَيْرٌ لَكُمْ**, держащиеся в строжайшей тайне некоторые темы Рисале-и Нур, вышли из под завесы «Сыррен теневаарет», чтобы они попали в руки даже тех, от кого следовало бы держать их в тайне, и чтобы показать самым высокомерным ложь самых главных подстрекателей. До сих пор, они желали принизить значение этого вопроса. Однако, так или иначе, они поняли важность этого вопроса; а пристальное внимание к этому делу, открывает путь для блестящих побед Рисале-и Нур, что дает читать себя с восхищением даже врагам. К тому же, осветив на суде Эскишехира многих упрямых безбожников, изумленных и нуждающихся, дал обрести им спасение, в результате чего те наши тяготы обернул в отраду. Ин шаа Аллах, в этот раз будет исполнять то святое служение в более широких сферах, и в более многочисленных судах и центрах.

Да, узнавший о методе изложения Рисале-и Нур, не останется к нему безразличным. В противовес другим произведениям он подчиняет не только разум и сердце, а так же нафс и все остальные чувства.

Ваше освобождение не причинит вреда этой истине; однако мое оправдание несет в себе вред. И за право одной истины, которая связывает весь Исламский мир, я пожертвую, с согласия своего нафса, не только мирской жизнью, а скорее, если это будет необходимым и Иным миром и счастьем ради благополучия верующих, которое они получат с помощью уроков Рисале-и Нур.

Продолжение незатронутого в заглавии случая с землетрясением, есть в следующем письме Хусрева:

Позднее в другой газете, я увидел дополняющие и удивительные сведения: «До начала толчков, кошки и собаки собрались в одном месте, по три, по пять штук. И продолжая некоторое время сидеть в полной тишине, словно задумавшись, глупо посматривали друг на друга, а затем разбежались. Во время землетрясения, или до его начала, или же после того как оно произошло, эти животные больше не появлялись; удаляясь в другой поселок, они отправились прямо в степи». И еще один любопытный момент: они, написав, что эти животные своим состоянием дали знать о приходе бедствия, которое

появилось по причине нашей непокорности, удивляются говоря: «Мы никак не можем этого понять».

Так вот, Бадиуззаман уже с давних пор говорит: «Пусть эти безбожники не трогают и не придираются к Рисале-и Нур. В противном случае, ожидаемые в недалеком будущем несчастья, сто раз заставят их сожалеть об этом», – тем самым посредством Рисале-и Нур сообщает, что среди сотен событий, именно это землетрясение, в добавок к следующим четырем настоящим бедствиям, подтверждая его правдивость, заверяет подписью... Да наделит Всевышний Аллах разумом, способным увидеть истину, и верой сердца тех, кто совершает нападки на нас и на Рисале-и Нур. И спасет нас от этих заключений, а их от бедствий. Аминь.

Хусрев

Дорогие мои, верные братья и товарищи по несчастью!

По той причине, что среди вас есть благословенные ученые, осмотрительно действующие и искренние ученики, готовые пожертвовать всем, я с большой уверенностью положился на вас и спокоен за ваше решение сохранить свое единство и солидарность перед лицом сильных, интригующих и многочисленных врагов; от чего я не стал занимать вами свои мысли. Теперь же появилась необходимость изложить вам следующие несколько пунктов:

Первый: Для того, чтобы более не затягивать с вашим освобождением, я не хотел отправлять письма с жалобами в Анкару. Однако суд, спутав между собой крайне конфиденциальные темы и открыто распространяемые трактаты, а также старые и новые письма, отправили их в Анкару. И поэтому, чтобы тамошняя экспертная комиссия не вынесла решения против нас, как здесь она сделала поводом темы, державшиеся в тайне, необходимо было отправить в те властные круги трактаты: тему Мудафаат, давшую неопровержимый ответ относительно Суфьяна и Исламского Даджаля в Пятом Луче, и Плоды Веры, разбивающий дерзкие нападки против основ веры и изощренное от философии материализма упрямое безбожие.

Второй пункт: Дорогие мои братья! Когда я писал ответ на ваше важное письмо, они мне дали в руки такое же. И начиная второй пункт, я остановился. Теперь я завершаю его, будьте внимательны.

Как бы там ни было, если со стороны вашего бесполезного адвоката есть поддержка в данном вопросе, то это могут быть

мерами сторонников нашего обвинительного приговора, вследствие чего экспертный совет Анкары, подобно здешнему, взяв за основу нетиражированные и державшиеся в тайне брошюры, особенно Пятый Луч, приписывает их ко всему собранию Рисале-и Нур, а затем изымает и предусматривает темы Пятого Луча в качестве основных уроков для бедных учеников Рисале-и Нур, связывая их с моим обвинением. Таков был их страшный план. Директор тюрьмы, при поддержке заместителя прокурора, запретил мне говорить и изъял написанное мною в Анкару письмо; при этом он создал здесь затруднения с тем, чтобы против нас было вынесено решение еще до того, как неопровержимые ответы моих защитительных речей дойдут до Анкары.

Третий пункт: К тому же, в тот день председатель суда мне сказал, что ценные книги, читаемые молитвы и даже защитительные речи, которые затягивают решение этого вопроса, были отправлены в Анкару. Однако, безусловно, что они уже дошли. Теперь если будут отправлены и мои исправленные две защитительные речи в виде объяснения, то возможно это ускорит решение вопроса и дело не будет так затянуто; и вскоре от этого смогут избавиться те, у кого есть семьи. Однако мне и таким, как я, не имеющим никаких связей с этим миром, необходимо остаться в тюрьме, в самом благоприятном для этого месте, чтобы перед лицом безбожников и вероотступников можно было отстоять истины веры.

Четвертый пункт: Если Рисале-и Нур не будет оправдан, и не будут приняты во внимание мои защитительные речи, то в этом случае ваше бесполезное и поверхностное отречение вас не спасет; и с точки зрения одного общего дела, мы связаны между собой. Спасется только та часть братьев, которые имеют лишь незначительную связь. Эскишехирский суд продемонстрировал это на деле. В течение целого года они осмотрительно внедряли к нам доносчика, с намерением фиксировать произнесенные простодушными и смелыми учениками разглашенные секреты, используя при этом любые методы, с тем, чтобы предумышленно опечалить нас, и в итоге заставить сожалеть за свои основные принципы; вследствие чего они настроили против таких встревоженных, как мы, даже шейха Абдулхакима, шейха Абдулбаки, и время от времени критикующего меня шейха Сулеймана, чтобы затем вы начали отрицать и избегать наш путь. Но эти их решительные мнения в этом не будут иметь никакого значения, как и не имело в Эскишехире.

Пятый пункт: на основе пережитого здесь и в Эскишехире, мы несомненно поняли, что с точки зрения нашего общего

дела, мы сильно нуждаемся в полной сплоченности. Обиды, раздражительность и сварливость, которые исходят от томлений, только лишь удваивают нашу тревогу. К сожалению, вы оказались из числа тех, кому я более всего доверял, и на кого рассчитывал. И в то время, когда у меня появлялось беспокойство, я вспоминал пришедших из Стамбула образцовых и верных наставников, а также показавших большую преданность в окрестностях Кастамону героев, в результате чего мое беспокойство прекращалось. Будьте осторожны, чтобы выгораживающий абсолютное безбожие тайный комитет не вмешал свои руки в наше собрание. В соседней камере они уже сделали это, из-за чего оставили меня в мучениях. Теперь вы без пререканий посоветуйтесь между собой. И я приму любое ваше решение. Однако, имейте в виду, что если моя защитительная речь достигнет Анкары и будет принята во внимание, возможно здешний суд вынесет решение тем, кто может избавиться от заключения; к тому же, сейчас не получают освобождения те, кто выступал против нас, вместе с Абдулхакимом, Абдулбакием и Хаджи Сулейманом, после их возможного сослания, и Шемсуддином Ешилем, после его освобождения, а также и те, кого держат здесь, таких, как Хафиз Мехмед и Сеид Шефик, из-за их серьезности в религии, и из-за того, что они, не склонив своей головы перед усопшим руководителем и его образом, не продемонстрировали приверженность к заблуждению и ереси; и кроме того, Рисале-и Нур, выйдя из под завесы сокрытого, и показывая колеблющимся и сомневающимся верующим свое усердие в больших кругах, относительно великих и всеобщих вопросов, поведет за собой последователей своей непоколебимой и непобедимой истины. Будьте осторожны, не обращайтесь на недостатки друг друга; и вместо гнева чтите, а вместо критики помогайте друг другу.

Дорогие мои, преданные и верные братья!

Вот уже несколько дней, как я изменил содержание своей молитвы. До сих пор я, читая с повторами в таких молитвах, как **وَأَعْفِرْنَا** или **وَفَقِّ**, во фразе **طَلَبَةَ رَسَائِلِ النُّورِ الصَّادِقِينَ**, убрал слово **الصَّادِقِينَ**; чтобы от доли этих общих молитв не были лишены те наши братья, которые вынуждены поступать в рамках допустимых норм, и сомневающиеся, которым ситуация по причине их тягот

разочарований позволяет поверхностное отречение, а также те, кто остерегаясь, поступает противоположно верности.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дорогой мой брат Хафиз Али!

Не беспокойся за свою болезнь. Да исцелит тебя Аллах. Аминь. Но, поскольку каждый час поклонения в тюрьме приравнивается двенадцати часам, ты устаиваешься большой прибылью. Если желаешь лекарств, то у меня есть некоторая часть лекарственных средств, я могу отправить их тебе. И без того уже повсюду имеет воздействие легкая болезнь. По всей вероятности я заболелаю лишь в тот день, когда отпраляюсь в суд. Возможно с намерением помочь мне, подобно героям, которые в старые времена заболели и умирали вместо кого-то другого, ты тоже взял себе часть моего недомогания.

[Одно прекрасное и уместное соболезнование]

Дорогие мои, преданные братья!

لِكُلِّ مُصِيبَةٍ إِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ

Я приношу соболезнования и себе, и вам, и Рисале-и Нур; и приношу свои поздравления покойному Хафизу Али, а также кладбищу города Денизли. Наш геройский брат, который в степени научной несомненности познал брошюру Плоды Веры, с тем, чтобы подняться на высоты зрительной и абсолютной несомненности, оставив свое тело в могиле, отправился, подобно странствующим по звездам ангелам, в путешествие по духовному миру; и полностью завершая и освобождаясь от своих обязанностей, ушел на покой. Пусть Всевышний Аллах запишет в тетрадь его деяний благ, по количеству всех написанных и прочитанных букв книг Рисале-и Нур. Аминь. И ниспошлет на его душу милость, равнозначную тому количеству. Аминь. И сделает Коран и Рисале-и Нур в его могиле приятным и милым товарищем. Аминь. И дарует фабрике Нура взамен него одного десять героев, и использует их усердие. Аминь, аминь, аминь. И вы тоже, упоминайте его в своих молитвах, как я. Надеемся на

божественную милость, что использовав тысячу языков вместо его одного, даст заработать нам вместо утраченной одной жизни и языка, тысячу духовных жизней.

Дорогие мои, преданные братья!

Да вознесется безграничная хвала Аллаху за то, что нам в это удивительное время и в чуждом месте, посредством вас посчастливилось заработать важное служение и честь, достойную учеников знания. По неоднократному свидетельству «эхли кешфуль кубур», известно, что, умирая во время получения уроков, устремленные и серьезные ученики знаний продолжают видеть себя живыми, подобно шахидам, и занимающимися своими уроками. Даже известный из «эхли кешфуль кубур» видел и слышал, как один покойный ученик медресе, изучавший грамматику арабского

языка, в могиле на вопрос ангелов Мункера и Некира: **مَنْ رَبُّكَ** «Мэн Раббуке?» («Кто твой Господь?»), – полагая, что он все еще

находится в медресе, ответил по правилам грамматики: **مَنْ**

«Мэн» – подлежащее, а **رَبُّكَ** «Раббуке» – сказуемое». Так вот, из этого примера я знаю, что покойный Хафиз Али, подобно живым, находится на уровне шахидов, поскольку он, усердствуя в служении Рисале-и Нур, занял в положении ученика самый высокий уровень знаний; и с этой убежденностью в своих некоторых молитвах я прошу у Всевышнего для него и таких, как он, Хафиза Зюхту и Хафиза Мехмеда: «О Господи! Займи их до Конца Света, с совершенной радостью и покоем, тайнами Корана и истинами имана из уроков Рисале-и Нур. Аминь».

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, преданные братья!

Я не в силах забыть покойного Хафиза Али. Эта боль сотрясает меня. В давние времена, подобные герои умирали вместо своих друзей; полагаю, что он тоже ушел вместо меня. И если бы вы по тому же принципу не совершали, подобного ему, грандиозного служения, то это стало бы большой утратой для Корана и Ислама.

В то время, когда я вспоминаю о вас, о его преемниках, та боль проходит; и вместо этого приходит чувство спокойствия. И еще один момент, достойный удивления, с точки зрения ухода в загробный мир его духовной, а скорее даже физической жизни, у меня появилось желание отправиться в тот мир, от чего в моей душе раскрылась одна особая завеса. Как, например, отправляя братьям салам из Испарты, этим самым мы ведем с ними общение; так же и загробный мир, в котором сейчас поселился Хафиз Али, тоже, на мой взгляд, стал наподобие Испарты и Кастамону. К тому же, до меня дошли слухи, что этой ночью кто-то отправился в тот мир. Я десять раз сожалел об этом; почему я с ним не отправил салам Хафизу Али. Но потом мне было напомнено, что для этого в причинах нет необходимости; крепкая связь, подобна телефону. Кроме того, он сам приходит и получает. Этот великий шахид заставил меня полюбить город Денизли; теперь я не желаю отсюда уезжать. Он и Мехмед Зюхту, и Хафиз Мехмед, по-прежнему продолжают служение иману и Нуру, которым они занимались при жизни; и с близкого расстояния наблюдают, а возможно даже, помогают. Благодаря своему ценному служению они заняли места в кругу великих святых; а от себя я вручаю им в виде молитв подарок, упоминая их имена в цепочке всех святых.

Дорогие мои, преданные братья!

Ваши искренность, преданность, и стойкость, являются достаточными причинами, чтобы в нынешних тяготах не обращать внимания на недостатки друг друга, и скрывать их. Скованное цепями Рисале-и Нур крепкое братство, это такое доброе дело, какое смыкает тысячу недостатков. На основании того, что в День Воскрешения божественная справедливость, делая преобладающими благие дела, будет прощать плохие, так же и вы исходя из преимущества благих дел, должны полюбить и проявлять прощение. Иначе говоря, гневаться из-за одного плохого поступка, то есть губительный гнев по причине раздражительности и нервозности, которые исходят от тягот заключения, станет двойным вредом. Ин шаа Аллах, помогая друг другу в радости и утешениях, вы сведете на нет эти тяготы.

Дорогие мои, верные и благословенные братья!

Причиной того, почему я в течение этих нескольких дней не общался с вами, была моя тяжелая и отравляющая болезнь, подобия которой я не испытывал до сих пор. Я до конца своей жизни вечно благодарен и горжусь героями Кастамону, а также своими стойкими и непоколебимыми братьями, которые посредством Рисале-и Нур находятся в кругу фабрики Нур и Гюль, в результате чего с ними я обретаю сильную точку опоры и полное спокойствие против тягот угнетателей. И если для меня сейчас наступит час смерти, зная, что они останутся после моего ухода, я встречу ее с умиротворением...

Силящиеся заботами о мирском, безосновательно полагая, что я веду против них борьбу, бросили меня в тюрьму. Однако, божественное предопределение привело меня сюда из-за того, что я не вел с ними бесед и не усердствовал над их исправлением. А в случае, если меня оставят в заключении с несколькими моими братьями, то я потребую против руководства Анкары публичного суда, который будет иметь связь со всем Исламским миром, и напечатав новой письменностью множество экземпляров Плодов Веры и защитительных речей, мы будем отправлять их в высшие инстанции, Ин шаа Аллах.

Дорогие мои, преданные братья!

Такого рода Хадисы относятся к категории «муташабих»; к тому же, они не носят индивидуального и частного характера, как и не обращены на всеобъемлющие стороны. Другая же их категория, на наглядных примерах показывает события религиозных смут в определенное время, которые коснутся мусульманской общины в Хиджазе и Ираке. К тому же, в истории во времена Аббасидов появились скрыто действующие безбожники из числа Мутазилитов, Рафизитов, Джабритов, и еще многих других заблудших течений, которые наносили ущерб Исламу. В отношении Шариата и вероубеждений в период значительных потрясений, такие великие личности Ислама, как *Бухари, Муслим, Имам Азам, Имам Шафий, Имам Малик, Имам Ибни Ханбал, Имам Газали, Гавс аль-Азам и Джунейди Багдади* подоспели на помощь и искоренили те смуты. И победоносно продолжая идти после того периода на протяжении трехсот лет, вновь те заблудшие течения, под завесой сокрытого, принесли путем политики в Исламский мир смуту Хулагу и Чингиз. Говоря об этой смуте, Хадисы и Имам Али (р.а.) в очевидном

виде указывают на хронологию этих событий. После чего, многочисленные Хадисы и указания Корана сообщают также, что смута нашего времени является самой большой смутой. Исходя из этого, когда Хадис в разностороннем виде излагает об ожидаемых общиной периодах, одно его событие из всеобщего он показывает в образе иносказательного примера. Темы Рисале-и Нур в определенном виде истолковали аллегорические Хадисы, смыслы которых до конца не ясны. В Двадцать четвертом Слове и в Пятом Луче, эта истина была изложена на основе правил.

Дорогие мои, преданные братья!

Мне было напомнено изложить вам одну истину, с тем, чтобы вы не обвиняли друг друга в эгоистичности и в отсутствии преданности.

Однажды я видел, как один из больших святых, который избавился от своего эго и повелевающих страстей, в суровом виде жаловался на свой нафс; и я был удивлен этому. После чего я определенно узнал, что для увеличения заслуг от борьбы с повелевающими страстями, после поражения нафса, его воздействия переходят на подсознательном уровне в чувствительность и нервную систему, от чего борьба продолжается до конца жизни. Так вот, жалобы тех больших святых исходят именно от этого второго врага и приемника нафса.

К тому же, духовная ценность, степени и достоинстве обращены к этому миру, чтобы они выявили себя. Даже от того, что некоторые находящиеся на самых высоких степенях личности, не чувствуют данный им великий божественный дар, они в сравнении с другими воспринимают себя более несчастными и несостоятельными. Это показывает, что карматы, свет, духовные открытия и наслаждения, которые на взгляд простого народа воспринимаются в качестве совершенства, не могут стать мериллом для тех духовных цены и степени. И несмотря на то, что один час Сахабов, ценнее одного дня святого, а скорее, даже одного его аскетического периода, все же не каждый Асхаб, подобно святым, удостаивался духовных открытий и необычных состояний, что на самом деле подтверждает эту истину.

Итак, братья мои! Будьте внимательны; не допускайте того, чтобы ваши повелевающие страсти обманули вас в отношении уподобления нафсу и плохого мнения, и усомнили в воспитательной способности Рисале-и Нур.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

[Девять интересных случаев карамата Рисале-и Нур в виде духовных пощечин привередливым молодым людям, которые они получили от пяти тем Плодов Веры из Путеводителя для молодежи, и которые сами же подтвердили.]

Первый: находящийся у меня на служении Фейзи. В самом начале я, обращаясь к нему, говорил: «Ты получил один из уроков Плодов Веры, так что веди себя достойно!» Но он не послушался, и сразу же получил духовную пощечину; от которой всю неделю провел с перевязанной рукой.

Да. Я подтверждаю это. Фейзи

Второй: служивший мне и переписывавший Плоды Веры, Али Риза. В один день, я собирался дать ему им же написанный урок. Но от упрямства он, под предлогом приготовления еды, не пришел; и сразу получил духовную пощечину. В тот момент, у его неиспорченной кастрюли, полностью отвалилось дно вместе с едой.

Да. Я подтверждаю это. Али Риза

Третий: Зия. Написал для себя из Плодов Веры темы про молодость и намаз, и приступил к совершению намазов. Но затем, проявив упрямство, перестал писать и совершать молитвы; одновременно с этим он получил духовную пощечину. Вопреки обычному и без всякой причины, загорелась корзина с его одеждой над головой. И среди такой массы людей, никто не заметил, пока она совсем не сгорела. Тем самым показало, что эта духовная пощечина, является сознательным действием.

Да. Я подтверждаю это. Зия

Четвертый: Махмуд. Ему я прочитал из Плодов Веры про молодость и намаз, и сказал: «Перестань играть в азартные игры. Совершай намаз!». Он согласился с этим. Но упрямство одолело его, оставив намаз, он приступил к азартным играм. Вдруг, после этого он получает карающую пощечину. При своем бедном состоянии он, проиграв три или четыре раза, отдал в игре жакет и брюки, вследствие чего не образумился.

Да. Я подтверждаю это. Махмуд

Пятый: один юноша в возрасте четырнадцати лет, по имени Сулейман, чрезмерно проказничая, он провоцировал к этому и

других. Я ему сказал: «Не шали, и совершай намаз. Это твое дурное поведение принесет тебе беду». Он приступил к намазам, но снова оставив, начал шалить. Внезапно он получил духовную пощечину. Заболев чесоткой, он был вынужден двадцать дней провести в постели.

Да. Я подтверждаю это. Сулейман

Шестой: служивший мне с самого начала Омер, начал совершать намаз и оставил песнопения. Но, как-то вечером я услышал у дверей напевы, которые вредили моему чтению молитв. Разгневавшись, я вышел, и неожиданно для себя увидел Омера. И так же неожиданно ударил его пощечиной. Вдруг, на следующее утро вопреки всему, Омера перевели в другую тюрьму.

Седьмой: по имени Хамза; шестнадцати лет, владея красивым голосом он упрямо занимался песнопениями, а так же провоцировал к этому и других. Я ему сказал: «Не делай этого – будешь наказан». И вдруг, на второй день он получил вывих руки, и две недели провел в мучениях.

Да. Я подтверждаю это. Хамза

Подобно этому есть много случаев наказаний; однако закончилась бумага, и тема завершена.

Дорогие мои, преданные братья!

Один из министров просвещения поднял завесу со своего лица, тем самым показал абсолютное безбожие в другом его проявлении. Еще не приняв последней нашей защитительной речи, он написал заявление по другому поводу. Хотя я не думал отправлять ее в те круги; однако, с одобрением моих братьев это положение показало, что отправить туда тоже будет и уместным, и необходимым. Потому что министр, в такой степени имеющий фанатичность в безбожии, в любом случае не остался бы безразличным к отправленным в Анкару молитвам на арабском языке и конфиденциальным брошюрам. Но вдруг, неопровержимые защитительные речи, заставили его замолчать; и в результате вышло отлично. Ин шаа Аллах, и в этих кругах тоже появится одно властное направление, которое будет действовать в пользу Рисале-и Нур.

Братья мои, поскольку сущность характера некоторых такова; подчиниться им, будет своего рода самоубийством, и разочарованием

в Исламе, а скорее, даже отходом от религиозных основ. Потому что, они в такой степени проявили фанатичность в своем безбожии, что говорят: «Оставь свое сердце и совесть, и работай только на этот мир», – и не ограничиваются только лишь на нашем смирении и притворстве. Таким образом, против такого рода положения, у нас нет другого пути, кроме, как оперевшись на божественную заботу и проявив стойкость, непоколебимость и упование, молиться за то, чтобы четыре ящика с брошюрами Рисале-и Нур достигли тех руководств, и с твердыми истинами смогли совершить успехи. На старом опыте было установлено, что избегая и огорчая друг друга, а также, отдаляясь от Рисале-и Нур, мы с подчинением им, и даже с вступлением в их ряды, не сможем принести никакой пользы. И к тому же, не беспокойтесь. Пустозвонное волнение того министра, доказывает его слабость и полный страх; и дает знать не о его агрессии, а скорее о попытке защититься.

Дорогие мои, преданные братья!

В день смерти Хафиза Али, Сами Бей мне сообщил о кончине одного из наших братьев в Хоме, по имени Али; и в тот же день один из героев Хомы Мехмед Али, так же написал мне об этом случае. Теперь я в своих молитвах, сделал товарищем того Али большому шахиду Али.

Недавно, имеющая к нам отношение одна женщина, видела во сне трех наших братьев умершими. Его толкование таково: эти двое Али, и желавший в тюрьме войти в круг Рисале-и Нур повешенный Мустафа, вместо всех нас отправились в Иной мир и пожертвовали собой ради нашего благополучия.

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, верные, стойкие и постигшие суть упования братья!

Вот уже двадцать лет, как я не читаю и не интересуюсь ни одной газетой, но сегодня, к большому сожалению, только из уважения к слабой части наших братьев, я рассмотрел одну статью, из которой понял, что влиятельные тайные и явные течения играют главенствующую роль. С тех пор, как мы появились, нас стали подозревать в отношениях с этими течениями. Ин шаа Аллах, четыре ящика сильных, неопровержимых брошюр Рисале-и Нур, и тетради

с решающими защитительными речами, дадут благой результат в отношении нас и веры, а также Корана и Ислама. Мы до этих пор не вмешивались в их мир; так же они не смогли установить, что мы и в дальнейшем можем вмешаться. Анкара, в свою очередь, вынуждая, потребовала для исследования полное собрание Рисале-и Нур.

Поскольку истина такова, и поскольку до этих пор в служении Рисале-и Нур мы видели неоспоримое проявление божественной заботы – каждый из нас испытал это в малой или в большей степени; – и поскольку многочисленные течения политики и всего мира концентрируются друг против друга; и поскольку у нас кроме подчинения предопределению, помимо Корана и Рисале-и Нур, а также великого и святого утешения, которое дает служение вере, больше ничего нет; то несомненно, что мы должны сделать прежде всего, это с упованием укреплять друг друга духовно, не беспокоиться и не разочаровываться, а также, не придавая значения созданному пустозвонными газетами большому шуму из ничего, воспринимать это, как обратно противоположное. Жизнь этого мира, и особенно в наше время и в таких условиях, не имеет никакой цены, и что бы с вами не произошло, встречайте это с удовлетворением.

يَا سَيِّدِي سُبْحَانَكَ

Дорогие мои, преданные братья!

Двое-трое из наших братьев нашли себе приятный способ для утешения. Они говорят:

Некоторая часть наших братьев в этой тюрьме, по причине одного-двух часов недозволенных поступков, терпят один, два или даже десять лет трудностей заключения. К тому же, одна их часть, выражая благодарность, признается, что они спаслись и от остальных грехов. Они говорят: «Почему же мы жалуемся на эти шесть-семь месяцев плодотворных тягот, которые мы получили посредством Рисале-и Нур, из-за самых дозволенных поступков и служения вере?» Я же в ответ поздравил их.

Да, испытать трудности пяти-десяти месяцев из-за пяти-десяти лет, доставляющих наслаждения и прибыль святого служения и высоких мыслей поклонения, с намерением спасти свою веру и веру других – это причина для гордости и благодарности.

В одном Хадисе приводится: «Если ты послужишь причиной одному человеку для обретения веры, то это будет лучшим для тебя, чем долина, заполненная красными козами и овцами».

Итак, задумайтесь над тем, что посредством вашего служения и книгописания, скольким людям вы спасли и спасете веру от страшных сомнений здесь, и на суде, и в Анкаре; с совершенным согласием и терпением благодарите за это.

И если действующая в Анкаре Народная партия будет противиться книгам Рисале-и Нур, которые в свое время были отправлены туда, и в знак примирения не окажут поддержки, то в этом случае самым спокойным местом для нас является тюрьма; в результате, это послужит причиной объединения безбожников большевизма с безверием; а руководство в дальнейшем будет вынуждено им подчиниться. Затем, в это время Рисале-и Нур отступит, приостановится, и приступят к атаке материальные и духовные несчастья.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
يَا مَعْشَرَ الْجِنِّ وَالْإِنْسِ أَلَمْ يَأْتِكُمْ رُسُلٌ مِنْكُمْ

[Этот ответ Устада решает затруднение в утверждении данного величественного аята, которое сообщает о приходе пророков из числа джиннов.]

Мои дорогой брат!

По истине, этот твой вопрос имеет очень большое значение. Однако, самая первоначальная обязанность Рисале-и Нур, заключена в спасении человечества от заблуждения и абсолютного безбожия, и подобного рода вопросы не обсуждаются, то есть, дело до них не доходит. Праведные Предки тоже не затрагивали их так часто. Потому что в вопросах тайного и невидимого мира, допускаются злоупотребления. И при этом, шарлатаны, могут сделать это средством для самохвальства. Как например, сейчас занимающиеся спиритизмом люди, под предлогом «общения с джиннами» совершают грубый обман; и поэтому, из вероятного причинения вреда религии, зачастую эту тему не затрагивают. К тому же, из числа джиннов, после Печати Пророчеств (мир ему и благословение), пророки не приходили. И Рисале-и Нур, для искоренения материалистических мыслей, являющихся в наше время чумой всего человечества, доказал твердыми доводами

существование джиннов и духовных существ, и считая этот вопрос третьестепенным, оставил его на рассмотрение другим. Может быть, Ин шаа Аллах, какой-нибудь из учеников Рисале-и Нур, толкуя суру Рахман, решит и этот вопрос.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, преданные братья!

لِكُلِّ مُصِيبَةٍ إِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ

Поистине смерть Хафиза Али, Хафиза Мехмеда и Мехмеда Зухту – это большая утрата не только для нас и Испарты, а скорее для этой страны и всего Исламского мира. Однако до этих пор, в то время как уходил один ученик Рисале-и Нур, проявление заботы выражалось в восполнении ценности того ученика двумя-тремя братьями, вследствие чего мы в сильной надежде на то, что обязанности после появления серьезных учеников будут выполняться в другом виде. Вдобавок, эти трое благословенных, покоящихся личностей, за короткое время совершили столетнюю обязанность в служении вере. Да ниспошлет Всевышний Аллах на них милость по количеству написанных, изданных и прочитанных ими букв Рисале-и Нур. Аминь.

Выразите соболезнования от моего имени родным и жителям деревни Хафиза Мехмеда. Я, в свою очередь, делая в своих молитвах его соучастником Хафизу Али и Мехмеду Зюхту, включил эти три имени в список имен моих святых Устадов, а так же Хафиза Акифа сделал соучастником Асыму и Лютфу.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, преданные братья!

Согласно тайне этого аята **الْخَيْرُ فِي مَا اخْتَارَهُ اللَّهُ**, в отлагательстве нашего дела имеется благо. Так как, во всех образовательных и руководительных учреждениях, и среди народа, они стараются внушить любовь к уже усопшему, страшному человеку. Это положение же оказалось бы очень печальным и душераздирающим воздействием для всего Исламского мира и будущего. Сейчас Рисале-и Нур невольно попал в руки до конца преданных и тесно

связанных с ним людей, тем самым показывая и доказывая с твердыми доводами, какова была суть той личности, читается ими с совершенным интересом и вниманием; в результате это является таким событием, что если, подобно нам, в тюрьмы войдут еще тысячи людей, и при этом они будут казнены, то с точки зрения религии Ислам снова обойдется нам как самый малый ущерб. Во всяком случае он может спасти самых упрямых от абсолютного безверия и вероотступничества, приводя их к сомневающему безверию, чем изменит их настырные и дерзкие нападки. И обращаясь к суду с заключительным словом прямо им в лицо, «За ту святую истину, ради которой пожертвованы миллионы героических жизней, мы также посвятим себя истине», мы будем упорствовать в стойкости до конца. В этом упорстве нельзя изменять намерения. Надеюсь, что среди вас нет тех, кто изменит его. Поскольку, вы до этих пор проявили стойкость, так продолжайте же проявлять терпение, сказав: «Наша доля и обязанности еще не прекратились». Так или иначе, они не будут действовать против Рисале-и Нур, чтобы упрямо отстаивать свои принципы вечного уничтожения и постоянного заточения, которые были доказаны с твердыми и неопровержимыми доводами в брошюре Плоды Веры, а скорее будут искать способы договора и примирения.

الصَّبْرُ مِفْتَاحُ الْفَرْجِ وَالشُّرُورِ

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие, мои преданные братья!

В Первом луче был изложен аят

، أَوْ مَنْ كَانَ مَيِّتًا فَأَحْيَيْنَاهُ وَجَعَلْنَا لَهُ نُورًا يَمْشِي بِهِ فِي النَّاسِ

указывающий на Рисале-и Нур, и словом **مَيِّتًا**, с тремя твердыми признаками и отношениями говорит о его учениках; теперь же, в этом событии всецело проявляется один из тех признаков. Потому что наши угнетатели, взяв в свои руки жизнь, цивилизацию и усладу, хотят обвинить нас в том, что мы не придаем большого значения такому образу жизни, и тем самым возложить за это ответственность на нас, и даже посадить в тюрьмы с целью казни и строгого наказания; однако, законной причины этому они не находят. И мы, держа в своих руках документ вечной жизни и смерти,

являющуюся ее завесой, ударами по беспечным головам, приводя их к сознанию, крепко стараемся спасти от истинной ответственности и заключения, от вечной казни и пожизненного одиночного заточения. Кроме того, если, делая причиной неопровержимые темы, которые были отправлены в Анкару, они вынесут мне самый суровый приговор, при условии если они благодаря им спасут себя от казни смерти, то с этим приговором согласятся мое сердце и нафс. Стало быть, мы ожидаем и желаем их существования в обоих мирах, они же желают нашей смерти, и ищут для этого повод. Однако, показывая себя явно, подобно солнцу, и видимая глазом, как при свете дня, истина смерти, и ежедневный уход в роде человеческом по тридцать тысяч жизней, на взгляд заблудших она превращается в тридцать тысяч вечных казней, и тридцать тысяч объявлений одиночного заточения, вследствие чего, по отношению к ним, мы не считаем себя побежденными. Пусть делают все, что в их силах. Вот уже двенадцать лет аят **إِنَّ حِزْبَ اللَّهِ هُمُ الْغَالِبُونَ**, даже во время самого плачевного нашего поражения, по подсчету джифр и абджад, дает нам радостную весть о победе.

Поскольку истина такова; отныне мы обращаясь к суду, и ко всему народу, скажем:

«Мы стараемся спастись от вечной казни видимой перед нашими глазами и ожидающей нас смерти, а также от одиночного заточения постоянного мрака могилы, открытой перед нами и сурово зазывающей нас. К тому же, мы помогаем и вам спастись от этого страшного и безысходного несчастья. Самый большой вопрос этого мира и политики на ваш взгляд, для нас и с точки зрения истины является самым незначительным, а для не несущих службу в политических кругах они и вовсе бессмысленны, маловажны и несущественны. Однако, у каждого человека постоянно имеется серьезная связь с делом, которому мы полностью себя посвятили и это является необходимой человеческой обязанностью. Неодобряющие и устраняющие эту нашу обязанность, должны прежде устранить смерть и закрыть двери могилы!»

Второй и третий пункты были на время отложены.

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Один из караматов Рисале-и Нур проявился тогда, когда наш Почтенный Устад сказал: «Эй, безбожники и неверующие! Не

совершайте нападок на Рисале-и Нур. Ведь он, подобен щиту, который как милостыня устраняет несчастья; а оказанное в отношении него давление и запрет, ослабевает эту защиту против бед. Если вы не оставите нападки, то ожидаемые в скором несчастья, как сель нагрянут на ваши головы», и уже десять лет многократно повторяя, говорит об этом. И мы тоже стали свидетелями произошедших в большом количестве несчастий относительно этого дела. Вот уже четыре года, как только они совершают нападки на Рисале-и Нур и его учеников, бедствия и несчастья начинали преследовать их, чем показали значимость Рисале-и Нур и его основную причину устранения бед. Тем самым Устад Бадиуззаман посредством Рисале-и Нур сообщает, что среди сотен событий, именно это землетрясение, вдобавок к следующим четырем истинным бедствиям, подтверждая его правдивость ставит под ним подпись, и еще показывает, что Рисале-и Нур является средством устранения бед. Пусть Всевышний Аллах, наделит сердца совершающих нападки на нас и на Рисале-и Нур верой, и разумом, способным увидеть истину. И спасет нас от этих заключений, а их от бедствий. Аминь.

Хусрев

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Дорогие мои, преданные братья!

В свою очередь, одно из проявлений божественной заботы произошло вопреки ожидаемой гневной агрессии министра образования, когда он, еще не видя наших защитительных речей, писем и книг, смог только заочно догадываться о них; и хотя высшие государственные ведомства исследовали такие самые конфиденциальные темы, как Пятый Луч и приложение брошюры Шесть атак, с тем, чтобы подвергнуть их критике, а также очень жесткие действия Анкары в ответ на мою серьезную и неопровержимую защиту, содержание которой смело разрушает абсолютное безбожие; и несмотря на важность этих вопросов, они все же отнеслись к ним очень снисходительно, и даже примирительно. Мудрость проявления этой заботы такова: Рисале-и Нур, имея связь со всей страной, читается в высших государственных учреждениях с вниманием и интересом. Да, подобный возвышенный урок, изучаемый в наше время в таком всеобъемлемом и широком кругу читателей, является великой заботой и сильным признаком, разбивающим абсолютное безбожие.

Братья мои! Полагая, что во всяком случае, для слабой части семейных братьев, испытавших столько трудностей и затрат, может оказаться уважительной причиной, в некоторой степени отстраниться от нас и Рисале-и Нур, скорее даже отречься. И относительно их вероятного изменения мнения после своего освобождения, я скажу следующее: отречься от такого ценного, материального и духовного достояния, для испытывающих эти мучения, может оказаться большой потерей. К тому же, если каждый откажется от книг Рисале-и Нур и его связей, и разом прервет оборону, помощь и служение ему, то это станет бессмысленной потерей, как для них, так и для нас. Поэтому, вместе с осмотрительностью, необходимо сохранить свою преданность, связь, и служение.

يَا سَيِّدِي سُبْحَانَكَ

Дорогие мои, преданные братья!

Одно из проявлений божественной заботы и покровительства произошло тогда, когда я услышал, как экспертная комиссия Анкары, сраженная истинами Рисале-и Нур, вопреки существованию многих причин для критики и возражений, с легкостью вынесли нам оправдательное решение. Однако, по причине смелого содержания конфиденциальных тем и резкого обращения защитительных речей, бросивших вызов суровым нападкам министра образования, при наличии в числе экспертной комиссии министерства образования двух материалистов и большого ученого, сторонника нововведений, а также в течение целого года провоцирующая против нас Народную партию и руководство образования тайный комитет безбожия, мы ожидали жестких возражений и обвинительного приговора со стороны экспертной комиссии, но божественная забота и покровительство, подоспев к нам на помощь, показали высокую степень Рисале-и Нур, чем заставили их отказаться от сильной критики. Кроме того, с намерением избавить нас от наказания, и чтобы не представить меня в виде политического силовика, связанного с событием в Эскишехире и с известным инцидентом тридцать первого марта, они, информируя об отсутствии у нас политических идей, и что мы действуем исключительно в интересах религии и веры, говорят:

«С давних пор Саид Нурси, время от времени утверждает о своем пророческом наследии; принимает на себя образ обновителя религии в служении Корану и вере, то есть, он кратковременно

подвергается своего рода самозабвению, и начинает действовать сообразно».

Таким образом, подобными философскими выражениями, они, обращаясь к каждому стороннику религии, говорят: «Он выполняет свою обязанность, унаследовав ее от обновителя религии». Они используют эти безбожные философские фразы, чтобы раскритиковать чрезмерно положительное мнение обо мне некоторых наших братьев; и оклеветать меня в самозабвении, чтобы рассердив меня, освободить от политического наказания; а затем, задабривая наших противников и врагов, тем самым подтвердить сильные доводы Коранических упоминаний, чудесных указаний Имама Али (р.а.) и Гавса Азама; а также, с тем, чтобы сломать имеющиеся у меня, в сравнении с остальными, стремление к высокому положению, эгоизм и себялюбие. Рисале-и Нур, от начала и до конца, является ответом, подобным солнцу против этого их утверждения. И поскольку наш путь есть братство, и отказ от самолюбия и самовосхваления; то при условии не придавать значения скромной жизни Нового Саида в период написания Рисале-и Нур, и чрезмерно положительному мнению о нем благословенных братьев, видоизменяя и перенаправляя их на назидательные уроки, полностью опровергает и искореняет смысл того утверждения.

Дорогие мои, преданные братья!

Сейчас я не буду отправлять вам единогласное решение экспертной комиссии, чтобы этим не навредить тем, кто сообщает и пишет нам об этом. И эта последняя экспертная комиссия, очевидно, всеми силами старалась нам помочь и защитить от зла заблудших и еретиков, вследствие чего они оправдали нас от всех вменяемых нам обвинений. Единогласно вынося решение, они дали почувствовать, что от Рисале-и Нур они получили полный урок, состоящий большей частью из компетентно написанных научных и религиозных трудов; а также говоря, что Саид «излагает только свои искренние и серьезные взгляды, и что имеющиеся в нем сила и влияние, вовсе не направлены на борьбу против правительства или на создание приписываемого ему тариката или партии, скорее эта сила и влияние оповещает нуждающихся в истинах Корана». А в отношении конфиденциальной части, называя их ненаучными трудами, они сказали: «От того, что он иногда поддается самозабвению, то есть, бессознательному состоянию, в этих темах нет необходимости возлагать на него

ответственности». И по поводу терминов «Старый Саид» и «Новый Саид», они сказали, что существуют две личности; во втором из которых имеется смысл чрезмерной силы веры, и знание истин Корана; и чтобы заслужить к себе расположения философов, они говорят, что «есть вероятность умственного и духовного помешательства», а также, чтобы избавить нас от ответственности этих выражений, они, задабривая наших противников, говорили, что «принимаются во внимание вероятные слуховые или зрительные галлюцинации». Труды Рисале-и Нур, превзойдя все умы, и полностью пройдя через их руки, дают достаточный и обоснованный ответ, который основательно опровергает эту их вероятность. А такими частями, как защитительные речи и Плоды Веры оставляет в изумлении всех адвокатов. И я бесконечно благодарен Аллаху за то, что подобной вероятностью удостоил меня осмыслению славного Хадиса.

К тому же, экспертный совет, полностью оправдывая меня и всех моих братьев, говорит: «Они связали себя с научными и компетентными трудами Саида, ради веры и Иного мира; и мы ни с какой стороны не нашли среди них ни одного признака злого умысла против властей – ни в их разговорах, ни в книгах, и ни в трактатах», – затем эта комиссия единогласно вынесла решение, под которым поставили свои подписи философ Неджати, Юсуф Зия (ученый), и еще один философ Юсуф. Одно приятное совпадение: мы эту тюрьму в отношении нас называем Медресе Юсуфа (а.с.), а брошюру Плоды Веры его плодом, так же и эти два Юсуфа, тайно, языком своего состояния, выражают: «У нас тоже есть доля в этом Медресе Юсуфа (а.с.)». Кроме того, во фразах «Тридцать третье слово», и «Тридцать три окна тридцать третьего письма», а также, видя себя в виде надгробного камня, и услышанное им от своей кошки «Йа Рахим, Йа Рахим», все это приятный аргумент на их галлюциногенное состояние и умственное помешательство.

Саид Нурси

يَا سَمِيحُ سُبْحَانَكَ

Дорогие мои, преданные братья!

Поскольку мы согласно бесчисленным признакам, находимся под божественной заботой, и поскольку перед лицом столь многочисленных безжалостных врагов Рисале-и Нур не был побежден, а в некоторой степени даже принудил к молчанию

Министра образования и Народную партию, и поскольку те, кто преувеличивая масштабы нашего вопроса, встревожили в широких сферах власти, то несомненно, они будут стараться под разными предлогами скрыть свою клевету и ложь; и, безусловно, в этой ситуации нам нужно, с совершенным подчинением проявлять стойкость и степенность, и особенно не разочаровываться, и не отчаиваться вопреки обычному, а также не сотрясаться от временных бурь! Да, хотя разочарование среди светских людей ослабляет их духовную силу и энтузиазм; для учеников Рисале-и Нур, которые в трудностях, усердиях и томлениях, чувствуют на себе покровительство и милостивую заботу, это разочарование является причиной к усилению упорства, стремлению и серьезности. Сорок лет назад, политики, обвиняя меня во временном помешательстве, направили в психиатрическую лечебницу. Тогда в ответ, я им сказал: «Тех многих, кого вы называете здравомыслящими, я считаю безрассудными; и от подобного рода рассудка я отрекаюсь; а правило

وَكُلُّ النَّاسِ مَجْنُونٌ وَ لَكِنْ عَلَى قَدَرِ الْهَوَىٰ اِخْتَلَفَ الْجُنُونُ

я вижу среди вас». И теперь, с двух сторон я благодарен обвиняющим меня подчас во временном умственном помешательстве, которые с намерением избавить меня и моих братьев от ответственности, повторяют те же слова, мотивируя это моими конфиденциальными темами:

Первая: в достоверном Хадисе приводится, что «если простой народ, видя далеким от их понимания, будут считать одержимым человека, который достиг истинной веры, это будет свидетельствовать о его совершенной вере и полной убежденности.»

Вторая сторона: я с совершенной гордостью и радостью согласен принять, не только обвинение в своем безумии, но и пожертвовать полностью своим разумом и жизнью ради благополучия и освобождения находящихся в этой тюрьме моих братьев, а также ради избавления их от мрака. И если вы сочтете уместным, то напишите от моего имени благодарственное письмо тем трем личностям и сообщите, что мы позволили им участвовать в нашем сотрудничестве в делах Иного мира.

Дорогие мои преданные братья и искренние товарищи в служении Корану и вере, а также неразлучные спутники на пути истины, загробного и Иного миров!

Так как, близится время нашего расставания, вам необходимо будет простить друг другу все обиды; поскольку, по причине небрежности и раздражительности, которые возникли от здешних томлений, вами не были сохранены принципы урока Искренности. *Вы друг другу более близки, нежели самый преданный и родной брат. Брат же скроет недостатки другого брата, забудет их и простит.* Я не отношу ваши непредсказуемые разногласия и самомнение вашим повелевающим страстям, как не вижу этого достойным учеников Рисале-и Нур; скорее я воспринимаю это, как кратковременный эгоизм, имеющийся даже у отрекшихся от повелевающих страстей святых. Своим упрямством не ослабляйте это мое положительное мнение о вас, примиряйтесь между собой.

Братья мои!

Из доклада экспертной комиссии стало ясным, что Рисале-и Нур одерживает победу против всех групп наших противников, вследствие чего брошюры для Пожилых, Худжетуллахиль Балига, и Искренность стали многократно привлекать к себе внимание. Кроме того, на совершенно очевидные ответы, и не понимая истинно согласованного вопроса, они поверхностно, с критикой, не имеющие никакого отношения, подобно фанатичному имаму, скромно говорят, что «между их темами имеются противоречия»; между тем как, их решительное подтверждение и заверение девяносто из ста брошюр, несмотря на суровые опровержения трактата Шесть атак тех, кто выносит фетвы для нововведений. Они ограничились тем, что сказанное мной: «погибшие от рук безбожников угнетенные и набожные Христиане, в предверии Конца Света заслуживают одну из степеней шахидов» противоречит Приложению, имеющее осуждение азана на турецком языке и выполнение намазов с непокрытой головой, это дает твердую уверенность в их бессилии против Рисале-и Нур.

Саид Нурси

Четырнадцатый Луч

КРАТКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К МОЕМУ ЗАЯВЛЕНИЮ

Обращение к суду города Афьон:

Обращаясь в своем заявлении к вам и к справедливому закону, я написал о том, что трижды незаконно вторгаться с обысками в мое жилище, арестовывать и приводить меня на допросы, является нарушением, а скорее, даже оскорблением чести и достоинства трех верховных судов и юридических законов, а также знаком недоверия и сомнительности в отношении справедливости их вердиктов.

Так как три суда и экспертные комиссии после двух лет тщательного исследования всех моих книг и писем, написанных в течение двадцати лет, единогласно вынесли нам оправдательное решение, вследствие чего они вернули нам обратно все ранее изъятое. А через три года после оправдания, я снова оказался в полной изоляции и под бдительным надзором. Всего раз в неделю я писал одно безобидное письмо своим некоторым друзьям. Связь с внешним миром словно оборвалась; и несмотря на мое освобождение, я не смог вернуться в родные края. Но теперь, вновь возобновлять процесс по тому же делу, не принимая в расчет справедливого решения трех судов, будет означать попираем их чести.

Я обращаюсь к вам с просьбой сохранить честь и достоинство тех судов, которые вынесли в отношении меня справедливое решение. Найдите в этом же деле другую вескую причину или любое другое основание помимо Рисале-и Нур, «политической организации», «тарикатского ордена» и «нарушения безопасности общественного порядка», а затем осудите меня снова. Да, у меня есть много недостатков. Я даже принял решение помочь вам относительно моего обвинения. Потому что на воле я испытал намного больше мучений, чем в заключении. Теперь же, единственным местом для моего утешения может быть либо могила, либо тюрьма. В действительности, я устал от этой жизни, хватит с меня этих двадцати лет предательств, мук одиночных заточений и надзора. Я лишь хочу напомнить вам, что это может вызвать Гнев Аллаха,

после чего на эту страну могут свалиться беды. И нашим самым надежным укрытием и пристанищем являются следующие слова:

﴿ حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ ﴾

﴿ حَسْبِيَ اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ عَلَيْهِ تَوَكَّلْتُ وَهُوَ رَبُّ الْعَرْشِ الْعَظِيمِ ﴾

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَ بِهِ نَسْتَعِينُ

[Данное обвинительное заключение обязало меня написать новое ходатайство в знак возражения, которое после восемнадцати лет молчания, я был вынужден отправить вместе с его копией в кассационный суд и в Анкару.]

К вашему сведению, данное краткое содержание моего защитительного выступления является ответом на вопросы прокурора Испарты, и на судах Денизли и Афьона, и в точности сказанным мною еще двум прокурорам, комиссарам и главе полиции, а также еще шести-семи комиссарам и полицейским, которые трижды приходили ко мне в Кастамону с обысками. Итак:

Обращаясь к ним я сказал: вот уже восемнадцать-двадцать лет, как я живу в уединении. Кроме того, я в течение двадцати лет нахожусь под постоянным надзором и контролем, а восемь из них провел в Кастамону прямо напротив полицейского участка, и еще в других ссыльных местах, но все же многократные обыски моего помещения ни разу не выявили какого-либо признака и намека на связь с этим миром и политикой. Если в этом деле было бы что-то неладное, то за это, больше меня самого, ответственность несут судебные органы и полицейские тех районов, которые не знали об этом, или же, зная, не приняли этого во внимание. А если я не несу этой ответственности, то почему же вы во вред стране и народу лишний раз беспокоите меня, тогда, как во всем мире не трогают тех, кто уединился, думая только о своем Ином мире?

Мы, ученики Нура, не можем сделать Рисале-и Нур орудием не то чтобы каким-то политическим течениям, но и всему земному. К тому же, Коран в суровом виде запрещает нам вмешиваться в политику.

Ведь задача Рисале-и Нур состоит в том, чтобы вести служение Корану при помощи истин веры и сильных доводов, убеждающих даже самых упрямых философов-атеистов, и противостоящих

абсолютному безверию, которое подобно некому яду отравляет и разрушает вечную жизнь и превращает этот мир в страшные муки. Поэтому мы не можем сделать Рисале-и Нур орудием чего бы то ни было.

Во-первых: дабы из-за подозрений политической пропаганды не уподобить в глазах беспечных людей алмазные истины Корана кусочкам стекла, и тем самым не допустить предательство по отношению к их ценностям.

Во-вторых: такие основы пути Рисале-и Нур, как милосердие, справедливость, правда и совесть, строго запрещают нам вмешиваться в политику и власть. Так как, есть семь или восемь невинных детей, больных и стариков, связанных с одним или двумя безбожными людьми, которые впали в полное безверие и заслуживают наказания и беды. И когда приходит беда, страдают и эти несчастные люди. По причине того, что в большинстве своем конечный результат всегда сомнителен, нам строго запрещается вмешиваться посредством политики в общественную жизнь, что может нанести вред правительству и общественному порядку.

В-третьих: в наше беспокойное время для сохранения общественной жизни страны и нации от анархизма крайне необходимо соблюдение пяти принципов: взаимоуважение, сострадание, доверие, повиновение законам и отстранение от запретного. И за прошедшие двадцать лет Рисале-и Нур превратил сто тысяч человек, каждого в отдельности, в полезных членов этой нации. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что когда Рисале-и Нур касается вопросов общества, то он, твердо и свято укрепляя и усиливая воздействие этих пяти принципов, сохраняет основы общественного порядка. Провинции Испарта и Кастамону являются тому свидетелями. Стало быть большинство из тех, кто сознательно или нет выступает против Рисале-и Нур, поступают предательски по отношению к Родине, народу и доминированию Ислама, в угоду анархии. Таким образом, якобы являющиеся вредоносными в представлении беспечных людей две-три брошюры, не могут опровергнуть все сто тридцать брошюр Рисале-и Нур, которые стали ста тридцатью пользами и благами для этой страны. И те, кто старается этим их опровергнуть, являются крайне бесчеловечными угнетателями.

Ну а что касается недостатков моей маловажной личности, то я невольно буду вынужден сказать вам: какой же закон позволяет вам причинять боль ста тысячам невинных братьев из-за постоянных придиорок и упреков в адрес человека, который в течение двадцати

двух лет живет на чужбине, в одиночестве, и который на протяжении всего этого времени не появлялся в многолюдных местах и больших мечетях, и который, несмотря на многочисленные давления, тяготы и ссылки, ни разу не обратился к властям для личного покоя? В течение всего этого периода он не читал и не слушал газет, и даже не проявлял к этому интереса; а за два года в Кастамону, и еще семь лет в других ссыльных местах, по свидетельству всех близких и встречавшихся с ним его друзей, он не ведал о происходящих в мире схватках и войнах, закончили они перемирием или еще продолжают вести войну. Не слушал находящийся рядом с ним радиоприемник, за исключением трех раз. И благодаря служению Рисале-и Нур, которое победоносно противодействует абсолютному безверию, он, спасая людям веру, и избавляя их от уничтожения вечной жизни и от мучений в этом мире, доказал это свидетельствами ста тысяч человек. Так же с помощью книг Рисале-и Нур, изощедших из истин Корана, он превратил смерть тридцати тысяч ежедневных вечных казней, в некий билет, освобождающий от прижизненных обязанностей. Не окажется ли это тиранией от имени справедливости? И не станет ли это беззаконием в интересах закона?

А если вы обвините меня, подобно некоторым уполномоченным сотрудникам, которые участвовали в этих обысках, и скажете: «Ты и часть твоих трудов идете против нашего режима и законов».

Ответ: *во-первых*, у этих ваших новых законов нет никаких прав вторгаться в личные покои тех, кто отстранился от общества.

Во-вторых: отвергать закон – одно, а не принимать его сердцем и не действовать согласно ему – это совершенно другое. Власть имущие могут видеть только содеянное, но не могут знать намерения сердца. У каждого правительства имеются свои оппозиционеры, которые радикально не вмешиваются во власть и управление. При этом, Хазрети Омар (р.а.) не беспокоил Христиан, находящихся под его управлением, несмотря на их несогласие с истинами Корана и законами Шариата. И согласно принципу свободы совести и слова, если одна часть учеников Рисале-и Нур, теоретически, не примет ваших принципов и будет действовать противоположно им, а скорее, даже проявит ненависть к руководящим лицам, то обвинять их в этом будет незаконно. А что касается упомянутых трактатов Рисале-и Нур, мы же их назвали конфиденциальными и запретили пускать в тираж. К тому же, брошюра, которая послужила причиной этому событию, за восемь лет в Кастамону была кем-то принесена мне один или два раза. После чего, в тот же день она была утеряна. Но теперь, вы против нашей воли придали ее огласке.

Существует всеми известный факт, что если в одном письме будут иметься ошибки, то подвергаются цензуре только те слова, в которых была допущена их неправильная трактовка, а на остальную же ее часть дается одобрение. Однако, в результате четырех месяцев исследования среди ста брошюр Рисале-и Нур, Эскишехирский суд обнаружил предметом для критики только пятнадцать слов; и сейчас, из четырехсот страничного собрания Зульфикар, написанного еще тридцать лет назад, они на двух страницах обнаружили комментарии к аятам Корана по поводу вопросов наследования и покрытия женщин, как несоответствующие нынешним светским законам, а это, в свою очередь, свидетельствует, что в нем каждый испытывает нужду, и его целью не является этот мир. Недопустимо из-за двух страниц изымать полезный для всех четырехсотстраничный том Зульфикара. У нас есть право на то, чтобы нам вернули это собрание, предварительно вынув из него те две страницы.

Но если вы, используя безбожие в политике, скажете, подобно некоторым участвовавшим в этом событии: «Этими брошюрами ты портишь удовольствия нашей цивилизации», – то я в ответ вам скажу: «Ни один народ не сможет жить без веры», – это основополагающий принцип всего мира. И в особенности, как это в твердом виде было доказано в Путеводителе для молодежи из Рисале-и Нур, абсолютное безверие, еще до попадания в Ад, и в этом мире даст ощутить более мучительные страдания. Сейчас, эта книга официально стала периодическим изданием.

Да сохранит Аллах, если один мусульманин оставит свою религию и впадет в абсолютное безверие, то он никогда не останется в положении сомнительного безверия, которое могло бы ему придать хоть какой-то смысл в жизни. И быть как неверующие иноземцы он тоже не сможет. А с точки зрения наслаждения жизнью, он опустится на сто степеней ниже животного, для которого не существует ни прошлого, ни будущего. Ибо, из-за его заблуждения, смерть и вечное расставание со всеми созданиями прошлого и будущего, постоянно терзают его сердце бесконечными разлуками и печалью. Но, если он придет к вере, и она войдет в его сердце, то внезапно оживит тех бесконечных его друзей. Они, говоря языком своего состояния «мы не умерли, и не были уничтожены», обратят для него то состояние Ада, в Райское удовольствие.

Поскольку истина такова; я хочу вам напомнить: не выступайте против Рисале-и Нур. *Ведь он, опираясь на силу Корана, никогда не будет побежден. В противном случае, на эту страну свалится*

несчастья. (Прим.) И после того, как Рисале-и Нур уйдет в другие места, он вновь продолжит светиться. Кроме того, будь у меня голов по количеству волос на ней, и если бы каждый день по одной из них отрезали, то эту пожертвовавшую ради истин Корана голову я не приклоню перед лицом безбожников и абсолютного безверия; и никогда не отстранюсь от этого служения вере и Рисале-и Нур.

Безусловно, что ошибочные выражения в объяснениях человека, который уже двадцать лет живет в одиночестве, могут быть простительны. Ибо, в то время, когда он защищает своей речью книги Рисале-и Нур, нельзя говорить, что он вышел за рамки допустимого. Так как, после четырех месяцев исследования всех ста брошюр, Эскишехирский суд не нашел ничего, кроме одного или двух пунктов в двух конфиденциальных брошюрах, которые повлекли за собой нестрогое наказание в виде шести месяцев заключения для пятнадцати из ста двадцати человек. И мы тоже были подвержены этому наказанию. К тому же, все трактаты Рисале-и Нур, несколько лет назад пройдя через руки властей Испарты, после нескольких месяцев исследования были возвращены их владельцам. Так же, в результате восьми лет тщательных поисков в Кастамону, после обвинительного приговора, полиция и прокуратура не выявили каких-либо интересующих их фактов. И поскольку, в следствии последних обысков в Кастамону, полицией был установлен факт изъятия нескольких экземпляров моих брошюр, спрятанных под грудой дров для того, чтобы не распространять их в периодическом издании; и поскольку, на следующий день, после решения глав полиции и прокурора о возвращении мне этих безвредных брошюр, в Кастамону пришел приказ о моем переводе в Испарту; я был направлен туда еще до того, как мне вернули все принадлежащее мне; и так как суды городов Анкара и Денизли вынесли оправдательное решение и вернули нам все брошюры – безусловно и несомненно, что исходя из этих шести вышеупомянутых фактов, Афонский суд и прокурор, как и в Денизли, обязаны принять во внимание это мое исключительно важное право. Ввиду значительного общественного права, к которому имеет отношение Рисале-и Нур, я также надеюсь на защиту и моих личных прав общественным прокурором.

Отошедший двадцать два года назад от общественной жизни Новый Саид, который не зная существующих законов и о способах своей защиты, предоставил здешнему суду такую же неопровержимую

Примечание: четыре землетрясения во время четырех сильных нападков, подтвердило данное заявление

защитительную речь из ста страниц, как на процессах в Эскишехире и Денизли, и который до этих пор уже расплатился за свои ошибки, а после этого провел свою жизнь в Кастамону и Эмирдаге под постоянным надзором и в полной изоляции; теперь же он безмолвно передает свое слово Старому Саиду. А Старый Саид говорит:

По причине того, что Новый Саид отвернулся от этого мира, он не считает нужным разговаривать со светскими людьми, только если нет необходимости в защите своих прав. Однако, присутствие в этом процессе многих невинных земледельцев и ремесленников меня сильно огорчило, так как, из-за незначительной связи с нами их заключили под стражу, и поэтому они, на период трудовой деятельности, были лишены возможности обеспечивать свои семьи. Это расстроило меня до глубины души. Клянусь, что если бы это было возможным, я взял бы все их трудности на себя. Так или иначе, если и есть здесь какая-то ошибка, то она полностью принадлежит мне. Они в этом невиновны. Таким образом, по причине этого тяжкого состояния, несмотря на безмолвие Нового Саида, я говорю:

Так как, несчастный Новый Саид отвечает на сотни излишних вопросов прокуроров Испарты, Денизли и Афьона, я, отстаивая, в такой же степени, свои личные интересы, еще тринадцать лет назад имел право на три вопроса к Министерству внутренних дел и Юстиции, начиная с Кая Шукрю.

Первый: какой закон позволяет арестовывать сто двадцать человек, включая и меня, из-за словесной перепалки старшего жандарма с человеком из Эгридира, не относящимся к ученикам Рисале-и Нур, у которого нашли мое обычное письмо; что после четырех месяцев расследования, выдвигая им всем оправдательное решение и устанавливая их невинность, они, за исключением пятнадцати из них, подвергли более ста человек материальному убытку в тысячи лир? Согласно какому методу, вы вместо фактов используете принцип вероятности? И по какому правилу правосудия, после девяти месяцев расследования в Денизли, которое закончилось нашим оправданием, вы подвергаете семьдесят человек ущерб в тысячи лир?

Второй вопрос: согласно фундаментальному принципу **وَلَا تَزِرُ وَازِرَةٌ وِزْرَ أُخْرَى**, брат не несет ответственности за ошибки родного брата, на каком законе справедливости вы основываетесь, арестовывая нас из-за своих ложных представлений в славном Рамадане по поводу обнаруженной вдалеке от нас, у незнакомого нам человека, небольшой брошюры, которую

мы запретили публиковать во избежание его неправильного трактования; и которая в течение восьми лет один или два раза попала мне в руки; вместе с тем, что первоначально она была написана двадцать пять лет назад с намерением избавить верующих от сомнений и отрицаний непонятных и аллегорических хадисов; а также, по поводу найденного в Кутах и Балыкесире трогательного письма? Какой закон справедливости требует в условиях этого сурового мороза, арестовывать за обычное и старое наше письмо многих невинных земледельцев и ремесленников, и еще того, кто из-за дружеских отношений с нами, или благодаря прочитанной им одной книги, перевозил меня на своем автомобиле, что в результате своего излишнего подозрения расстраивает всех их? И согласно какой статье правосудия вы подвергаете всю страну и нацию материальному и духовному ущербу в тысячи лир? Мы просим рассказать нам об этих законах, чтобы в последующем не предпринимать каких-либо ошибочных шагов.

Да, истинная причина наших арестов в Денизли и Афьоне, заключена в следующем: несмотря на то, что первоначально Пятый Луч был написан много лет тому назад, во время работы в Даруль-хикмети Исламие, с идеей спасения веры простых людей от отрицания непонятных смыслов и комментариев к некоторым хадисам, которые они считали далекими от своего понимания; и поскольку, конфиденциальный по значению Пятый Луч не был обнаружен у нас в результате обысков, а его тайные повествования верны и устраняют все сомнения в вопросах веры, а также, не идет в противоборство и не нарушает общественного порядка, при том, что он, не указывая на личности, только информирует и излагает во всеобщем виде научную истину; и если, допуская невозможное, он будет издан в наше время и нацелен на этот мир и политику, а его истина событий будет относиться к некоторым личностям, то безусловно, во избежание причин для дальнейших судебных разбирательств, он будет засекречен нами еще до того, как обнаружится судом; и это наше действие согласно правосудию никак не сможет стать причиной нашего осуждения. К тому же, я не считаю, что в мире найдется такой закон правосудия, который обнаружит хоть какую-либо вину в следующей фразе: «отвергнуть что-либо – это одно, а научно не принимать или не следовать этому – совсем другое. И данная брошюра, научно не принимает тот режим, который будет установлен в недалеком будущем».

Вывод: мы ставим в известность и готовы это доказать, что если в небольшом трактате окажется не только один – два

пункта, а скорее, даже будут тысячи таких ошибок, они должны быть прощены благодаря тысячам заслуг Рисале-и Нур, который в течение тридцати лет, опираясь на истины Корана, в блестящем и превосходном виде доказал основы счастья в двух мирах для этой нации, и который удостоился успехов в искоренении страшных натуралистических идей безбожия и абсолютного безверия, уничтожающих вечный мир, и превращающих в ужасную отраву мирскую жизнь и все ее наслаждения.

Третий вопрос: для изложения письма существует норма, которая, если подвергает цензуре пять предосудительных слов из имеющихся двадцати, то она позволяет снять подозрения с остальной его части; но, несмотря на это, Эскишехирский суд, после четырех месяцев исследования, обнаружил среди ста тысяч слов по внешним признакам подозрительными только пятнадцать из них, а в написанном тридцать лет назад четырехсотстраничном собрании Зульфикар, в Кабинете Министров не затронули ничего, помимо толкования двух аятов на двух его страницах (несоответствующие современным законам); и у экспертной комиссии Денизли и Анкары тоже вызвало сомнение только пятнадцать ошибок; и хотя до настоящего времени Рисале-и Нур принес тысячу несоизмеримых польз для страны и нации, становясь тем самым причиной исправления сотен тысяч человек, по какому же принципу руководство страны берет под арест тех несчастных, в период трудовой деятельности и во время страшного холода, которые старались малость служить и переписать хотя бы одну брошюру, чтобы спасти свою веру, а также, из сострадания к моей старости и одиночеству, подобно Чалышканам, искренне служивших мне братством в Эмирдаге? Так какой же закон это позволяет?

Поскольку Республика, согласно закону свободы совести, не вмешивается в личную жизнь нерелигиозных людей, бесспорно, она также не должна вмешиваться и в жизнь верующих, которые в меру своих сил стараются не участвовать в делах этого мира, и которые не идут в противодействие с беспечными людьми, а всего лишь стремятся для пользы своего Иного мира, веры и страны. Мы уверены, что политики не смогут запретить главенствующие на Азиатском континенте богобоязненность и благонравие, которые, в этом удостоенном пророчествами регионе, на протяжении тысячи лет являются пищей и бальзамом для этого народа. Человечность требует не обращать внимания на не соответствующие современным нормам ошибки в указанных вопросах прежнего Саида, который уже двадцать лет, как живет в одиночестве.

Я считаю своим патриотическим долгом напомнить вам во благо страны, народа и общественной безопасности, о следующем: заключать нас подобным образом под стражу и расстраивать из-за таких незначительных отношений с нами и Рисале-и Нур, может обернуть против руководства и безопасности многих полезных для родины религиозных людей, что впоследствии приведет к анархизму.

Да, число спасших свою веру благодаря Рисале-и Нур, а также, обретших положение безвредных и полезных для общества людей, уже превысило сто тысяч. Возможно они, с их пользой и благонаравием, имеются в каждом большом кругу руководства республики и в каждом сословии общества. И очень важно не беспокоить их, а скорее, даже оказывать им поддержку.

У нас есть основание полагать, что некоторые официальные лица, которые не прислушиваются к нашим жалобам и не дают нам говорить, а также подавляют нас под разными предлогами, открывают в этой стране дорогу анархизму.

Кроме того, во имя благополучия страны я скажу следующее: поскольку суды Денизли и Анкары не нашли в Пятом луче того, к чему можно было бы придраться, и они, после изучения, вернули его нам; разумеется, власти не должны придавать его конфиденциальность огласке и создавать почву для слухов. Так как, мы скрывали эту брошюру до того, как она попала в суд и была выставлена на всеобщее осуждение, Афьонские власти и суд также не должны делать ее поводом для допросов. Ибо, его смыслы сильны и неопровержимы; и верно повествуют о событиях еще до их наступления. И также ее целью не является земное. В любом случае, один из многих смыслов совпал с уже усопшей личностью. Это обстоятельство заставило мою совесть напомнить вам ради страны, нации, общественного порядка и безопасности, не придавать огласке и критике эти тайные повествования из-за фанатичной приверженности к нему, что может послужить причиной для еще большего их распространения.

ОБЩЕСТВЕННОМУ ПРОКУРОРУ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ И ГЛАВЕ АФЬОНСКОГО СУДА

[Излагаю вам в защиту своих прав девять «принципов», которые были представлены судебным органам Денизли.]

Уже двадцать лет, как я отстранился от общественной жизни, и в особенности от такой официальной, изысканной и политической. И я не знаю какую позицию нужно принимать в данных ситуациях. А мысли об этом даже причиняют мне сильную боль. Но, я был вынужден представить это неорганизованное выступление и ходатайство, которые на другом судебном процессе стали моим ответным заключением и выводом на беспорядочные, излишние и повторяющиеся вопросы одной бесчеловечной личности. Возможно, в нем будут иметься и лишние повторения, и противоречащие новым законам пояснения, и запутанные не относящиеся к теме суровые выражения, которые в итоге могут обернуть положение против меня. Однако, поскольку они касаются истин, то из почтения к ним прошу не принимайте их во внимание. Итак, это ходатайство и защитительное выступление основывается на девяти принципах.

Первый: Так как в соответствии с государственным законом о свободе совести, власти не мешают нерелигиозным и распутным людям, несомненно, это делает необходимым не затрагивать также набожных и богобоязненных. Ввиду того, что ни одна нация не сможет жить без веры, и в отношении религии Азия не похожа на Европу, а Ислам в вопросах личной и потусторонней жизни не соответствует Христианству, и неверующий мусульманин не может уподобляться другим безбожникам. И поскольку, ни одна цивилизация вместе с его прогрессом не смогут занять место религии и благонравия, и особенно познаний истин веры, ставших в степени естественных потребностей для нации этой страны, которая в течение тысячи лет освещала своей религией весь остальной мир, героически сохраняя ее целостность против натиска всех врагов; и к тому же никто не заставит забыть их об этих потребностях. Безусловно власти, которые правят народом этой страны, действуя в рамках правосудия, законов и внутренней безопасности, не будут и не должны нападками обвинять Рисале-и Нур.

Второй принцип: Поскольку отвергать что-либо – это одно, а не следовать этому – совершенно другое. Так или иначе, у каждого правительства имеются его ярые противники; а также, принимая во внимание факт проживания мусульман на подвластных многобожникам территориях, и расположения христиан и иудеев под властью Халифа Умара (р.а.) в период его правления, все это говорит о том, что в каждой стране у людей, не вмешивающихся

в безопасность и руководство страны, имеется право на личную независимость, и они не могут быть ограничены, с учетом того, что власти смотрят только на фактически содеянное и не знают истинного намерения сердца. И тот, кто предпринимает попытки вмешаться во внутреннюю безопасность, или руководство и политику, несомненно, будет проявлять интерес через газеты и мировые события, чтобы узнать о положениях, ситуациях и движениях, которые помогут ему избежать в дальнейшем ошибочных действий. Но, тем не менее, Рисале-и Нур в таком исключительном виде запретил своим ученикам вмешиваться в эти дела, что уже вот двадцать пять лет, как он заставил меня утратить какой-либо интерес к чтению газет, о чем могут подтвердить даже мои близкие друзья. И сейчас уже десять лет, как он вывел меня из общественной жизни до такой степени, что помимо поражения Германии и распространения коммунизма, я не получал никаких сведений о ходе и положениях мировых событий. Разумеется и без сомнения, мудрость властей, законы политики и принципы правосудия не могут предъявить обвинения ни мне, ни таким как я, моим братьям; а предъявляющий же, в любом случае, будет делать это или из подозрений и корысти, или же из своего упрямства.

Третий принцип: Я вынужден дать следующее более длинное разъяснение, по причине бессмысленных и излишних возражений прокурора на прошлом процессе, который, искажая смыслы Пятого Луча, задавал вопросы не на законных основаниях, а вследствие своей фанатичной любви к усопшей личности.

Во-первых: еще до того, как Пятый Луч попал в руки властям, мы держали его в тайне от всех. И он, в результате проведенных обысков, не был обнаружен у меня. Единственная цель его написания заключалась в спасении простых верующих от сомнений и отрицаний аллегорических хадисов. К аспекту этого мира он был устремлен косвенно, отведя для него третье или даже четвертое место по степени важности. Более того, процитированные достоверные сведения не призывают к борьбе с политиками и мирскими людьми, а всего лишь описывают ход событий. И, не обуславливая конкретные личности, излагает истину хадисов в собирательном значении. Однако, они эту собирательную истину применили к ужасной личности нашего столетия, и предполагая о более поздних сроках его написания, стали возражать этому. В то время, как черновой его вариант был написан намного ранее моей работы в Даруль-хикмети Исламие. А затем, спустя время, после некоторой правки он был добавлен в собрание Рисале-и Нур. Итак:

Сорок лет назад, за год до провозглашения второй Конституции, о переходе к новой политической системе, я приехал в Стамбул. В то время, главнокомандующий японской армией обратился к мусульманским ученым с некоторыми религиозными вопросами; и Стамбульские богословы спросили об этом у меня, и еще о многом другом касательно этого.

Например, один из этих хадисов гласит, что *«одна ужасная личность в преддверии Конца Света встанет утром, и на его лбу будет написано «Это – безбожник».*

Я ответил: «Некая личность встанет во главе этого народа, поднимется утром, наденет шляпу и других заставит ее носить».

За этим последовал следующий вопрос: «А не станут ли неверными те, кто наденет ее?»

В ответ я сказал: «Поскольку это случится по принуждению, не позволяя одевшему шляпу падать ниц... Однако, Ин шаа Аллах, его вера, склонившись в земном поклоне, сохранит его на правом пути».

Затем меня спросили: «Та же самая личность выпьет некую жидкость и в его руке образуется дыра. В связи с чем станет ясно, что это Суфьян».

В ответ я сказал: «О чрезмерно расточительном человеке в народе говорят, что у него руки дырявые». То есть, имущество в его руках не держится долго, утекает и пропадает. Таким образом, та ужасная личность пристрастится к спиртному и придет к нескончаемому мотовству, а затем пристрастит к этому и других».

После чего, один из них у меня спросил: «Когда он умрет, в Стамбуле на высоком столбе сатана объявит на весь мир: «Такой-то умер!»

Тогда, я ответил им: «Об этом будет доведено до сведения посредством телеграфа». Но позднее, я узнал об изобретении радио, и понял о своем неточном ответе. Через восемь лет, занимая должность в совете Даруль-хикмети Исламие, я сказал: «Подобно сатане, с помощью радио известит об этом событии на весь мир».

Затем, они продолжали задавать мне вопросы касательно Стены Зулькарнейна, Йаджуджей и Маджуджей, Даббатуль-арз, Даджала и нисхождения Иисуса (а.с), на которые я дал удовлетворяющие ответы. И даже частично я рассмотрел эти темы в своих прошлых работах.

Некоторое время спустя, Мустафа Кемал дважды вызывал меня в Анкару через бывшего губернатора провинции Ван, моего старого друга Тахсин бея, чтобы в качестве награды выразить признательность за работу «Шесть атак». Я приехал в Анкару, и он предложил мне

должность муфтия в восточных провинциях вместо Шейха Синуси, по причине его незнания курдского языка, с жалованием в триста лир. Вместе с моей прежней должностью в министерстве по религиозным делам в совете Даруль-хикмети Исламие, так же мне было предложено место в парламенте. Вдобавок, Султан Решад отдал приказ выделить девятнадцать тысяч золотых лир на заложенный мною в Ване фундамент Восточного университета Медресетузехраны, под которым поставили свои подписи сто шестьдесят три депутата из двухсот. Но, несмотря на это, я увидел там в одной личности часть предсказанных в Пятом Луче признаков. В результате чего я был вынужден отказаться от тех различных руководящих постов. И сказав, что «против этого человека нельзя выступать с силой», я оставил политику и светскую жизнь, чтобы занять свое время только поиском пути спасения веры. Однако, затем некоторые безжалостные и жестокие чиновники заставили меня написать две-три работы, нацеленные на этот мир. После очередных вопросов касательно этих аллегорических хадисов о событиях Конца Света, я доработал этот трактат и, приведя его в окончательный вид, включил в собрание Рисале-и Нур, уже как Пятый Луч.

Ну а порядок следования пронумерованных тем Рисале-и Нур не составлялся последовательно хронологии их написания. Например, Тридцать третье Письмо было написано намного раньше Первого, а черновой вариант Пятого Луча и еще некоторые экземпляры были написаны прежде написания самого Рисале-и Нур.

Так или иначе, ошибочные и незаконные возражения прокурора по данному вопросу, как следствие его фанатичной любви к Мустафе Кемалю, вынудили меня отступить от темы и дать это подробное изложение. А в качестве примера, я приведу некоторые из сугубо личных и ошибочных выражений, сказанных им от имени правосудия.

Он сказал: «Неужели, ты не чувствуешь угрызения совести за оскорбительные заявления, называя его «алкогольным насосом?»».

В ответ на его фанатичную любовь и совершенно бессмысленное возражение я скажу: «Всю славу и триумф героической армии нельзя приписывать одному командующему, так как ему в этом деле принадлежит только одна часть. Например, отдать все трофеи и добычу одному командиру, в действительности может оказаться жестокостью и ужасной несправедливостью».

Да, как он обвиняет меня в нелюбви к этой жестокой и заблудшей личности, тем самым делая из меня предателя родины так же и я признаю его виновным в нелюбви к армии. Потому что, в то время,

когда он отдает всю славу и духовные успехи своему другу, то полностью оставляет целую армию без той славы. Справедливость же требует, чтобы достоинства, награды и блага, распределялись на каждую единицу одного общества, в то время, как недостатки, потери и неудачи, отдаются их руководителям. Ввиду того, что бытие одной вещи может согласовываться с наличием всех его условий и элементов; то руководитель этого общества может выступать только в качестве одного из этих условий. А небытие и несуществование этой самой вещи может произойти из-за отсутствия или невыполнения всего одного условия. В этот момент, результат неудач отдается лидерам и руководителям. Достоинства и блага большей частью являются позитивными и относятся к бытию; лидеры не могут полностью претендовать на них. Тогда, как все негативное и злополучное носит разрушительный характер и относится к небытию, руководители же несут за них ответственность. Поскольку истина и справедливость таковы, поступая противоположно, люди в триумфе одного племени несправедливо восклицают: «Молодец Хасан Агабей»; но если они терпят поражение, то обвиняют все племя полностью; в такой же степени, поступая совершенно противоположно истине, прокурор обвиняет меня так, словно выносит решение от имени правосудия.

Именно, подобно этому заблуждению незадолго до Первой мировой войны, в Ване ко мне пришли благочестивые и религиозные люди, и сказали: «Некоторые руководители поступают несоответственно основам религии. Присоединяйся к нам и мы вместе поднимем восстание против них».

Я им ответил: «Результат этих недостатков и безбожия характерны только тем руководителям. Войско армии не несет за них ответственности. Возможно, в рядах этой Османской армии имеется сто тысяч святых. И против такой армии я не стану обнажать свой меч, чтобы участвовать с вами».

Затем они оставили меня, и обнажили свои мечи; вследствие чего произошел безуспешный инцидент в Битлисе. Через некоторое время началась война, и та армия приняла в ней участие во имя религии. Сто тысяч мучеников поднялись на степень святых, и своей кровью подписались под указом святости, подтверждая этим мое заявление.

В любом случае, пристрастное и необъективное отношение прокурора, который иронично выступал против нас и Рисале-и Нур, понудило меня написать это длинное изложение от имени независимого от внешнего воздействия правосудия.

Четвертый принцип: После четырех месяцев исследования сотен брошюр и писем, Эскишехирский суд, сделав поводом пятнадцать слов в двух трактатах, смог осудить на шесть месяцев заключения только пятнадцать из ста двадцати человек, и меня на один год. Однако они нам вынесли оправдательное решение в вопросах, касающихся суфийского ордена, организации политического общества и резкой критики шляпы. Так или иначе, мы уже понесли наказание. Позднее, при многочисленных обысках в Кастамону, они ничего не обнаружили. А за несколько лет до этих событий, в руки властям Испарты попали все без исключения брошюры Рисале-и Нур. И все они, после трех месяцев исследования были возвращены их владельцам. Спустя несколько лет, все трактаты Рисале-и Нур, два года хранясь в судах Денизли и Анкары, были возвращены нам.

Поскольку истина такова, те, кто признает меня и учеников Рисале-и Нур виновными, подобно тому пристрастному прокурору, прежде обвиняют в правонарушении суд Эскишехира и Денизли, власти Кастамону, Министерство юстиции Испарты, и Уголовный суд Анкары, делая их соучастниками в наших преступлениях и конечно, если таковые имеются. Или же, эти три-четыре органа управления и два суда просто оставили без внимания наличие нашей вины ибо несмотря на свою заинтересованность, в течение двух лет после детального изучения, они не смогли определить степень виновности, что делает их более ответственными в этом. Однако, если бы у нас было желание вмешаться в этот мир, это не походило бы на жалкий писк комара, а разорвалось бы и гудело подобно снаряду.

Да, любой, кто обвиняет в политических интригах человека, который решительно и беспрепятственно защищался перед гневом Мустафы Кемала и на Военном Трибунале после событий Тридцать Первого Марта во время Первой мировой войны, говоря, что он в течение восемнадцати лет тайком строит планы, несомненно, делает это только из корыстных соображений. Мы надеемся, что прокуроры Денизли и Афона уберегут нас от обвинений и зла таких людей, проявляя истинное правосудие.

Пятый принцип: Основополагающий принцип учеников Рисале-и Нур заключается в том, чтобы по мере возможности не вмешиваться в политику, в вопросы управления и деятельность властей, потому что для этих учеников достаточно искреннего служения Корану.

Мало того, те, кто вступают сейчас в политику среди главенствующих и властолюбивых течений, не смогут сохранить своей непредубежденности и искренности. Они станут предметом

одного из течений, и в результате их будут использовать для своих мирских целей. А это в свою очередь может привести к разрушению святости служения.

К тому же, в этом столетии, в условиях господствующей тирании и деспотизма, в физической борьбе ему придется сломить многих невинных сторонников человека, который совершил какой-либо проступок. В противном случае, он окажется побежденным.

Так же, по мнению тех, кто ради этого мира отказался от своей религии, или использовал ее в своих целях, священные и блистательные истины Корана будут представляться в качестве орудия и инструмента для политической пропаганды.

Кроме того, каждое сословие общества – сторонники и противники, должностные лица и простые люди – имеют свою долю от тех истин. Поэтому ученики Рисале-и Нур, чтобы оставаться совершенно беспристрастными, должны полностью избегать политики и физической борьбы, и никоим образом не участвовать в их деятельности.

Шестой принцип: *В данном вопросе Рисале-и Нур не может быть атакован из-за моих личных недостатков, или же из-за ошибок некоторых моих братьев. Он неразрывно связан с Кораном, а Коран же связан с Арш-и Азам. У кого же хватит сил, протянуть туда руки и разорвать те крепкие связи?*

И еще, согласно указаниям тридцати трех аятов Корана, трех чудесных сообщений Имама Али (р.а.), и бесспорных оповещений Гавс аль-Азама (к.с.), Рисале-и Нур исполнил в этой стране свой необыкновенный долг, а также стал источником материального и духовного изобилия, и поэтому он не может и не должен нести ответственности за наши мелкие и личные недостатки. В противном случае, этой стране будет причинен как материальный, так и духовный урон, которые в последствие невозможно будет компенсировать.

Ин шаа Аллах, нападки и дьявольские происки враждебных безбожников против Рисале-и Нур будут сорваны. Его учеников недопустимо уподоблять другим; с божьей помощью они не будут повержены и уничтожены. И если бы Коран не запретил им вооруженное противостояние, то ученики, которые распространились и завоевали у людей расположение к себе, становясь на положении жизненной силы для этой нации, не стали бы участвовать в таких мелких и безрезультатных событиях, как шейх Саид и Менемен. Да сохранит Аллах, если гонениями и нападками на Рисале-и Нур вынудить их к этому, несомненно, вводящие в заблуждение власти безбожники и лицемеры тысячи раз пожалеют об этом.

Вывод, поскольку мы не вмешиваемся в жизнь мирских людей, то и они не должны вмешиваться в нашу потустороннюю жизнь и в наше религиозное служение.

[Изложу вам в точности из моих старых воспоминаний один приятный случай защитительного выступления, который на суде Эскишехира остался засекреченным, не был зафиксирован в официальных отчетах и не включен в защитительные речи.]

У меня спросили: «Какого ты мнения о республиканском строе?»

Я им ответил: моя биография, которая находится перед вами, подтвердит, что еще до вашего появления на этот свет, не считая здешнего председателя суда, я был религиозным республиканцем.

Краткий его вывод таков: как и сейчас, в те времена я находился в уединении. Из того рисового супа, который мне приносили в келию, я сыпал зерна муравьям, а сам ел окунутые в суп кусочки хлеба. На вопрос свидетелей этого, я отвечал: «Эти муравьи и пчелы живут общиной, и я давал зерна муравьям из уважения к их стремлению жить общественной жизнью».

Затем, они сказали: «Ты действуешь вопреки убеждениям Праведных Предков». В ответ, я сказал: «Каждый из Праведных Правителей был Халифом и лидером общества. Несомненно, что Абубакр Сыддык (р.а.), Аширеи Мубашере и Почтенные Сподвижники выступали в качестве лидеров республики. Однако, они не были бессмысленным олицетворением этого титула, а скорее они являлись лидерами общества в религиозном понимании, то есть, представляли истинную справедливость и свободный Шариат.

Таким образом, я обращаюсь к общественному обвинителю и судебным заседателям! Вы обвиняете меня в противоположность моим убеждениям, имеющимся у меня в течение пятидесяти лет. Если вы спрашиваете меня о светском государстве, то насколько я знаю смысл понятия светский, означает быть нейтральным, то есть, воспринимаю такую власть, которая по правилу свободы совести не задевает права как безбожников и распутных, так и набожных и богобоязненных. Вот уже десять лет – а сейчас уже прошло двадцать – как я отстранился от политической и общественной жизни. И я не знаю какое положение приобрела на данный момент власть. Но не приведи Господь, если принятые посредством безбожия законы сейчас обрели такие зловеющие формы, что привлекают к ответственности живущих для своей веры и Иного мира, то я с бесстрашием напоминаю и заявляю, что будь у меня даже тысячу жизней, я готов буду ими пожертвовать ради

веры и своего Иного мира. *Делайте что вам угодно! Последним моим словом будет, حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ*, и в ответ на ваши несправедливые смертные и строгие приговоры я скажу, что с убедительными открытиями в Рисале-и Нур, я не приговариваюсь к казни, а скорее, получив освобождение, отправляюсь в мир света и счастья. А вас, о несчастные, угнетающие нас посредством заблуждения, я знаю и воочию вижу приговоренными к вечной казни и пожизненному одиночному заточению, и сполна отомстив вам за себя, готов с совершенным спокойствием в сердце отдать душу!

Седьмой принцип: Согласно проводимым в других местах результатам поверхностных исследований, Афьонский суд воспринимает нас, как некое политическое общество и рассуждает о нас с этой точки зрения. Ответ же на это заключается в следующем:

Во-первых: по свидетельству всех находящихся со мной в дружеских отношениях становится известно, что в течение девятнадцати лет я не проявлял интереса, не читал и не слушал чтения газет, а последние десять лет я не знал ни о чем, кроме поражения в этой мировой войне Германии и коммунистического ужаса. Такой человек, безусловно, не может иметь никакой связи с политикой, и никаких отношений с каким-либо политическим обществом.

Во-вторых: сто тридцать частей Рисале-и Нур официально предоставлены для всех читателей. Понимая, что кроме истин веры в их содержании нет каких-либо мирских стремлений и целей, Эскишехирский суд не цеплялся к ним, за исключением одной или двух его частей, а Денизлинский суд не придрался ни к одной из них. Решающим доказательством того, что ученики Рисале-и Нур не представляют собой политическое общество является то, что после восьми лет постоянных наблюдений полиция Кастамону не смогла найти и обвинить кого-либо, за исключением двух моих помощников и еще троих людей, обвиненных под тем или иным предлогом. И если под «обществом» в обвинительном заключении подразумевается «община», заинтересованная в своих религиозных убеждениях и Ином мире, то мы отвечаем на это так: Если это слово применимо к студентам университетов и торговцам, то так же, как и к ним, оно может быть применено и к нам.

Однако, если вы называете нас обществом, которое собирается нарушить внутреннюю безопасность, используя при этом религиозные чувства, то в ответ мы скажем: Тот факт, что в течение двадцати лет в эти бурные времена ученики Рисале-и Нур нигде и ничем не нарушили внутреннюю безопасность и общественный

порядок, а также тот факт, что ни один подобный инцидент не был зафиксирован ни правительством, ни каким-либо судом, опровергают данное обвинение в отношении нас.

Ну, а если под словом «общество» подразумевается укрепление религиозных чувств среди всех ее представителей, которое может нанести вред внутренней безопасности в будущем, то мы скажем следующее:

Во-первых: управление по делам религии и все проповедники выполняют ту же обязанность.

Во-вторых: ученики Рисале-и Нур не только не нарушают общественный порядок и внутреннюю безопасность, а скорее, всеми своими силами и убеждениями они трудятся ради защиты нации от анархии, и ради обеспечения общественного порядка и безопасности, о чем было разъяснено в первом принципе.

Да, мы являемся общиной. Наша цель и программа состоят в том, чтобы прежде всего спасти себя, а затем и наш народ, от вечной казни и одиночного заточения в Ином мире, сохранить наших соотечественников от анархии и беззакония, а также защитить себя стальными истинами Рисале-и Нур от безбожия, которое является причиной уничтожения нашей жизни и в этом мире, и в Ином.

Восьмой принцип: Исходя из полученных в других местах результатов неполноценного и поверхностного исследования Рисале-и Нур, нас обвиняют в том, что в содержании некоторых трактатов имеются крайне резкие выражения. В ответ на это мы говорим: Поскольку наши стремления заключены в вере и Ином мире, мы не вступаем в противоборство с мирскими людьми. И поскольку, та незначительная резкость была сделана в одной или двух брошюрах непреднамеренно, а скорее, даже мы столкнулись с ней при движении к нашей намеченной цели, то разумеется, это не может восприниматься в качестве политического предубеждения. И поскольку вероятное и фактическое совершенно различны вместо фактически содеянного преступления мы были обвинены в нарушении общественного порядка исходя из вероятного но поскольку, каждого можно обвинить в вероятности совершения убийства, такое обвинение не имеет под собой никакого смысла. И поскольку, ни Эскишехир, ни Кастамону, ни Испарта, ни Денизли, после двадцати лет тщательного исследования среди двадцати тысяч человек и тысяч экземпляров не смогли найти какого-либо основания для реального состава преступления, Эскишехирский суд вынуждено применил к одной небольшой брошюре статью из гибкого закона,

при этом не найдя для этого какого-либо существенного мотива; так же, под предлогом привлечения к ответственности обучающихся религиозным урокам, они смогли дать пятнадцать из ста человек только по шесть месяцев заключения. Интересно, если, как в нашем примере, в течение целого года исследовать у одного из ваших людей двадцать конфиденциальных писем, то неужели в результате в них не найдется двадцать компрометирующих слов, за которые можно будет его пристыдить и обвинить? Однако, тот факт, что у двадцати тысяч людей в двадцати тысячах экземплярах брошюр и писем, они не смогли найти даже двадцати уличающих нас предложений, показывает, что целью Рисале-и Нур является исключительно Иной мир. И он не имеет никаких дел с этим миром.

Девятый принцип: Подобно тому, как справедливым прокурором в Денизли, на основании несправедливого и поверхностного отчета из других мест, были отмечены пункты в обвинительном заключении; так же, и на Афьонском суде, согласно пережитому во время допроса, нам были предъявлены обвинения по тем же пунктам относительно решительных ответов в моем третьем принципе, и на основании моего утверждения во втором Вопросе Пятого Луча, и по поводу четырех-пяти брошюр Рисале-и Нур из имеющихся ста тридцати, а также, недатированных писем двадцати, пятнадцати и десяти лет переписок, которые ранее были оправданы на суде города Денизли, а затем тщательно исследованы Эскишехирским судом, и после определенного срока наказания были освобождены от ответственности. Интересно, можно ли сказать о человеке, который со своей речью во время событий Тридцать Первого Марта смог привести в повиновение восемь батальонов, которые не прислушивались к Шейх-уль исламу и другим улемам, что своими восьмилетними стараниями, как отмечено в докладе полиции, ему удалось ввести в заблуждение только двадцать или тридцать человек? Или например, в большом городе Кастамону, он был в состоянии ввести в заблуждение только пять человек? Ввиду того, что после трех месяцев исследования в Кастамону всех моих конфиденциальных и неконфиденциальных книг, которые в Денизлином деле были извлечены из под груды дров, в этом большом городе они не смогли найти никого, кроме Фейзи, Емина, Хильми, Тевфика и Садыка. И этих пятерых братьев по причине их личного служения мне, выполненного ради довольства Аллаха, они отправили в тюрьму вместе с тремя другими братьями, которые помогали мне в течение трех с половиной лет в Эмирдаге, и еще тремя-четырьмя другими. Но если бы в действительности дело обстояло именно так, как об этом

говорится в сфабрикованном докладе, то я бы ввел в заблуждение не пять или десять человек, а скорее пять сотен или, возможно, пять тысяч, или даже пятьсот тысяч! И как я уже на Денизлинском суде указал на множество ошибок в полицейском отчете, так же, и здесь приведу один-два примера:

Они признали нас виновными в искажении религии из-за того, что мы, следуя действующему со времен Века Счастья обычаю, собрали наподобие книги «Энам» – «Хизби Куран», состоящий из сотен известных аятов, являющихся особенными источниками Рисале-и Нур.

Кроме того, они хотят обвинить нас за извлеченный из-под груды дров Трактат о покрытии женщин, который я рассматривал конфиденциальным, показывая его написанным и опубликованным в этом году, в то время, как мне уже определили за него срок наказания в один год.

Хотя один из известных людей перед лицом моих возражений и резких слов отреагировал в палате председателей Анкары молчанием, ввиду того, что мною сорок лет назад из смыслов хадиса была изложена непринужденная, необходимая и конфиденциальная критика, показывающая после смерти этой личности его заблуждение, обвинительная сторона, с преувеличением делая их поводом для нашего обвинения, применяет это в деле в качестве уголовного преступления. Интересно, что значимее и выше – уважение и почтение к умершей, не имеющей влияния на руководство личности, или же почтение к государству и нации, к справедливости и законам, являющимся проявлением господства Всевышнего Аллаха?!

Мало того, принцип «свободы совести», входящий в число принципов республиканской власти, на который мы более всего ссылаемся при своей защите, они сделали основой для выдвинутых против нас обвинений, будто бы мы выступаем против свободы совести.

К тому же, в протоколе было отмечено ранее невообразимая мною критика в адрес вреда и недостатков современной цивилизации, обвиняя меня в возражениях против современного прогресса, будто бы я не согласен с использованием радио (*Прим.*), самолетов и железной дороги.

Итак, основываясь на этих примерах, Ин шаа Аллах, совестливые и справедливые прокурор и суд города Денизли, не

Примечание: я сказал, для того, чтобы выразить великую благодарность за такой великий Божественный дар, как радио, необходимо было «дать услышать всему человечеству на земле чтение Корана по радио, превращая атмосферу в образ Его некоего чтеца».

придав никакого значения этим безосновательным подозрениям, имеющимся в тех рапортах, продемонстрируют в какой степени несправедливому отношению мы подверглись.

И самое поразительное то, что на другом судебном процессе прокурор у меня спросил: «Ты в конфиденциальной теме Пятого Луча сказал: «Армия спасется от уз правления той ужасной личности». То есть, твоей целью было спровоцировать армию к восстанию против правительства». Я же ему ответил: «Я имел ввиду то, что когда этот командующий умрет или же будет сменен, армия спасется от его диктатуры. Удивительно, как может быть поводом для обвинений чрезвычайно конфиденциальная брошюра, которую никто не видел, и которая излагает всеобщие смыслы хадиса, о предверии Конца Света, написанная много лет назад, и за восемь лет только два раза попавшая мне в руки, а затем сразу же утерянная?» К сожалению, подобные обвинения тех бессовестных лиц вошли в обвинительное заключение.

И самым странным является то, что я в одном месте сказал: «Человечеству следовало бы отнестись с большой благодарностью к таким великим дарам Всевышнего Аллаха, как самолет, поезд и радио... Но оно не сделало этого – и самолетами на их головы были низвергнуты бомбы. И радио является таким же великим Божественным даром, что в знак благодарности Всевышнему необходимо было уподобить его некому Хафизу, читающему Коран миллионами голосов всему населению земли. И излагая в Двадцатом Слове сокровенное сообщение Корана по поводу удивительных достижений цивилизации, я изложил следующее указание одного аята: «Неверные, посредством поезда поработят Исламский мир». Однако, несмотря на то, что я побуждал мусульман к этим удивительным достижениям, в конце обвинительного акта, опираясь на пристрастность предыдущего прокурора, было сказано: «Он против таких открытий современного прогресса человечества как поезд, самолет и радио».

Также, один человек, не имея никакого отношения к предыдущей речи, сделал заявление по поводу второго имени Рисале-и Нур – «Рисалетун-Нур», – которое имеет такое значение, как «послание, вдохновение, взятое из света Корана. В обвинительном заключении они ошибочно вменили мне это в качестве обвинения, сказав, будто «Рисале-и Нур является самим посланником».

И в двадцати местах своей защитительной речи, мы с твердыми доводами доказали, что: *религию, Коран и Рисале-и Нур, мы не используем, даже в отношении всего этого мира! Мы ни одну из их*

истин не променяем на царство всего мира, и доказали это на деле! За двадцать лет есть тысячи признаков этого утверждения. Поскольку это так, я и все мы, изо всех сил говорим:

حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ

Саид Нурси

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ

ДОПОЛНЕНИЕ К МОЕМУ ПИСЬМЕННОМУ ОБЖАЛОВАНИЮ АФЬОНСКОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ.

[Данное обжалование обращено не прокурору и суду города Афьон, а скорее к предубежденным и мнительным должностным лицам, которые основываясь на других ложных и сфабрикованных отчетах прокуроров, доносчиков и информаторов, создали для нас здесь и в Управлении судебного следствия чрезвычайную ситуацию.]

Во-первых, называть без всяких оснований политическим обществом невинных и неимеющих каких-либо связей с политикой учеников Рисале-и Нур, которые не преследуют никаких целей, кроме веры и Иного мира, а затем обвинять и отдавать под суд его активного основателя по поводу организации, чтения и распространения этих книг. В какой степени это является далеким от сути справедливости, твердый его довод таков:

Хотя они, по правилу «свободы слова и печати», не рассматривали в качестве преступления чтение написанных против Корана пагубных произведений Доктора Дузи и прочих безбожников, а чтение и распространение же Рисале-и Нур, который, подобно солнцу дал знать страстно желающим и нуждающимся в познании истины веры и Корана, посчитали противозаконным. Вдобавок, среди сотни трактатов они показали поводом для обвинений только несколько строчек в двух-трех трактатах, запрещенные нами для публикации и державшиеся в строжайшей тайне, дабы избежать их ошибочного истолкования. Между тем как суд города Эскишехир сделал необходимым изучить те брошюры, за исключением одной из них, к брошюре о покрытии женщин, и пристал только лишь в двух местах, которую я в своем ходатайстве и обжаловании оправдал словами: «В наших руках нет политического инструмента, есть только нур», и в суде Эскишехира с двадцати сторон решительно доказал это. Но, несмотря на это, бездушные обвинители, словно относя ко всему собранию Рисале-и Нур три-четыре строчки из трех конфиденциальных и неопубликованных брошюр, обвинили

всех читающих и переписывающих Рисале-и Нур в преступлении, а меня – в борьбе с руководством.

Встречающиеся со мной мои близкие друзья свидетельствуют, и я сам клятвенно заверяю, что уже больше десяти лет, помимо двух председателей, одного депутата и губернатора Кастамону, я не знаю ни глав руководства, ни министров, ни главнокомандующих, ни служащих, ни депутатов, да и не испытывал к этому желание. Интересно, возможно ли вообще такое, что бы человек не знал и не желал бы знать тех, против кого он борется? Кто он – друг или враг? Не придавал бы значения личности противника?

Из всего этого становится ясным, что они преднамеренно будут измышлять самые бесосновательные предлоги, чтобы осудить и приговорить меня к заключению. Но поскольку положение таково, то я обращаюсь не к здешнему суду, а скорее к тем бессовестным: Я не дам и гроша вашему, даже самому суровому наказанию! И значимости она никакой не имеет! Так как я уже в возрасте семидесяти лет, и нахожусь у дверей могилы. Променять на степень шахида подобных два года угнетенной и невинной жизни для меня является большим счастьем. Ведь с тысячами доводами Рисале-и Нур у меня есть твердая вера в то, что смерть для нас является освобождением от прижизненных обязанностей. Будь даже смертный приговор – для нас этот трудный час будет ключом в мир вечного счастья и милости. Однако, о, вводящие посредством своего безбожия судебные власти в заблуждение и беспричинно настраивающие против нас руководство! Твердо знайте и трепещите: Вы приговариваетесь к вечной казни и к пожизненному одиночному заточению. И мы видим, как наша месть будет в многократном виде возмещена, при этом мы сочувствуем вам. Да, истина смерти, сто раз опустошившая этот город на кладбище, несомненно желает от жизни чего-то большего. И найти способ, чтобы спастись от ее казни, для всего человечества является самым большим, самым важным и самым необходимым вопросом естества. Даже безумцы поймут в какой степени на взгляд истины и справедливости становятся виновными обвиняющие под банальными предложениями Рисале-и Нур и его учеников, которые с помощью его тысячи доводов нашли для себя этот способ.

Три факта, которые ввели в заблуждение этих безбожников и натолкнули их на подозрения по поводу неимеющего какого-либо отношения к нам политического общества:

Первый, факт поддержания моими братьями со мной с давних пор сильных братских отношений, вызвало у них подозрения относительно некого общества.

Второй, некоторые ученики Рисале-и Нур действовали подобно имеющимся повсюду группам исламских общин, свободно функционирующих согласно республиканским законам. Между тем как, намерением этих трех-четырех братьев не было образовывать общество, скорее это было истинной сплоченностью и искренним братством в чистом служении вере.

Третий, те бездушные, видя себя в заблуждении и в предании земным утехам, и найдя для себя удобными некоторые законы властей, мысленно говорят: «Вполне вероятно, что Саид и его братья настроены против нас и «законов цивилизации», благоприятствующих нашим недозволенным страстям. А если так, то это противоборствующее политическое общество».

Я же отвечаю: «О, несчастные! Если бы этот мир был вечен, и человек в этом мире тоже оставался бы навечно, а из обязанностей у него была бы только политика, то возможно в этой вашей клевете имелся бы какой-то смысл. К тому же, если бы я относился к делу посредством политики, вы бы нашли среди ста трактатов не десять предложений, а скорее, даже тысячу политических и оппозиционных строк. И допуская невозможное: предположим, что мы, подобно вам, изо всех сил стараемся ради мирских целей, своих удовольствий и политики, (то даже сатана в этом не смог бы убедить кого-либо). Допустим, пусть будет даже так, но ведь за двадцать лет не было ни одного негативного случая, а власти, с учетом оппозиционных сил, смотрят лишь на содеянное и не могут знать истинного намерения сердца; то разумеется, вновь согласно законам справедливости нас нельзя будет обвинять! И последнее наше слово:...

حَسْبِيَ اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ عَلَيْهِ تَوَكَّلْتُ وَهُوَ رَبُّ الْعَرْشِ الْعَظِيمِ

Саид Нурси

[Излагаю вам в этом новом деле десять пунктов злоупотребления, которые несмотря на мою отрешенность и непричастность к политике, через три года после оправдания в Денизлине суде, привели к нашему аресту в Афьоне.]

Первый: Хотя Рисале-и Нур в течение двух лет был внимательно исследован тремя судами и экспертными комиссиями, и прошел через руки семи правительственных учреждений и Министерства юстиции Анкары, в конечном итоге, все трактаты получили единогласное оправдание без какого-либо возражения; в дополнение

к этому, Саид вместе с семидесятью пятью братьями не получив постановления даже на срок одного дня тюремного заключения, суд вынес им оправдательный приговор; в результате чего, обладающий даже малейшим рассудком поймет, что налагать на эти трактаты новый арест, как на пагубные книги, будет полностью противоречить законам правосудия.

Второй: Любой, у кого есть даже частица совести поймет, насколько будет противозаконным врываться под политическим предлогом в запертую дверь и беспокоить человека, несмотря на то, что с момента оправдания в незнакомом ему Эмирдаге, он в течение трех с половиной лет жил в полном одиночестве с запертыми с двух сторон дверьми, и принимал к себе только по неотложному делу одного из ста человек, и который после двадцати лет отказался продолжить написание своих трудов, и кроме арабских молитв и настенной религиозной вывески у него не было найдено ничего.

Третий: Как об этом уже было сказано на суде: если у человека есть семьдесят свидетелей, подтверждающих тот факт, что он в течение семи лет ничего не знал о событиях Второй мировой войны, а сейчас уже прошло десять лет с того момента, как он не проявлял к этому никакого интереса, и в течение двадцати пяти лет не читал и не слушал газет, а тридцать лет назад, сказав

أَعُوذُ بِاللَّهِ مِنَ الشَّيْطَانِ وَالْبَيْيَاسَةِ изо всех сил избегал политики; а для того, чтобы не привлекать к себе внимание государственных деятелей и не принимать участия в политике он ни разу не обратился к властям с целью облегчения этих двадцати двух лет мучительных условий содержания. Будет ли соответствовать какому-либо закону вторжение в личные покои такого человека, и причинение ему обысками в его больном состоянии небывалых мучений, словно он был организатором каких-то политических интриг? Любой, кто обладает даже крупицей совести, проявит жалость в таком его состоянии.

Четвертый: После шести месяцев исследования Рисале-и Нур, в Эскишехирском суде нам были предъявлены обвинения в организаторстве политического общества и суфийского ордена, и в связи с этими подозрениями, главный руководитель из-за личной неприязни к нам настоятельно призывал определенных сотрудников судебных органов, чтобы они направленно действовали против нас; но, тем не менее, суд снял с нас и Рисале-и Нур эти обвинения; и лишь делая предлогом небольшой отрезок из Трактата о покрытии женщин, произвольно дали по шесть месяцев заключения пятнадцати из ста

учеников. И хотя до завершения сроков исследования они оставались в тюрьме в течение четырех с половиной месяцев, то есть, до полутора месяцев; и несмотря на то, что десятью годами позднее Денизлинский суд вновь под такими же несколькими предложениями, как организация политического общества и суфийского ордена, после тщательного изучения двадцати лет переписок и сочинений, направили их вместе с пятью ящиками книг в уголовный суд Анкары, и при том, что эти книги и письма в течение двух лет были предметом пристального внимания со стороны судов Анкары и Денизли, в отношении политического общества и суфийского ордена (*Прим.*), и по поводу прочих предлогов, они единогласным решением были оправданы; а затем, все книги и письма были возвращены их владельцам. Любой, кто не потерял свою человечность, зная о том, что Саид и его друзья в последствии были признаны невиновными, поймет в какой степени противоречит правосудию, продолжать и в этом случае смотреть на него, как на политического активиста и обвинять его в интригах, провоцируя сотрудников суда против него.

Пятый: *«Милосердие» является главным принципом Рисале-и Нур, которое в течение тридцати лет лежит в основе и моего пути, поэтому я не то чтобы подвергнуть критике злодеев, но и не могу ответить им даже проклятием, дабы не причинить вред ни в чем неповинным. И мое милосердие препятствовало мне ответить им проклятием даже в том случае, когда я гневался на порочную ненависть некоторых развратных людей, или даже на безбожных тиранов, не говоря уже о вооруженной борьбе. В отношении тех жестоких тиранов, я ничего не предпринимал из сострадания к четверем-пяти несчастным, чтоб не навредить их пожилым родителям и невинным детям. А иногда, я даже прощаю их.*

Именно по тайне этого милосердия я категорически не вмешиваюсь во власть и не нарушаю общественного порядка. Так же я настоятельно рекомендовал действовать так и всем моим братьям, что некоторая часть справедливых полицейских в трех провинциях призналась: «Ученики Рисале-и Нур сохраняют внутреннюю безопасность и поддерживают общественный порядок наподобие

Примечание: Основа и цель Рисале-и Нур – это осознанная вера и истины Корана. Поэтому три суда вынесли оправдание книгам Рисале-и Нур по поводу тариката. И за эти двадцать лет ни один человек не сказал: «Саид дал мне уроки тариката». К тому же путь, по которому тысячу лет следовало большинство предков этой нации не может стать поводом для ответственности. И тех, кто успешно борется с тайными лицемерами, называющими истины Ислама тарикатом и противостоящими религии этого народа, нельзя обвинять в том, что они последователи тариката. Что же касается общества, то это собрание в рамках исламского братства, связанное узами Иного мира. Следовательно, это не является политическим обществом, поскольку три суда вынесли оправдание по этой статье.

духовных стражей». И несмотря на то, что в результате двадцати лет наблюдений есть тысячи свидетелей и доказательств данному факту, и что согласно полицейскому протоколу тысячи учеников никогда не принимали участия в произошедших инцидентах, какой же закон позволяет безжалостным людям врваться в дом к несчастному человеку, как к революционеру или хладнокровному мятежнику; и не обнаружив в доме ничего, оскорблять его так, будто он совершил целую сотню уголовных преступлений, а затем собрать все самое ценное, то есть, висящие на стене надписи и рукописный Коран, словно они имели какое-то пагубное воздействие? Какое обстоятельство требует из-за некоторых необоснованных подозрений настраивать против правительства и безопасности тысячи религиозных людей, которые в нравственном отношении служат для общественного порядка?

Шестой: Такой человек, тридцать лет назад, осознавший с помощью заботы Всевышнего и духовного света Корана на сколько бессмысленными, бесполезными и вредными являются временные мирские слава и почет, горделивый эгоизм и любовь к известности, сражаясь с тех пор со своими повелевающими страстями, всеми силами устремился к скромности и старался отойти от эгоизма, показухи и лицемерия, о чем несомненно знают и свидетельствуют те, кто находился рядом и служил ему; и вот в течение двадцати лет всеми силами избегая, нравящихся каждому, расположения людей, хорошего мнения и восхваления по отношению к своей личности и того, чтобы считать себя обладателем высокой духовной степени; и отвергая высокое мнение о себе со стороны своих близких учеников, обижая тем самым искренних из них; и в ответных письмах показывая себя не обладающим высокими совершенствами, а напротив, относя все достоинства и совершенства книгам Рисале-и Нур, являющихся тафсиром Корана, и косвенно к духовной личности учеников Нура, признает себя лишь простым служащим; все это, несомненно, доказывает, что он не желает и не пытается привлечь внимание и любовь к своей личности, а скорее отвергает их. Так по какому же закону он был признан виновным только потому, что без его согласия некоторые из его духовных братьев в отдаленных местах имели чрезмерно хорошее мнение о нем, хвалили его и присвоили ему высокое звание духовности; а также, из-за поддельного письма, написанного и отправленного в Кутахью со слов одного незнакомого проповедника из области Кутахьи, куда он никогда не посылал ни одного письма; и еще из-за одной резкой книги в Балыкесире, автор которой неизвестен? Сможет ли какой-либо закон правосудия в мире позволить чиновникам ломать дверной замок больного и очень

пожилого человека, как будто он совершил тяжкое преступление, давая им для этого в качестве предлога только найденные книги с молитвами и настенные надписи? Какая же политика разрешает совершить такую агрессию?

Седьмой: Хотя в наше время есть все благоприятствующие условия для того, чтобы внутри страны получить пользу от массы оживленных внутренних и внешне-политических партий и течений, то есть, чтобы вместо нескольких своих братьев выиграть в качестве сторонников многочисленных дипломатов и политиков, все же этот несчастный, исключительно намерением не вмешиваться в политику, и не причинять ущерба своей искренности, и не привлекать к себе внимания властей, и не увлекаться мирскими делами, обращаясь ко всем своим братьям, написал: «Будьте осторожны! Не дайте увлечь себя этими течениями! Не вмешивайтесь в политику! Не нарушайте общественного порядка!» Тогда как два таких течения причинили ему вред только из-за того, что он таким образом предпочел воздержаться; первая, по причине их необоснованных страхов, а вторая, говоря, что «он не желает нам помогать», тем самым доставила ему очень много неприятностей. Но, несмотря на все это, он никогда не вмешивался в мирскую жизнь и был занят своим Иным миром и за двадцать два года не написал ни одного письма своему родному брату в деревню, а за двадцать лет не отправил и десяти писем своим друзьям в родной провинции. Как закон позволяет в такой степени вмешиваться в его старания достичь Иного мира?

Интересно, какое правосудие, какая совесть и справедливость позволяют собирать все экземпляры Рисале-и Нур, подобно вредоносным произведениям, в которых три суда не нашли ничего предосудительного при том, что законы не вмешиваются в свободную публикацию нерелигиозных и коммунистических книг, с их крайней пагубностью для страны, нации и нравственности? Ведь Рисале-и Нур в течение двадцати лет стремится сохранить общественную жизнь, мораль и безопасность этой страны; и эффективно борется за восстановление и укрепление братства всего Исламского мира, которое служит истинной опорой для этой нации; и такие части Рисале-и Нур, как Зульфикар и Посох Мусы, которые по приказу министра внутренних дел изучались в течение трех месяцев Управлением по делам религии, без всякой критики заслужили их полного одобрения и были помещены в библиотеку Департамента, как «Ценные произведения»; а Посох Мусы, как стало известно по свидетельству паломников, в знак его принятия был поставлен прямо над могилой Пророка Мухаммада (мир ему и благословение).

Восьмой: Несмотря на свою полную свободу после двадцати двух лет тягот и неоправданных гонений, он не стал возвращаться в свои родные места, где живут его тысячи друзей и родных, а отдал предпочтение одиночеству и чужбине, для того, чтобы не было причин, связывающих его с социальной жизнью и политикой; и многим достоинствам от коллективного поклонения в мечети он предпочел выполнение молитв в полном одиночестве в своей комнате, то есть, с тем, чтобы избегать почтения людей, и обрести своего рода душевное спокойствие; и по свидетельству его двадцатилетней жизни и по подтверждению тысяч достойных турков, он предпочитает одного благочестивого турка многим небрежным курдам; к тому же на суде он доказал, что с такой крепкой верой, как у Хафиза Али, он не променял бы даже одного единственного верующего и богобоязненного турка на сто невежественных курдов; и во избежание уважения и почитаний, он никогда без необходимости не встречался с людьми и не ходил в мечети; и в течение сорока лет изо всех сил и всеми своими трудами старался для исламского братства и добивался взаимной любви между мусульманами; а также, он питает большую любовь к турецкому народу, который является знаменосцем Корана и удостоился его восхваления, проводя свою жизнь среди этих людей; и в отношении такого человека, устраивая языками чиновников пропаганду, бывший губернатор, с целью оскорбления и отпугивания всех друзей от него, говорит: «Он Курд, а вы Турки. Он Шафиит, а вы Ханафиты». И не смотря на то, что два суда не смогли заставить изменить его манеру одеваться, которой он придерживался более двадцати лет, какие обстоятельства позволяют насильно надевать на затворника шляпу, которую принудительно узаконили в армии, внося изменение в их обмундирование? Как закон позволяет вам пойти на это?

Девятый: Очень важный (*Прим.*) и действенный, но из-за того, что он затрагивает политику я предпочитаю промолчать.

Десятый: Из-за некоторых бессмысленных заблуждений делая из мухи слона, эти беспричинные и непозволительные нападки не являются частью какого-либо закона, в связи с чем, мы тоже решили промолчать, чтобы согласно нашему пути не касаться политики.

Примечание: Тот факт, что христиане и евреи живут в исламских государствах, а мусульмане в христианских и зороастрийских странах, показывает, что противникам властей, которые не нарушают общественного порядка или не вмешиваются во власть, нельзя создавать юридические препятствия. Более того, они не несут ответственности за несовершенное. В противном случае из-за вероятности совершения убийства каждый будет предан суду.

Против такого, с десяти аспектов незаконного обращения, мы все говорим: *حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ*

Саид Нурси

НЕСКОЛЬКО ПУНКТОВ ДОПОЛНЕНИЯ К МОЕМУ ХОДАТАЙСТВУ, АДРЕСОВАННОЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОРГАНАМ АФЬОНА.

Первый: Факт появления на свет большинства пророков на Востоке и Азии, и приход большей части философов на Западе и Европе, показывает, что согласно извечному Божественному предопределению в Азии все же доминирует религия, а философия остается на втором месте по значимости. На основе этой формулировки очевидно, что если руководители на этом континенте нерелигиозны, они не должны препятствовать тем, кто старается во благо религии, а скорее, даже им необходимо их поощрять.

Второй: *Мудрый Коран – это разум и интеллект в голове этой земли. И если, не приведи Аллах! Коран выйдет из этого мира, то в этом случае мир сойдет с ума. И будет вполне разумным предполагать, что голова этой планеты, которая лишилась своего разума, столкнется с какой-нибудь планетой, что послужит причиной наступления Конца Света. Да, Коран – это крепкая нить, которая связывает Землю с Аршем Всевышнего, то есть, Он является нитью Аллаха. Он сохраняет землю намного сильнее, чем законы всемирного тяготения. Таким образом, Рисале-и Нур, как неугасающее чудо Корана, в нашем столетии является истинным и действенным комментарием к Корану Превосходно-Излагающему, который уже в течение двадцати лет демонстрирует свою эффективность и показывает, что для этой страны он считается высшей Божественной щедростью. Поэтому, власти не должны вмешиваться и пытаться отпугнуть его учеников, а напротив, необходимо даже содействовать и поощрять людей к чтению.*

Третий: На Денизлином суде, основываясь на осуществленной поддержке всеми верующими, которые молятся о прощении тех, кто отправился в прошлое, и жертвуют их душам свои благие дела, я сказал следующее:

Если на Великом Суде миллиарды верующих истцов у вас спросят: «Почему же вы арестами и гонениями желали уничтожить

Рисале-и Нур и его учеников, то есть, требовали приговора и постоянных страданий для них, в то время, как они служили истинам Корана, стремились сохранить страну от анархии безбожия и безнравственности, а своих соотечественников от вечного уничтожения; при всем вашем желании следовать принципам свободы действий, вы не мешали и смотрели снисходительно на публикации атеистов и коммунистов, позволяли существовать политическим обществам, которые стали причиной появления анархистов? Какой же ответ вы дадите?». Мы тоже спрашиваем у вас! После чего, эти благородные и справедливые люди вынесли нам оправдательное решение, демонстрируя этим справедливость судебной системы.

Четвертый: Я надеялся, что на моих допросах в Анкаре или в Афьоне будут затронуты вопросы первостепенной важности, которые с точки зрения принципов Рисале-и Нур должны быть разрешены в процессе обсуждений. Да, свидетельством того, что Рисале-и Нур для этой нации и страны является наиболее эффективным средством достижения целей в вопросах, связанных с поиском путей восстановления братства, любви, доброй воли и моральной помощи для трехсот пятидесяти миллионов мусульман в целом, заключается в следующем: В этом году в Мекке, один большой ученый, принимая во внимание переводы основных собраний Рисале-и Нур на индийский и арабский языки, с последующей отправкой их в Индию и Аравию, сказал: «Подобно тому, как при помощи Рисале-и Нур, он стремится для обеспечения единства и исламского братства, являющихся самой мощной точкой опоры, так же он показывает, что турецкий народ в религии и убеждениях всегда был впереди.

И еще я ожидал, что они зададутся такими важными вопросами: «А какова же степень служения Рисале-и Нур перед лицом опасности коммунизма, которая перерастает в этой стране в анархию? Как эта благословенная страна будет защищена от этого страшного насилия?», – однако, из-за не имеющих значения даже с крылышка мухи, и по причине отсутствия какой-либо ответственности за мелкие, личные и раздутые сплетнями вопросы, я подвергнулся бедствиям в этих тяжелых условиях, подобных которому никогда в своей жизни не испытывал. Мне были заданы бессмысленные вопросы об одном или двух небольших личных пунктах, что были ранее рассмотрены и оправданы тремя предыдущими судами.

Пятый: *Нельзя сражаться с Рисале-и Нур, так как он не будет повержен. Вот уже двадцать лет, как он заставляет замолкнуть даже самых упрямых философов. Он, как солнце, ясно демонстрирует*

истины веры. И те, кто управляет этой страной, должны стараться получить пользу от его силы.

Шестой: Погубить мою несущественную личность посредством выявления моих недостатков, и отравлять общественное мнение с использованием вероломства, не причинит вреда Рисале-и Нур, а скорее это в некоторой степени может укрепить его позиции. Ибо, вместо одного моего смертного языка, бессмертные языки ста тысяч экземпляров Рисале-и Нур не будут молчать, они будут говорить. И как до сих пор искренние ученики с помощью своих тысячи убедительных языков прослужили этой священной и всеобщей обязанности, Ин шаа Аллах, они будут продолжать ее до Конца Света.

Седьмой: Как мною уже аргументированно было отмечено в предыдущих судах, наши скрытые враги, а также официальные и неофициальные противники, которые вводят в заблуждение правительство, вызывая у некоторых из ее ведущих членов подозрения и настраивая судебные власти против нас, либо они серьезно ошибаются, либо они были обмануты другими, или это чрезвычайно коварные революционеры, старающиеся на пользу анархии, или же, с хитростью борющиеся против Ислама и истин Корана атеисты. С намерением подвергнуть нас нападкам они дают абсолютному деспотизму название «Республика», устанавливают здесь режим тотального вероотступничества, повсеместное распутство именуют цивилизацией, произвольное принуждение к неверию нарекают законом, вследствие чего они подвергают нас бедственным положениям, обманывают правительство, и заставляют судебные органы бессмысленно заниматься нами. Мы же в ответ, вверяя их гневу Карающего Обладателя Величия, укрываемся в крепости:

حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ , чтобы защитит себя от их зла.

Восьмой: В минувшем году русские отправили многих на паломничество в хадж в качестве пропаганды, чтобы этим показать, что они более остальных народов уважительны по отношению к Корану, тем самым, обращая в отношении религии Исламский мир против религиозного народа этой страны. Но в это время, основные собрания Рисале-и Нур были распространены и в Мекке, и в Медине, и в Дамаске, и в Египте, и в Алеппо, привлекая признательность религиозных ученых, чем уничтожили ту коммунистическую пропаганду, и показали Исламскому миру, что турецкий народ и его братья, как и прежде покровительствуют религии и Корану, а его старшие братья и героические командиры других народов

Ислама продолжают находиться на службе Корана. Отсюда следует, что книги Рисале-и Нур продемонстрировали данный факт в тех важных и священных центрах Ислама. Интересно, не разгневается ли земля, если беспокоить таким образом это ценное и национальное служение Нура?

Девятый: Состоит из краткого изложения вопроса, который был освещен и доказан в моей защитительной речи на Денизлинском суде.

Если один жестокий полководец с помощью своей гениальности и рассудительности завладеет всеми положительными достоинствами целой армии, а ей припишет свои отрицательные результаты, то в таком случае количество героических действий и успехов каждого из тех солдат, будут сокращены до одного, а недостатки того одного командира станут равны количеству солдат той армии, что, в свою очередь, приведет к жестокой несправедливости и противодействию истине. На основе этого, обращаясь к прокурору, который в наших предыдущих судах проявил агрессию к нам из-за резкого упрека в адрес той личности, изложенного мною сорок лет назад из хадиса, я сказал: *«Хотя я этими сообщениями хадисов оскорбляю его, но этим также, я сохраняю честь и достоинство целой армии, предотвращая серьезные ошибки. Ну а что касается вас, то ради одного вашего друга вы оскорбляете честь всей армии, являющейся знаменосцем Корана и героическим командиром всего Исламского мира»*. Благодаря чему, Ин шаа Аллах, тот прокурор поступил по совести и был спасен от своей ошибки.

Десятый: Следуя принципам и основам правосудия о необходимости действовать исключительно в интересах закона, и объективного соблюдения прав каждой единицы общества, имам Али (р.а.), во время своего халифатства, в равной степени предстал перед законом государства, присутствуя вместе с одним евреем на суде. И еще другой пример: после того, как справедливый судья стал свидетелем случая, в котором официальный служащий в момент законного отсекаания руки вору проявил чувство гнева, сразу же уволил того сотрудника, и полный сожаления сказал: *«Те, кто до сих пор исполнял приговоры под подобным влиянием своих чувств, совершили большое преступление»*. Да, если даже при исполнении законного приговора не сочувствовать осужденному, то хотя бы надо не проявлять к нему чувство злобы, а проявивший же, сам становится жестоким преступником. К тому же, если исполняющий смертную казнь проявит гнев, то он окажется своего рода убийцей.

Так вот, поскольку в судопроизводстве действует такое чистое и объективное правило, и учитывая факт, что три суда вынесли

нам оправдательное решение; и если бы они знали, что возможно девяносто процентов жителей этой страны будут свидетельствовать о безвредности и пользе учеников Рисале-и Нур в отношении нации и родины, они, несмотря на их невинное положение, и на их нужду в утешении и снисхождении со стороны закона, в настоящее время подвергаются вероломному и презрительно жестокому обращению. И ввиду того, что мы с терпением и выдержкой решили встречать каждое бедствие и оскорбление, без каких-либо возражений полагаясь на Аллаха, мы говорим: «В этом тоже есть благо для нас». Однако, я опасался, что из-за необоснованных подозрений и злорадных манипуляций журналистов эти действия могут причинить вред невинным людям, что был вынужден написать этот пункт. Во всяком случае, если в этом вопросе и есть какая-либо вина, то она полностью принадлежит мне. Эти несчастные, с целью сохранения своих религиозных убеждений и жизни в Ином мире, помогли мне только ради довольства Аллаха. В то время, когда они заслуживают похвалы и признательности за это, подобное отношение к ним стало достаточной причиной для прихода суровой зимы.

При этом, удивителен тот факт, что они вновь выдвигают нам необоснованные подозрения о политическом обществе. Однако, вместе с тем, как три суда оправдали нас после тщательного изучения аспекта этого дела, ни суды, ни полиция, ни экспертная комиссия не обнаружили каких-либо признаков «общества», что могло бы оправдать данное обвинение. И подобно берущим урок у своего учителя ученикам, или студентам университетов, или заучивающих у хафиза чтецам Корана, ученики Рисале-и Нур связаны между собой узами духовного братства. Те, кто под формулировкой «политическое общество» выдвинул против них обвинения, должны считать виновными так же всех ремесленников, проповедников и школьников, принадлежащими к таким обществам. Поэтому, в результате таких бессмысленных и необоснованных обвинений я не вижу смысла выступать с защитой здесь за тех, кто был лишен свободы.

Однако, мне ничто не помешает защитить Рисале-и Нур теми же фактами, которые я использовал в трех своих защитительных речах, привлечших к себе внимание как в этой стране, так и в Исламском мире, со своим материальным и духовным благословением. И ни один закон или политика, не смогут этому воспрепятствовать.

Да, мы являемся общиной! И относимся к такой общине, в которой находится по триста пятьдесят миллионов последователей каждый век, и каждый день пятикратным намазом они с совершенным почтением выказывают свое отношение и служение этой священной общине, и

со святой программой **إِنَّمَا الْمُؤْمِنُونَ إِخْوَةٌ** «Поистине, все верующие – братья» устремляются на помощь друг другу молитвами и духовными успехами. Вот именно к этой Священной и Величественной общине мы и принадлежим. И наша главная обязанность, это в убедительной форме довести до верующих Коранические истины основ веры, спасти их и себя от вечной казни и постоянного одиночного заточения. А к прочим мирским, политическим и сеющим раздоры общинам и комитетам мы не имеем никакого отношения, и никогда не опустимся до этого. И четыре суда, после детального исследования вынесли нам оправдательное решение.

Саид Нурси

**ПРИЛОЖЕНИЕ И ДОПОЛНЕНИЕ К МОЕМУ
ПИСЬМЕННОМУ ВОЗРАЖЕНИЮ, ОТПРАВЛЕННЫЕ
В ШЕСТЬ ДЕПАРТАМЕНТОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА АНКАРЫ
И УГОЛОВНОМУ СУДУ АФЬОНА.**

Я обращаюсь к Афьонскому суду: «Довольно! Мое терпение уже истошилось! В течение этих двадцати двух лет гонений и арестов беспричинно держать меня под постоянным наблюдением, в полной и одиночной изоляции, несмотря на то, что в ста брошюрах Рисале-и Нур шесть судов не смогли найти ничего противоречащего закону, за исключением двух-трех вопросов; и в дополнение к этому, по причине необоснованных подозрений, и используя вместо фактов принцип вероятности, трижды незаконно сажать в тюрьму учеников Рисале-и Нур, подвергая их ущербу в сотни тысяч лир, все это является жестокой несправедливостью. До сих пор мы в своем твердом убеждении и молчании находили для себя утешение, что за эту беспрецедентную жестокость тиранов, которые послужили этому причиной, будут проклинать все будущие поколения, а также, и на Великом Суде они будут осуждены и брошены в самые глубины Ада. В противном случае, мы могли бы в полной мере отстоять свои юридические права.

Итак, после пятнадцати лет тщательного изучения Рисале-и Нур и всей нашей переписки, пять из шести судов не придрались к нам со значением оправдательного приговора по всем пунктам. И только Эскишехирский суд, используя в одном вопросе гибкий закон, под предлогом пяти-десяти слов в небольшом Трактате о покрытии женщин, вынесли в отношении нас снисходительный приговор. После чего, по завершению кассационного суда, в качестве

единственного примера беззакония я написал, и официально послал в Анкару письменное ходатайство следующего содержания: *«Много лет тому назад, в ответ на возражения одного атеиста и критики современной цивилизации, направленных на коранические аяты о покрытии женщин, я дал толкование аяту, опираясь на согласие и подтверждение 350 тысяч комментариев к Корану, и следуя за тем, что в течение тысячи трехсот пятидесяти лет они дали урок и предписали сильную, постоянную традицию Ислама, стали священным принципом для трехсот пятидесяти миллионов мусульман. И если на этой земле есть хоть какая-то справедливость, то безусловно, суд опровергнет решение и аннулирует приговор, осуждающий человека за толкование аятов, который просто следовал тысячелетнему пути наших предков; а так же, устранил необычное в своем роде пятно из правовых норм этого исламского государства. Я написал это в дополнении, которое содержится в моем ходатайстве, и показал его прокурору. Он пришел в ужас, и сказал: В этом нет необходимости. Вы итак в самые кратчайшие сроки будете освобождены от заключения. «Нет нужды отправлять это письмо».*

Таким образом, из подобных странных примеров вы поняли содержание моего письменного возражения и защиты, представленные вам и департаменту правительства в Анкаре. И мои надежды от Афьонского суда заключаются в следующем: *от имени истинной справедливости мы ожидаем от вас решения о полной свободе Рисале-и Нур, который подобно целой армии несет службу и имеет благословение для этой нации и страны.* В противном случае, с уходом пяти-десяти из моих братьев, отправленных в тюрьму из-за моих отношений с ними, я должен буду сообщить вам о появившейся у меня мысли совершить такое преступление, которое потребует для меня высшей меры наказания, с тем, чтобы проститься с подобного рода жизнью, итак:

В то время, как правительство во благо страны и нации должно было дать мне полную защиту и помощь, то оказанное на меня давление показало, что в настоящее время часть коммунистических организаций вместе с тайным комитетом безбожия, которые работали против меня эти последние сорок лет, получили контроль над важными государственными позициями, и стали выступать против меня. Меня беспокоит наличие множества признаков того, что правительство либо не знает об этом факте, либо позволяет этому случиться.

Уважаемый Председатель суда! С вашего позволения я задам вам один очень любопытный вопрос: почему, когда я вовсе не был

вовлечен в политику, политические деятели лишили меня всех гражданских прав, свобод и даже всех прав на жизнь? И почему, как будто я совершил сотню преступлений, они запретили контакты со мной очень внимательных братьев и преданных помощников, защищающих меня от планов покушений, когда я три с половиной месяца находился в полной изоляции, и чтобы сохранить от тех скрытых врагов, которые отравляли меня одиннадцать раз; и к тому же, они лишили меня изучения моих благословенных и безвредных книг, от которых в этом одиночестве, изгнании, болезни и старости я получал утешение?

Обратившись к прокурору, я попросил его дать мне одну книгу. Но пообещав, он не сдержал своего слова. А затем, они заставили меня остаться одного в большой, запертой и холодной камере, и вместо того, чтобы заинтересовать чиновников и должностных лиц в утешении и дружбе со мной, они просто призвали их смотреть на меня враждебно. Вот один из тех небольших примеров:

Начальнику тюрьмы, прокурору и председателю суда я написал одно свое заявление, однако, не владея новой письменностью, направил его к одному из моих братьев, чтобы он переписал его. Он так и поступил, а затем передал его им. Тогда они, как будто я совершил какое-то чудовищное преступление, заколотили мои окна гвоздями, после чего дым от печной трубы создавал для меня большой дискомфорт; я попросил их оставить одно окно открытым. Но теперь, они и его заколотили. Хотя, в соответствии с тюремной практикой срок в одиночной камере обычно длится около двух недель, меня содержали в полной изоляции в течение трех с половиной месяцев, и не позволяли никому из моих друзей иметь какие-либо контакты со мной. Кроме того, три месяца назад, в отношении меня было написано и продемонстрировано сорок страниц обвинительного заключения. Но, оттого, что я не знал новой письменности и пребывал в больном состоянии, а также из-за неразборчивости моего почерка, я настойчиво попросил их, чтобы они позволили находиться рядом со мной двум моим ученикам, которые зная мой язык могли бы читать обвинительное заключение и написать мои возражения к ним. Но они не дали на это разрешения. Сказали: «Пусть придет адвокат и сам прочитает». После чего, они и ему не позволили этого. Только, обращаясь к одному из моих братьев, сказали, чтобы он переписал старой письменностью и дал его мне. Однако, это займет шесть-семь дней. Идея растянуть один час работы чтения мне обвинительного заключения на шесть-семь дней, только из-за того, чтобы никто не имел контактов со мной, деспотично лишает меня моего полного

права на защиту. Ни в одном месте на этой земле человек, который совершил даже сотню преступлений и осужденный к повешению, не подвергнется подобному отношению. В действительности, я очень страдаю, так как не знаю ни одной причины этих беспрецедентных мучений. Я получил весть, что председатель здешнего суда справедлив и благосклонен. Поэтому, я в первый и последний раз написал это заявление и жалобу вашему департаменту.

Находящийся в полной изоляции,
больной и несчастный
Саид Нурси.

Это обвинительное заключение состоит из четырех основных моментов. В них говорится обо мне следующее:

Первый пункт: Как будто во мне есть чувства тщеславия и своекорыстия, и что я претендую на должность обновителя религии.

Я всеми силами отвергаю данное утверждение. Кроме того, все мои братья свидетельствуют о том, что я никогда не претендовал на звание Махди. И когда экспертная комиссия Денизли заявила, что если Саид объявит себя Махди, то все его ученики согласятся с этим в ответ я в своем письменном возражении предоставил им следующее: Я не Сейид. Махди же придет из Сейидов, вследствие чего, опроверг их утверждение.

Второй пункт: Тайная публикация.

Пусть наши скрытые враги не искажают истинное положение вещей, ибо не имело место быть ничему, что затрагивало бы политику и общественный порядок. Кроме того, они не должны делать предлогом дубликатор и старую письменность. Шесть различных судов и департамент правительства Анкары полностью осознали удар, нанесенный книгами Рисале-и Нур (*Прим.*) Мустафе Кемалю,

Примечание: В обвинительном заключении был дан неправильный смысл так как они посчитали преступлением, приняв форму пощечины чудотворность в некоторых экземплярах Рисале-и Нур. Как будто такие бедствия, как землетрясения, которые происходят в момент нападков на Рисале-и Нур, являются пощечинами от Рисале-и Нур. Упаси Аллах! Мы никогда не говорили и не писали подобного. Скорее, используя доказательства, мы во многих местах говорим, что Рисале-и Нур, как некая милостыня является средством отражения бедствий. И всякий раз, когда он подвергается давлению со стороны, его свет скрывается, и бедствия, воспользовавшись этой возможностью валятся на наши головы. Да, у меня сложилось твердое убеждение, что по свидетельству и наблюдению тысячи учеников Рисале-и Нур и сотен событий, в совпадениях, которые никоим образом не могли быть связаны со случайностью, а так же, многочисленные указания аятов Корана, некоторые из которых были даже показаны на суде, являются признаком приемлемости книг Рисале-и Нур Божественным даром, и своего рода чудом Корана.

вследствие чего, не придираясь к этому вопросу, они оправдали нас и вернули нам все наши книги, в том числе и Пятый Луч. К тому же, его плохие поступки были отмечены в целях сохранения чести и достоинства армии. То есть, проявить нелюбовь к одной личности, чтобы с любовью восхвалить армию.

Третий: Призыв к нарушению общественной безопасности.

Это необычное обвинение опровергается теми фактами, что в течение двадцати лет среди сотни тысяч учеников и сотни тысяч экземпляров Рисале-и Нур, шесть судов и полиция десяти провинций не зарегистрировали ни одного случая нарушения внутренней безопасности и общественного порядка. И не имеет смысла в этом новом обвинительном заключении отвечать на несколько несущественных вопросов, на которые уже неоднократно были даны ответы, и которые были оправданы тремя судами. Обвинить нас снова в этих вопросах, будет эквивалентным обвинению уголовного суда Анкары, и судов Денизли и Эскишехира, которые ранее вынесли нам оправдательное решение; за это они сами ответят. Однако, имеется еще два-три дополнительных вопроса.

Первый: несмотря на то, что после двух лет детального изучения, та книга была оправдана и возвращена нам уголовными судами Денизли и Анкары, они указывают нам на наше правонарушение тем, что относят один – два вопроса в Пятом Луче к усопшему руководителю. На что мы им говорим: абсолютно никакой закон не может считать это преступлением, применяя объективную критику к человеку, который мертв и не имеет никакой связи с нынешним правительством.

Посредством сфабрикованных фактов обвинительной стороны, один из аспектов этого объективного толкования был приспособлен к тому руководителю. Ни один закон не может рассматривать подобный смысл в качестве преступления, который может быть объясним со значением одной сотой, и который находится в конфиденциальной брошюре. Кроме того, этот трактат в чудесной форме излагает аллегорические хадисы. И хотя эти разъяснения были написаны тридцать-сорок лет назад, а в моем письменном возражении и защите, представленные в шести департаментах Анкары и на четырех судебных процессах, я дал решительный ответ, которые не получили никакой критики с их стороны, что, безусловно, не делает эти объяснения истинным смыслом хадиса, совпадающие с заблудшей личностью, противоречащими законам правосудия.

Мало того, критика этой личности показывает не только недостатки, причиной которых послужила проведенная им реформа,

но и позитивные ее стороны, которые не принадлежат ему одному, а относятся также к армии и правительству. К нему же относится только доля из этого. И подобно тому, как критиковать его за ошибки не считается преступлением, так и говорить, что мы идем против реформ тоже недопустимо. *Разве может считаться преступлением нелюбовь к тому, кто превратил вечный источник чести этой героической нации мечеть АйяСофия в дом для идолов, и департамент Шейх уль-Ислама в женский лицей, которые подобны ценным реликвиям и великим мечам этого народа, а блеск их подобен алмазам в служении Корану?*

Второй вопрос моего обвинительного заключения:

Три суда оправдали нас по данному вопросу, и когда я сорок лет назад изложил чудесную интерпретацию хадиса, шейх уль-Ислам людей и джиннов, Зембели Али Эфенди, подтвердил ее, заявляя: «Даже в шутку не позволительно одевать на голову шляпу», – что все Шейх уль-Исламы и исламские улемы считали это недопустимым. Поэтому, когда простые мусульмане оказались перед опасностью и были вынуждены носить эти головные уборы, то есть, в результате либо они должны были отказаться от своей религии, либо восстать против этого закона, я, сорок лет назад, в одной части Пятого Луча написал: «Так как ношение шляпы вступит в законную силу, и надевший ее будет падать ниц, но истинная вера тех, кто носит ее, Ин шаа Аллах, сохранит их на правом пути», – что спасло многих мусульман, как от восстания и измены, так и от добровольного отказа от своей религии и убеждений. И хотя, ни один закон не может внести подобное предложение живущим в изоляции, и за двадцать лет никто из шести провинциальных властей не заставил меня этого сделать; в настоящее время она была официально упразднена в армии, а так же, во всех правительственных учреждениях и в мечетях ее не обязаны носить ни женщины и дети, ни большинство сельских жителей; во многих провинциях сейчас не запрещены береты и вязаные шапки, но тем не менее, шляпа была выдвинута в качестве причины для обвинений меня и моих братьев. Интересно, может ли какой-либо закон, какие-либо нормы, какое-либо право в мире, посчитать это бессмысленное обвинение преступлением?

Третья причина моего обвинения: Подстрекательство к нарушению общественной безопасности в Эмирдаге.

Мои возражения по поводу этого заключаются в следующем:

Во-первых: это мое неопровержимое возражение, которое с ведома и разрешения здешнего суда было представлено шести правительственным департаментам в Анкаре. И сейчас я также представляю его в качестве возражения судебного решения.

Во-вторых: по свидетельству всех встречавшихся со мной в Эмирдаге, а также жителей и полиции его окрестностей, в своем самоотречении я изо всех сил избегал участия в политике. Я даже отказался от написания своих трудов и переписок с другими. Не писал больше ничего, за исключением одного отрывка о повторах в Коране, и другого касательно ангелов. И только на единственный адрес я отправлял одно письмо в неделю, для того, чтобы поощрять людей к чтению Рисале-и Нур. И на самом деле, за три года я написал всего три или четыре поздравительных письма своему родному брату-муфтию, который в течение двадцати лет трепетно оставался рядом со мной в качестве ученика. Хотя, я не писал ему в свою родную провинцию уже в течение двадцати лет, они, повторно предусматривая в обвинительном заключении пункт о нарушении безопасности, сказали: «Он идет против реформ». В ответ на это мы говорим:

Тот факт, что в течение двадцати лет среди двадцати тысяч, а скорее, даже среди сотни тысяч людей, с энтузиазмом читающих двадцать тысяч экземпляров Рисале-и Нур, ни один из шести различных судов, и ни один из полицейских департаментов десяти провинций, не зафиксировал ни одного инцидента, нарушающего общественный порядок и внутреннюю безопасность, показывает, что они рассматривают в отношении нас одну тысячную долю вероятности, как установленный факт. Между тем, если нет никаких признаков чего-либо в отношении одной вероятности из двух или трех, в этом не может крыться никакого преступления. К тому же, среди тысячи людей по теории вероятности убийство может совершить не только один человек, а каждый может убить множество людей, включая и набросившегося на меня прокурора. А посредством своего коммунизма и анархизма они с легкостью могут нарушить общественное спокойствие и навредить внутренней безопасности. Стало быть, выдвигать вместо фактов такой чрезмерный и преувеличенный принцип вероятности, является неуважением к законам юрисдикции и правосудия.

Кроме того, в каждой стране у правительства есть свои оппозиционеры. Однако идейное сопротивление никем не относится к преступлению против государства. Власти видят фактически содеянное, но не могут знать намерения сердца. И у нас есть все основания полагать, что совершающие бесчеловечные и безрезультатные обвинения, особенно в отношении тех, кто не причинил никакого вреда и имеет большие заслуги перед этой страной, и особенно те, кто, отрекшись от общественной жизни, были заперты в абсолютной изоляции, и чьи работы были высоко

оценены и одобрены в самых важных центрах Исламского мира (*Прим.*), могут неосознанно использоваться в поддержку анархии, а скорее, даже и коммунизма.

По некоторым признакам я определил, что наши скрытые враги, с идеей принижения значение книг Рисале-и Нур своими бессмысленными подозрениями, рассматривают полностью необоснованные предположения того, что Рисале-и Нур в настоящее время является инструментом в политическом вопросе касательно Махди. Возможно, эти мои нынешние пытки исходят именно от подобных подозрений. Я, обращаясь к этим безжалостным скрытым врагам и тем, кто из враждебности следует за ними, говорю: «Упаси Аллах! И снова, упаси Аллах! сто тридцать трактатов Рисале-и Нур и тысячи людей, которые делились со мной искренней дружбой свидетельствуют, что ни разу за семьдесят пять лет своей жизни, и особенно за последние тридцать лет, я не переступал своих границ для того, чтобы сделать истины веры средством своего достижения чести и славы.

Да, ученики Рисале-и Нур знают, что я не стремлюсь отнести к своей персоне земные достоинства и все ее преходящие заслуги, а также духовные и потусторонние степени, а скорее, со всей своей убежденностью и силой стараюсь служить мусульманам ради их спасения веры, и при необходимости, я готов буду пожертвовать даже своей жизнью в Ином мире с его вечными степенями, к которым каждый устремляется; а для того, чтобы стать средством спасения определенных несчастных от пламени ада, я готов по необходимости отказаться от Рая и войти в ад. И в некотором отношении я доказал это на суде. Обвиняя меня в неискренности моего служения, и обесценивая значение Рисале-и Нур, они тем самым лишают эту нацию его великих истин.

Удивительно, неужели эти безнравственные люди, посчитав этот мир вечным, приписывают мотивы использования религии и

Примечание: В отношении этих трудов, обвинительная сторона на восьмидесятой ошибке в своем обвинительном заключении, говорит: «Интерпретации в Пятом Луче не соответствуют действительности». Ответ: «В Пятом Луче было сказано: «одно из его толкований таково, но Аллах знает лучше». Это означает: вполне возможно, что это одно из вероятных значений данного хадиса. Не доказав его ошибочности, они по логике не могут ее опровергнуть.

Во-вторых: Хотя, за последние двадцать лет, а возможно и сорок, мои противники и те, кто пытался противостоять Рисале-и Нуру, полагаясь на логику и науку, не смогли опровергнуть эти интерпретации; и противостоящие мне улемы, вместе с тысячами ученых из круга Рисале-и Нур, в подтверждение сказали: «**Необходимо более тщательно изучить этот вопрос**»; результат того, насколько будет противоречить человеческой совести, если его будут отрицать те, кто даже не знает точного количества сур в Коране, я предоставляю на вашу справедливость. Вывод: значение толкования хадиса или коранических аятов, является одним из многих вероятных и возможных смыслов.

убеждений в мирских целях человеку, который в этом мире бросает вызов всем заблудшим, готовый на пути служения вере пожертвовать и этой жизнью, и при необходимости Иным миром; и как он по тайне искренности утверждал на суде, что одну истину веры он не променяет на царство всего мира, всеми силами избегая политики, а также, намекающих на политику всех материальных и духовных званий; и в течение двадцати лет пережив беспрецедентные пытки, согласно принципу своего пути, он не снизошел до какого-либо участия в политических вопросах; и в отношении своей личности считает себя гораздо худшим, чем его собственные ученики, ожидая при этом от них постоянных молитв и помощи; и также признает себя поистине несчастным и маловажным; и теперь, если некоторые из его искренних братьев, получая от книг Рисале-и Нур необычайную силу веры, припишут ему без политического подтекста в своих личных письмах некоторые из достоинств Рисале-и Нур, только из-за того, что он является их переводчиком, подобно тому, как люди из любви обращаются даже к простым, говоря: «Господин мой! Мой благодетель!» – они дадут ему высокую степень оценки, сохраняя крайне положительное мнение о нем, и согласно существующему с давних пор между устасом и учениками обычаю о допустимой мере благодарности, чрезмерно похвалят его и напишут преувеличенную хвалебную речь, которая уже давно традиционно записывается в приложениях книг при первом их появлении, будет ли это с какой-либо стороны считаться преступлением? Хотя, это преувеличение и противоречит истине, однако, оставаясь в одиночестве на чужбине, среди многочисленных врагов и условий, способных отпугнуть его помощников, он, исключительно ради укрепления их морального духа, перед лицом многих противников, и ради поддержания их энтузиазма и воодушевления, не отвергая всей похвалы, исправлял и обращал их на сторону Рисале-и Нур. И в какой же степени отдалились от истины и справедливости некоторые из должностных лиц, что, несмотря на возраст и близость его к могиле, пытаются повернуть лик его служения вере на сторону этого мира. Моим последним словом будет:

لِكُلِّ مُصِيبَةٍ إِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ

Саид Нурси

ПРИЛОЖЕНИЕ

Я увидел, как следователь на обратной стороне последнего экспертного доклада говорит о следующем: «Находя комментарии к трем аятам о современной цивилизации несоответствующими нынешнему Гражданскому кодексу, четыре месяца назад кабинет министров официально принял решение о запрете распространения трактата «Чудотворность Корана», то есть, только той части, которая называется «Двадцать пятым словом».

В ответ я говорю: раздел «Чудотворность Корана» сейчас входит в собрание Зульфикар из четырехсот страниц, и лишь на двух его страницах имеются объяснения трех аятов, которые тридцать лет назад в неопровержимом виде ответили на критику против Корана со стороны цивилизации, а затем были включены в три мои старые брошюры. Несмотря на то, что мудрые стороны в этих

аятах **فَلِلذِّكْرِ مِثْلُ حَظِّ الْأُنثِيَّاتِ** и **فَالِأُمَّةِ الشُّدُسُ** по поводу покрытия женщин и наследования, которые заставляют замолкнуть философов, были изложены двадцать лет назад на двух страницах, и тридцать лет назад еще в других моих трактатах, они пытаются запретить все четырехсот страничное собрание Зульфикар, предполагая, что они были написаны сегодня, хотя было бы гораздо целесообразным, изъяв оттуда эти две страницы, вернуть нам по законному праву оставшуюся часть этой книги. Например, если одно письмо содержит один или два предосудительных слова, то эти слова исключаются из него, а остальную часть письма допускает к публикации. Поэтому, мы требуем от вашего справедливого суда своих прав в данном вопросе.

Так как, месяц назад никто не мог найти возможности прийти и прочитать мне сорок страниц обвинительного заключения, сегодня, одиннадцатого июня, они читают его для меня в первый раз. Я прослушал его до конца и заметил, что список моих возражений, написанный для вас два месяца назад, вместе с его приложением и дополнением, около месяца назад были отправлены к вам и в шесть правительственных департаментов Анкары. Так вот, эти возражения полностью опровергают и аннулируют то обвинительное заключение. И я не вижу совершенно никакой необходимости вновь переписывать против него возражения. Но только, чтобы напомнить обвинительной стороне о следующих двух-трех пунктах, я говорю:

Я не принял во внимание данный ответ на обвинительное заключение, чтобы избежать актов грубого произвола и оскорбления

чести трех судов, которые ранее оправдали нас. Потому что, эти суды, после их полного изучения всех пунктов нынешнего обвинительного заключения, вынесли нам оправдательное решение. Что полностью игнорировать их оправдательный приговор, является оскорблением чести всей судебной системы.

Второй пункт: Обвинительная сторона, своим непристойным искажением смыслов одного-двух назидательных вопросов среди тысяч других, уличает нас в определенных преступлениях. Однако, эти темы находятся в больших собраниях Рисале-и Нур. И хотя, улемы из университета аль-Азхар в Каире, ведущие богословы из Дамаска, большие ученые Мекки и Медины, внимательные имамы Алеппо, и в особенности следственные специалисты Управления по делам религии с совершенным одобрением оценили и поставили под ними свои подписи, я с удивлением и недоумением обнаружил в обвинительном заключении псевдо-научные возражения по отношению к данным вопросам. Даже если я допущу несколько отступлений, в то время, как тысячи ученых не обратили на них внимания или не выступили против имеющихся в обвинительном заключении ошибок, это все еще не является преступлением, они лишь могут считаться научным недочетом.

К тому же, три суда оправдали нас и все трактаты Рисале-и Нур. И только Эскишехирский суд, по поводу пятнадцати слов из Двадцать четвертого сияния о покрытии женщин, вынес мне и пятнадцати из ста моих товарищей снисходительный приговор. В добавление к моим возражениям обвинительного приговора, осуждающий это мое толкование, которое было изложено опираясь на подтверждения трехсот пятидесяти тысяч комментариев к Корану, я написал: если на этой земле существует хоть какая-то справедливость, то суд аннулирует данный приговор. Подобно сбору воды из тысячи потоков, государственный обвинитель хитростью пытался использовать против нас некоторые предложения в книгах и письмах, написанных более двадцати лет назад. Между тем как не три, а скорее, пять или шесть судов, которые оправдали нас по этому вопросу, они делают нашими сообщниками в этом мнимом преступлении. Я напоминаю обвинителю о недопустимости оскорблений чести этих справедливых судов.

Третий: Даже если выступить с открытой критикой и возражениями в адрес того лидера, который умер и чьи отношения сейчас с правительством прекратились, ставший к тому же причиной некоторых оплошностей в своих реформах, это никак не будет считаться правонарушением. Тем не менее, не было ничего

явного, но он своим непристойным искажением применил наше объективное изложение к нему одному. То есть, придавая огласке эти конфиденциальные и тайные смыслы, он привлек к ним всеобщее внимание. Если и есть в этом какое-либо преступление, то в этом случае общественный обвинитель становится более ответственным за этот поступок. Так как, он этим подстрекательством привлекает внимание людей к тем смыслам.

Четвертый: Повторяя одни те же надоевшие слова по поводу необоснованных подозрений, подобно сбору воды из тысячи потоков, прокурор стал исследовать намеки на наше тайное общество, несмотря на однозначные оправдания по этому вопросу тремя судами. Между тем как они, снисходительно позволяя существование пагубных для нации и страны многих политических обществ, называют «тайным обществом» героическую солидарность учеников Рисале-и Нур со своими товарищами, образованную перед лицом внешних и внутренних губительных течений, ради счастья в обоих мирах и исключительно на благо страны, нации и достоинств религии, которые были подтверждены показаниями тысяч свидетелей и признаков, и тем фактом, что в шести провинциях не создавали нам в этом препятствия; и обвинить их в «использовании религии и подстрекательстве людей к нарушению общественного порядка и внутренней безопасности», несмотря на то, что за двадцать лет среди сотни тысяч учеников Рисале-и Нур не было зафиксировано ни одного подобного инцидента, приговор обвинительной стороны, может привести в ярость не только все человечество, а скорее, и всю землю; тем самым отвергая данное заявление. Так или иначе, я не вижу необходимости говорить об этом дальше. Мое письменное возражение вместе с его приложением, написанные задолго до обвинительного заключения, будут нашим решительным ответом на это.

Заключенный в Афьонской тюрьме
Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Обращение к Афьонскому суду и председателю Верховного суда:

Я разорвал свои отношения с этим миром по той причине, что с юного возраста не мог мириться с насилием. Теперь, моя жизнь среди этих бессмысленных и излишних угнетений стала для меня тяжелым бременем, с которым мне трудно жить. Также, у меня нет сил терпеть за пределами тюрьмы гонения со стороны тысяч должностных лиц.

Я по горло сыт такой жизнью. Всеми силами я прошу от вас своего приговора. Поскольку, войти в могилу вне моих сил, я сейчас должен оставаться в тюрьме. Вы же знаете, что на самом деле не существуют тех необоснованных обвинений, которые мне навязывает обвинительная сторона. И я не могу быть осужденным по этой причине. Однако, серьезные ошибки в моем истинном служении, в действительности делают меня духовно наказуемым. Если вы пожелаете, можете задать мне свои вопросы, я постараюсь на них ответить.

Да, единственная моя ошибка среди моих серьезных недостатков, заключается в следующем: здесь, в Афьонской тюрьме, ко мне пришло убеждение, что из-за моего безразличия к этому миру, я не выполнил достойно наложенную на меня от имени нации, родины и религии свою великую обязанность, вследствие чего, с точки зрения истины это было непростительной виной, а незнание этого не снимало с меня ответственности. И тот факт, что три суда в этом отношении оправдали нас, показывает в какой степени от истины и справедливости отошли те, кто называет мирским и политическим обществом бескорыстную и искреннюю привязанность к Рисале-и Нур, и кто старается обвинить учеников Нура в совершении уголовного преступления. Вместе с этим мы говорим:

Основной фундамент человеческого общества, и в частности для исламской нации, это искренняя любовь в родственных отношениях, и заинтересованная связь между племенами и народами; а в связи с исламским устройством общества, это и духовное братство, и взаимопомощь между верующими, и героическая преданность нации, и непоколебимая приверженность к истинам Корана, которые спасают вечную жизнь, и тех, кто распространяет эти истины. Дать ученикам Рисале-и Нур название преследуемого политического общества, можно только отвергнув обеспечивающие жизнь общества связи, и путем признания «красной опасности» (коммунизма), которая рассеивает свои страшные семена анархии с севера, и губит молодое поколение и нацию, разрушает родственные отношения и устройство общества, а также, открывает путь к полному разложению человеческой цивилизации и жизни общества. Поэтому, истинные ученики Рисале-и Нур неотступно проявляют несокрушимую и святую связь по отношению к братьям и истинам Корана. И по причине такого братства они с радостью готовы принять любое наказание, и только на суде признают правду такой, какая она есть. Так же они не унижают себя тем, чтобы защитить себя при помощи хитрости, лжи и лести.

Заключенный
Саид Нурси

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К МОЕМУ ОБЖАЛОВАНИЮ АФЬОНСКОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ.

Во-первых: Вашему суду я заявляю, что если в этом новом обвинительном акте, основанном на старых обвинениях Денизлинского и Эскишехирского судов, и на поверхностном исследовании настроенных против нас некомпетентной экспертной комиссии, я не смогу доказать хотя бы сто ошибок, то буду счастлив принять для себя столетний срок заключения. Итак, я доказал это свое утверждение, и если пожелаете я могу предоставить вам таблицу с более сотней ошибок.

Во-вторых: Когда в ходе судебного разбирательства в Денизли, все наши книги и документы были отправлены в Анкару, я был полон тревоги и отчаяния, что в итоге это решение будет вынесено против нас, и тогда я обратился к своим братьям со следующим фрагментом письма, который был добавлен в конце некоторых из моих защитительных выступлений: *«Если сотрудники правосудия, которые изучают Рисале-и Нур с целью критики, укрепят или сохранят свою веру с помощью него, вы станете свидетелями того, что я прошу их. Так как, мы служим именно для этой цели. Задачей же Рисале-и Нур является укрепление и сохранение веры. Мы обязаны служить истинам веры, не принимая какую-либо из сторон, и не делая различий между друзьями и врагами».*

Так вот, о Судебная комиссия! Исходя из этой истины, мощные и неопровержимые доказательства Рисале-и Нур, безусловно, на этом судебном процессе расположили к себе сердца людей, и что бы вы ни сделали против меня, я прощаю вас и не держу обиды. Именно по этой причине, когда меня задевали даже за самое уязвимое, я терпел это беспрецедентное и презрительное обращение со стороны абсолютной тирании. При этом, я даже не наводил на них проклятий. *Все собрания Рисале-и Нур, которые находятся в вашем распоряжении, образуют форму моей неопровержимой защиты, а также мое возражение на все выдвинутые против нас обвинения.* Удивительно, хотя ведущие ученые Каира, Дамаска, Алеппо, Медины и Мекки, и следственные ученые из Управления по делам религии, подробно изучили собрание трудов Рисале-и Нур, и без какой-либо критики высоко оценили и аплодировали им, заявление одного находчивого типа, который составил против нас обвинительное заключение, по поводу того, что Коран содержит сто сорок сур, показывает, насколько поверхностно они рассмотрели данный вопрос. И несмотря на то, что в этих тяжелых условиях, в

изгнании и одиночестве, и под ударами страшных нападков, сотни тысяч приверженцев истин подтвердили Рисале-и Нур, критика того самого прокурора, который даже не знает сколько есть сур в Коране, выразила следующее: *«Хотя, Рисале-и Нур излагает комментарии к Корану и интерпретирует хадисы, одна часть в обучении своих читателей не несет в себе научного содержания и значения»*. Отчего становится ясным, в какой степени далека его критика от закона, истины, справедливости и равенства прав.

Я также выражаю жалобу вам на то, что вы в течение двух часов заставляя нас выслушивать все сорок страниц обвинительного заключения, в котором содержатся сотни ошибок, и которое ранит наши сердца, не дали мне несмотря на мою настойчивость даже двух минут для прочтения исключительной правды на одной с половиной странице. Поэтому, я прошу от вас во имя справедливости разрешить мне прочитать полный список моих возражений.

В-третьих: Каждое правительство имеет своих оппозиционеров. Но до тех пор, пока они не нарушают общественного порядка, закон не имеет права приводить их к ответственности. И возможно ли вообще такое, чтобы я и подобные мне, отвернувшиеся от этого мира в сторону Иного, отвергли путь наших предков, по которому в течение тысячи трехсот лет, в дозволенном виде и в кругу воспитания истинами Корана, устремляются к вечной жизни триста пятьдесят миллионов верующих, и под воздействием интриг наших врагов, приняли ради этой короткой и мимолетной светской жизни, как свой путь, аморальные законы и принципы развратной цивилизации, а скорее, своего рода и коммунизма? Ни один закон в мире и ни один из людей, у кого есть совесть величиной с частицу, не заставит нас принять этого. И тем, кто выступает против нас, мы лишь говорим: «Не беспокойте нас, и мы не станем беспокоить вас!»

Именно благодаря этому факту, мы идейно и на научных основаниях не поддерживаем произвольные указы руководителя, называемые законами, которые превратили Айя Софию в дом для идолов, и департамент Шейх уль-Ислама в женский лицей. И с личной точки зрения, мы не действуем в соответствии с этими указами. Но хотя, за эти двадцать лет мучительных репрессий я подвергался жестокой несправедливости, мы не стали вмешиваться в политику, не провоцировали власти и не нарушили общественного порядка. При всем том, что у меня есть сотни тысяч братьев Рисале-и Нур, не было зарегистрировано ни одного инцидента, который нарушил бы нормы правопорядка. Я устал от пережитых в изгнаниях этих невиданных, оскорбительных и несправедливых обращений по

отношению к моей личности. В рамках такого угнетения я даже к свободе чувствую отвращение. *А в своем ходатайстве я написал вам, что вопреки всему я прошу от вас не оправдательного заключения для себя, а скорее, обвинительного приговора, и именно, самого сурового наказания. Ведь, чтобы спастись от этого беспрецедентного и крайне бесчеловечного отношения для меня нет иного решения, кроме как войти в могилу или в тюрьму.* Но, оттого, что самоубийство не допустимо, а назначенный час смерти неизвестен, войти сейчас в могилу вне моих сил, поэтому, я согласен на тюремное заключение сроком в пять-шесть (Прим.) месяцев в абсолютной изоляции. Однако, ради прав моих невинных товарищей, я сейчас не представил это ходатайство к вашему вниманию.

В-четвертых: Опираясь на свидетельства всего написанного мною в Рисале-и Нур, за эти тридцать лет моей жизни, в период Нового Саида, и согласно свидетельству честных людей и моих братьев, которые с серьезными намерениями встречались со мной, я заявляю о следующем: я пытался насколько это возможно удерживать повелевающие страсти своей души от себялюбия, поиска славы и гордыни. И вероятно, сто раз отвергая чрезмерно положительное мнение обо мне, я ранил чувства учеников Рисале-и Нур. Я говорил им: *у меня нет ничего, я всего лишь несчастный вестник из ювелирной лавки Корана, что привел в подтверждение этому своих близких друзей и братьев; и я не то чтобы добиться славы и высокого положения в этом мире, но, даже если мне предложат высокую духовную степень, готов буду пожертвовать этим, чтобы избежать вероятного вмешательства чувств нафса в мое искреннее служение. Тем не менее, несмотря на такой мой образ жизни и мое несогласие с духовной благодарностью некоторых из моих братьев, выраженную в качестве результата полученной ими от Рисале-и Нур пользы, вы, заставляя нас на Верховном суде с удивлением выслушивать обвинение, сделали это уважение моих братьев ко мне, которое оказалось даже больше чем у сына к отцу, предметом для моего допроса, как будто это является большой политической проблемой, вследствие чего направили одну часть людей к отречению от нас. Удивительно, можно ли подозревать в преступлении неудачную похвалу, которую сам человек не признает и не считает для себя достойной?*

В-пятых: Решительно вам заявляю, что обвинять учеников Рисале-и Нур в принадлежности к политическому обществу, в то время, как они не имеют связей с каким-либо комитетом,

Примечание: И эта ситуация продолжается уже в течение семнадцати месяцев.

ассоциацией или движением, является осознанной или нет борьбой с нами, на пользу тайному комитету безбожия, который в течение сорока лет направленно работает против Ислама и веры, или же во имя коммунизма, который сеет анархию в этой стране. При том, что три суда по этому поводу оправдали всех учеников Рисале-и Нур и его трактаты. И только Эскишехирский суд, делая поводом единственный пример в маленьком Трактате о покрытии женщин, а возможно, из-за следующего предложения, которое было написано много лет назад: «Согласно слухам я слышал, что в центре столицы, среди рынка, днем, на глазах у всего народа, один простой чистильщик обуви стал назойливо приставать к жене одного всемирно известного, высокопоставленного человека, у которой были открыты ноги. Этот случай дает гневную пощечину тем бесстыжим лицам, которые выступают против покрытия женщин», – дал мне один год, и пятнадцати из ста двадцати моих братьев по шесть месяцев заключения каждому. Стало быть, обвинять Рисале-и Нур и его учеников, будет равнозначно приговору по отношению к тем трем судам, а также, обвинением и оскорблением в их адрес.

В-шестых: Недопустимо вести борьбу против Рисале-и Нур. Ибо, все исламские ученые подтвердили, что он является истинным комментарием к Корану, то есть, он состоит из мощных доказательств своей истины. И это чудо Корана нашего столетия, является сильным препятствием для этой нации и страны от опасности с Севера. Мы знаем и надеемся, что обязанность вашего суда заключается не в том, чтобы отпугивать от него своих учеников, а наоборот, побуждать их с учетом всеобщих прав. В то время, как, благодаря принципам «свободы знаний», вы не затрагиваете книги и журналы пагубных безбожников и некоторых политических атеистов, которые являются вредными для нации, страны и общественной безопасности, безусловно, быть учеником Рисале-и Нур, с целью сохранения веры и нравственности невинной и нуждающейся молодежи, не будет являться преступлением; и более того, правительство и Министерство образования должны приветствовать и поощрять людей к этому. Мое последнее слово: Пусть Всемогущий Аллах удостоит успеха судьям, чтобы они выполняли закон с его истинной справедливостью. Аминь.

حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ ❁ نِعْمَ الْمَوْلَى وَنِعْمَ النَّصِيرُ ❁ الْحَمْدُ لِلَّهِ رَبِّ الْعَالَمِينَ

Саид Нурси

МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО.

Обращение к судебной комиссии:

Из обвинительного акта, а также, из моего длительного одиночного заключения я понял, что в этом процессе, главным образом, на рассмотрении находится именно моя личность и ее подавление. Как будто моя персона, оказывает пагубное воздействие на правительство, общественную безопасность и всю страну. И словно я, прикрываясь религией, принял во внимание только мирские стремления, то есть, в некотором роде преследовал политические цели. В ответ на это, я с полной уверенностью скажу вам следующее:

Из-за этих необоснованных подозрений, вы не травмируете учеников Рисале-и Нур своими ложными сведениями о моей личности, так как они беззаветно посвятили себя Рисале-и Нур, этой стране и нации, и представляют для них очень большую ценность. Иначе, в действительности подвергая опасности, вы можете открыть путь для гораздо большего нематериального вреда стране и народу.

Мало того, я решительно заявляю вам о следующем: оскорбления, унижения, клевета, пытки и тюремное заключение, и что бы вы еще ни предприняли в отношении моей личности, я решил принять это при условии, если из-за меня не пострадают Рисале-и Нур и его ученики. Поскольку, и в этом тоже для меня существует награда в будущей жизни. Хотя, я, с одной стороны, проливал слезы горечи, но, с другой стороны, был также рад тому, что этот случай стал спасением от грехов моих повелевающих страстей. И если бы эти несчастные невинные не были отправлены вместе со мной в тюрьму, то я обращался бы в суде с суровой речью. Вы так же видели, что человек, который написал обвинительное заключение в данном вопросе, своими искажениями и преувеличениями, а частично неправильным истолкованием, желает уничтожить мою личность, показывая написанными в этом году все мои конфиденциальные и неконфиденциальные книги вместе с письмами, собранные за эти двадцать-тридцать лет моей жизни, и будто ни один судебный процесс ранее не сталкивался с ними, и они не получали никакого помилования.

Причина того, почему же я многократно говорил о несостоятельности своей личности, и о том, что непрерывное ее очернение никак не повлияет на общественное мнение, но достаточных, чтобы вызвать у политиков подозрения, заключается в следующем: *в наше время и здесь, для укрепления веры тех, кто нуждается в обучении религии, необходимы такие личности,*

которые не пожертвуют истиной ни чему, и не сделают ее орудием всему земному, а также, не допустят участия в этом какой-либо доли своих чувств. Только в этом случае уроки веры, могут быть полностью действительны.

Да, никогда еще здесь не было такой сильной потребности, как сейчас. Ибо опасность исходит извне в колоссальных размерах. Хотя признавшись, я заявлял о том, что сам не подхожу под эти потребности, все же они предположили мою личность средством такой необходимости не по причине моих личных достоинств, а скорее из-за степени нужды и явного отсутствия кого-либо подходящего на эту должность. Между тем как, я ни в коей мере не был достоин этого, мне долгое время приходилось смотреть на это с недоумением и изумлением, но невзирая на мои страшные ошибки, только сейчас я понял мудрость этого всеобщего внимания. А мудрость его заключается в следующем:

В наше время, истина Рисале-и Нур и коллективная личность его учеников, в лице себя, установили ту сильную потребность. Вопреки моей тысячной доли в этом служении, они, посчитав меня исполнителем той чудотворной истины и ее искренней личности, устремили ко мне свое внимание. Хотя, в действительности это внимание было для меня обременительным и причиняло вред. К тому же, я не достоин этого. Но, тем не менее, в интересах Рисале-и Нур и его коллективной личности, я молча принял на себя тот духовный вред. Кроме того, в отношении моего служения истинам веры, они рассматривали мою несущественную личность в числе подтверждения сообщений о Рисале-и Нур, осуществленные посредством Божественного вдохновения через таких святых, как Имам Али (р.а.) и Гавс аль-Азам (к.с.), вместе с указаниями на коллективную личность его искренних учеников, которая в наше время стала зеркалом, отражающим чудотворность Мудрого Корана. Я допустил ошибку в том, что в некоторых местах часть их внимания к моей персоне и не обратил на сторону Рисале-и Нур. Причиной этому послужила моя слабость я открыто признал для себя ее часть, чтобы предотвратить появление тех причин, которые могли бы отпугнуть помогающих мне, а также с целью повышения их уверенности в моих высказываниях.

И хочу вам напомнить, что вовсе нет необходимости порочить мою смертную и находящуюся у дверей могилы личность, также, как нет нужды придавать ей такое большое значение. Так или иначе, вы не сможете бороться против Рисале-и Нур и одержать над ним верх. В борьбе с ним вы причините большой вред этой нации и стране.

Во всяком случае, разобщить его учеников вы тоже не сможете. Потому что путь предков нашей родины, которые покровительствуя истинам Корана, отдали ради них сорок-пятьдесят миллионов мучеников, не позволит в наше время их сыновьям отказаться от сохранения истин Корана и прежнего героизма в Исламском мире. Даже, если они поверхностно отступят, эти искренние ученики, однако, останутся связанными с теми истинами всей своей душой и сердцем. Они не откажутся от Рисале-и Нур, который является зеркалом тех истин, чтобы этим не нанести ущерб нации, стране и общественной безопасности. И мое последнее слово:

فَإِنْ تَوَلَّوْا فَقُلْ حَسْبِيَ اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ عَلَيْهِ تَوَكَّلْتُ
وَهُوَ رَبُّ الْعَرْشِ الْعَظِيمِ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОСЬБА, АДРЕСОВАННАЯ КАБИНЕТУ МИНИСТРОВ.

У меня есть крайне важная просьба к главам правительства.

Мы просим у Совета Министров запретить эти неблагоприятные, на ваш взгляд, пятнадцать страниц Пятого Луча, и исключить их из собрания под названием «Сираджуннур». Ведь, первоначально они были написаны много лет назад и включены в конец книги из трехсот страниц, которые в дальнейшем стали причиной для конфискации его Министерством. Значение этой книги было установлено во многом полезным и для оказавшихся в бедственном положении, а также для пожилых людей, и для тех, кто в отношении своей веры пал под сомнение. Мы просим от вас дать разрешение на публикацию для остальной его трехсотстраничной части, чтобы оказавшиеся в беде и пожилые люди смогли получить утешение от ее содержания, а нуждающиеся могли использовать от истин веры.

Кроме того, в четырехсотстраничном собрании «Зульфикар», имеются две страницы с комментариями к двум аятам о наследовании и покрытии женщин, которые отклонили критику против них со стороны философов Европы; а также, опубликованная тридцать лет назад в книге «Чудо красноречия Корана» (Ишарат уль-Иджаз)

одна строка из аята **أَحَلَّ اللَّهُ الْبَيْعَ وَحَرَّمَ الرِّبَا** о банковской

системе, и еще одна строка из брошюры с ответами на шесть вопросов священнослужителя англиканской церкви, заданные им Управлению Шейх уль-Ислама, когда я находился в Дарл-уль-Хикмет; мы просим удалить эти не соответствующие нынешнему Гражданскому кодексу две страницы, ставшие поводом для конфискации всей книги, и на основе наших прав, требуем вернуть нам это собрание, которое в превосходном виде доказывает три столпа веры. Ведь, ее польза была отмечена на практике и высоко оценена всем Исламским миром. Ввиду того, что если пять слов из одного письма подвергнутся цензуре, остальной его части дается разрешение, поэтому, и мы требуем этого важного для нас законного права. И вместе с почитателями Корана и веры, которые с помощью Рисале-и Нур служат для страны и общественной безопасности, мы ждем, чтобы вы избавили нас от гнета тех, кто делает из мухи слона. Кроме того, трактат «Шесть атак», написанный восемнадцать лет назад в результате гнева на беспрецедентные условия жестокой репрессии, я назвал конфиденциальным и не давал разрешение на его публикацию. Но, во всяком случае, проведя через руки трех-четырёх судов, они вернули ее владельцам.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

[Благодарственное письмо из трех пунктов, адресованное экспертной комиссии Департамента по делам религии, с целью исправления критических замечаний и поверхностных ответов их анализа.]

Первый пункт: Я хочу трижды поблагодарить ученых в составе экспертной комиссии. Собственно говоря, я лично им очень признателен.

Во-первых: за положительный отзыв тринадцати частей собрания «Сираджуннур», за исключением его Пятого Луча.

Во-вторых: за опровержение выдвинутых против нас обвинений по поводу основания суфийского ордена, создания политического общества, и нарушения внутренней безопасности.

В-третьих: за подтверждение моего дела в суде. То есть, на суде я сказал: если и есть в этом хоть какая-либо вина, то она полностью принадлежит мне. Ученики Рисале-и Нур, искренне и безвинно находились на этом служении ради своей веры. Таким образом, эта экспертная комиссия, освободив учеников Нура от ответственности, переложила всю вину на меня. Поэтому, я говорю ее представителям: «Пусть Аллах будет доволен вами!»

Однако они в моем преступлении сделали соучастниками покойных Хасана Фейзи и Хафиза Али, и еще двух-трех наследников этих двух блаженных мучеников, которые работали в их духе. Вот только в одном они оказались не правы. Так как, эти братья были впереди меня в служении истинам веры, и неповинны в моих ошибках. Божественное покровительство, из милосердия к моей слабости, дало мне их в качестве помощников.

Второй пункт: Экспертная комиссия отметила, что некоторые повествования Пятого Луча являются сомнительными, другая их часть ложными, а третья часть же была неправильно истолкована. Также, об этом было упомянуто против нас и в Афонском обвинительном заключении. Но я на пятнадцати страницах показал в виде таблицы их восемьдесят одну ошибку. И уважаемые эксперты должны увидеть эту таблицу. Пример одного из тех ошибок заключается в следующем:

Прокурор заявил: «Все интерпретации неверны, а их рассказы являются либо ложными, либо сомнительными».

В ответ мы говорим: Данная интерпретация показывает, что в хадисе этот смысл вероятен или неисключен. По логике, опровергнуть вероятность того смысла можно при условии если только доказать его невозможность. Между тем, как смысл его был претворен в жизнь и подтвержден воочию. Так же, один из аспектов универсальности хадисов имеет намек на его смысловое содержание, который был продемонстрирован в этом веке, как одна вспышка из его чудесного предсказания, и поэтому, он ни в коей мере не может быть отвергнут или не одобрен. Кроме того, в таблице ошибок и исправлений были доказаны высказывания прокурора по поводу «ложности или сомнительности рассказов», как ошибочные в трех отношениях.

Первое: в целом отрицать эти повествования будет являться десятикратным заблуждением, так как, имам Ахмад ибн Ханбал, заучивший наизусть миллион хадисов, и Имам Бухари, который знал пятьсот тысяч хадисов, не отважились отрицать их смыслы; в любом случае, такое отрицание не представляется возможным, поскольку прокурор не видел всех книг по хадисам, а также, большая часть Уммы, каждое столетие ожидала появления значений этих рассказов или свидетельства одного из аспектов их общего значения, вследствие чего, ею был принят во внимание целый ряд сторон и образцов тех смыслов. Так или иначе, время доказало истинность этих значений.

Второе: смысл понятия «недостоверный» показывает, что это повествование не относится к хадису с проверкой подлинности цепи

авторитетных хадисоведов. В противном случае, это не означает, что его смысл не является таковым. Поскольку среди «Уммы», и особенно среди изыскателей истины, а также некоторые из ученых хадисоведов и муджтахидов, утвердили и ждали осуществления тех смыслов. И безусловно, эти предания, как и пословицы, содержат всеохватывающую истину.

Третье: есть ли такие рассказы или повествования, против которых не стали бы возражать в своих книгах улемы школ различных направлений или учений? Например, об одном из повествований о появлении нескольких Даджалов (антихристов) в Исламе, говорит следующий хадис, который предвещает явную смуту Хулагу и Чингиза:

لَنْ تَزَالَ الْخِلَافَةُ فِي وِلْدِ عَمِّي صِنُو أَبِي الْعَبَّاسِ حَتَّى يُسَلِّمَهَا إِلَى الدَّجَالِ

«Аббасидский халифат, после длительного времени своего существования, перейдет в руки Даджала». Как этот хадис говорит, что по прошествии пятисот лет в Исламе появится Даджал, и разрушит халифатство так же, имеются многочисленные рассказы, которые извещают о появлении его в Конце Времен. Тем не менее, некоторые из муджтахидов из-за своих направлений, или же с идеями радикализма, не принимали их, говоря, что они либо не прошли проверку подлинности, либо являются слабыми.

Так или иначе... Причина моего столь короткого изложения связана с Рисале-и Нур, ибо, как совпало время четырех сильных землетрясений с нападками на него, демонстрируя этим гнев земли, таким же образом когда я писал этот ответ, здесь произошло два сильных землетрясения. Итак: это совпадение двух землетрясений со временем моих страданий, когда после доклада экспертной комиссии, который мне был дан вечером, я получил раны в виде хирургической операции, а также, по причине моих горестных тягот из-за отсутствия контактов с другими и необходимости писать своим неразборчивым почерком. Да, я вечером получил доклад от Управления по делам религии, на помощь которой все эти восемь месяцев страданий в одиночной камере я больше всего рассчитывал и надеялся. И сегодня утром я понял, что в самых незначительных вопросах они помогали не мне, а прокурору. Ибо я увидел сказанное ими: «Саид говорит, что последние четыре землетрясения были событиями карамата Рисале-и Нур». И когда я в ответ собирался написать фразу, которую вписал в таблицу ошибок: «*Рисале-и Нур, как приемлемая милостыня, является средством отражения бедствий.*»

И всякий раз, когда он подвергается нападкам, бедствия пользуясь случаем тут же появляются. А иной раз, даже земля приходила в ярость», – здесь произошло два сильных землетрясения (Прим.), которые заставили меня отказаться от изложения этой части письма, и поэтому я остановлюсь здесь и перейду к третьему пункту.

Третий пункт: О, требовательные, совестливые и справедливые специалисты экспертной комиссии! Основываясь на давней традиции похвального отзыва между учеными и литераторами либо ненадлежащим образом, либо в утрированном виде, другими были написаны хвалебные оды в качестве приложения в конце их прекрасных книг при первом же появлении, а авторы этих книг проявляли признательность и удовлетворенность этими отзывами, тогда, как соперники не обвиняли их за это в эгоизме. Однако, я был огорчен, что по справедливости не смог приравнять к вашей совести, вашим научным исследованиям, сосредоточенности и почтительному содействию, воспринятые вами в виде саморекламы восхваления таких преданных и искренних учеников Рисале-и Нур, как покойный Хасан Фейзи и мученик Хафиз Али, которые писали их с идеей помочь мне в моей беспомощности, слабости и одиночестве, и чтобы перед лицом многих несправедливых нападков и возражений поощрять нуждающихся принять Рисале-и Нур. Так же, эти чистые сердцем братья, которые никогда не думали о политике, не могут быть обвинены по поводу высказанного ими согласно символическому подсчету: *«Одним из аспектов хадиса и его иносказательным смыслом в наше время является Рисале-и Нур»*. Так как, время доказало истинность этого. Но если бы даже написанное ими было крайне преувеличено или даже ошибочно, то это была бы только научная ошибка, при том, что каждый имеет право на собственное мнение. И вы знаете, как много различных взглядов и мнений изложено в работах двенадцати школ шариата, и особенно в школах Ханафи, Малики, Шафии и Ханбали, и еще почти в семидесяти направлениях наук теологии (калам) и в принципах религии. *Тем не менее, никогда еще между учеными религии не была так велика необходимость в объединении и отказа от прений, как в настоящее время. Сейчас мы вынуждены оставить все конфликты и споры во всех второстепенных вопросах.*

Три вопроса к справедливым богословам экспертной комиссии:

Первый: Может ли нести человек ответственность за то, что кто-то из добрых намерений похвалил его? Может ли это стать предметом гордости, особенно, если он, не желая этого, делает все возможное, чтобы отвести от себя такую похвалу, или дает этому другое объяснение и чтобы не потерять своего искреннего друга молча реагирует на это и говорит, что похвала была стократно преувеличена?

Второй вопрос: Интересно, при наличии столь важных вопросов веры, и страшных нападок на религию, заслужат ли такого презрения и порицания преданные истинам ученики Рисале-и Нур, из-за своих незначительных научных ошибок и неправильного мнения? Допустимо ли таким образом правосудию наносить удары ученику, в то время, как он ожидает заботливого напоминания от подобных вам учителей?

Третий вопрос: Будет ли соответствовать такая критика Рисале-и Нур из-за одного или двух вопросов, ведь он за эти двадцать лет устоял перед лицом его бесчисленных противников, и укрепил веру тысяч нуждающихся людей?

Кроме того, я напоминаю тем научным работникам о следующем: в своем докладе они критикуют меня за сделанные Ахмедом Фейзи восхваления в начале моего письма, будто бы я этот отзыв написал самому себе. Однако, чтобы в своем письме не признать адресованную мне похвалу, я вычеркнул одну ее часть, а другую ее часть был вынужден в спешке послать к одному из моих братьев, с намерением изменить ее, но так и не довел ее до конца. Затем, братья вписали похвальный отзыв в заглавие того письма, и когда его отправили одному частному лицу, оно попало в руки властей. Удивительно, заслуживает ли таких яростных возражений подобная хвалебная речь, которая с исключительно научной и личной точки зрения была направлена к доверенным братьям для консультативного внесения изменений?

И к тому же, два небольших собрания, обнесенные в красный и черный переплет, состояли из ряда конфиденциальных, поздравительных, стимулирующих и благодарственных писем, обращенных к братьям. Во всяком случае, один-два человека, участливо собрали их вместе в одну книгу, дабы они не оказались утерянными. Однако в процессе этого они попали в руки полиции. Так есть ли какая-либо необходимость выдвигать абсурдные предположения по поводу таких писем, и делать их предметом допроса, пытаясь связать с политикой? Не обратится ли это дело в

бессмысленную возню с назойливой мошкаррой, слепо не замечая страшных драконов, готовых наброситься на Коран?

Игнорировать обвинения Сарачоглу по поводу пагубности религии и воспитания Мухаммада (мир ему и благословение), и в то же время подвергать сомнению собрание Сираджуннур, который как солнце показывает коранические истины и доказывает реальность исцеления ран всего человечества. Не станет ли это некой помощью в конфискации этого собрания из-за интерпритаций слабых хадисов в конце этой книги? Мы не держим обиды на вашу незначительную критику, но ждем от вас бальзама для наших ран и вашей понимающей поддержки.

Заключенный
Саид Нурси

Таблица ошибок и исправлений

Ввиду того, что более двадцати страниц опечаток касались наших братьев, я не стал их здесь комментировать. Так как, количество этих ошибок могло превысить сотню. На суде мы были вынуждены около двух часов выслушивать сорок страниц обвинительного заключения. И хотя они этим задели нашу честь и достоинство Рисале-и Нур, а также пренебрегли нашим юридическим правом, правом личной и общественной жизни, все же мы проявили сдержанность в этом отношении; но взамен мы требуем позволить нам полностью зачесть обжалование судебного решения, и если в нем будут иметься аспекты, которые затронут того, кто составил непредусмотрительный, безрассудный и небрежный обвинительный акт в нашем деле, то просим и его в ответ быть сдержанным.

И возражая обвинительному заключению, на суде я заявил, что если на сорока его листах я не докажу ста ошибок, то готов буду принять в отношении себя срок столетнего приговора; и в качестве одного довода предлагаю вашему вниманию список этих ошибок на пятнадцати страницах, которые касаются меня.

Саид Нурси

№	Ошибка	Исправление
1	Использование религии в политике...	Неопровержимые доводы в моей защитительной речи, всем продемонстрировали ошибочность этого утверждения.
2	Большая степень вероятности нарушения внутренней безопасности...	Шесть судов, в течение двадцати лет, не сумев подтвердить этого отдельными фактами, установили ложность данного утверждения.
3	Создание тайной организации.	Три суда, вынося оправдательное решение в этом вопросе, доказали его ошибочность
4	Связи с тайной организацией.	Освобождение обвинительной стороной двадцати трех человек, само по себе показало искаженность этого заявления.
5	Отсутствии какой-либо трудовой занятости...	Непринятие во внимание письменных работ и правок Рисале-и Нур, всем показывает неверность этого высказывания.
6,7	Попытки подстрекательств к нарушению государственной безопасности и организация тайного общества...	Акцент, сделанный Эскишехирским судом, на вопросах женского покрытия и критики ношения шляпы, с отклонением пунктов подстрекательства и организации, напротив показывает недостоверность данного утверждения.
8	163 статья уголовного кодекса...	Эскишехирский суд, внешне вынося заключение по данной статье, но по сути полагаясь на справедливое решение, признал написание трактата о покрытии женщин в гораздо ранние сроки, и вынуждено прибег к справедливому заключению, что демонстрирует ложность этого утверждения.
9	Использование религиозных ценностей, как средств...	Последние тридцать лет моей жизни и знающие мой характер товарищи опровергают данное заключение.
10	Подстрекательство и побуждение людей к действиям, нарушающим государственную безопасность...	За двадцать лет, полиция десяти провинций ни разу не зафиксировала участия в подобных инцидентах ни одного из учеников Рисале-и Нур, что указывает на его недостоверность.

№	Ошибка	Исправление
11	Создание тайного политического общества.	Оправдательное решение по данному вопросу в трех судах и мое отстранение от политики на протяжении последних двадцати лет показывает, насколько явной клеветой является эта ошибка.
12	Попытки тайной публикации литературы.	Широкое распространение Рисале-и Нур в самых главных центрах Исламского мира, а также в столице нашей страны и в учебных учреждениях, подчеркивает ложность этого утверждения.
13	Тайная продажа книги Путеводитель для молодежи среди читателей Рисале-и Нур...	Твердые аргументы кассационных жалоб, отправленных мною в семь департаментов правительства, и которые находятся в моей неопровержимой защите, доказывают, что ученики Рисале-и Нур ни с какой стороны не могут быть политической организацией. И публичная неограниченная продажа официально разрешенного Эскишехирской Госбезопасностью Путеводителя для молодежи среди учеников Рисале-и Нур и всех остальных, так же доказывает ошибочность этого заявления.
14	Тайная продажа собраний Зульфикар и Посоха Мусы...	Факт непосредственной передачи этих книг в Департамент по делам религии, с целью их ознакомления, а также, официальное переплетение в книгу, с последующим их вручением важным личностям в Стамбуле, и даже некоторым книгоиздателям для отправки в Индию, показывает, что они не продавались тайком, вследствие чего опровергает это утверждение.
15	Упоминание в Коране ста сорока сур...	Несмотря на то, что каждый читающий Коран знает о количестве ста четырнадцати сур в Нем, итог этого их небрежного и необдуманного отношения послужил причиной такой редкостной оплошности.
16	Стремление уподобиться Корану в своем содержании...	Тысячекратно Упаси Аллах! Убеждения всех учеников Рисале-и Нур и тех, кто видел его работы, в том, что Рисале-и Нур является толкованием и зеркалом духовного Чудоизложения Корана в этом веке, опровергает это заблуждение.

№	Ошибка	Исправление
17	Рисале-и Нур составлен из ста сорока трактатов...	Необходимость многократного повторения фразы «сто тридцать трактатов» в своей защите, показывает неверность этого утверждения.
18	Признание двадцатитрехлетнего периода работ Рисале-и Нур, его полным сроком составления...	По подтверждению сообщений из сокрытого Имама Али (р.а.) и Гавса Азама (к.с.) о том, что «Полный период написания трудов Рисале-и Нур, равен двадцати четырем годам», исправляет данную опечатку.
19	Содержание частей Рисале-и Нур в собрании трех книг...	Скорее только Двадцать седьмое письмо, вместе с приложениями, состоит из одной пятой части в трех больших книгах, тем самым указывает на их халатную ошибку.
20	Трактаты Рисале-и Нур представлены в беспорядочном виде...	Сейчас численность перьев Рисале-и Нур, увлеченных знаниями основ веры, достигло сотни тысяч, а пишущих красиво, аккуратно и согласованно, превысило сотни, что называть в результате такие работы беспорядочными и несущественными является очевидной ошибкой.
21	В некоторых отрывках нет никакой связи со смыслом темы и его точкой зрения...	В прежние времена, логически убеждая даже самых больших ученых, а также отсутствие до настоящего времени такой критики со стороны внимательных улемов в адрес Рисале-и Нур, полностью возвращает эту ошибку тем, кто говорит подобное.
22, 23	Рисале-и Нур, не содержит в себе преподавательской базы для читателей...	Несмотря на противодействие и отпугивание от Рисале-и Нур обманутых государственных чиновников и фанатично настроенных имамов, в течение этих двадцати лет, в каждом сословии общества имеется уже сотни тысяч испытывающих нужду в истинах, чего ранее не удавалось ни одно другое произведение; тем самым, это свидетельствует об отвратительности вышеуказанной клеветы.

№	Ошибка	Исправление
24	Заявления и утверждения того, что Рисале-и Нур является преградой от надвигающейся с Севера большой «красной» угрозы.	Ненавязчивое и самоочевидное признание всех читающих Рисале-и Нур того, что он стал стеной против исходящей с Севера угрозы, показывает ошибочность этого.
25	Нарушение безопасности Государства...	Подобно тому, как я своими защитами доказал необоснованность этой клеветы в трех судах, так и за двадцать лет полиция пяти-шести провинций, не зафиксировав ни одного признака нарушающего общественную безопасность со стороны Саида или его товарищей, полностью опровергает эту клевету.
26	Рисале-и Нур не является единственным для изучения комментарием к Корану, как утверждают ученики Нура.	«Это самое эффективное толкование Корана нашего времени» – является постоянно повторяемой фразой в отрывках Рисале-и Нур и устами его учеников. Иначе, нам никогда не приходило на ум искать недостатки в других тафсирах, чем становится очевидным непристойное содержание этой странной ошибки.
27	Конфиденциальные встречи учеников с другими людьми, также, названных «Нурджулар».	Публичные собрания учеников под надзором полиции и властей Испарты, и во всех остальных селах, а также, распространение в некоторых селах сотен трактатов, опровергает обвинение в конфиденциальности.
28	Тайное применение дублированной машинки, и распространение их в определенных местах.	В этом показании, на один дирхам правды имеется три дирхама лжи. Да, наши безжалостные враги объявили одну четвертую ее часть тайным, чтобы не искать других предлогов. В противном случае, это в некоторой степени оставалось тайным, согласно вероятности обвинения в прежнем судебном разбирательстве. Однако, каждым было беспрепятственно распространено по всей стране около полутора тысяч таких книг из трехсот-четырёхсот страниц, что указывает на полную ошибочность данного пункта.

№	Ошибка	Исправление
29	Так же, для отправки писем использовались почтампы других мест...	Как об этом было упомянуто в двадцать восьмой ошибке, если в этом есть одна десятая доля правды, то остальные девять десятых являются неверными. Письма очень редко отправлялись через почтовые отделения тех мест, где не жили отправители.
30	Координация участников организации со стороны Али Саврана...	Обвинительная сторона, освободив Али Саврана, а после здешнего суда, не налагая на него ареста и позволяя ему отправиться в родные места, собственноручно доказала, что это не является организацией.
31	И вновь, тайная принадлежность некоторых граждан к скрытому политическому обществу...	Общеизвестно, что повторять подобную необоснованную ошибку, будет равнозначно самой ошибке.
32	Вводил людей в заблуждение заявлениями о том, что даже чтение этих книг приносит каждому воздаяния...	Утверждающий о подталкивании к заблуждению путем Рисале-и Нур, сила которого удостоилась подтверждения тридцати трех аятов Корана, и послуживший до этих пор для укрепления веры сотен тысяч человек, перевоспитывая большое количество молодежи, разумеется, такой человек сам подвергся заблуждениям повелевающих страстей, что совершает подобную ошибку.
33	К тому же, не будь у них скрытых целей, то не было бы повода для этой тайны.	Это было скрыто для того, чтобы предостеречь себя от интриг тайных врагов, которые в течение сорока лет совершают по отношению ко мне абсолютную тиранию.
34, 35	Подстрекательство людей к нарушению государственной безопасности, используя религиозные чувства.	Столь многократное повторение безосновательной вероятности вместо установленных фактов, является исключительно злорадной клеветой.

№	Ошибка	Исправление
36	Законные и необходимые судебные преследования были определены терминами лицемерие, ересь, безбожие и тирания...	Большой ошибкой является приписывать данные термины в отношении обманутых чиновников, в то время как они были адресованы нашим тайным противникам, после наших незаконных заключений и пыток посредством их происков.
37, 38	Заявляя, что он ни с кем не видится, тайно принимал к себе путников из областей, районов и деревень.	Если в этом предложении есть одна правда, то двадцать из них состоят из лжи. Так как, местная полиция и жители окрестностей осведомлены об одном случае посещения из двадцати-тридцати, что обвинять в таком продолжительном и обобщенном виде является клеветой.
39	По сути это состояние самоотречения открыло путь к признанию многих караматов со стороны находящихся рядом с ним его учеников, а также, убеждения в этом всех последователей Нура.	Это самоотречение было осуществлено для того, чтобы не впасть в подобные бедствия беззакония, и спастись от притворства и тщеславия; хотя, ученики Нура не одобрили такое затворничество: объявлять себя обладателем караматов и признание такового его друзьями является злословием.
40	Также, его суждения и письма не опровергают данное заявление, относительно своих караматов и святости.	Это очевидная ошибка. Так как я никогда не восхвалял свой нафс и стократно писал своим братьям о том, что «В моей личности нет никакой значимости. Ваше положительное мнение обо мне является ошибочным. Она исходит от вашей искренности. Я же, не достаиваюсь этой искренности, и в служении не достигаю вас», – подобное обвинение является большой клеветой.
41	И это тоже послужило причиной для самовосхваления.	Тот, кто написал обвинительное заключение, в действительности занимался этим поверхностно и со злым умыслом, а обращенную в сторону Рисале-и Нур похвалу, он воспринял моей, вследствие чего, совершил данную ошибочность. И во многих местах он совершает подобные ошибки.

№	Ошибка	Исправление
42	Саид, предрасположен к самохвальству.	Этот последний, тридцатилетний период моей жизни, и все, кто знаком со мной отвергают эту его клевету.
43	Об этом можно засвидетельствовать во многих местах его различных трудов.	Все упомянутые восхваления, названные прокурором самохвальством, были обращены не ко мне, а в сторону Рисале-и Нур. А он, в свою очередь, является толкованием Корана.
44	Обозначено указание о том, что книга «Сираджунур» была написана в течение четырех с половиной часов.	В этой фразе имеются две ошибки. Первая: в течение четырех с половиной часов было написано не собрание «Сираджунур», а имеющиеся в нем пятнадцать-двадцать страниц темы для больных. Там же, по просьбе двух переписчиков, это было отмечено в виде признания милости. А в этом, никому на ум не может прийти самохвальство, только лишь выражение благодарности.
45	Стремление описать в своей личности широту знаний, богатство способностей, и обилие проницательности.	Подобно тому, как пятьдесят-шестьдесят лет моей научной жизни не оставили мне нужды в таких самовосхвалениях, так и в последний период своей жизни я всецело избегал этого; таким образом, истолковать в виде тщеславия безошибочно изложенные истины веры, которые были заимствованы исключительно у изобилия Корана, является большой клеветой. Даже, если это окажется верным, то многие такие ученые истины, как известные Абдильвеххабы Шарани и Мухийдини Араби, многократно в своих книгах упоминали в виде признания милости об этой форме божьего дара.
46, 47	Настолько был убежден в своих способностях, что многие божественные и природные явления признавал результатом своих караматов, и караматов Рисале-и Нур.	В этом заблуждении с нескольких сторон имеются ошибки. Все согласятся с тем, что будет большой ошибкой делить на части божественное явление и придавать природе долю в процессе созидания, равным образом будет злословием предполагать в качестве самовосхваления признание таких нескольких явлений, как землетрясения, произошедшие в момент преследований Рисале-и Нур и его учеников, а также подтверждения из сокрытого, в которых говорится, что Рисале-и Нур является в степени приемлемой милостыни.

№	Ошибка	Исправление
48	Некоторые события квалифицируются, как милостивые пощечины Рисале-и Нур.	В своих защитительных речах мы уже упоминали не о пощечинах Рисале-и Нур, а скорее о том, что он устраняет несчастья, подобно приемлемой милостыне, и после того, как он скрывается или конфискуется, несчастья, найдя удобный момент, валятся на наши головы. А это в свою очередь является пощечиной от божественной справедливости.
49	Землетрясения и сель в различных областях, ничто иное, как проявления суровой пощечины от Рисале-и Нур.	Повторять ту же ошибку, на которую неоднократно был дан ответ, является злорадной ошибкой.
50, 51	С помощью своих и Рисале-и Нур караматов, они получили спасение от этих землетрясений и наводнений. А этим несчастьям были подвергнуты невинные и дети; Саид со своей стороны этого не изложил, и не смог этого сделать.	Во многих местах Рисале-и Нур было изложено, что материальный ущерб невинных в этих бедствиях, которые приходят из-за ошибок несправедливых, приняло вид милостыни (садака), а умершие стали в некотором роде мучениками, что показывает их ошибочность и небрежность.
52	Допустил противоречие, признавая добро и зло от Аллаха в качестве безбожия.	Несмотря на то, что в Рисале-и Нур читателям доступны такие столпы веры, как тема о предопределении в Двадцать шестом слове, которое в бесподобном и прекрасном виде изложило тайну предопределения, подобная клевета становится ничем иным, как злорадством.
53	Некоторые из учеников Рисале-и Нур относят миссию Махди к нему.	В моей апелляционной жалобе эта ошибка была отвергнута неопровержимыми доводами. Кроме того, на суде было засвидетельствовано, что я никогда не признавал даже незначительной похвалы и положительного мнения о себе, чтобы не придавать своему нафсу личных достоинств, не говоря уже о такой большой степени.

№	Ошибка	Исправление
54	Очевидный факт признания им симпатий своих учеников, которые причисляют его к таким высоким степеням, как миссия обновителя религии, а также в своем поведении, он допускает склонность к тщеславию и гордыни.	В моем письменном обжаловании, а также, и в данном списке ошибок и исправлений, многократно было доказано наличие в этом утверждении клеветы.
55	Публичное заявление о своих духовных заслугах, в сказанном им предложении: «Как последователь истинных знаний Хазрати Али (р.а.), я могу называться его духовным потомком».	Я написал, что доверенное мне на время прозвище Бадиуззаман, отчетливо упоминается среди многократных указаний на Рисале-и Нур в чудотворной касыде Имама Али (р.а.), Джалджалутии, которое, затем, было по праву возвращено Рисале-и Нур. При этом, сказанное мною по поводу духовной принадлежности к Али-Бейту, заключалась в надежде на малую долю постоянно читаемой молитвы وَعَلَى آلِهِ وَصَحْبِهِ , о которой часть муджтахидов призналась, что в нее могут входить не только Саиды, но и богобоязненные люди. В противном случае, этот ошибочный смысл мне никак не приходил на ум.
56	В начале письма Саида из двух с половиной страниц, Ахмед Фейзи, согласно математическому подсчету абджад, вывел из аята يَا أَيُّهَا الْمُرْمَلُ смысл слова «Курди».	Интерпретация в виде признания преувеличенной похвалы, которую Ахмед Фейзи упомянул в моем двухстраничном отрывке, является ошибкой. Так как, это мое письмо было написано для того, чтобы положительно отозваться о внимательности и знаниях Ахмеда Фейзи, и чтобы опровергнуть и изменить чрезмерно положительное мнение обо мне. К тому же, он, выводя из смыслового контекста этого аята значение касательно своего Устада, написал его в виде приемлемого почтения.

№	Ошибка	Исправление
56		<p>А подобное не считается ошибкой, чтобы за это можно было привлекать к ответственности. В лучшем случае, это может быть научным недочетом и к политике не имеет никаких отношений. Но, тем не менее, они привлекли меня к ответственности за высказывания Ахмеда Фейзи по поводу обративших часть неоспоримых достоинств Рисале-и Нур на сторону своего Устада, и что сам Устад в наше время является средством для наставления на правый путь. Между тем как, согласно традициям и науки, крайне преувеличенная похвала в отношении любимого человека, вместе с тем, что она неуместна, не может восприниматься в качестве ошибки.</p>
57	<p>Есть вероятность того, что среди таких необычных притязаний, он может однажды заявить о пророчестве, а затем начнет нести вздор.</p>	<p>От таких наговоров и клеветы я прибегаю к помощи Аллаха. Разумеется, в подобной лжи, которая никому не может прийти на ум, и в которой они никого не смогут убедить, за рамками законов и политики существует ужасный смысл, что позволяет им совершать такую клевету, какую даже сатана не сможет заставить кого-либо принять.</p>
58	<p>В таких темах, как Седьмая надежда трактата для пожилых, были отмечены слова призыва людей к противоборству с властями, которые в Эскишехирском суде привели к обвинительному заключению.</p>	<p>И это тоже является очевидной ошибкой. Потому что, Седьмая надежда и трактат для пожилых, несколько не стали поводом для наших арестов, а скорее послужили причиной моего избавления от многих притеснений, а Эскишехирский суд справедливо вынес нестрогий приговор и сделал это основанием для снятия обвинений с Трактата о покрытии женщин. Из-за небрежности и невнимательности обвинительной стороны, появляются подобные ошибки.</p>

№	Ошибка	Исправление
59	Хусрев Алтынбаш, не соответствуя общепринятым нормам турецкого алфавита, написал такие собрания, как Посох Мусы и Зульфикар арабской письменностью.	Справедливые люди поймут, насколько будет ошибочным обвинять Хусрева за кораническую письменность Посоха Мусы, только из-за того, что они называют сейчас латинский алфавит турецким, хотя, до недавнего времени, Коранические буквы и письменность считались классической каллиграфией турецкого народа.
60, 61, 62, 63	Вместе с тем, что хадисы, на которые он ссылается, являются слабыми, или даже сомнительными, также, как и интерпретации их неверны и бесосновательны.	<p>Ни один ученый в мире не признает ошибочными толкования некоторых хадисов, относительно различных преданий о Конце Времен, то есть, они не смогут опровергнуть объяснения таких вероятных событий, которые с течением времени оказались верными и были воочию засвидетельствованы; так как община мухаддисов и вся Умма Мухаммада (с.а.в) принимала целый ряд этих аспектов в течение тысячи лет, при том, что малая часть улемов постановила своими интерпретациями о незначительной их слабости.</p> <p>Предположим, что один из тех хадисов окажется слабым, однако его смысл будет говорить о непринадлежности к данному хадису, иначе, это не означает, что воспринятое Уммой в виде поговорки его толкование является неверным. Подобно тому, как не признающие такого рода толкования, со многих сторон совершают ошибку, так и отрицая эти хадисы, они поступают вероломно по отношению к подтверждению их всеми мусульманами. И хотя такие муджтахиды, как имам Ахмад ибн Ханбал, который заучил наизусть миллион хадисов, и Имам Бухари, знавший пятьсот тысяч хадисов, не отважились отрицать сущности хадисов относительно Суфьяна; тот прокурор же, не прочтя ни одной книги хадисов, а скорее, даже не зная о точном количестве сур в Коране, громогласно заявляет об отсутствии какого-либо</p>

№	Ошибка	Исправление
60, 61, 62, 63		хадиса о Суфьяне, или же о его слабости, чем совершает большую ошибку, тысячекратно преступая все дозволенные границы. Если предположить невозможное, что такой хадис на самом деле не существует, то, приняв вполне объективную и очевидную форму среди Исламской общины, он может восприниматься в виде истины, которая осуществится в будущем.
64	Виновен за непризнание равенства в наследстве между женщиной и мужчиной, так же, как за отклонение от норм современной цивилизации, и за противоборство реформам.	Привлекать к ответственности за написанные тридцать лет назад мои комментарии к двум предельно ясным аятам Корана по поводу возражений со стороны опирающихся на законы цивилизации, а также, со стороны двух лицемеров, которые распространяли вредоносные книги Доктора Дузи, словно я написал это в последнее время, является заблуждением, в степени отрицания тех аятов Корана.
65	Вполне очевидные заявления того, что термины Суфьян и Исламский Даджалъ в Пятом луче относятся к Мустафе Кемалю.	Объективное значение одного аллегорического хадиса в Пятом луче, и неопровержимый ответ в моем письменном обжаловании, показывает явную ошибку и неправомочность обвинения по этому поводу. Если в этом есть хоть какая-то вина, то обративший такой тонкий и всеобщий смысл в сторону этой личности, и придавший его огласке на суде, несет гораздо большую ответственность за это.
66	Шляпа подобна феске, она никак не связана с основами веры. Саид не способен определить то, что вера полностью относится к чувствам совести и сердцу.	Те, кто пишет против постановлений муджтахидов и шейхульисламов, и в особенности, Имама Азама, единогласно принявших решение о противоположности основам веры таких многочисленных признаков, как шляпа и зуннар, совершают такую большую ошибку, что это поймут даже умалишенные.

№	Ошибка	Исправление
66		Объяснения относительно шляпы в моем письменном обжаловании, и необычные доводы истин веры в Рисале-и Нур, бьют по лицу тех, кто говорит о неспособности Саида к осмыслению.
67, 68	Многократное утверждение того, что шляпа считается признаком безверия, и ее постоянное ношение приводит к безбожию. Мало того, имеются очевидные факты его пропаганды к отказу от шляпы.	В четырех-пяти местах моего письменного обжалования, в неопровержимом виде было доказано о крайней бессмысленности этой ошибки.
69	Зафиксирован факт ношения учениками Рисале-и Нур беретов вместо шляпы.	Обвиняющие в преступлении богобоязненную часть учеников Рисале-и Нур, и в особенности тех, кто имеет незначительные связи с общественной жизнью, по поводу отказа от бессмысленного и ненужного ношения шляпы, которая создает помехи в земном поклоне, сами становятся ответственными перед правосудием и истиной.
70	Заявление о том, что шляпа является одним из признаков безверия, обретшая форму убеждения...	Я уже изложил на суде ответ, который сорок лет назад дал улемам Стамбула. Приписывать мне одному эту формулировку, которую в степени убеждения использовали все ученые Ислама, будет не только оскорблением по отношению к Исламу, ученым и ко мне, а скорее, даже безрассудным предательством. В результате чего, я возвращаю ему обратно это утверждение.
71	Очевидность предпринятых им попыток против реформ, объявляя в качестве признаков Конца Времени повсеместное закрытие медресе и текке,	Поскольку, я не был привлечен к ответственности за изложенные мною сорок лет назад комментарии к одному-двум хадисам, а также, за написанный пятнадцать лет назад трактат по поводу фетв улемов Департамента по делам религии, допускающих нововедения, то вновь поднимать этот вопрос не будет иметь никакой связи с законом.

№	Ошибка	Исправление
71	а также, запрещение азана и икамы на арабском языке.	Выдвигать обвинения, бессмысленно повторяя те же самые слова, подобно воде, собранной из тысячи потоков, будет неправильно и ошибочно, а к тому же, может оказаться во вред безопасности государства.
72	Зафиксирован факт упоминания о конфиденциальности и засекреченности многих тем Пятого луча.	Будет большой ошибкой предусматривать в качестве преступления мою следующую фразу: «Этот трактат конфиденциален, и не нужно его показывать всем», – которая была сделана для того, чтобы он не был поверхностно истолкован обвинительной стороной, и чтобы избавиться от зла наших скрытых врагов, всеми предложениями желающие нас разобщить.
73	Ахмед Фейзи, выводя слово «Бадиуззамануль-Курди», дважды указал на совпадения его со словом Муххаммад (с.а.в). Удивительно, не желает ли он этим уподобить Саида Курди нашему пророку Мухаммаду Мустафе (с.а.в)?	По той причине, что Рисале-и Нур является толкованием Корана, а также постоянно действуя согласно шариату Пророка, и в том пророческом наследии опираясь на Хадис الْعُلَمَاءُ وَرَثَةُ الْأَنْبِيَاءِ , в этом служении Корану Ахмед Фейзи никак не хотел привести уподобления этого бедного Саида, скорее он научно и математически пытался получить результат в значении следования Сунне; и тот, кто видит в этом причину для привлечения к ответственности, не понимая смысла تَخَلَّقُوا بِأَخْلَاقِ رَسُولِ اللَّهِ , безусловно, трижды совершает ошибку. И разумеется, будет стотысячекратным безумцем тот, кто заявляет о его уподоблениях Саиду, который считал своим большим счастьем удостоиться одному лучику света, проявленного от солнца Мухаммада (мир ему и благословение). И такой человек не осознал смыслов подчинения Пророку (мир ему и благословение) и следования его Сунне.

№	Ошибка	Исправление
74	<p>В истории Ислама не было ни одного религиозного ученого, который стал бы использовать в личных целях Мудрый Коран и хадисы.</p>	<p>В данном заблуждении, с пяти сторон имеются ошибки. К тому же, является невежеством, по причине незнания книг, ученых и их комментариев, не понимать разницы между отдельной личностью и целым рядом явных, скрытых и собирательных значений. Общеизвестно, что тысячи таких ученых, как Неджмеддини Кюбра и Мухийддини Араби, относительно индивидуальных взглядов, написали много книг о скрытых смыслах всеобщих хадисов, и даже аятов. Кроме того, согласно подсчету джифр и абджад, который действует с давних пор среди ученых, показать в нашем веку совпадения многогранного и всеобщего аята с Рисале-и Нур и его учениками, ни с какой стороны не будет считаться использованием аята в личных целях. И тот, кто заявляет о подобном, совершает большую ошибку по отношению к точным наукам.</p>
75	<p>Согласно мнению Ахлю-Сунна, вероубеждение Имама Махфи и Имама Мунтазыр является заблудшим.</p>	<p>Часть Ахлю-Сунны в ответ на заявления шиитами о том, что Махди, как один из двенадцати имамов, на данный момент скрыт и должен появиться в Конце Времен, постановило о ложности вероубеждений Имама Мунтазыра. В то время, как небольшая часть ученых Имама Ханафи заявила لَا مَهْدِيَّ إِلَّا عَيْسَى. То есть, в отношении этого некоторые представители экспертной комиссии Денизли вместе с прокурором сделали ошибочные выводы. Кроме того, исходя из естественных потребностей Уммы, каждый век ожидался приход личности, подобной Махди. И согласно некоторым преданиям, среди общины существовало убеждение о появлении в каждом столетии своего рода Махди из рода Саидов. Вследствие чего, с нескольких сторон будет ошибкой называть данное утверждение неверным.</p>

№	Ошибка	Исправление
76	В одной книге приводится, что «все хадисы о приходе Махди, являются слабыми».	Есть ли такой вопрос в религии, который не был бы затронут цензурой в некоторых книгах? Между тем как улемы с изумлением приводили признания таких опытных мухаддисов, как Ибн Джевзи, о недостоверности некоторых достоверных хадисов. К тому же, это не означает, что смыслы каждого слабого или недостоверного хадиса являются неверными. Скорее, он имеет слабую цепочку достоверных передатчиков. В противном случае, смыслы их истинны и убедительны.
77	Относительно их слабости или недостоверности имеется единогласное мнение. Хотя даже Имам Шафий не упоминал и о недостоверности их цепочки передатчиков, в то время как Саид, являясь Шафиитом, не смог осмыслить этой мудрости.	Действующая в течение тысячи лет истина, служит среди мухаддисов и всей Уммы аргументом тому, что в этом отсутствует единогласное мнение. А это, в свою очередь, является ошибкой в ошибке. Кроме того, Имам Шафий не приводит слабые и недостоверные хадисы в качестве доводов, чтобы установить заключение в законах Шариата. Иначе, он принял эти истинные хадисы, признанные всей Уммой, для аргументов и доводов в достоинствах благодетелей, а также, для доказательства исторических событий в Исламском мире, и никак не для того, чтобы принять их в религиозных решениях.
78	Знания о сокрытом присуще только Аллаху. Ни один святой, и даже Пророк, не в силах овладеть и осмыслить сокрытое. Между тем, в одной брошюре с аргументациями хадисов было сделано указание на начало и конец Халифата.	Да, никто самолично не в состоянии познать сокрытое. Однако, с божественным вдохновением, это осуществимо. Критиковать и видеть необоснованными несколько сияний красноречия в этом славном хадисе إِنَّ الْخِلَافَةَ بَعْدِي ثَلَاثُونَ سَنَةً , приведенные в конце тайных указаний Имама Али, по поводу подтверждений Рисале-и Нур, и которое полностью совпало с событиями и удостоилась одобрений очевидцев, является результатом невежества и заблуждения.

№	Ошибка	Исправление
79, 80	Организация тайного общества, а также отсылка различными средствами книг и писем, с целью нарушения внутренней безопасности под прикрытием религиозных чувств.	Поскольку три суда вынесли оправдательный приговор по делу тайного общества, и силы правопорядка десяти провинций не нашли никаких причин, чтобы придаться к нам, я в своем письменном обжаловании опроверг это сотней доказательств, что подобное пятнадцатикратное повторение на пятнадцати страницах, с десяти сторон является нарушением.
81	Интерпретации Пятого луча неверны.	Оттого, что ответы на эти и прочие возражения были в неопровержимом виде упомянуты в конце моего обжалования, здесь я коротко сокращу.

Дополнение к таблице ошибок и исправлений

№	Ошибка	Исправление
82	Существует тайное общество, функционированием которой он занимался в Эмирдаге.	Жизнь под строгим надзором в моем болезненном, слабом и старческом состоянии, а также, в условиях полной отрешенности и равнодушия к происходящим в мире событиям, является твердым доводом того, что данное обвинение ни с какой стороны не может быть доказуемым. Вдобавок, после полного отсутствия какого-либо общения, помимо одного письма в неделю, на один и тот же указанный адрес, я прекратил работу над своими трудами, и несмотря на освобождение из-под стражи, я не отправился на родину к своим бесчисленным друзьям и соотечественникам, которые стали бы прислушиваться ко мне; а также, я не допускал к себе никого, за исключением одного-двух учеников, для выполнения ими обязанностей, и принимал к себе на несколько минут только одного из сорока путников; и обвинять теперь в организации тайного общества этого одинокого и находящегося у дверей могилы несчастного человека, ранее признанного невиновным, и который в течение тридцати лет прекратил все связи с политикой, будет таким бесчеловечным и несправедливым нарушением, что имеющие даже самую малость рассудка, скажут: «Это обман и абсурд».
83, 84, 85	Согласно заключению прокурора, у Саида на самом деле нет никаких скрытых врагов и тех, кто мог бы его отравить.	Данное обвинение прокурора, с нескольких сторон является ложью и клеветой; при этом относить термины безбожники и лицемеры к одной части несчастных и обманутых верующих чиновников, которые заключая под стражу Саида, лишь выполняли свой исключительный долг, является большим преступлением. А также, является оскорблением и обвинением по отношению к этой религиозной нации.

№	Ошибка	Исправление
83, 84, 85	Так же, не существует названного им безбожного комитета, против разрушения которых Саид боролся с помощью истин Корана. Вероятно, под безбожниками и лицемерами, он подразумевает часть чиновников, причинявших ему неудобства.	<p>Так как, это обвинение в отношении одинокого и отрешенного человека, который всеми силами старался примирительно избегать действий, затрагивающих обязанности должностных лиц, и который неоднократно повторял, что «если эти, находящиеся на службе правосудия мусульмане-чиновники, приговорят меня к смертной казни, с условием непричинения вреда Рисале-и Нур и получения пользы от него, я прощу их всех», приравнивается к большому греху и клевете. Между тем знакомые с Саидом знают, что он старается воздерживаться от обвинений в безверии. Даже, если он увидит явные признаки безбожия, то давая этому иное объяснение, не обвиняет кого-либо в безверии. И хотя, он постоянно действует в рамках позитивного осмысления ситуации, обвиняющий его, несомненно, сам становится ответственным за это обвинение.</p> <p>К тому же, заявлять о несуществовании тайных врагов и разрушающих комитетов, это является такой клеветой и ложью, что многие такие комитеты, как коммунисты, масоны и ташнакцютоны, языком своего состояния говорят об обратном. И случившиеся с Саидом за тридцать лет беспрецедентные печальные события, в особенности, пребывание в течение этих десяти месяцев в абсолютной изоляции, и его победоносное усердие вместе с сотней трактатов ради истин Корана против тех агрессивных врагов религии, сотней доводов опровергает это ложное утверждение.</p> <p>Кроме того, высказанное прокурором заявление о несуществовании тех, кто мог бы его отравить, представляет собой такое нарушение прав, что только</p>

№	Ошибка	Исправление
83, 84, 85		находясь постоянно рядом с Саидом и полностью осведомляясь о всех пережитых им испытаниях, можно доказать необоснованность этого утверждения, а также, эту ошибку можно будет исправить, отрицая попытки моего отравления в тюрьмах Кастамону, Денизли и Эмирдага, которое проявилось подмышкой в виде действующего в течение двадцати лет нарыва из скоплений яда, и которое было с изумлением засвидетельствовано со стороны находящихся рядом со мной друзей.
86	Прокурор говорит: Саид называет такие события как землетрясения караматом Рисале-и Нур, и что Земля приходит в гнев в момент нападков на него. Таким образом, это его обобщение с земными процессами является противоречием религии.	Согласно смыслу этого аята Корана تَكَادُ تَمَيَّرُ مِنَ الْغَيْظِ , который говорит, что «Ад в такой степени свирепствует на безбожных людей, что готов разорваться на части», в ответ на неправомерные действия по отношению к Рисале-и Нур, Земля гневается, небеса плачут, а зима сердится. То есть, устаиваясь проявления силы и могущества Аллаха, находящиеся на службе создания демонстрируют Господнюю кару в результате этим сотрясением и плачем предостерегает человечество.
87	Мало того, своей склонностью к тщеславию он признает себя обновителем религии.	На то, что прокурор сказал: «У него есть склонность присваивать себе духовные заслуги», – я отвечаю следующим образом: Во-первых: Цель того, что «я могу относиться к Али-Бейту», заключалась в том, чтобы войти в молитву وَعَلَىٰ آلِهِ , то есть, это было сделано для просьбы. Во-вторых: Я не оправдываю свои чувства нафса. Ведь склонность может проявиться ко всему скверному; однако, нафс этого человека пережил сорок лет трудностей, а в течение тридцати пяти лет он старался отстранить его от зла и страстей, и согласно свидетельству его близких друзей, он познал всю силу

№	Ошибка	Исправление
87		<p>поступков в искренности, а также, умеренно и скромно избегая людской признательности, соблюдал принцип удовлетворенности, что обвинять и привлекать его к ответственности будет большой ошибкой.</p> <p>К тому же, Саид говорит, что «Рисале-и Нур подобен приемлемой милостыни, как причина отражения несчастий», чтобы привлечь к Рисале-и Нур большее внимание, называл некоторые необыкновенные дары Аллаха своего рода караматом Рисале-и Нур, и сиянием Коранического чуда, блеснувшем в его истинном толковании; а причина того, что он иногда писал о божественном карамате, убеждая в достоверности и подлинности Рисале-и Нур, заключалась в том, чтобы исполнить перед лицом этой нации и страны полное служение вере. Иначе, этот слабый, бедный и одинокий человек, против стольких бесчеловечных противников и мнительных чиновников, не смог бы исполнить этого святого служения родине и народу. А такие прокуроры, которые делают из мухи слона и занимаются сбором воды из тысячи потоков, стали бы ему препятствием. Собрание «Печать подтверждения сокровенного» доказало это благодаря тысячи признакам и указаниям из сокрытого, и поставило одобрительные подписи под книгами Рисале-и Нур. Как если воедино собирали бы тысячи тонких нитей, дабы получить один прочный канат.</p>
88	<p>Прокурор заявляет, что Рисале-и Нур вовсе не является толкованием, а иной раз он поступает наперекор вероубеждениям.</p>	<p>Существует два вида комментариев: первый излагает содержание смыслов Корана, а второй доказывает Его истины. Рисале-и Нур относится ко второму виду, то есть, к самой сильной и значимой части толкований, о чем свидетельствуют сотни тысяч проникательных и внимательных людей.</p>

№	Ошибка	Исправление
88		<p>И ученые изыскатели истины из Египта, Сирии, Медины и Мекки, а также, наблюдательные богословы Стамбула и остальных мест, подтверждают это, не затрагивая спорных вопросов; к тому же, успешная идеологическая конфронтация в период всей жизни Саида опровергает эти показания прокурора.</p>
89		<p>Прокурор, своим обвинением и приравниванием Саида к таким политикам, которые находятся на пути отклонений шиизма, как Шейх Джебель, учений Батыниюнов и Хасана Саббаха, допускает большое заблуждение.</p> <p>Да, уподоблять им несчастного Саида, который для того, чтобы не совершать противоправных Сунне действий и не вмешиваться в политику, принял на себя двадцать три года мучительных гонений, тюрем и вероломства, и чтобы не вступать в политику он отвернул свое лицо от всех социальных должностей, что в результате это окажется такой хладнокровной ошибкой, которая будет намного холоднее нынешней зимы, пришедшая в то же время, когда эти высказывания прокурора разбили мои теплеющие надежды.</p> <p>Так же, прокурор, словно навсегда останется в этом мире, и словно каждый во всех отношениях старается для мирских целей, заявляет: «Саид, используя святые чувства, настраивает людей к перевороту и к нарушению внутренней безопасности», – это такое обвинение, которое опровергнут все святые истины Рисале-и Нур и потусторонние связи его учеников. Да будет ему известно, что мы не станем менять даже одну единственную истину веры на все царствование этого мира, а звание паши, в сравнении с одним тайным смыслом Корана, не будет иметь для нас никакого значения.</p>

№	Ошибка	Исправление
90		<p>Прокурор, подобно сбору воды из тысячи потоков, обманом привлекая к ответственности, старался обвинить нас в реакционерстве, взяв за основу чистосердечные и крайне откровенные письма учеников Нура, а также, их дружелюбные и личные чувства, и использование ими истин Рисале-и Нур; этим он совершает такую большую ошибку, что в могиле ему придется испытать за нее сильные муки.</p> <p>Например письмо, живущего в далекой провинции учителя Мустафа Сунгура, как для него, так и для нас, они делают средством реакционерства. Интересно, как может оказаться реакционером этот молодой верующий учитель, который в знак благодарности и признательности за истины Рисале-и Нур, воспитывая в невинных детях благие нравы, говорит: «Я спасся от прежнего распутства и заблуждения»? Ибо, отстранение от вероотступничества и заблуждения не может быть упадком и реакционерством, скорее это духовное развитие и восстановление порядка, по количеству способных прислушаться к урокам невинных.</p>

[Опечатки и ошибки тех, кто написал в газету «Последний Пост», а также, наговорил и вынудил суд вынести нам обвинительный приговор]

1. Четырнадцать лет назад, Эскишехирский суд придрался к сказанному мною слову в Седьмой надежде, что «увиденные мною в крепости Анкары четыре-пять старостей и смерть Халифатского государства, погрузили меня в состояние печали». Я же поправил: «Не смерть государства, а скорее было сказано смерть Халифатского государства. Вы не прочли его внимательно». В результате чего, я заставил их замолчать.

2. Двадцать лет назад, я в своем конфиденциальном трактате не признал, а скорее, даже возразил латинскому алфавиту, который стал препятствием для обучения всеми Коранической письменности.

3. Вынесенный нам приговор по поводу нескольких строк в Трактате о покрытии женщин, который тридцать-сорок лет назад, следуя принципам всех муджтахидов и муфассиров Ислама, был написан с целью сохранить истины Корана в виде комментария к предельно ясным аятам относительно наследования и покрытия женщин, и который был возвращен нам после пятикратного исследования властями, и стал причиной моего нестроого приговора, не на законных основаниях, а скорее, исходя из личных предубеждений, и который был помилован Денизлиным и кассационными судами за истечением сроков давности процесса. И пусть теперь задумаются редакторы газеты «Последний Пост», в какой степени будет бесчеловечностью писать в издании о справедливости нашего приговора. Не следует вводить в заблуждение общественное мнение.

4. Обвинять всех учеников Рисале-и Нур из-за личного мнения одного ученика, а также предусматривать в обычном письме агитацию тайного общества, которое было написано одним из учеников своему близкому другу; и демонстрировать сто тридцать трактатов, составленных в течение тридцати-сорока лет, в таком виде, словно они были написаны в этом году и ранее не прошли ни один суд; и относить тридцать-сорок слов в одной конфиденциальной брошюре на сто тысяч слов в остальных ста тридцати брошюрах Рисале-и Нур и привлекать всех за это к ответственности; в результате, в тех мнительных и безосновательных преступлениях, они делают соучастниками власти, судебные органы и полицию пяти-шести провинций, которые двадцать три года держа меня под наблюдением и надзором, после четырех-пяти судов и пяти-шести конфискаций книг Рисале-и Нур, возвратили нам их большую часть обратно.

5. Согласно некоторой духовной поддержке и соразмерному математическому подсчету по абджаду, которые на наш взгляд не

относятся к вероятной случайности, и подтверждение книг Рисале-и Нур многими указаниями Корана, несомненными сообщениями Имама Али (р.а.) в Джаджалутие, и Гавс-аль Азама (к.с.), ставя подписи под его одобрением, мы с твердой уверенностью знаем, что в отношении нас действует божественная забота и покровительство, и что указывает на приемлемость Рисале-и Нур, и является своего рода караматом его истин веры, которые изошли от духовной чудотворности Корана. В то время, когда мы, и в особенности я, очень сильно нуждались в духовной силе и святом утешении, мы увидели эти непреднамеренные указания из сокрытого и приняли их.

Однако, мы некоторое время скрывали это. А затем, чтобы избежать отстранения нуждающихся и влюбленных в Рисале-и Нур, после начала несправедливой и тиранической пропаганды против меня, я показал их своим преданным ученикам; и после того, как это принесло им большую пользу, мы в некоторой степени обнародовали их.

Единственным примером того, что я в течение двадцати трех лет стал объектом абсолютной несправедливости и был лишен прав гражданской свободы, является следующее: Несмотря на наши многочисленные уговоры, прокурор написал против нас шестьдесят, а суд – пятьдесят одну страницу обвинительного заключения, что в течение этих одиннадцати месяцев абсолютной изоляции, они строго запретили встречи со мной моих учеников и близких братьев, а также нам не было позволено видеться больше трех-четырёх часов в течение двух дней. И оттого, что я не знал новой письменности, я многократно просил их: «Предоставьте мне хотя бы одного ученика, который, зная мой язык, прочел бы обвинительное заключение и написал бы мое обжалование». Но они не ответили мне. И даже несмотря на то, что мы за четыре часа доказали их ошибки в обвинительном заключении, они через несколько месяцев, подобно сбору воды из тысячи потоков, еще более злорадно истолковывая его смыслы, заставили нас слушать второй, более суровый обвинительный акт. На что я настоятельно просил их: «Позвольте мне прочитать ответ на трех страницах». И на это они ответили отказом.

Если бы они дали мне слово, то некоторые, изредка устремленные к этому миру, предложения из Рисале-и Нур, я обратил бы в свою пользу. Однако, неправильно их растолковывая, они в своем обвинительном заключении обратили это против меня. Я же в ответ на их обвинительный приговор написал благодарственное письмо со следующим предложением: «Вы, распространяя вместо меня часть важных отрывков Рисале-и Нур, доказали, что в некотором

роде являетесь его учениками». И я, в свою очередь, прощаю все совершенные вами до этих пор незаконные приговоры и мучения.

Интересно, человек, который живет на чужбине в больном, старческом, очень слабом и немощем состоянии, зная себя, как полуграмотного и несчастного, и который стремится избежать тщеславия и притворства, с тем, чтобы достойно выполнить служение вере и Корану, значительно связанные с родиной и нацией, скорее, даже со всем Исламским миром, и чтобы убедить не отворачиваться от него некоторых не имеющих отношений с политикой личностей, он, согласно принятой среди знаменитых поэтов и ученых традиции выявил более тысячи указаний из сокрытого и сотни примеров полного совпадения. Так станет ли это с какой-либо стороны предметом критики и ответственности, будет ли это противоречить религии и законам правосудия? Я спрашиваю у редакции газеты «Последний Пост» и у тех, кто выдвинул против нас обвинение.

6. Обвинять отрешенного человека в политической деятельности и тайных интригах, который тридцать лет назад сказал **أَعُوذُ بِاللَّهِ مِنَ الشَّيْطَانِ وَالسِّيَاسَةِ** и сделал это своим принципом жизни, и который в течение двадцати пяти лет не читал и не слушал чтения газет, а последние десять лет не проявлял интереса и не был осведомлен о событиях Второй мировой войны, и который уже двенадцать лет, как не знает кто из руководителей, чиновников и госслужащих находится ныне у власти, и который не замечал интересных должностей социальной жизни, а затем, утверждая и приводя в свидетели этого состояния на суде всех своих друзей, отчасти доказал это, и который предпочел одну незначительную истину веры и один святой смысл Корана всему остальному миру, и который посвятил этому всю свою жизнь, и посчитал безумными тех, кто своему Иному миру больше предпочли этот мир; в какой степени это является отвратительной и бесчеловечной ошибкой? Я оставляю это на совести тех, кто послужил причиной нашего приговора, и кто наговаривал на нас в редакцию газеты.

Так же я предоставляю кассационному суду, в виде приложения, свое большое обжалование против нашего обвинительного решения.

Одиннадцать месяцев
в Афьонском следственном изоляторе,
и в условиях абсолютной изоляции
Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

[Это предисловие относится к нижеприведенным далее отрывкам.]

С целью оказания незначительной помощи Кассационному суду, который имеет намерение обжаловать правдивыми доводами вынесенный против нас приговор суда Аффона, мы перечислим ниже отрывки из конфиденциального трактата, которые стали причиной нашего осуждения, возлагая одновременно ответственность на тех, кто осудил нас в совершении преступления.

Главным образом, для того, чтобы приговорить меня к суровому наказанию, они, в конце обвинительного заключения в виде некоего следствия из всех моих преступлений, написали, что «Саид Нурси не признает рассмотренных вопросов касательно империи и отмены халифата». Это заявление является ложным и ошибочным. Так как, пятнадцать лет назад я ответил на вопрос Эскишехирского суда предложением из моего Трактата для пожилых: «Я был огорчен в связи с кончиной царствования халифата», что в итоге заставило их замолчать. Любой, кто считает преступлением маловажное воспоминание, которое с течением времени было забыто, а затем, помиловано и оправдано, сам становится виновным в этом преступлении.

К тому же, в качестве одного документального аргумента по поводу мнимого преступления они указали на хадис в одном из моих Сияний, и в Чудесах Мухаммада (мир ему и благословение):

إِنَّ الْخِلَافَةَ بَعْدِي ثَلَاثُونَ سَنَةً ثُمَّ تَكُونُ مُلْكًا عَضُوضًا وَفَسَادًا وَجَبْرُوتًا

«После меня халифат просуществует тридцать лет, затем он примет обличие хищной монархии, а позднее воцарится порочность и тирания»^{*}. То есть, после периода правления четырех праведных халифов настанет время смут. А в одной из моих старых брошюр я написал, что этот хадис содержит в себе три чудесных предсказания. Затем, в обвинительном заключении по поводу моего преступления, говорится: «В одном из своих трактатов, Саид говорит: «После халифата наступит тирания и порочность».

О небрежная комиссия! Тот, кто посчитает преступлением объяснение чудесного предсказания хадиса, который предвещает о нынешних событиях колоссального духовного и материального упадка человечества, и последующего за этим хаоса на земле, сам окажется заслуживающим духовного и материального осуждения.

^{*} Муснад, 5:220, 221, 4:273; Кады Ияз, аш-Шифа, 1:340

Также, касательно обвинений они писали, что если личность называет нововведением, заблуждением и безбожием, такие реформы, как закрытие суфийских текке, келий и религиозных школ, принятие секуляризма, создание националистических принципов вместо Ислама, ношение шляпы, запрещение покрытия женщин, насильственное использование латинской письменности вместо коранической, чтение на турецком азана и икамы, отмена религиозных дисциплин в школах, признание женщин равными в правах с мужчинами в наследовании и отмена многоженства, то оно признается виновным в политической реакции.

О недобросовестная комиссия! Если будет возможным отвергнуть многочисленные предельно ясные аяты Чудо-Излагающего Корана о покрытии женщин, наследовании, многоженстве, поминании Аллаха, сохранении символов религии, обучении религиозным знаниям и их распространении, которые стали в каждом веке для трехсот пятидесяти миллионов человек священным и небесным путеводителем, программой их всеобщего счастья и божественной сокровищницей жизни в обоих мирах, то сделайте виновными в преступлениях всех авторитетных Исламских толкователей законов и всех Шейх аль-Исламов, и если вы сможете отменить процессы за истечением сроков давности, многочисленные оправдательные приговоры судов и законные помилования, а также, отменить конфиденциальность и личную сторону вещей, и устранить из основ этой страны и ее правительственного ведомства свободу совести и мысли, идейные и научные способы противодействия, то в этом случае вы можете сделать меня виновным во всем вышеперечисленном. В противном случае, вы будете строго привлечены к ответственности на истинном и справедливом суде!

Саид Нурси

[Этот абзац – что удивительно – был обращен против нас, хотя на самом деле он осуждает решение суда.]

Я тоже, обращаясь к судебным органам, говорю, что если существует на всей земле правосудие, то оно отвергнет и отменит несправедливое решение суда в отношении человека, который, основываясь на согласии и подтверждении трехсот тысяч коранических комментариев и следуя тысячелетней традиции вероубеждений наших предков, изложил Божественный закон,

являющийся в общественной жизни для трехсот пятидесяти миллионов мусульман каждого столетия самым священным и истинным правилом.

[Этот отрывок суд с изумлением и признательностью использовал в своем заключительном акте против нас, хотя он осуждает их самих.]

В Двадцать шестом Письме, Саид Нурси говорит о себе так: У того вашего бедного брата есть три личности, которые непохожи друг на друга.

Первая: В отношении глашатая божественной сокровищницы Мудрого Корана, у меня есть непостоянная личность, которая исключительно связана с Кораном. А положение глашатая требует чрезвычайно возвышенной нравственности, которая не принадлежит мне, я не обладаю такой чертой. Скорее она исходит от качеств обусловленных положением и обязанностей. Увиденные во мне такого рода качества не относятся ко мне, они принадлежат святому служению. Так что не считайте меня их обладателем.

Вторая: Во время богослужения, когда я обращаюсь к божественной обители, под покровительством Всемогущего Аллаха я обретаю образ личности, которая имеет некоторые признаки. Эти признаки возникают и от смиренного обращения к божественной обители, и от осознания своих недостатков, и от понимания беспомощности и слабости, которые, в свою очередь, являются основой и смыслом богослужения. Благодаря этой личности, я вижу себя более несчастным, беспомощным, бессильным, слабым, бедным и полным недостатков, чем все остальные. Поэтому, если даже весь мир будет хвалить и возносить меня, он не сможет заставить меня поверить в то, что я хорош или являюсь обладателем совершенства.

Третья: Это истинная моя личность, то есть, личность перерожденная из Старого Саида. В ней есть определенные черты характера, унаследованные от старого Саида. Иногда они склоняют меня к лицемерию и своекорыстию. И поскольку я не происхожу от знатной семьи, во мне наблюдаются характерные особенности и склонность к бережливости, вплоть до скупости. Мои братья! Для того, чтобы не разочаровывать вас я не стану дальше раскрывать многие тайные недостатки и отрицательные качества этой моей личности.

Всемогущий Аллах милосердно проявил по отношению ко мне Свою заботу, используя мою личность, подобную простому

рядовому, в служении тайнам Корана на возвышенном положении мюршида. Да вознесется стотысячекратная хвала Аллаху!

Нафс мой ниже всего остального, но обязанность превыше всего!

أَلْحَمْدُ لِلَّهِ هَذَا مِنْ فَضْلِ رَبِّي

[Этот отрывок, в обвинительном заключении был в страхе написан против нас судом. Однако, написанные пятнадцать лет назад эти нижеследующие яростные слова впоследствии были откорректированы. Они должны будут привести их к совести: «Братья мои! Ради невинных и престарелых, не мстите тем, кто несправедливо пытался убить меня. Муки могилы и ада для них будут достаточны».]

«Согласно вашим убеждениям и совершенным в отношении меня действиям, между нами имеется серьезное разногласие. Так как, ради этого мира вы приносите в жертву свою религию и жизнь в загробном мире. Разумеется, по тайне этого разногласия между нами, мы тоже, вопреки вам, всегда готовы принести посвящению свою ближайшую жизнь ради нашей религии и Иного мира. Посвятить унижительную жизнь продолжительностью в один или два года, под вашим тираническим и бесчеловечным господством, с тем, чтобы заработать святую степень мученика, для нас подобно воде Каусар. Однако, опираясь на сияния и указания Мудрого Корана, чтобы заставить вас содрогнуться, я заявляю вам со всей ясной определенностью, *что вы не сможете жить после того, как убьете меня! Карающей рукой вы будете изгнаны из вашего тленного рая и возлюбленного вами мира, а затем стремительно брошены в вечный мрак. Вслед за мной, ваши «намрудовы» руководители в скором времени будут уничтожены и отправлены ко мне. И я схвачу их за ворот в присутствии Господа, и полностью воздам им за себя, бросая их в низжайшее из низких состояний с помощью справедливости Аллаха!*

О вы, продавшие религию и свою потустороннюю жизнь ради этого мира! Если вы желаете жизни, то не препятствуйте мне! Знайте и трепещите, что в противном случае вы навлечете на себя месть в многократном размере! И я надеюсь на Божью милость, что моя смерть послужит для религии намного больше, чем моя жизнь, а также, как бомба взорвется над вашими головами, разрывая вас на куски! И если после всего услышанного в вас еще осталась смелость, то причиняйте мне неприятности! Но не забывайте: ни одно ваше

деяние не останется безнаказанным!». А затем, это все завершается кораническим аятом.

[Этот отрывок был обращен судом против меня, между тем как, он обвиняет их самих в крайности.]

Когда Мустафа Кемал в ярости зашел в кабинет министров в Анкаре, он сказал: «Мы вызвали тебя сюда для того, чтобы ты поделился с нами своими великими идеями. Но ты пришел и написал о пяти ежедневных молитвах, чем посеял между нами раздор. «Саид же, оскорбляя его чувства и мнение, ответил ему: «Те, кто не выполняют обязательных молитв являются отступниками, а указы отступников отвергаются», – после чего Мустафа Кемал принес извинения и подавил свой гнев; но, несмотря на сказанное, он не придрался ко мне, а те жестокие главнокомандующие, словно страшась Старого Саида, пишут, что это произошло благодаря чудесной силе героических учеников будущей коллективной личности Рисале-и Нур, и что это является его очевидным караматом.

[Содержание этого отрывка было написано против нас судом, хотя в действительности они сами ответственные в этом.]

Говорят, что мы мысленно и научно не поддерживаем произвольные распоряжения командира в виде так называемых законов, которые превратили мечеть Айя София в дом для идолов, а департамент Шейх уль-Ислама в женский лицей, а также, принципиально не собираемся им следовать.

Об этом говорится в его ходатайстве от 29.08.1949 г.: «Мне на ум пришла одна мысль, итак: факт моего угнетения правительством, вместо того, чтобы на благо нации защищать и помогать мне, предполагает то, что тайный комитет безбожия, который борется против меня в одном ряду с коммунистической организацией, получил в настоящее время доступ к важным официальным позициям, чем оказывают на меня давление. Что же касается властей, то они либо неосведомлены, либо осознанно позволяют этому случиться. Может ли считаться преступлением нелюбовь к человеку, превратившего мечеть Айя София в дом для идолов, а департамент Шейх уль-Ислама в женский лицей, которые являются вечными источниками гордости героической нации, и в этом мире, они

своим блеском несут службу Корану и джихаду, подобно алмазным сувенирам, большим и драгоценным мечам?

[Этот отрывок позволил суду допустить решительное предположение о вынесении приговора Саиду. И, придав совершенно неправильный смысл этим словам, которые были использованы в Денизлином суде против его скрытых врагов, суд обратил их против властей, а затем, представил их на передний план в качестве причины его осуждения].

Часть новых преобразовательных учений государства он назвал законами произвольного принуждения к неверию; «Республике» он дал название абсолютного деспотизма; режим был назван им коммунистическим и абсолютно вероотступническим, а цивилизация была приравнена к абсолютно распутной.»

[Этот отрывок был с восторгом и высокой оценкой включен в решение суда.]

Работа над написанием книг Рисале-и Нур дает многочисленные пользы, как в этом мире, так и в Ином. К ним относятся:

1. Духовное противостояние заблудшим людям.
2. Помощь Устаду в распространении истин.
3. Служение мусульманам в основах веры.
4. Приобретение знаний с помощью пера.
5. Поклонение в форме размышления, которое иногда может приравнять один его час целому году поклонения.
6. Уход в могилу с верой.

А так же она дает пять таких плодов и для жизни в этом мире, как:

1. Изобилие в пропитании.
2. Покой и отрада сердца.
3. Легкость в поиске средств к существованию.
4. Успех в делах.
5. Удостоиться качеств ученика Рисале-и Нур, позволяя принять участие в молитвах всех его учеников, и превращая в скором времени университеты в школу Нура для молодых учащихся.

[Меня удивило положение того, что они посчитали эту искреннюю преданность преступлением.]

Один из двух неотступных планов скрытых лицемеров заключался в том, чтобы, уничтожая мою честь и достоинство, обесценить значение книг Рисале-и Нур!

Второй: Вызывая в учениках Нура пассивность и смятение, тем самым воспрепятствовать распространению Рисале-и Нур. Но вы не тревожьтесь! *Да посвятим наши ничтожные жизни ради такой святой истины, ради которой уже были пожертвованы миллионы героических жизней!*

[Удивителен тот факт, что самая искренняя и истинная похвала покойного Хасана Фейзи, которая созвучна с реальностью, абсолютно безвредна, а также полезна для многих, и включена в конец одного собрания Рисале-и Нур, была признана темой преступного содержания и стала причиной для изъятия того собрания.]

Хасан Фейзи написал суть следующего письма:

О Рисале-и Нур! Нет никаких сомнений, что ты языком истины и вдохновением истины, был написан с Его позволения... Я не принадлежу никому. Не был я взят ни из одной книги, и не был заимствован ни из одного другого произведения. Я принадлежу Всевышнему Аллаху и Священному Корану. Я свет чудесный, льющийся из произведения Единственно Вечного...

Ты самая лучезарная книга истины и милосердия. Ты украшаешь честь некоторых из своих преданных и искренних учеников знаками святости и богобоязненности. Более того, твои трактаты предстали перед судом не в лице виновника и осужденного, а в образе некоего учителя, наставника и путеводителя. На каждом судебном процессе ты в блестящем и великолепном виде проявил величие, власть и достоинство. И оросил ты их водой веры и Корана.

О Устад, служитель и вестник Рисале-и Нур! Мой Устад, являющийся рабом Аллаха, духовным сыном Имама Али (р.а.) и учеником Гавс аль-Азама (к.с.)! Возведи же меня на возвышенный уровень ваших знаний! Месячная порция в один килограмм провизии у него висит на гвозде, завернутая в бумагу. Среди этого лишения и недостатка он становится обладателем неиссякаемого изобилия. Он воздерживается от подарков. И если бы он принимал милостыню, пожертвования и дары, то сегодня он стал бы миллионером.

[Они поставили под сомнение лишь одну из девяти причин, ставших поводом для наименования Рисале-и Нур. Заявили, что среди его близких учеников нет никого с именем Нур. Однако, как было указано в сноске, сейчас Нури Бенли и часовщик Курели Нури отличаются в своей службе Рисале-и Нур от всех остальных. Стало быть, они не могут раскритиковать его, и поэтому вынуждены основывать свои утверждения на самых примитивных причинах.]

Причина того, почему упомянутые в Двадцать шестом Слове тридцать три Слова, тридцать три Письма, тридцать одно Сияние и тринадцать Лучей назывались собранием Рисале-и Нур, заключается в следующем: на протяжении всей своей жизни слово Нур (свет) встречалось мне повсюду. Например, моя деревня называется Нурс, имя моей покойной матери было Нурие, мой учитель накшибанди был Сейид Мухаммед Нур, один из моих наставников Кадирийского тариката был Нуруддин, а одним из моих учителей Корана был Нури, а также наиболее тесно связанные со мной ученики носят имя Нур. (Но, как это ни странно, среди самых видных учеников Рисале-и Нур никого с именем Нури не встречалось.) (Прим.) И именно многократные сравнения со светом так прояснили и осветили мои книги. К тому же, светлое имя Нур, как один из самых прекрасных атрибутов Всевышнего, решило большинство моих затруднений, связанных с познанием Божественных истин. Кроме того, личным имамом в моих стремительных увлечениях Кораном, и в Его исключительной службе, является Усман Зиннуреин (да будет доволен им Аллах).

[Конфиденциальное собрание «Шесть Атак» вместе с приложением было написано двадцать лет назад против суровой и тиранической агрессии, в момент моего сильного гнева на судебные разбирательства, и во время Второй мировой войны подтвердило правильность того моего гневного состояния; теперь смотреть на это, как на преступление и изымать, словно оно было написано сейчас, является далеким от правосудия.]

Написанный в заглавии эпиграф к «Приложению Шести атак», гласит о следующем: «Данное конфиденциальное приложение было написано для того, чтобы избежать презрений и оскорблений в недалеком будущем. То есть, она была написана на тот случай, когда будет произнесено: «Тьфу на безучастных людей того столетия», с тем, чтобы их плевков не был направлен в нашу сторону, либо,

чтобы имелась возможность стереть его. Пусть это отдается эхом в ушах жестоких предводителей Европы, спрятавшихся под маской гуманности! И пусть это вонзится в ослепнувшие глаза несправедливых угнетателей, которые настроили против нас этих бесчеловечных тиранов! Это заявление, является ударом по головам последователей современной падшей цивилизации, которая в этом веке сто тысяч раз заслуживает существование ада.»

В последнее время, скрытая агрессия нерелигиозных людей приняла самые безобразные свои формы, отчего их деспотизм в виде безбожных нападок против многих несчастных верующих проявился во время нашего с двумя братьями личного и неофициального поклонения, когда они вмешались в наш скрытый призыв к молитве и икаму, в отремонтированной мной молитвенной комнате. Они сказали: «Почему ты читаешь икаму на арабском языке и тайно призываешь к молитве?» Мне надоело молчать. И поэтому я обращаю свою речь не в сторону тех недобросовестных и гнусных людей, не способных ее воспринять, а скорее к руководителям «намрудовых» комитетов, которые с самовольным деспотизмом играют с судьбой этого народа. О вы, заблудшие и отклонившиеся от прямого пути религии! Я хочу услышать ответы на шесть своих вопросов.

Первый: Во власти и управлении каждого народа мира, даже среди людоедов и руководителей жестоких разбойных групп, имеется хоть какой-то принцип или закон, по которому они управляют своим обществом. А по какому же принципу вы совершаете эту невиданную агрессию? Предъявите свой закон! Или же вы приняли самовольные капризы некоторых презренных чиновников за основательные законы? Ибо ни один закон не может вмешаться в личное поклонение человека!

[Прискорбный факт критики одного-двух предложений в старой, конфиденциальной и содержащей в себе истину книге «Семь указаний», что привело к попыткам ее конфискации и признанию нас виновными. Хотя, на самом деле она содержит настолько сильную истину, что о ее пользе человеческому обществу должно быть объявлено на весь мир.]

Самым глупым в мире человеком является тот, кто ожидает прогресса, процветания и счастья от безбожных анархистов. А один из таких глупцов, занимавший высокое положение, сказал: «Пока мы уповали на Аллаха, мы отстали в развитии; Европа же, оружием и пушками вырвалась вперед.»

Согласно принципу: «молчание – лучший ответ глупцам», правильно было бы проигнорировать подобных людей. Однако, по той причине, что среди глупцов могут находиться беспечные люди, мы скажем: *«О вы, несчастные! Этот мир является некой гостиницей. И поскольку по свидетельству смерти мы все войдем в могилы, то за этой преходящей жизнью, наступит вечная жизнь. И если мы один раз скажем «ружья и пушки», то «Аллах! Аллах!» необходимо будет произнести тысячу раз.*

[Невероятным является то, что одно из предложений Шестнадцатого Сияния, свидетельствующее о нашей правомерности, они обернули против нас и решили таким образом конфисковать этот ценный трактат.]

Из Шестнадцатого Сияния: Эти бедствия войны причиняют большой ущерб нашему служению Корану. Мы ждем от милости Одного Абсолютно Всемогущего над всякой вещью того, чтобы Он развеял эти мрачные и бездушные тучи, и показал истины шариата, подобно тому, как в течение минуты Он очищает заполненное облаками небо, показывая на ясном небе яркое солнце. И надеемся, что Он не потребует от нас за это высокую цену. *Да одарит Он этих руководителей рассудком, а их сердца верой. И только в этом случае все само по себе наладиться.*

Вы спрашиваете: «Поскольку, от того «нура», который вы имеете, не может исходить вред, так почему же вы рекомендуете своим друзьям быть осторожными?» Мой краткий ответ на этот вопрос будет таковым:

«Умы большинства руководителей опьянены, и по этой причине они не могут их прочесть. Но даже, если они и прочитают, то не смогут осмыслить их; давая им ошибочное толкование, начнут придирается. И для того, чтобы они не придирались, их нельзя показывать до тех пор, пока они не образумятся. Поэтому, я советую своим братьям быть осторожными, и не отдавать эту истину в руки тем, кто не заслуживает этого.»

[Несмотря на то, что покрытие женщин является заповедью Корана, а также этому вопросу много лет назад была уделена отдельная тема и дан самый действенный ответ, повлекший за собой тюремное заключение, они вновь передали его суду на рассмотрение. Также они предусматривают в качестве уголовного преступления и пытаются конфисковать отдельно написанную истину из «Трактата для Пожилых» в «Путеводителе для молодежи», которая имеет большое значение и пользу для всех. И это лишний раз доказывает то, что, они не могут найти серьезных причин для обвинения.]

После объяснения того, что женское покрытие является предписанием Корана, в Двадцать четвертом Сиянии говорится: «Я слышал, что в центре столицы, посреди рынка, днем, на глазах у всего народа, один простой чистильщик обуви стал назойливо приставать к жене одного всемирно известного, высокопоставленного человека, у которой были открыты ноги. Этот случай дает гневную пощечину тем бесстыжим лицам, которые выступают против покрытия женщин.»

А в Двадцать шестом Сиянии о пожилых, говорится: «Я поднялся на вершину крепости Анкары, которая была намного более постаревшей, потрепанной и обветшалой, чем я. Эта крепость представилась мне в виде окаменевших исторических событий. Моя старость, и старость стены, и старость человечества, и старость Славного Османского государства, и смерть государства Халифов, и старость мира погрузили меня в очень печальное, жалкое, одинокое состояние и заставили посмотреть меня с вершины этой крепости на долины прошлого и горы будущего – и я посмотрел. Прошлое, вместо утешения привело меня в ужас. Будущее, я увидел в образе мрачной великой могилы моих ровесников и будущих потомков. Я посмотрел на свой сегодняшний день. Он представился мне в виде похорон моего положенного в гроб изнывающего тела».

[В то время, как следовало бы расценить это предложение правомерным, они, подвергая его критике, приняли в качестве правонарушения.]

Израсходовав основную часть зарплаты Даруль-Хикмети-Исламие, его малую часть я отложил в сторону для того, чтобы отправиться в хадж. И то незначительное количество денег, благодаря бережливости и удовлетворенности, было достаточным для меня. Они не позволили мне быть униженным. Более того, от тех благословенных денег у меня осталось еще немного.

Двадцать второе Сияние было подчеркнуто, как конфиденциальное, и предназначено исключительно для моих близких, самых искренних и преданных братьев: «В его первом указе говорится: Почему в то время как ты не вмешиваешься в земные дела беспечных людей, они при каждом удобном случае вмешиваются в дела твоего Иного мира? Пусть на этот вопрос ответят власти и жители провинции Испарты».

[Те, кто называют преступлением эти невинные, искренние, прекрасные надежды и желания, возникшие в результате сострадания моей веры, безусловно, сами окажутся виновными в совершении преступления.]

Саид в одном из скрепленных своей подписью писем говорит: «Однажды, когда невинные дети, возрастом от семи до десяти лет, увидев меня разъезжающим на карете, бросились к моим рукам, я был поражен и заинтересован причиной этого. Вдруг, мне было подсказано, что эта группа невинных молодых, интуитивно осознает свое счастье и спасение от духовной опасности в будущем с помощью Рисале-и Нур.

[Признание этой мысли в качестве преступления, несмотря на то, что он первоначально был написан в своих личных интересах, а затем, стал выражать желание и надежду, является противоречащим какой бы то ни было справедливости.]

Хотя, некоторая часть аятов и хадисов все, как один, указывают на светлые истины этого столетия и говорят о появлении в Конце Времен великого ученого с его последователями, у которых из трех обязанностей самой значительной будет сохранение веры; и не будет никакого вреда в пренебрежении такими двумя другими обязанностями, доминирующими в широких сферах, как возрождение шариата и создание халифата. Но, по той причине, что это могло подтолкнуть противников Рисале-и Нур к критике и нападкам, в особенности политиков, он исключил часть небольших трактатов нашего внимательного брата, и вместе с некоторой правкой этих предложений, он отправил их в измененном виде.

В подписанном письме Саид Нурси пишет: «Тот факт, что аяты

إِنَّا فَتَحْنَا لَكَ فَتْحًا مُّبِينًا ❁ وَ يَنْصُرَكَ اللَّهُ نَصْرًا عَزِيمًا , написанные

кораническим почерком над воротами военного министерства, превращенного в университет, были скрыты за мраморными плитами и в настоящее время выступили наружу, говорит о том, что кораническая письменность снова будет допущена, а преследуемые Рисале-и Нур цели, будут достигнуты. И это признак того, что университет станет одной из религиозных школ Рисале-и Нур.

[Это примечание написано Хусревом в конце моего письма о такбирах паломников, как идеальный ответ на критику моих объяснений.]

В написанном Саидом Нурси письме под заголовком «Такбиры в день Арафат» говорится: «что многие ученики Рисале-и Нур неуклонны в предположении о твоей миссии великого наставника, ожидаемого в Конце Времен из рода Пророка (мир ему и благословение). Но ты со своей стороны постоянно отказываешься принимать их мысли, и уклоняешься от такого предложения. Это выглядит противоречиво. Мы хотим разъяснения этого вопроса.»

Ответ: «Духовная личность одной священной группы людей, которую будет представлять Махди из потомков посланника Аллаха, будет выполнять три главные обязанности: спасение веры, возрождение основ Ислама под знаменем халифата Мухаммада (мир ему и благословение), а также восстановление в обществе следования кораническим повелениям и законам шариата Мухаммада (мир ему и благословение). Он попытается исполнить этот великий долг. И поскольку ученики Нура увидели полное претворение первой обязанности в книгах Рисале-и Нур, то посчитав остальные обязанности на втором и третьем месте по степени значимости, они справедливо приняли духовную личность Рисале-и Нур в качестве некоего Махди. Поэтому, порой некоторые из них ошибочно называют тем именем представителя той коллективной личности, бедного выразителя тех истин. Действительно, некоторые святые в своих предсказаниях говорили о Рисале-и Нур, как о путеводителе Конца Времен, что становится очевидным из толкований и исследований. Но существует путаница в двух вопросах, которые должны быть интерпретированы.

Во-первых: На самом деле, последние две обязанности не находятся в равной степени с первой. Но, тем не менее, под влиянием идей этого столетия массы людей и политиков считают халифат Мухаммада (мир ему и благословение) и Исламское единство неизмеримо важнее первой обязанности. Хотя, в каждом столетии приходил своеобразный Махди и обновитель религии,

они не удостоились звания Великого Махди, поскольку частично осуществили лишь одну функцию из трех.

Второй: Эта большая личность Конца Времен придет из потомков Пророка (мир ему и благословение). Хотя, я образно и являюсь духовным сыном Имама Али (р.а.), от которого я получил уроки истины, и по той причине, что семья Мухаммада (мир ему и благословение) в некотором смысле включает в себя истинных учеников Рисале-и Нур, я тоже могу отнести себя к его роду. Однако, на пути Рисале-и Нур никак не допустимо желать для себя эгоцентризма, тщеславия и личных целей, а также, стремления достичь славы и почета. И если мне будут дарованы степени Иного мира, то я буду вынужден отвергнуть их, чтобы не нарушить искренности в служении Рисале-и Нур. В таком не совсем желаемом виде был дан ответ (*Прим.*), в результате чего, причисление меня к степени Махди четко и решительно отвергается.

*От имени учеников Рисале-и Нур
Хусрев*

[Упомянутые в этом письме достоверные события и землетрясение, произошедшее через три минуты после моего обращения: «Не огорчайте меня, ибо земля может рассердиться на вас», – необходимо было приветствовать с большим изумлением, как того требует сострадание, а не делать предметом критики.]

В этом письме говорится о том, что через десять часов после моего четырехчасового допроса и причинения мне неудобств, произошел пожар в здании Министерства образования, который привел к ущербу в два миллиона лир; и это доказало, что Рисале-и Нур является средством отражения бедствий. Ибо, в то время, когда он подвергается нападкам, бедствия прокладывают себе дорогу и неожиданно валятся.

В письме под номером сто сорок один доказывается, что пожары, которые произошли в Министерстве образования и в автомобильном гараже в Анкаре, а также, на заводе в Измире и в крупном здании в Адане, после моего освидетельствования, длившегося в течение четырех с половиной часов, не является случайностью. И говорит: «Не лишайте меня моих трактатов. Иначе, и я, и эта страна окажутся в досадном положении; земля

Примечание: О несправедливый суд! Может ли быть более решительного ответа, чем этот?

выльет свой гнев землетрясениями»; затем, через три минуты после сказанного, произошло землетрясение, которое длилось три секунды, и от которого здание Министерства образования охватило пламенем; суду четырежды было доказано, что сходство многочисленных землетрясений со временем агрессий на Рисале-и Нур и его учеников не являются случайностью. Кроме того, в результате многочисленных инцидентов стало ясно, что Рисале-и Нур является средством отражения бедствий в этой стране.

В письме под номером сто сорок семь говорится: «Сильная буря и суровый холод зимы, произошедшие практически во время после последних нападков, показывают, что с того момента, когда агрессия прекращалась, а ученики пребывали в спокойствии, эти холодные дни начинали улыбаться, как в первые дни весны... А пожар в здании Министерства образования, является всеобщей пощечиной.

[Ситуация, располагающая к поздравлению и достойному приветствию, не должна подвергаться критике.]

В этот раз на суде среди многочисленных бессмысленных вопросов меня спросили о моих средствах к существованию. Я им ответил: «Человек, который благодаря состоянию бережливости весь Рамадан питался в Испарте одним хлебом, имел в распоряжении килограммовый мешочек йогурта и килограмм риса, не станет опускаться ради добычи средств к существованию в этом мире, а также не будет вынужден принимать подарки.»

[Ин шаа Аллах, эта блестящая похвала Зубейра, также, как и его защитительная речь на суде, подтолкнула к одобрению и привела их в восторг, в результате чего, они с восхищением включили ее в свое заключительное постановление.]

В разделе, которую Зубейр Гундузальп написал на пишущей машинке под следующим заголовком: «Наша молодежь жаждет получить знания истины и справедливости, а также желает иметь самую высокую нравственность», на девятой странице есть фраза: «Рисале-и Нур – это шедевр, спасающий мусульман 20-го века и все человечество от мрачных и гнетущих мыслей»; написанная их автором не по собственной воле и выбору, а как результат вдохновения от нашего Творца.»

На странице двенадцать: «Если кому-нибудь из служащих Рисале-и Нур будет сказано: «Перепиши эту книгу вместо Рисале-и Нур и ты получишь все состояние Форда.» На что, тот счастливый ученик, не отрывая пера от строк Рисале-и Нур, ответит: «Даже если вы дадите мне весь мир с его богатствами и царствами, то я все равно не приму этого.»

На странице пятнадцать: «Если степень нашей привязанности к верно мыслящим писателям стократно, то преданность к такой великой личности, как Бадиуззаман, который ведет нас по правому пути в обоих мирах, не поддается измерению; она бесконечна.»

На странице двенадцать: «Коллективная личность Рисале-и Нур утанивила степень социальных, духовных и религиозных заболеваний этого столетия, и по Божественному повелению, предложила всему человечеству нашего времени истины Мудрого Корана, чтобы таким образом излечить эти хронические социальные болезни.»

На странице сорок четыре: «Бадиуззаман говорит, тот, кто понимая и принимая будет читать эти книги в течение года, сможет стать истинным ученым этого времени. Да, именно так оно и есть.»

На странице пятьдесят четыре: «Судьи, читающие Рисале-и Нур не делают неправильных суждений.»

[Эта часть письма является совершенной истиной и полностью выступает в мою поддержку; и она не должна была регистрироваться в решении суда в качестве правонарушения.]

Ахмед Фейзи, исправив часть своей работы, отправил ее, имея времени на полное завершение. В ней говорится: «Мы хотим сообщить о том, что вы игнорируете Сарачоглу, называвшего религию и воспитание Мухаммада (мир ему и благословение) настоящим ядом, но зато подвергаете сомнению собрание «Сираджуннур», которое свидетельствует о коранических истинах также ярко, как солнце, тем самым, способствуя его скорой конфискации.

А в одном из недатированных защитительных речей, которые были представлены в суд, говорится о следующем заключении: «Ни он сам, ни его ученики не занимались политикой, а агрессивно выставленные работы носят конфиденциальный характер; и что существуют принципы свободы совести и слова; если даже они попадут под критику некоторых законов, то это не будет считаться преступлением; многие из рассматриваемых трактатов были написаны заблаговременно, тщательно исследованы экспертной

комиссией, и признаны ею безвредными, а также, некогда вынесенный приговор Эскишехирского суда о задержании и затем оправдание судом Денизли по тому же делу демонстрирует, что еще раз предавать их суду по поводу того же правонарушения будет неправильным; так как ни он сам, ни ученики Рисале-и Нур не совершали действий, нарушающей общественный порядок; а целью Пятого Луча было только информировать без упоминания имен конкретных личностей, что никак не может считаться преступлением.

Таким же образом сопоставьте с этим и другие примеры...

Саид Нурси

ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ КАССАЦИОННОГО СУДА

[И в этот раз на нашем заседании они не позволили мне выступить с обсуждением о возможной отмене несправедливого решения кассационного суда Афьона. В третий раз уже они заставили нас выслушивать это суровое обвинительное заключение. Они также никому не позволили прийти ко мне помочь написать письмо. Я представляю эту жалобу, написанную моим несовершеннолетним почерком и в состоянии тяжелой болезни, в качестве поскриптума к моему ходатайству вашему суду, который по отношению к нам уже дважды действовал справедливо.]

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَهُ

Эта жалоба обращена ко Всевышнему на Великом Суде в день Воскресения. Пусть также ее выслушают и присутствующие на кассационном суде, и грядущие поколения, и просвещенные преподаватели, и студенты университетов. Итак, десять примеров из сотен мучительных бедствий этих двадцати трех лет, я в виде жалобы представляю на суд Справедливого и Мудрого Обладателя Величия.

Первый: Вместе со своими недостатками, я посвятил свою жизнь счастью этого народа и сохранению его религиозных убеждений. И готов пожертвовать своей головой ради той истины Корана, ради которой были принесены в жертву миллионы героических жизней. Я всеми силами трудился над Рисале-и Нур. С Божественной помощью я выстоял и не отступил перед лицом всех несправедливых притеснений.

Например, вот один из случаев крайне жестокого обращения со мной во время моего суда и тюремного заключения в Афьоне: Хотя меня и невинных учеников Рисале-и Нур, три раза ожидавших утешений со стороны справедливости, каждый раз в течение двух часов заставляли выслушивать сфабрикованные против нас

пристрастные и клеветнические обвинения, я неоднократно просил предоставить мне пять-десять минут для защиты наших прав, но они мне не дали больше одной-двух минут.

Несмотря на то, что я двадцать месяцев находился в полной изоляции, лишь одному-двум из моих братьев было дозволено встречаться со мной в течение трех-четырёх часов. Они помогли мне записать небольшую часть моей защитительной речи. После чего им тоже было запрещено приходить. А в случае неповиновения этому распоряжению они подвергались очень жестокому наказанию. Нас принудили выслушивать сфабрикованное обвинительное заключение, состоящее из ложных рассуждений, собранных прокурором подобно воде из тысячи потоков, и на пятнадцати страницах которого мною было доказано наличие восьмидесяти одной ошибки. Но, они не разрешили мне говорить. И если бы они мне позволили, то я бы сказал:

Хотя на основании принципов свободы мысли и совести вы не трогаете евреев, христиан и огнепоклонников, и особенно анархистов, вероотступников и лицемеров, скрывающихся в наше время под маской большевизма, отрицающих вашу религию, оскорбляющих ваших предков в заблуждении, и отвергающих вашего Пророка (мир ему и благословение) и законы Корана; и несмотря на то, что под властью такого жестокого и приверженного христианству государства, как Англия, находятся миллионы мусульман, которые постоянно, посредством уроков Корана, опровергают ложные вероучения и безбожные законы англичан, их правосудие все же не препятствует им; и у каждой власти имеется оппозиция, которые открыто распространяют свои идеи, и суды этих государств не преследуют их; и несмотря на то, что сорок лет моей жизни, сто тридцать трактатов и большинство моих личных работ и писем тщательно были исследованы властями Испарты, судом Денизли, уголовным судом Анкары, Управлением по делам религии и два, а скорее три раза кассационным судом, и в их распоряжении в течение двух-трех лет находились все конфиденциальные и неконфиденциальные копии Рисале-и Нур, и при этом они не смогли найти ничего за что можно было бы дать даже наилегчайшее наказание; и хотя находящиеся в ваших руках собрания Рисале-и Нур, которые вместе с моим бессилием, подавленностью и удрученностью в этих суровых условиях проявляют себя для двухсот тысяч истинных и преданных учеников, как самые сильные, верные и надежные путеводители на пользу этой стране, нации и общественной безопасности; к тому же, наши защитительные речи на четырехстах страницах доказали

нашу невиновность. Так на основании какого закона или убеждения, с целью получения какой выгоды и на какое преступление опираясь вы приговариваете нас к суровому наказанию, подвергаете крайне тяжким мучениям и одиночному заключению? Безусловно, на Великом Суде Воскресения вы будете спрошены за это.

Второй: Одной из причин, по которой меня считают достойным наказания, являются мои толкования предельно ясных аятов Корана по поводу женского покрытия, наследования, поминания Аллаха и многоженства, которые отклоняют возражения против них со стороны цивилизации.

Пятнадцать лет назад Эскишехирскому суду и кассационному суду Анкары я написал нижеследующие слова, также отмеченные в заключительном постановлении суда, которые я в том же виде повторяю в качестве жалобы Великому Суду в день Воскресенья и как предостережение просвещенным наставникам и педагогам будущего, и в качестве кассационной жалобы вместе с книгой Альхуджетуз-Зехра, представляю их дважды справедливо и по совести выслушавшему наши причитания и оправдавшему нас кассационному суду, а также судебной комиссии, которая не позволила мне говорить, и по пристрастному обвинительному акту, в котором я доказал наличие восьмидесяти одной ошибки, осудила меня на два года строгого заключения, поместив в полную изоляцию, с последующими двумя годами ссылки в другое место с учетом постоянного надзора:

Итак, исполнителям правосудия я заявляю: «Если есть на земле справедливость, то она отвергнет и отменит постановление суда, которое осуждает человека за толкование коранических аятов по поводу святого и истинного Божественного закона, действующего на протяжении тысяча трехсот пятьдесят лет в общественной жизни трехсот пятидесяти миллионов мусульман каждого столетия, опираясь на подтверждения и единое мнение трехсот пятидесяти тысяч тафсиров, и основываясь на тысяча трехсотлетнем вероубеждении наших предков». И я во весь голос объявляю об этом, дабы услышали эти слова глухие уши нашего столетия. Разве ваше обвинение за толкование данных аятов человеком, оставившим политику и отошедшим от общественной жизни, а также с идеологической и научной точки зрения не принимающим часть иностранных законов, которые были временно приняты с определенными требованиями этой эпохи, не будет являться отрицанием Ислама, предательством по отношению к миллиарду наших религиозных и героических предков, и порицанием еще миллионов тафсиров?

Третий: Одной из причин моего заключения является подрыв безопасности и нарушение общественного порядка. Используя вместо реальных фактов одно предположение из ста, или даже из тысячи отдаленных от истины вероятностей, и придав искаженный смысл пятидесяти словам среди ста тысяч слов и предложений некоторых конфиденциальных трактатов и личных писем Рисале-и Нур, они, представляя их в качестве доказательств, хотят обвинить и подвергнуть нас наказанию.

Со своей стороны приводя в свидетели тысячи преданных учеников Рисале-и Нур и тех, кто знаком с тридцатью-сорока годами моей жизни, я говорю:

Когда командующий английскими войсками, оккупировавшими Стамбул, посеял среди мусульман разногласия и даже, вводя в заблуждение Шейх уль-Ислама и некоторых религиозных деятелей, натравил их друг на друга, дабы воспользовавшись противостоянием партий «Союз и прогресс» и «Свобода и согласие», подготовить почву для победы греков и поражения национального освободительного движения; если в это время один человек, благодаря усилиям Эшреф Эдиба, издает и распространяет направленное против англичан и греков такое свое произведение, как Хутувате Ситте (Шесть шагов), чем рушит коварный план того командующего и не отступает от этого даже перед угрозой казни, и не бежит в Анкару, несмотря на то, что за это служение его вызывает туда правительство; а также, во время военного плена он не придал значения приказу об исполнении смертного приговора Главнокомандующим Русской армии; и во время событий Тридцать первого марта одной речью привел к подчинению восемь батальонов; и на вопрос военного трибунала заседающих на суде пашей «Ты тоже реакционер хотел вернуть законы шариата?» он ответил, не придавая никакого значения угрозе смертной казни: *«Если конституционное право состоит из одной тирании, то пусть все люди и джинны будут свидетелями того, что я реакционер и ради одного единственного пункта Шариата я готов буду пожертвовать своей душой!»*, – чем побудил тех высокопоставленных офицеров к одобрению и вопреки ожидаемой казни, он получил оправдание, а после освобождения, не поблагодарив их, продолжил свой путь восклицая: *«Да здравствует Ад для тиранов!»*; и как отмечено в решении суда Афьона, в Анкаре, в кабинете министров, когда Мустафа Кемал в гневе обратился к нему: «Мы тебя вызвали сюда, чтобы ты изложил нам свои высокие идеи, но ты пришел, и написал что-то про пятикратный намаз и посеял среди нас разногласия!» – он в присутствии сорока-пятидесяти депутатов ответил ему: *«Самым*

возвышенным после веры является намаз. Несовершающий намаз – предатель; а решения предателей отвергаются!», – после чего, вынудил того наводящего ужас командующего принести своего рода извинения и унять свой гнев; и со стороны полиции и властей шести провинций в отношении него не было зафиксировано ни одного случая, связанного с нарушением общественной безопасности; и ни один из сотен тысяч учеников Рисале-и Нур не участвовал в совершении какого-либо преступления (за исключением одного небольшого случая, в котором один неприметный ученик принимал участие в законном защитительном процессе); и в какую бы тюрьму он не был отправлен, он становился причиной исправления ее заключенных; и хотя по всей стране распространились сотни тысяч экземпляров Рисале-и Нур, они не причинили никакого вреда и принесли лишь только пользу, чему свидетельствуют двадцать три года его жизни, оправдания правительств и судов трех провинций, а также это становится ясным со слов и действий сотни тысяч его учеников, знающих значение Рисале-и Нур; и если этот человек сейчас является изолированным отшельником, одиноким, пожилым, бедным и, видящим самого себя в дверях могилы, и всеми силами и с полным убеждением, оставив тленные вещи, ищет пути искупления своих старых грехов и средств спасения своей вечной жизни, и не придает никакого значения мирским званиям; и от своего усиленного сострадания, чтобы вред не коснулся невинных и пожилых людей, не проклинает тех, кто его притесняет, таким образом те люди, которые в отношении него говорят: «Этот старый отшельник нарушает общественный порядок и безопасность. Его цель – мирские интриги, а его переписка тоже ведется ради получения выгоды в этом мире. В таком случае он виновен», – и с тем обрекая его на весьма суровые условия – несомненно, сами становятся виновными от земли до небес. И будут спрошены за это на Великом Суде!

Интересно, если человек одной речью приводит к подчинению восемь восставших батальонов и сорок лет назад одним выступлением делает своими сторонниками тысячи человек, а также не боится и не пресмыкается перед теми вышеупомянутыми тремя страшными командирами, и в судах заявляет: «Если у меня будет столько голов, сколько имеется на ней волос и каждый день будет отрубаться одна из них, то и тогда я не предаю свою страну, народ и Ислам, сдав оружие заблуждению и неверию, и не склоню перед тиранами эту голову, которая была посвящена Корану», – и если при этом в Эмирдаге он не имеет никаких связей, кроме пяти-десяти братьев и трех-четырёх помощников, то я поручаю вашей совести судить,

насколько далекими от истины, порядочности и справедливости являются те, кто в обвинительном заключении пишут: «В Эмирдаге Саид занимался тайной деятельностью, и с намерением нарушить общественный порядок он отравил мысли некоторой части местного населения; и двадцать человек, находящиеся вокруг него, восхваляли его и писали личные письма, что указывает на его тайную политику против реформ и правительства», – и с этими словами, с беспрецедентной враждебностью и вероломством его сажают на два года в тюрьму и издеваются, заключая в полную изоляцию и не позволяя ему выступать в суде!

Если человек удостоился общественного признания, в сто раз превышающего его истинную цену, и одной речью привел к подчинению тысячи людей, а после его одной газетной статьи тысячи людей вступили в общество «Иттихади Мухаммади», и пятьдесят тысяч человек одобрительно слушали его речь в мечети Айя София, то разве возможно, чтобы он три года усердствуя в Эмирдаге склонил на свою сторону только пять-десять человек? И чтобы он оставил заботу об Ином мире и занялся политическими интригами? Заполняя тем самым пространство близко подошедшей к нему могилы бесполезным мраком? Разве такое возможно? Конечно, даже сатана не сможет кого-либо в этом убедить!

Четвертый: Мой отказ от ношения шляпы, они расценили в качестве серьезного повода для моего наказания. Говорить мне не позволили. Иначе тем, кто старается меня наказать я бы сказал:

В Кастамону я три месяца гостил в полицейском участке. Никто мне ни разу там не сказал: «Надень шляпу!» И хотя в трех судах я не надевал ее и не оставлял головы непокрытой, они не обвиняли меня в этом. И за двадцать три года некоторые безбожные тираны под этим предлогом неофициально заставляли меня переносить крайне неприятные и тяжелые муки. И несмотря на то, что женщины и дети, большинство сельских жителей, чиновников в своих канторах и те, кто носит береты не вынуждены носить шляпы, в ношении которой нет никакой материальной пользы, вновь наказать такого отшельника, как я, на основании измышлений и надуманных обвинений за то, что он не надевает головного убора, запрещенного всеми учеными-муджтахидами и Шейх уль-исламами, когда я итак уже двадцать лет страдаю из-за этого бессмысленного обычая, касающегося одежды; и хотя они, сравнивая с собой, не придираются к тем, кто посреди рынка, средь бела дня, во время Рамадана распивает спиртное и не совершает намаз, ссылаясь при этом на право на личную свободу, настолько настойчиво и сурово добиваются моего повторного

наказания за мою одежду, что, несомненно, пройдя через вечную казнь смерти и постоянное одиночное заточение могилы, на Великом Суде они будут спрошены за эти свои ошибки.

Пятый: Книги Рисале-и Нур удостоены одобрительных указаний тридцати трех аятов Корана, а также одобрения таких святых людей, как Имам Али (кэррэмаллахи вэдждхэху) и Гавс – аль Азам (к.с.), и при том за двадцать лет они помогли народу и отчизне достичь безвредного и очень полезного уровня. Но несмотря на это, не имеющие важности даже с крылышко мухи причины стали поводом для конфискации некоторых книг. И даже, занимающее две страницы, написанное в старые времена, полностью справедливое толкование двух аятов, которое попало под амнистию и должно рассматриваться с учетом времени, стала причиной конфискации очень полезного и ценного четырехсотстраничного собрания Зульфикар с Чудесами Ахмада, который сохранил и укрепил веру сотен тысяч человек. И подобно этому сейчас, придав ложный смысл одному-двум из тысячи слов, содержащихся в каждой ценной брошюре Рисале-и Нур, они пытаются изъять тысячу полезных брошюр, что подтвердит любой, кто слышал это третье обвинительное заключение и видел распространенное нами постановление суда. Мы же лишь скажем:

لِكُلِّ مُصِيبَةٍ إِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ ❁ حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ

Шестой: Тем, кто желает меня обвинить в том, что некоторые ученики Нура, получив от книг Рисале-и Нур необыкновенные доказательства и очевидные знания веры, в качестве поощрения, поздравления, признательности и благодарности с преувеличенно положительным мнением излишне меня хвалят, я скажу следующее:

Поскольку будучи бессильным, слабым, полутрамотным, одиноким, сосланным и в состоянии, когда против меня ведется отвратительная пропаганда, я нашел прекрасное лекарственное средство для моих ран из Корана и святых истин веры, то с уверенностью, что они послужат полноценным лекарственным средством также для этой нации и детей этой родины, я решил записать эти ценные истины. Но поскольку из-за моего плохого почерка я сильно нуждался в помощниках, милость Всевышнего дала мне преданных, близких и надежных товарищей.

Разумеется, если я полностью отвергну их доброе мнение и искренние похвалы, и оскорблю их чувства порицанием, что будет подобно предательству и враждебности по отношению к этим сияниям света, взятым из сокровищницы Корана. И, чтобы

не отталкивать от себя этих помощников с алмазными перьями и героическими сердцами, я обращаю их восторженные похвалы, адресованные моей обыкновенной и несостоятельной личности, в сторону Рисале-и Нур, являющегося духовным чудом Корана, и духовной личности его верных учеников. И я в некотором отношении отталкиваю их чувства, говоря, что они стократно преувеличивают мою значимость. Разве может какой-либо закон, от имени которого выступают чиновники, осуждать человека, в том, что другие его хвалят, в то время как он сам не желает этих похвал и всячески сторонится их?

Кроме того, на пятьдесят четвертой странице, составленного против нас обвинительного заключения, которое затем мы распространили, написаны следующие мои слова: «Та великая личность в Конце времен будет из потомков Пророка (мир ему и благословение), и мы ученики Рисале-и Нур, можем лишь в духовном отношении считаться членами семьи Пророка (мир ему и благословение). К тому же, согласно принципу Рисале-и Нур, ни в каком отношении нельзя желать собственного превосходства, личного преимущества и степени славы. Даже если мне будут даны высокие степени Иного мира, то я считаю себя вынужденным от них отказаться, чтобы не навредить искренности служения Рисале-и Нур». А также, на двадцать второй и третьей страницах записана моя следующая мысль: «...Осознавать свои недостатки, слабость и нужду, и самоуничиженно обращаться к обители Всевышнего – в этом отношении я признаю себя в сравнении с остальными более бедным, бессильным и несовершенным. В таком случае, если даже все люди начнут восхвалять и прославлять, то и тогда они не заставят меня поверить в то, что я обладатель каких-либо совершенств. И чтобы полностью не отпугнуть вас от себя, я не стану говорить о многих скрытых недостатках и отрицательных качествах моего третьего, истинного лица. Всевышний Аллах по Своей благосклонности, словно самого простого рядового солдата, использует эту скромную личность в распространении тайн Корана. Да вознесется бесконечная хвала Аллаху. Нафс абсолютно низок, а долг выше всего остального». И хотя эти слова записаны в постановлении, я обвиняюсь в том, что меня хвалят другие люди и наделяют качествами великого наставника, которые на самом деле относятся к Рисале-и Нур. В таком случае, несомненно, те, кто делает меня в этом виновным, заслуживают понести за этот проступок сильное наказание.

Седьмой: Несмотря на то, что мы и все книги Рисале-и Нур были оправданы уголовным судом Денизли и Анкары, а также

кассационным судом, нам были возвращены все наши книги и письма; и в постановлении кассационного суда говорилось, что даже если Денизлиное оправдание будет иметь хотя бы одну ошибку, то, поскольку это решение уже вступило в силу, дело не может быть повторно пересмотрено; и при этом, в Эмирдаге я три года провел в изоляции, и лишь два-три ученика портного могли помогать мне; и очень редко я, в течение пяти-десяти минут, беседовал с некоторыми религиозными людьми, и больше ни с кем без необходимости не разговаривал; и лишь в одно единственное место я для поддержки служения Рисале-и Нур отправлял одно письмо в неделю и больше никуда; и даже своему брату – муфтию за три года написал всего три письма; и приостановил работы над сочинениями, которыми занимался в течение двадцати-тридцати лет, не писал ничего, за исключением двух пунктов из двадцати страниц, принесших пользу последователям Корана и веры: первый – разъясняющий мудрости повторов в Коране, второй – о некоторых вопросах касательно ангелов; и занимался только составлением больших собраний из трактатов, возвращенных судом, а также, поскольку суд вернул нам пятьсот экземпляров «Великого Знамения», написанных старой письменностью, и так как множительный аппарат официально не запрещен, я дал разрешение своим братьям размножить его, чтобы принести пользу Исламскому миру, а сам занялся исправлением ошибок; и я абсолютно не связан ни с какой политикой; и хотя мне было официально разрешено вернуться на родину, я не поехал домой, и в противоположность остальным ссыльным принял трудности изгнания для того, чтобы не вмешиваться в политику и в события этого мира... И те кто старается в этом третьем обвинительном заключении, посредством безосновательных обвинений, ложных измышлений и неверных домыслов выставить меня преступником, хотят осуществить два ужасных замысла, о которых говорить сейчас я не стану. Лишь скажу: могилы и Геены для них будет достаточно, и я перепоручаю это Великому Суду.

Восьмой: Поскольку «Пятый Луч», после того, как два года находился в руках судов Денизли и Анкары, был нам возвращен, мы поместили его в конце большого собрания «Сираджуннур», вместе с моей защитительной речью, которая послужила нашему оправданию в суде Денизли. Хотя до этого мы его никому не показывали, но, так как суды его обнаружили, и после оправдания вернули нам, то, посчитав, что в нем нет никакого вреда, я дал разрешение на его тираж. К тому же, основу этого Пятого Луча составляет толкование аллегорических хадисов, написанное еще тридцать-сорок лет назад.

Часть этих хадисов, издавна имевших распространение среди мусульман, некоторые ученые – хадисоведы посчитали их слабыми. И, так как их прямой смысл стал поводом для споров, он был написан исключительно для сохранения верующих от сомнений. Однако, поскольку через определенное время некоторые из его необыкновенных интерпретаций проявились в действительности, то мы сделали его конфиденциальным, чтобы ему не было дано неправильное значение. Затем его изучили многочисленные суды, и став причиной их огласки, они вернули его нам. Таким образом, несмотря на все это, снова винить меня за него – насколько является далеким от справедливости и соблюдения прав истины. Оставляем это на совести тех, кто вынес нам приговор на основании собственных убеждений, а их самих перепоручаем Великому Суду, говоря: **حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ**.

Девятый: Очень важный. Однако ради того, чтобы обвинившие нас изучили Рисале-и Нур, и с мыслью не сердить их, я не стал его писать.

Десятый: Является сильным и важным. Однако опять же, не желая их обижать, писать я пока не стал.

Находящийся в абсолютной изоляции,
заключенный

Саид Нурси

[Часть письменного ходатайства, написанного пятнадцать лет назад в ходе судебного разбирательства в Эскишехирском суде и отправленного в Кабинет министров.(Прим.)]

О общественные исполнители и служители закона!

Я подвергся такой несправедливости, с которой редко кто-либо сталкивался в этом мире. Но, поскольку хранить свое молчание перед лицом несправедливости, будет выражать неуважение к правосудию, то я буду вынужден разгласить один очень важный факт. Я заявляю: либо на законном основании продемонстрируйте мою вину, которая приведет к моей казни, или к лишению свободы сроком в сто один год. Или же докажите, что я полностью лишился рассудка. В противном случае, дайте абсолютную свободу мне, моим

Примечание: Поскольку снова возник этот вопрос, по которому пятнадцать лет назад это ходатайство было направлено в Кабинет министров, я был вынужден отправить его департаменту правительства.

книгам и всем моим друзьям, а также, за причиненный ущерб и потери взыщите с тех, кто стал этому причиной.

Да, у каждого правительства имеется свое законодательство и принципы, согласно которым выносятся наказания. Если правительство республики не найдет причин, делающих необходимым для меня и моих друзей самого строгого наказания, то нам должны дать полную свободу с учетом нашего одобрения, выдачи вознаграждения и просьб о прощении. Ибо, если мое важное служение Корану будет открыто выступать против правительства, то в этом случае я должен буду получить не год подобного заключения в тюрьму, а некоторые из моих друзей по шесть месяцев каждый, а скорее, в отношении меня и тех искренних приверженцев, которые серьезно привязались к моему служению, необходимо будет исполнить смертный приговор, или же приговорить к ста годам лишения свободы с самым строгим наказанием. Но если наше служение не противодействует властям, то мы вместо наказания и оскорбления, должны получать признательность и воздаяние. Так как это служение, с помощью ста двадцати трактатов, бросило вызов великим философам Европы и разрушило их принципы.

Безусловно, такая эффективная обязанность, либо породит ужасные результаты внутри страны, либо даст наиболее полезные, возвышенные и научные плоды. В таком случае, нельзя приговаривать меня к наказанию сроком в один год, по-детски пытаюсь скрыть в отношении нас интриги тиранов и ложь, и вводя в заблуждение общественное мнение. Потому что такие, как я, или получают высшую меру наказания, с гордостью поднимаясь на виселицу, или остаются свободными в том положении, которого они достойны.

Да, чтобы некий самый ловкий вор, который может украсть бриллианты стоимостью в несколько тысяч, позволил приговорить себя за кражу дешевых осколков стекла к такому наказанию, какое дают за хищение алмазов, является безумием не только для вора, но и вообще для любого другого обладателя разума. Такой вор хитер, и не будет поступать таким глупым образом.

Господа!

Допустим, согласно вашему представлению я являюсь таким же вором. Но вместо того, чтобы девять лет жить в уединении в деревне одного из районов Испарты, и ставить под угрозу себя и свои книги, ставшие целью моей жизни, и повернуть против властей идеи пятидесяти простодушных несчастных, которые получили очень легкие приговоры вместе со мной, я мог бы занимать высокий пост в Анкаре или Стамбуле, и как в прежние времена настраивать мысли тысячи

людей к преследуемой мною цели. Тогда я не был бы осужден таким унижительным обвинением, а скорее с гордостью и достоинством был бы вовлечен в дела этого мира, как подобает моему принципу и долгу.

Да, я обращаюсь не из чувства гордости или самохвальства, а скорее, от нужды и стыдливости говорю, указывая на ошибки тех, кто ссылаясь на прежнее мое тщеславие и лицемерие, хочет унижить меня до степени лишенного какой-либо важности и надобности в существовании:

Человек, получивший поддержку тех, кто прочел его старое защитительное обращение, опубликованное под названием «свидетельство об окончании двух школ бедствий», во время Инцидента Тридцать Первого Марта, своей речью сумевший склонить к повиновению восемь восставших батальонов, и как сообщали газеты того времени, в статье под названием «Шесть шагов», он исполнил военную службу в пользу национального движения, направляя настроения Стамбульских улемов против англичан, а также выступил с обращением к тысячам прихожанам в Айя Софии, и был встречен в Кабинете Министров Анкары бурными аплодисментами депутатов, и убедил сто шестьдесят три депутата подписаться под выделенными денежными средствами в размере ста пятидесяти тысяч лир на постройку его религиозного университета; и с совершенной стойкостью и без страха, отвечая в президиуме на гнев Президента, призвал их к выполнению намазов; и когда по единогласному утверждению Правительственной партии Единства он считался достойным нести обязанности в Дарульхикмети-Исламие для более эффективного признания исламской мудрости со стороны философов Европы; и его работа над Ишарат уль-Иджаз (чудо красноречия), написанная на фронте во время войны и на которую в настоящее время наложен арест, оказалась настолько ценной для Энвер-паши, главнокомандующего того времени, что в отношении нее он проявил уважение, которое не проявлял ни к кому другому, и, чтобы получить долю чести и пользы в память о войне, он способствовал выдаче бумаги для ее типографии с целью зафиксировать военные подвиги ее автора – такой человек не очернит себя низкими преступлениями, подобно какому-то конокраду, или похитителю девиц, либо карманнику, и не унизит достоинств своих знаний, святости служения и не опорочит честь тысячи своих ценных друзей, чтобы вы смогли приговорить его к году лишения свободы и отнести к нему, как к похитителю коз или овец. Такой человек, которого мучали безосновательной слезкой в

течение десяти лет, и сейчас приговорили к годовому заключению в тюрьму, к тому же под пристальным надзором, будет согласен даже на смертный приговор, но не примет угнетения со стороны какого-то своекорыстного сыщика или обычного полицейского, как никогда в жизни не вынес бы тирании над собой самого Султана. Если такой человек был бы вовлечен в дела этого мира или испытывал такие намерения, и если его священное служение позволило ему, то он бы вмешался в события, связанные с Менеменом и Шейхом Саидом, с гораздо большим стремлением и порывом. Пушечный грохот, который раздался бы по всему миру, не стих бы до жужжания мухи.

Да, предлагая вниманию Правительства Республики, я говорю следующее: данная ситуация показывает, что к этим бедам меня привели интриги, махинации и пропаганда тайного комитета. Доказательством организованной против нас этой беспрецедентной широкой пропаганды и этого страшного заговора, является следующее: несмотря на то, что я имею сто тысяч друзей, все же, в течение шести месяцев, ни один из них не имел возможности написать мне хотя бы одно письмо и передать «салам»; а также тот факт, что по причине информирования интригантами, которые пытались ввести в заблуждение правительство, от восточных и до западных провинций постоянно осуществлялись допросы и обыски.

Итак, план этих заговорщиков был разработан с целью осуществления инцидента, который стал бы причиной для сурового наказания тысячи таких людей, как я. Тем не менее, в результате это привело к нестрогому наказанию, которое дается за мелкое хищение, совершаемое простым человеком. И пятнадцать из ста пятнадцати ни в чем неповинных человек были осуждены на пять – шесть месяцев заключения. Интересно, будет ли кто-нибудь из здравомыслящих людей в мире со своим острым алмазным мечом слегка покалывать в хвост свирепого льва или страшного дракона, подвергая себя этим опасности? Если его целью будет самооборона или сражение, то он использует этот меч в другом месте.

Итак, вы по причине своего представления и подозрения восприняли меня таким человеком, и поэтому подвергли этому осуждению и наказанию. Если я в такой степени действую противоречиво сознанию и рассудку, то вместо того, чтобы пропагандой настраивать против меня общественное мнение, приводя в ужас эту огромную страну, меня необходимо отправить в психиатрическую лечебницу, как обычного сумасшедшего. Но если я воспринимаюсь с той важностью, какую вы мне придаете, то разумеется, я свой острый меч не направлю к хвосту льва или

дракона, чтобы вызвать у них агрессию, скорее, я предпочел бы защититься настолько, насколько это возможно. Так же, как перед лицом невыносимых трудностей я сознательно выбрал эти последние десять лет уединения и безропотного смирения, таким же образом, я не вмешивался в вопросы государственного управления, и никак не желал этого. Потому что мой священный долг запрещает мне это.

Общественные исполнители и служители закона! Разве возможно такое, чтобы человек, который согласно свидетельствам, двадцать пять лет назад одной газетной статьей убедил тридцать тысяч человек согласиться с его идеей, привлек внимание на себя огромной действующей армии, ответил шестью словами на вопросы главного папы английской церкви, когда он требовал ответа в шестьсот слов, и после Конституционной революции выступил с речью так, как будто он был одним из ведущих дипломатов, обнаружили в его ста двадцати трактатах только, лишь пятнадцать слов, связанных с политикой и делами этого мира? Разве сможет признать какой-либо разум, что этот человек следует политике, и что его целью является этот мир и вмешательство во власть? Будь это так, то такой человек в сотнях мест одного из своих трактатов дал бы ясно понять или намекнул бы о своем намерении. Интересно, если бы его целью была политическая критика, то неужели у него не было бы любого другого суждения, помимо одного-двух принципов касательно женского покрытия и наследования, которые действуют с давних пор?

Да, у такого политически-мыслящего противника правящего режима, который осуществил наиболее прогрессивные реформы, нашли бы ни один или два, а скорее сотни тысяч поводов для критики. Можно подумать, что реформы республиканского правительства состояли только из одного-двух маловажных вопросов. И хотя у меня не было и мысли критиковать его, в отношении двух слов в одном или двух моих старых трактатах было сказано: «Он осуждает правительственный режим и его реформы». Я тоже спрашиваю у вас: Разве может этот научный вопрос, который в действительности не заслуживает даже самого минимального наказания, стать поводом для распри и обеспокоить собой великую страну?

Таким образом, подвергнуть меня и еще пять-десять из моих друзей этому бессмысленному и ничтожному наказанию, и запугивать в отношении нас всю страну ужасной пропагандой, вызывая у людей ненависть к нам, а затем отправить министра внутренних дел Шюкрю Кая в Испарту со значительной силой солдат, чтобы он выполнил работу одного рядового, то есть, просто арестовал меня, и призвать главу кабинета министров Исмета в восточные провинции

с этой целью, в результате чего, в течение двух месяцев в тюрьме мне было запрещено говорить с кем-либо, а также не разрешалось в этом одиночестве и на чужбине кому-либо осведомляться о моем состоянии и отправлять мне приветствия – все это говорит о таком бессмысленном, глупом и незаконном положении, которое похоже на плод размером с горошину на огромном, как гора, дереве. Это не соответствует поступкам ни одного правительства в мире, основанным прежде всего на мудрых законах правительства Республики.

Я требую соблюдения моих прав в рамках закона. И я осуждаю в преступлении тех, кто от имени правосудия действует против закона. Безусловно, надеясь на то, что законы правительства Республики отвергнут произвольные действия таких преступников, восстановят мои права.

Саид Нурси

ПРИМЕР ПРАВДИВОСТИ РИСАЛЕ-И НУР

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Справедливые и просвещенные люди, которые прочитали следующий трактат (*Прим.*), написанный девятнадцать лет назад, определенно поймут, что Рисале-и Нур со всеми его ста тридцатью брошюрами был написан в духе основ веры и Иного мира, и полной отреченности от всех политических и мирских целей. Этот очевидный и определенный факт был подтвержден последлительного расследования и тщательного изучения судами Эскишехира, Испарты, Денизли и Афьона. В связи с этим, мы просим вашего участия и помощи в том, чтобы нам вернули все книги, которые уже более двадцати месяцев арестованы и держутся в Афьонском суде, поскольку кассационный суд не обнаружил ни одного признака состава преступления. Ведь эти книги сохранили веру тысячам людей, и получили высокую оценку и одобрение у своих читателей и ученых всего Исламского мира.

Ранее оправданная на Афьонском суде большая часть книг была собрана у наших братьев. Они же со словами: «Мы отдали эти книги владельцу, нашему Устаду, и теперь они должны быть переданы ему», перепоручили их мне. В частности, они оставили в суде Коран, написанный позолотой и с чудесными совпадениями букв, который был в числе конфискованных книг. Прежде всего, мы ждем немедленного возврата нам тех книг и Корана, которые ранее были возвращены нам судами Денизли и Анкары.

Саид Нурси

Примечание: Аннулирование на Эскишехирском и Денизлином Судах всех пунктов возражения в отношении Шестнадцатого Письма, которое было написано несколько лет назад, так, будто оно уже прошло через три суда, ясно показывает божественную заботу и своего рода благодать.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

الَّذِينَ قَالَ لَهُمُ النَّاسُ إِنَّ النَّاسَ قَدْ جَمَعُوا لَكُمْ فَاخْشَوْهُمْ فَزَادَهُمْ
إِيمَانًا وَ قَالُوا حَسْبُنَا اللّٰهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ

[Удостоившись смысла аята: **فَقُولَا لَهُ قَوْلًا لَّيِّنًا** это письмо не было написано в суровом виде. Оно представляет собой ответ на вопрос, который прямо или косвенно исходит от многих людей. Отвечать на него мне не приятно, я этого не желаю. Так как, я все связал с упованием на Всевышнего Творца. Но, поскольку меня не оставили в покое в моем состоянии, и мое лицо было повернуто на сторону этого мира, то языком не «Нового», а скорее «Старого Саида», и не ради себя, а ради того, чтобы избавить своих друзей и «Слова» (Рисале-и Нур) от сомнений мирских людей и их притеснений, я вынужден объяснить в пяти пунктах и друзьям, и мирским людям, и властям истинное положение вещей.]

ПЕРВЫЙ ПУНКТ:

Меня спрашивают: «Почему ты отошел от политики и абсолютно не проявляешь к ней интереса?»

Ответ. Девять-десять лет назад* «Старый Саид» отчасти вошел в политику. Говоря: «Может, посредством политики я послужу религии и знаниям», — понапрасну утомился. И увидел, что этот путь является сомнительным и сложным, а для меня – излишним. А также он препятствует необходимому служению и представляет для него опасность. На нем много лжи и есть вероятность, не зная, оказаться неким инструментом в чужих руках. И входящий в политику становится либо сторонником, либо противником. Если быть сторонником, то, поскольку я не чиновник и не депутат, политичность для меня будет излишней и бессмысленной. Во мне ведь нет какой-то нужды, чтобы я просто так вмешивался. Если же я войду в политику как противник, вмешиваться придется либо идейно, либо силой. В идейном плане во мне необходимости нет. Потому что все проблемы на поверхности, каждый знает их, как и я. Попусту болтать языком – бессмысленно. Если же буду выражать свое противостояние силой и созданием инцидентов, тогда возникает

* На сегодняшний день прошло более тридцати лет

вероятность ради сомнительной цели совершить тысячи грехов. Из-за одного пострадают многие. И если из десяти есть одна-две вероятности самому войти в грехи и обречь на них невинных, то моя совесть принять этого не может. А потому «Старый Саид», вместе с сигарой, отказался от газет, политики и политически-мирских разговоров. Твердым свидетельством этого является то, что с того момента я восемь лет не читал и не слушал ни одной газеты. Если кто-то может доказать обратное, то пусть выйдет и скажет. Между тем, до этого «Старый Саид» читал, наверное, по восемь газет в день. И вот уже пять лет, как за мной следят с полным вниманием. К тому же, у такого, как я, вспыльчивого, бесстрашного и ни с чем не

связанного человека, который, по правилу: **إِنَّمَا الْحِيلَةُ فِي تَرْكِ الْحَيْلِ** самую большую хитрость нашел в бесхитростности, не то, что за восемь лет, но даже за восемь дней не останется никакой скрытой мысли. Если бы у меня были охота и желание до политики, то, не оставляя нужды в изучениях и обысках, они прогремели бы подобно пушечному снаряду!

ВТОРОЙ ПУНКТ:

Почему «Новый Саид» так сильно избегает политики?

Ответ. Чтобы с сомнительным, бессмысленным и излишним одно-двухлетним вмешательством в мирскую жизнь не пожертвовать усилиями и зарабатыванием более чем миллиардов лет жизни вечной. А также он изо всех сил бежит от политики ради самого важного, самого нужного, самого чистого и праведного служения вере и Корану. Потому что думает: Я старею, сколько лет еще проживу – не знаю. В таком случае, для меня самое важное дело – это трудиться ради вечной жизни. Самым первым средством, нужным для ее обретения, и ключом к вечному счастью является вера, значит нужно усердствовать ради нее. Однако, в отношении знания шариат меня обязывает служить людям, чтобы принести им какую-либо пользу, а потому желаю совершать это служение. Но это служение будет касаться или общественной и мирской жизни, что не в моих силах. Да и в бурное время качественно совершить его невозможно. А потому, оставив эту сторону, я предпочел сторону служения вере, являющуюся самой важной, самой нужной и благополучной стороной. Для того, чтобы истины веры, которые открылись мне, и духовные лекарства, испытанные мною на самом себе, довести до других людей, я оставил эти двери открытыми. Может быть, Аллах примет это мое служение и сделает его искуплением моих старых грехов. И выступить против этого служения, кроме изгнанного

сатаны, нет права ни у кого, будь то верующий или неверующий, верный или безбожник. Потому что безверие не походит на все остальное. В насилии, распутстве и великих грехах еще могут быть какие-то злосчастные дьявольские наслаждения. Однако в безверии же абсолютно никакого наслаждения нет. Лишь сплошные горечь, мрак и мука.

Так вот, даже сумасшедший может понять, насколько будет противоречить разуму и мудрости, каким будет сумасшествием, если такой, как я, не имеющий никаких связей, одинокий и вынужденный искать искупления своих прежних грехов человек, на старости лет, оставит свое святое служение вере и свои старания на пути обретения бесконечной вечной жизни, и бросится в бессмысленные и опасные политические игры.

Но если же вы скажете: «Почему служение вере и Корану запрещает тебе политику?» Я отвечу так: каждая из истин веры и Корана представляет собой некий алмаз, и если бы я был испачкан политикой, то в отношении этих, находящихся в моих руках алмазов, человек, который может быть введен в заблуждение, будет думать: «А не политическая ли это пропаганда для того, чтобы обрести себе сторонников?» – и станет смотреть на эти алмазы, как на простые стекла. А в таком случае, своим занятием политикой я совершу несправедливость по отношению к этим алмазам, все равно, что стану занижать их цену. Итак, о мирские люди! Зачем вы боретесь со мной? Почему не оставите меня в покое?

Если скажете: «Порой шейхи вмешиваются в наши дела. Тебя тоже иногда называют шейхом!»

Я же отвечу: Господа! Я не шейх, я – ходжа. И в подтверждение этого скажу: если бы за четыре года моего пребывания здесь я наставил на тарикат хоть одного человека, тогда бы ваши сомнения имели право на существование. Наоборот, каждому приходящему ко мне я говорил: «Вера необходима, Ислам нужен! Сейчас не время тариката».

Если скажете: «Тебя называют Саидом Курди, возможно у тебя есть националистические идеи. Это нам не подходит».

На это отвечаю: Господа! Все, что написано «Старым» и «Новым Саидом» – перед вами. Показываю это свидетельством того, что по твердому повелению: **الْإِسْلَامِيَّةُ جَبَّتِ الْعَصَبِيَّةَ الْجَاهِلِيَّةَ** поскольку

национализм и расизм являются некой разновидностью заразы Европы, я с давних пор смотрел на них, как на смертельный яд. Европа забросила эту заразу в Исламский мир, дабы тот раскололся,

разделился и подготовился к тому, чтобы его проглотить. Мои ученики и все, кто общались со мной, знают, что я с давних пор старался излечить эту болезнь. А поскольку это так, эй, господа, почему вы притесняете меня по малейшему поводу? Все равно, что из-за ошибки одного рядового на востоке наказывать другого рядового на западе, лишь потому, что он тоже солдат. Или за преступление некоего торговца в Стамбуле, арестовать некоего лавочника в Багдаде, лишь потому, что он тоже связан с торговлей. Так на каком основании вы притесняете меня из-за каждого события, произошедшего в мире? Какая совесть это позволяет? Какая в этом есть польза?

ТРЕТИЙ ПУНКТ:

У думающих о моем состоянии и покое моих друзей, удивляющихся тому, что я терпеливо молчу в ответ на все несчастья, есть такой вопрос: «Как ты терпишь все эти тяготы и лишения? Ведь ты с давних пор был очень вспыльчивым и гордым, не выносил даже самого ничтожного оскорбления?»

Ответ. Послушайте два маленьких рассказа и найдите в них ответ на ваш вопрос.

Первый рассказ. Два года назад один начальник беспричинно сказал в моем отсутствии презрительные оскорбления в мой адрес. Затем об этом сообщили мне. Около часа я был подвержен влиянию нрава «Старого Саида». Затем, по милости Всевышнего, в сердце мне пришла истина, которая избавила меня от тоски и побудила простить того человека. Эта истина такова:

Я сказал своему нафсу: если те недостатки, о которых он оскорбительно высказался, принадлежат мне и моему нафсу, то пусть Аллах будет им доволен за то, что он сказал о моих изъянах. Если сказанное им – правда, то это подталкивает меня к воспитанию моего нафса и помогает мне избавиться от гордыни. Если же это ложь, то помогает мне избавиться от неискренности и его основы – от лживой славы. Да, со своим нафсом я не примирился, потому что его не воспитал. Если кто-то скажет или покажет мне скорпиона, ползущего по моей шее или груди, то я должен не обижаться, а скорее радоваться.

Если же оскорбления того человека относятся к моим качествам служителя веры и Корана, то это меня не касается. Перепоручаю его Хозяину Корана, использующему меня на службе (Корану). Он – Азиз (Великий), Хаким (Мудрый).

Если же он сказал это чисто для того, чтобы побранить меня, оскорбить и подорвать мою репутацию, то это тоже ко мне не относится. Поскольку я ссыльный, пленный, нахожусь на чужбине,

и мои руки связаны, то защита моего достоинства принадлежит не мне. Скорее это является делом надзирающих за мной властей этого села, района и области, чьим гостем я оказался. Оскорбление пленного касается его хозяина, в руках которого тот находится, он его защищает. Поскольку реальность такова, то сердце мое успокоилось.

Я сказал: **وَأَفَوِّضُ أَمْرِي إِلَى اللَّهِ إِنَّ اللَّهَ بَصِيرٌ بِالْعِبَادِ**, и посчитал, что этого происшествия вовсе не было, забыл о нем. Однако, к сожалению, позже выяснилось, что Коран не простил того человека...

Второй рассказ. В этом году я услышал об одном происшествии. И хотя я слышал о нем лишь в общих чертах и после того, как оно случилось, со мной стали обращаться так, словно я был серьезно с ним связан. В целом, переписку я не веду, если и пишу что-то, то очень редко, лишь для того, чтобы объяснить какому-либо другу один из вопросов веры. Даже своему брату за четыре года написал одно-единственное письмо. И мало того, что я сам себя изолировал от общения, еще и мирские люди изолировали меня от него. В неделю я лишь один раз мог повидаться с одним-двумя друзьями. Из гостей же, приходящих в село, лишь один-два в месяц, одну-две минуты виделись со мной ради какого-либо вопроса, касающегося Иного мира. В этом состоянии разлуки с родиной я здесь чужой, одинокий, ни родственников у меня, ни близких, нахожусь в селе, в котором такие, как я, на жизнь себе зарабатывать не могут; отрезан от всего и от всех. А в прошлом благословенном Рамадане мне даже пришлось читать намаз одному и лишиться двадцати пяти савабов от коллективного намаза, потому что я не мог ходить в мечеть, которую четыре года назад восстановил из разрушенной, хотя у себя на родине получил удостоверение имама и проповедника, и эти четыре года (да примет Аллах) был в ней имамом. Так вот, в ответ на два этих выпавших на мою долю происшествия, я так же, как на действия двухлетней давности против меня того чиновника, проявил терпение и выдержку. Ин шаа Аллах, буду продолжать в том же духе. И я думаю так: если все эти притеснения, давления и тяготы, идущие на мою голову со стороны мирских людей, имеют место из-за моего ущербного и полного недостатков нафса, то я им это прощаю. Может быть, с этим мой нафс исправится, и это станет для него искуплением грехов. В гостинице этого мира я видел много радости, если увижу немного страданий, то буду благодарить Творца и за это. Если же мирские люди притесняют меня за мое служение вере и Корану, то защищаться от этого – дело не мое. Препоручаю их Азиз-и Джаббару (Великому Всемогущему). Если же они желают отвратить от меня

всеобщие симпатии, чтобы разрушить мою безосновательную ложную славу, являющуюся причиной неискренности, то за это им спасибо. Потому что, как я считаю, для такого человека, как я, удостоиться общественных симпатий и обрести в народе славу очень вредно. Те, кто общается со мной, знают, что я не желаю уважения к себе. Даже одного своего важного и ценного друга я, наверное, пятьдесят раз порицал за его чрезмерное почтение в мой адрес. Если же их желание меня опорочить, уронить в глазах общественного мнения и уничтожить касаются истин веры и Корана, переводчиком которых я являюсь, то это бесполезно. Потому что звезды Корана за завесой не спрячешь. Закрывший глаза лишь сам не видит, для других ночь не делает.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПУНКТ:

Ответ на несколько рождающих сомнения вопросов.

Первый. Мирские люди мне говорят: «На какие деньги ты живешь? Чем ты зарабатываешь? В наших краях нам не нужны те, кто лениво сидят и живут за счет труда других!..»

Ответ. Я живу за счет бережливости и благодати. Кроме своего Раззака (Кормильца) я никому ничего не должен, и я решил, что ни перед кем в долгу не останусь. Да, человек, который в день тратит один-два гроша, никому не задолжает. Объяснять этот вопрос я совершенно не желаю. Говорить об этом с мыслями, напоминающими о гордыне и высокомерии, мне очень неприятно. Но, поскольку эти мирские люди спрашивают меня в таком подозрительном виде, то я скажу: С самого детства я сделал правилом своей жизни не брать у людей ничего (даже закят) и не получать жалования (лишь по принуждению друзей я был вынужден принять жалование, когда один-два года работал в Управлении Шейх-уль-Ислама, но и эти деньги я, по смыслу, вернул народу), и ради мирских нужд не становиться никому обязанным. Мои земляки и знающие меня люди с других мест знают об этом. За эти пять лет моей ссылки многие друзья прикладывали большие усилия, вынуждая меня принять их подарки, но я не принял.

Если спросят: «Как же тебе это удается?» То я скажу: «Я живу с благодатью и благосклонностью Всевышнего». Хотя мой нафс достоин всяких оскорблений и предательств, однако, в отношении пропитания, как чудо служения Корану, я достаиваюсь благодати, являющейся Божественным даром. По смыслу аята: **وَأَمَّا بِنِعْمَةِ رَبِّكَ فَحَدِّثْ** в виде некой духовной благодарности я расскажу несколько примеров благодетелей, оказанных мне Всевышним. При этом я боюсь, что вместе с духовной

благодарностью дадут о себе знать некие гордыня и неискренность, которые станут причиной прекращения этой благодати. Потому что горделивое объявление о скрытой благодати становится причиной ее исчезновения. Однако другого выхода нет, я вынужден рассказать об этом.

Итак, первый пример. Уже шесть месяцев я живу с одним мешком пшеницы, из которого вышло тридцать шесть булок хлеба. И он до сих пор не пуст, в нем еще есть зерно. Когда кончится – не знаю (*Прим.*).

Второй. Во время этого благословенного Рамадана лишь из двух домов мне отправили угощение, и оба раза я от него заболел. Из чего я понял, что пища других мне не дозволена. В остальное время, в течение всего Рамадана, по сообщению и свидетельству благословенной семьи, ухаживающей за мной, и ее хозяина – моего преданного друга Абдуллаха Чавуша, мне было достаточно трех булок хлеба и одного килограмма риса. И этот рис кончился только лишь через пятнадцать дней после Рамадана.

Третий. В горах, мне и моим гостям, одного килограмма сливочного масла хватило на три месяца, при том, что мы каждый день ели его с хлебом.

Даже как-то ко мне пришел один благословенный гость по имени Сулейман. У меня закончился хлеб, и у него тоже. Была среда, и я ему сказал: «Иди, принеси хлеб». На расстоянии двух часов от нас не было ничего, где можно было бы взять хлеб. Он сказал: «Хочу в ночь на пятницу вместе с тобой молиться на этой горе». Я сказал:

تَوَكَّلْنَا عَلَى اللَّهِ «Оставайся».

Затем, безо всякой причины и без всякого умысла мы, прогуливаясь вместе, поднялись на вершину одной горы. В кувшине у нас была вода, и было немного чая и сахара. Я сказал ему: «Брат, сделай немного чаю». Он занялся этим делом, а я сел под одним кедром, смотрящим в глубокое ущелье, и с сожалением подумал: «У нас есть лишь один заплесневевший кусок хлеба, которого нам двоим хватит только на этот вечер. Что мы будем делать два дня, и что я скажу этому чистосердечному человеку?» – и когда я раздумывал об этом, вдруг, словно кто-то повернул мою голову, я повернулся и увидел: на вершине кедра, среди ветвей лежит и словно смотрит на нас большой каравай хлеба. Я воскликнул: «Сулейман, взгляни! Всевышний дал нам пропитание!» Мы взяли этот хлеб и увидели, что

его не тронули ни птицы, ни дикие животные. Однако на эту гору уже двадцать-тридцать дней не поднимался ни один человек. Этого хлеба нам двоим хватило на два дня. И когда мы его уже доедали, снизу пришел с хлебом праведный Сулейман, бывший последние четыре года моим верным и преданным учеником.

Четвертый. Это пальто, которое на мне, я купил семь лет назад в поношенном виде. За пять лет на одежду, белье, носки и башмаки я израсходовал четыре с половиной лиры. Благодарности, бережливости и милости Господа мне хватило.

Так вот, есть еще много чего, подобного этим примерам, и еще многие аспекты Божественной благодати. О большинстве из них знают жители этого села. Однако, не подумайте, что я говорю об этом из гордости, нет, просто я вынужден. И не думайте, что какая-то причина лежит в основе этой благодати. Все те благодати – это или угощение для пришедших ко мне моих искренних друзей, или некая уступка для служения Корану, или благодатная прибыль от экономии, или же приходящее в виде благодати пропитание живших у меня четырех кошек, совершающих зикр «Йа Рахим, Йа Рахим» (О Милосердный, о Милосердный), я же лишь пользовался от него. Да, если внимательно прислушаешься к их печальному мурлыканью, то разберешь, что они произносят «Йа Рахим, Йа Рахим». Речь зашла о кошках, и припомнилась курица. Этой зимой одна курица, словно яичная машина, каждый день, за очень редкими исключениями, приносила мне из сокровищницы милости по одному яйцу. А однажды она принесла два. Я удивился и спросил у друзей: «Разве такое бывает?» Они сказали: «Наверное, это некий подарок Всевышнего!» И у этой курицы был один маленький цыпленок, вылупившийся летом. В начале благородного Рамадана эта маленькая курочка начала нестись. И это ее благословенное состояние не оставило ни у меня, ни у прислуживающих мне никаких сомнений в том, что оно является неким даром Аллаха. И она начала нестись сразу, как только перестала нестись ее мать, не оставила меня без такой пищи, как яйца.

Второй подозрительный вопрос. Мирские люди говорят: «Как же мы поверим тебе, что ты не станешь вмешиваться в нашу жизнь? Если мы предоставим тебе свободу, может, ты начнешь это делать. Как мы узнаем, что ты не лукавишь? Может ты, показывая себя отрекшимся от мира, обманываешь нас и лишь внешне у людей ничего не берешь, а делаешь это скрыто?»

Ответ. Мои известные многим поведение и состояние двадцать лет назад на Военном Трибунале и раньше, еще до Независимости, а

также моя защита в том Трибунале, носящая название «свидетельство двух школ бедствия», твердо показывают, что я провел жизнь не опускаясь не то, что до обмана, а даже до самой обыкновенной хитрости. Если бы хитрость имела место, то за эти пять лет было бы какое-либо стивое обращение к вам. Ведь хитрый человек заставляет себя любить, не стесняется и постоянно старается обмануть и ввести в заблуждение. Между тем, я не опустился до самоунижения даже перед лицом самых ужасных нападений и критики в мой адрес. Сказав «Уповаю на Аллаха», я отвернулся от мирских людей. Да и тот, кто познал Иной мир и раскрыл истину мирской жизни, если у него есть разум, он не разочаруется и не вернется обратно, чтобы бороться за этот мир. Спустя пятьдесят лет ни с чем не связанный, одинокий человек не пожертвует своей вечной жизнью ради одного-двух годов мирской болтовни и шарлатанства. Если и пожертвует, то значит он не хитрый, а просто глупый неудачник. От глупого неудачника какая может быть опасность, чтобы с ним бороться.

В отношении же сомнения в том, что внешне я отказался от мира, а внутренне желаю его, то по смыслу:

وَمَا أُبْرِي نَفْسِي إِنَّ النَّفْسَ لَأَمَّارَةٌ بِالسُّوءِ я не оправдываю свой нафс, мой нафс тянется ко всему плохому. Однако разумный человек не найдет никакой выгоды в том, чтобы в этом тленном мире, в этой временной гостинице и во время старости этой короткой жизни, ради маленького наслаждения разрушать свою вечную, постоянную жизнь и свое бесконечное счастье. Поскольку любой обладатель разума и сознания поймет невыгодность этого, то мой подверженный страстям нафс, хочет он того или нет, но следует разуму.

Третий подозрительный вопрос. Мирские люди говорят: «Ты нас любишь, или нет? Одобряешь ли? Если любишь, то почему обиделся на нас и ни во что не вмешиваешься? Если же ты нас не одобряешь, то ты – наш противник, а мы подавляем своих противников!»

Ответ. Если бы я любил вас и ваш мир, то я не отошел бы от него. Ни вас, ни ваш мир я не одобряю. Однако не вмешиваюсь. Потому что у меня другие принципы, другие вещи наполняют мое сердце, и они не оставили там места для мыслей о чем-то еще. Ваша обязанность – смотреть на руки, а не в сердце! Потому что, если руки не вмешиваются в желаемые вами управление и безопасность, то какое вы имеете право, когда вы абсолютно этого не достойны, говорить: «Пусть нас полюбит сердце!..» – и вмешиваться в его чувства. Да, так же, как я среди этой зимы желаю и жду весны, однако повелевать не могу, не в силах ее привести. Также я желаю и

улучшения состояния мира, молюсь об этом и хочу, чтобы мирские люди исправились, однако приказывать не могу. Потому что это не в моих силах. И попытаться изменить что-то на деле я тоже не могу. Потому что это не входит в мои обязанности.

Четвертый подозрительный вопрос. Мирские люди говорят: «Мы уже столько повидали горя, что у нас ни к кому доверия не осталось. Как же нам быть уверенными в том, что ты, если у тебя появится возможность, не начнешь вмешиваться в угоду своих желаний?»

Ответ. Вместе с тем, что предыдущие пункты дали вам уверенность... И когда я у себя на родине, среди родственников и учеников, среди слушавших меня людей, во время волнительных событий не вмешивался в ваш мир, а теперь в чужих краях, будучи одиноким чужеземцем, слабым, бессильным, всеми силами обращенным к Иному миру, изолированным от общения и переписки, лишь вдалеке нашедшим себе нескольких друзей из числа верующих людей, остальных же воспринимающий, как чужих, и они тоже все видят в нем чужака, если в этих условиях такой человек, как я, станет вмешиваться в ваш бесплодный и опасный мир, то он должен стать дважды глупцом.

ПЯТЫЙ ПУНКТ:

Касается пяти маленьких вопросов.

Первый. Мирские люди мне говорят: «Почему ты не приспособливаешься к основам нашей культуры, образу жизни и установленной форме одежды? Значит ты наш противник?!»

Я же говорю: «О господи! По какому праву вы навязываете мне основы вашей культуры? Ведь вы сами, словно лишив меня всех гражданских прав, пять лет незаконно держите меня в одной деревне, отрезав от всякого общения и переписки. Хотя всех ссыльных вы оставили в городах вместе с друзьями и родственниками, а затем выдали им паспорта, меня же беспричинно изолировали и – за исключением нескольких человек – не даете мне повидаться ни с одним земляком. Значит, не считаете меня принадлежащим к вашему народу. Как же тогда вы навязываете мне законы вашей культуры? Обратили для меня этот мир в тюрьму, а ведь человеку, находящемуся в тюрьме, такое не предлагают. Вы закрыли для меня двери этого мира, я же постучал в двери мира Иного, и милость Всевышнего мне их открыла. Как можно человеку, находящемуся в дверях загробного мира навязывать перепутанные основы и обычаи этого мира?! Когда вы предоставите мне свободу и, вернув на родину, восстановите меня в моих правах, тогда можете требовать соблюдения ваших принципов!..»

Второй. Мирские люди говорят: «У нас есть официальные структуры, которые обучают законам религии и истинам ислама. По какому же праву ты занимаешься распространением религии? Раз ты приговорен к ссылке, то вмешиваться в эти дела у тебя права нет».

Ответ. Правда и истина не могут быть монополизированы. Как можно монополизировать веру и Коран!? Вы можете установить некую монополию на свои мирские законы и правила, однако к истинам веры и основам Корана нельзя подходить, словно к мирскому делу, официально и за плату. Скорее сияние истины этих тайн, являющихся Божественным даром, можно обрести лишь с искренним намерением, посредством отречения от мира и страстных наслаждений. Да и ваша эта официальная структура, когда я был у себя на родине, приняла меня и назначила проповедником. Я принял эту должность, но от жалования отказался. У меня есть удостоверение имама и проповедника. С ним я могу заниматься этим делом в любом месте, потому что моя ссылка была незаконной. И поскольку ссылки реабилитированы, то действие моих старых документов не прекращается.

Во-вторых: истины веры, о которых я пишу, адресованы непосредственно моему нафсу. Я всех не призываю. Но те, чьи души нуждаются, а сердца ранены, ищут эти лекарства Корана и находят. Лишь одну брошюру, касающуюся воскресения из мертвых, я, еще до выхода новой письменности, издал для получения средств на проживание. Да и ту бывший тогда несправедливый губернатор, настроенный против меня, полностью изучил, но, поскольку не смог найти никакого повода для критики, то не смог к ней придраться.

Третий. Для того, чтобы угодить мирским людям, глядящим на меня с подозрением, некоторые мои друзья внешне от меня отворачиваются и даже критикуют. Между тем хитрые мирские люди эти их уклонения и отворачивания от меня объясняют не преданностью им, а неким лицемерием и бессовестностью и смотрят на тех моих друзей плохо.

Я же говорю: «О мои друзья по Иному миру! Не отворачивайтесь и не бегите от моего служения Корану. Потому что, Ин шаа Аллах, от меня вам вреда не будет. Если и придет та мнимая беда, или меня будут притеснять, то вы, отрекаясь от меня, спастись не сможете. В том состоянии вы еще больше будете заслуживать наказания и несчастья. Да и что случилось, что вы впадаете в такую мнительность?»

Четвертый вопрос. Во время этой ссылки я вижу, что некоторые люди, попавшие в трясину бахвальства и политики, смотрят на меня,

как на сторонника или соперника. Будто я тоже, подобно им, связан с мирскими течениями.

«О господа! Я принадлежу к течению веры. Против меня существует течение неверия. С другими течениями я не связан. Те из них, которые работают за плату, наверное, считают себя в некоторой степени заслуживающими прощения. Однако тот, кто без какой-либо платы, из гражданских чувств занимает по отношению ко мне пристрастное, противоборствующее положение, мешает мне и притесняет, тот совершает очень серьезную ошибку. Потому что, как уже было доказано раньше, с мирской политикой я абсолютно не связан. Все свое время и всю свою жизнь я посвятил только лишь истинам веры и Корана. А поскольку это так, то человек, который мешает мне и притесняет, пусть задумается о том, что его действия обретают вид притеснений веры во имя безбожия и неверия».

Пятый вопрос.

Поскольку этот мир тленен.

И поскольку жизнь коротка.

И поскольку необходимых обязанностей много.

И поскольку вечная жизнь зарабатывается здесь.

И поскольку этот мир не без хозяина.

И поскольку у гостиницы этого мира есть Некто очень Мудрый и Щедрый, Кто все в ней предусмотрел.

И поскольку ни хорошее, ни плохое без своего воздаяния не останется.

И поскольку, по тайне: لَا يُكَلِّفُ اللَّهُ نَفْسًا إِلَّا وُسْعَهَا невыполнимых требований не существует.

И поскольку безопасный путь предпочтительнее пути опасного и вредного.

И поскольку мирские друзья и чины лишь до дверей могилы.

То, конечно, самым счастливым является тот, кто не забыл ради этого мира об Ином мире; свой Иной мир не пожертвовал миру этому; не испортил свою вечную жизнь ради жизни мирской; свою жизнь на пустые дела не растратил; кто, считая себя гостем, действует в согласии с повелениями Хозяина гостиницы; кто, благополучно открыв двери своей могилы, войдет в вечное счастье. (Прим.)

* * *

Примечание: По причине всех этих «поскольку» я не обращаю внимания и не придаю значения всем притеснениям и давлению, направленным против меня. Говорю: «Не стоит беспокойства», – и в мирские дела не вмешиваюсь.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ШЕСТНАДЦАТОМУ ПИСЬМУ

بِسْمِهِ وَإِنْ مِنْ شَيْءٍ إِلَّا يُسَبِّحُ بِحَمْدِهِ

Мирские люди, безо всяких причин испугавшись такого, как я, бессильного и одинокого человека, вообразив, что я обладаю силой тысяч людей, наложили на меня множество ограничений. Не позволили мне даже на одну-две ночи остаться в одном предместье Барлы – местечке Бадра и на одной из гор в ее окрестностях. Я слышал, что они говорят: «У Сауда сила пятидесяти тысяч человек, поэтому на свободе мы его не оставим».

Я же говорю: О несчастные люди! Вы все свои силы отдаете этому миру, так почему же вы не знаете своего мирского дела? Рассуждаете, как сумасшедшие. Если ваш страх связан с моей личностью, то не то, что сила пятидесяти тысяч человек, скорее один человек может сделать в пятьдесят раз больше меня. То есть, может встать в дверях моей комнаты и сказать: «Не выйдешь».

Если же вы боитесь моих принципов, моего призыва принадлежащего Корану и духовной силы веры, то не пятьдесят тысяч человек, ошибаетесь! В отношении принципа у меня есть сила пятидесяти миллионов, да будет вам это известно! Потому что с силой Мудрого Корана я преподавал урок всей Европе, в которую входят и ваши безбожники. Всеми сияниями света веры, распространенными мною, я до основания разбил прочные крепости их материалистических наук и того, что они называют природой. Их самых больших неверующих философов я опустил ниже животных. Если соберется вся Европа и с ней все безбожники, то, Ин шаа Аллах, они не смогут убедить меня отказаться даже от одного маленького пункта моего принципа, не смогут меня победить!..

Поскольку это так, я в ваш бренный мир не вмешиваюсь, и вы не вмешивайтесь в мой вечный мир! Если и вмешиваетесь, то без толку.

Богом предопределенное, руками не отвратить

Свет, зажженный Аллахом, губами не задуть.

Неким исключительным образом, чрезмерно возомнив обо мне невесть что, мирские люди словно проявляют передо мной страх. Они впадают в разные подозрения, находя в своем воображении у меня признаки вещей, которых нет, которые даже если бы и были, то все равно не являются какими-то политическими преступлениями или поводом для обвинений, а именно: они подозревают меня в основании тариката, величавости, знатности, главенстве племени, влиятельности, многочисленности последователей, встречах с

земляками, связях с этим миром и его состояниями, даже в связях с политикой и в оппозиционности. В то время, когда обсуждают вопрос прощения даже тех, кого, по их мнению, простить невозможно, меня в тюрьме и вне ее лишили практически всего.

У одного плохого и тленного человека есть одна такая красивая и вечная фраза:

Пусть у насилия есть пушки, пули и крепости;

У справедливости же есть рука несгибаемая и лицо, которое не отвернется.

Я же говорю:

Пусть у мирских людей есть власть, величие и сила; Но с Кораном свет у его служителей.

Есть знание несбиваемое и слово немолчащее, Есть сердце безошибочное и свет неугасаемый.

Многие мои друзья и один, надзирающий за мной начальник, постоянно меня спрашивают: «Почему ты не обращаешься за удостоверением личности? Не подаешь заявление?»

Ответ. Не обращаюсь и не могу обратиться по пяти-шести причинам:

Первая. Я ведь не вмешивался в дела мирских людей, чтобы быть им подвластным и к ним обращаться. Я подвластен Божественному предопределению, перед Ним у меня есть проступки, к нему я и обращаюсь.

Вторая. Я уверовал и явно познал, что этот мир представляет собой некую быстро изменяющуюся гостиницу. Значит это не истинная родина, и всякое место такое же, как и любое другое. Раз я на родине не останусь на длительное время, то попусту туда стремиться и ехать толку нет.

Поскольку каждое место – гостиница, если тебе благоприятствует милость ее Хозяина, то каждый тебе друг и всякое место подходит. Если же не благоприятствует, то любое место сердцу в тягость, и все вокруг – враги.

Третья. Обращаться можно в рамках закона. Однако действия, которые за эти шесть лет были предприняты против меня, являются незаконным произволом. Со мной не обращались так, как положено обращаться с ссыльными. На меня смотрели, как на лишенного не только всех гражданских прав, но даже прав на этот мир. Так что обращаться в рамках закона к тем, кто действует незаконно – бессмысленно.

Четвертая. В этом году местный начальник от моего имени обращался с просьбой о том, чтобы мне для смены обстановки

разрешили несколько дней пожить в местечке Бадра, расположенном в двух шагах от Барлы. Не разрешили. Как же можно обращаться к тем, кто на такую мою незначительную потребность отвечает отказом? Если обратишься, то лишь бессмысленно натерпишься унижений и позора.

Пятая. Призывать к справедливости и обращаться к тем, кто объявляет несправедливость справедливостью, само становится некой несправедливостью, неким неуважением к справедливости. Я такой несправедливости и неуважения к справедливости совершать не желаю. Вот и все!

Шестая причина. Притеснения, которые я претерпел от мирских людей, были причинены мне не из-за политики, потому что те люди и сами знают, что в политику я не вмешиваюсь и бегу от нее. Точнее они, осознанно или нет, но, помогая безбожию, давят меня из-за моей привязанности к религии. А в таком случае, обратиться к ним – значит показать разочарование в религии и поддержать принципы безбожия.

И если я к ним обращусь и буду искать у них помощи, то справедливое Божественное предопределение накажет меня их несправедливой рукой. Потому что они давят меня из-за моей приверженности к религии. Предопределение же давит меня из-за недостатков в религиозности и искренности, из-за лицемерия, время от времени проявляемого мной перед этими мирскими людьми. В таком случае избавления от этого давления сейчас для меня нет. Если я обращусь к мирским людям, то предопределение скажет: «О лицемер! Понеси наказание за это обращение»! Если же не обращусь, то мирские люди скажут: «Ты нас не признаешь, оставайся под давлением!»

Седьмая причина. Известно, что обязанностью некоего чиновника является препятствование личностям, вредным для общественной жизни, а также помощь тем, кто для нее полезен. Между тем, чиновник, взявший меня под надзор, когда я объяснял некоему находящемуся в дверях могилы старику, пришедшему ко мне в гости, одну прекрасную сторону веры, заключенную в словах:

لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ

словно он поймал меня с поличным – хотя не приходил ко мне длительное время, в тот момент, словно я совершаю какое-то правонарушение, пришел. Лишил той пользы того искренне слушавшего беднягу и разозлил меня. Между тем здесь в округе были некоторые люди, на которых он внимания не обращал. И после, когда они находились в аморальном виде, отравляющем общественную жизнь села, он принялся их одобрять и поддерживать.

И известно, что находящийся в тюрьме человек, совершающий даже сотню преступлений, может в любое время повидаться с надзирателями, будь то офицер или рядовой. Между тем в течение целого года два важных лица власти, такие, как начальник и ответственный за надзор, проходя мимо моего жилища, ни разу со мной не повидались и даже не спросили обо мне. Я сперва думал, что они не подходят из враждебности. Затем стало понятно, что из мнительности. Бегут от меня, будто я их проглочу. Так что, называть властью власть, в которой занимают посты такие люди, затем считать их некой инстанцией и обращаться к ним – неразумно, лишь попусту унижаться.

Если бы был «Старый Саид», то он, подобно Антере, сказал бы:

مَاءَ الْحَيَاةِ بِذَلَّةِ كَجَهَنَّمَ ❁ وَ جَهَنَّمَ بِالْعِزِّ فَخُرُّ مَنْزِلِي

«Старого Саида» нет, «Новый» же считает, что разговаривать с мирскими людьми бессмысленно. «Пусть их мир валится на их головы! Пусть делают что хотят! Будем с ними судиться на Великом Суде» – говорит и умолкает.

Восьмая причина, по которой я к ним не обращаюсь. По правилу «Итог недозволенной любви – безжалостная вражда» – Божественное предопределение, являющееся справедливым, наказывает меня несправедливыми руками мирских людей, к которым я, хотя они этого не достойны, имею склонность. Я же, говоря, что заслужил это наказание, молчу. Потому что, будучи на мировой войне командиром добровольческого полка, я два года прилагал усилия и сражался, жертвовал своими ценными учениками, заслужившими одобрения командующего армией и Анвара Паши. Затем получил ранение и попал в плен. Вернувшись из плена, я бросил себя в опасность и в оккупированном англичанами Стамбуле ударил по их головам таким своим произведением, как «Шесть шагов». Помог тем, кто сейчас взял меня в этот мучительный и беспричинный плен. И вот так эти мои друзья воздают мне за ту помощь: за три месяца они заставили меня перенести трудности и горести, которые я в русском плену перенес за три года.

Между тем, русские, хотя считали меня командиром курдских добровольцев, который безжалостно рубил казаков и пленных, но проводить уроки мне не запрещали. Эти уроки я давал для большей части из девяноста моих товарищей – пленных офицеров. Однажды пришел русский начальник. Послушал. Но, поскольку он не знал турецкого, то посчитал это политической лекцией и запретил

уроки. Затем, снова разрешил. И в той же казарме я приспособил одну комнату под мечеть и исполнял в ней обязанности имама. Ни разу они не вмешались, не запретили мне общение, не оборвали мои связи.

Между тем, эти мои друзья, которые будто являются моими земляками, единоверцами и людьми, для пользы веры которых я стараюсь, безо всяких причин и, зная, что я оборвал все связи с политикой и миром, взяли меня в плен не на три года, а уже на шесть лет. И, хотя у меня есть удостоверение, они запретили проводить уроки, даже мой частный урок в моем доме, и не дают мне вести переписку. И даже, хотя опять же у меня есть удостоверение, запретили мне ходить в мечеть, которую я сам восстановил и в которой четыре года был имамом. А сейчас, чтобы лишить меня и саваба за коллективный намаз, не дают мне быть имамом даже для трех моих близких братьев по Иному миру, являющихся моей постоянной общиной.

И когда кто-то, хотя я того не желаю, отзовется обо мне хорошо, чиновник, следящий за мной, ревниво злится. Говоря: «Я уничтожу его влияние», – предпринимает бессовестные действия и для того, чтобы получить поощрение своего начальства, беспокоит меня.

Так вот, кроме Всевышнего, к кому еще может обратиться человек в таком положении? Если судья сам является обвинителем, то, конечно, ему уже не пожалуешься. Давай, скажи сам, что тут можно поделать? Но, что бы ты ни говорил, я скажу: «Среди этих моих друзей есть много лицемеров. Лицемер страшнее неверующего. Поэтому они заставляют меня терпеть то, что не заставляли русские.»

О несчастные! Что я вам такого сделал и делаю?! Я служу ради спасения вашей веры и для вашего вечного счастья! Значит, мое служение не совершалось искренне, ради Аллаха, что результат вышел противоположным. В ответ на него вы при каждом удобном случае причиняете мне боль!.. Конечно, в Судный день мы с вами встретимся!.. Говорю лишь:

حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ ❁ نِعْمَ الْمَوْلَى وَنِعْمَ النَّصِيرُ

الْبَاقِي هُوَ الْبَاقِي

Саид Нурси

Дорогие мои, верные братья,

Для попавших в беду заключения и для тех, кто сочувственно и преданно следит за их пропитанием, поступающим извне и помогает им, я изложу в «Трех пунктах» одно действенное утешение:

Первый Пункт: Каждый день жизни, проведенный в тюрьме, может стать средством для того, чтобы заработать десять дней поклонения, и тленные часы – с точки зрения их плодов – превратить в вечные, по сути, часы. А также эти пять-десять лет наказания могут стать средством для спасения от миллионов лет вечного заточения. Итак, для верующих людей условием получения этой великой и ценной прибыли является исполнение обязательного (фарз) намаза, раскаяние в грехах, ставших причиной заключения, и благодарение Создателя в терпении. По существу, тюрьма является препятствием от многих грехов, она не оставляет им места.

Второй Пункт: Подобно тому, как исчезновение наслаждения является мучением, также и исчезновение мучения – наслаждение. Да, каждый, если подумает об ушедших наслаждениях, о радостных днях, то, почувствовав духовное страдание, вздохнет с сожалением и тоской, а если же вспомнит о прошедших горестных и мучительных днях, то почувствует духовное наслаждение от их исчезновения и скажет: «Слава Аллаху, та беда ушла, оставив свое вознаграждение», – и с легкостью переведет дыхание. Значит один час временного страдания оставляет в душе духовное наслаждение, а час наслаждения, наоборот, – оставляет страдание.

Поскольку истина такова, и поскольку прошедшие часы несчастья вместе со своими муками умерли и исчезли, а будущие дни беды сейчас не существуют, их нет, от того же, чего нет, нет и страданий, от несуществующего мучения не появляются.

Например, насколько будет глупо, из-за вероятности остаться через несколько дней голодным и испытывающим жажду, сегодня, думая об этом, беспрестанно есть хлеб и пить воду. Точно так же, прошедшие и будущие часы страданий – не существуют, их не стало и нет вообще. И теперь, думая о них, проявлять нетерпение, и забыв про свой полный недостаток нафс, словно жаловаться на Аллаха – охая и вздыхая – является такой же глупостью. Если не растратить свои силы терпения направо – налево, то есть на прошлое и будущее, а сосредоточить их на сей час и день, то их полностью хватит на все, тоска же уменьшится в десять раз.

Даже я (пусть не будет это воспринято как жалоба) в этом уже третьем по счету «Медресе Юсуфа (а. с.)» в течение нескольких дней находился в еще невиданной мной ранее материальной и духовной,

тоскливой и болезненной беде, и когда мои сердце и душу особенно давили тоска и отчаяние от расставания со служением Корану, милость Аллаха показала мне эту вышеупомянутую истину. И я обрел довольство от моих тоскливых болезней и заключения. Потому что, говоря: «Для такого, как я, бедняги, находящегося в дверях могилы, является большой выгодой сделать каждый час, который я мог бы провести в беспечности и рассеянности, десятью часами поклонения» – вознес хвалу Создателю.

Третий Пункт: Милосердно служа помогать заключенным и давать им, когда они нуждаются, пропитание, и смазывать их духовные раны бальзамом утешения, во всем этом есть великая прибыль, получаемая с малыми затратами. И еще – передавать им продукты, поступающие извне – тоже становится некой садака (милостыней), которая записывается ровно по количеству продуктов в книги деяний тех охранников и вместе с ними тех, кто трудится для этого на воле. Особенно в случае, если это касается несчастного старика или больного, или нищего, или чужестранца, тогда вознаграждение за эту духовную милостыню увеличивается во много раз.

Итак, условием получения этой ценной прибыли является исполнение обязательного (фарз) намаза, дабы та служба была ради Аллаха.

И еще одно условие – помогать искренне, с любовью и радостью, не требуя взамен благодарности.

Очень нуждающимися в истинном утешении, заложенном в Рисале-и Нур, являются заключенные. Особенно те, кто, получив удар молодости, проводят свою светлую и сладкую жизнь в тюрьме; они, как в хлебе, нуждаются в этих истинах.

Да, молодой нрав слушает чувства больше, чем разум. Чувства же и страсти – слепы, они не видят результатов. Предпочитают один грамм сиюминутного наслаждения пудовому удовольствию в будущем. За одну минуту наслаждения меккой этот нрав совершает убийство и восемьдесят тысяч часов испытывает муки заключения, или, обесчестив какую-либо несчастную, за один час распутного удовольствия тысячи дней переносит тоску тюрьмы и опасений мести врагов, отчего рушится счастье его жизни.

Подобно этому еще много опасностей подстерегают несчастных молодых, превращая их самый сладкий период жизни в самое горькое и огорчительное время. Особенно это касается огромного

государства на севере, которое сотрясает этот век бурями, погнавшись за молодыми страстями. Потому что для молодых, которые действуют, повинувшись невидящим результатам слепым чувствам, дает разрешение посягать на красивых дочерей и жен порядочных людей. Даже поощряет это распутство, позволив посещать бани мужчинам и женщинам вместе, в обнаженном виде. К тому же, разрешает бродягам и нищим посягать на имущество богатых. Так что все человечество дрожит перед этой бедой.

Итак, в такие времена молодым мусульманам мира и Турции необходимо, действуя героически, такими острыми мечами, как «Плоды веры» и «Путеводитель для молодежи» из Рисале-и Нур, противостоят этой опасности, нападающей с двух сторон. Иначе же этот несчастный юноша уничтожит и свое мирское будущее, и свою счастливую жизнь, и счастье Иного мира, и свою вечную жизнь, превратив их в наказание и муки. Из-за злоупотреблений и распутства он окажется в больницах, а из-за необузданности чувств будет брошен в тюрьмы. В старости же заплачет горькими слезами, вздыхая и сожалея.

Если же, получив воспитание от Корана, с истинами, о которых говорится в Рисале-и Нур, он сохранит себя, то станет настоящим молодым героем и совершенным человеком, счастливым мусульманином, а вместе с тем станет для других обладателем жизни, для всего живого неким правителем.

Да, если юноша, оказавшись в тюрьме, посвятит один единственный час своей каждодневной двадцатичетырехчасовой жизни пятикратному обязательному намазу, и поскольку стены тюрьмы являются препятствием для совершения большинства грехов, а также если он, раскаявшись в ошибках, ставших причиной этой беды, отстранится от других вредных и мучительных грехов, то принесет и для своей жизни, и для своего будущего, и для своей родины, и для своего народа, и для своих родных великую пользу. А вместе с тем, с помощью этих десяти-пятнадцати лет тленной молодости, заработает вечную светлую молодость, о чем, твердо свидетельствуя, дают радостную весть все небесные книги и свитки во главе с Кораном-Превосходно Повествующим.

Если со служением и повиновением быть благодарным Даровавшему эту сладкую и прекрасную молодость, то этот дар и увеличивается, и увековечивается, и становится более насладительным. Иначе же становится и бедственным, и мучительным, и горестным, и кошмарным, а затем уходит. И при

этом может сделать человека подобным проходимцу, несущему вред и родным, и родине, и народу.

Если же заключенный был лишен свободы несправедливо, то, с условием исполнения пятикратного обязательного намаза, также как каждый его час становится одним днем поклонения, та тюрьма становится для него некой уединенной отшельнической кельей, и он может считаться подобным тем благим людям, которые в старые времена уединялись для поклонения, уходя в пещеры.

Если же это нищий и старик, или больной, или нуждающийся в истинах веры человек, то, с условием исполнения обязательного поклонения (фарз) и с условием раскаяния, каждый его час станет двадцатью часами поклонения, тюрьма же станет для него местом отдыха, а для его друзей, с состраданием присматривающих за ним – местом дружбы, неким местом воспитания и некой школой. Находиться в этой тюрьме такому человеку может быть более приятно, чем тем свободным вне ее, которые запутались в проблемах, и со всех сторон подвергаются атакам грехов. В тюрьме он получает полное воспитание, а когда освободится, то выйдет не каким-нибудь убийцей, не жаждущим мести, а скорее выйдет раскаявшимся, испытанным, воспитанным и полезным для народа человеком. Даже некоторые из начальства тюрьмы города Денизли, увидевшие тех, кто в короткое время получил от Рисале-и Нур необыкновенные уроки прекрасного поведения, сказали:

«Чем бросать человека для перевоспитания в тюрьму на пятнадцать лет, лучше пусть он возьмет пятнадцатинедельный урок Рисале-и Нур, это исправит его лучше».

Поскольку смерть не умирает и время ее прихода сокрыто, она может прийти в любое время, и поскольку могила не закрывается, караван за караваном, все проходящие, входя туда, теряются из виду. И поскольку смерть для верующих превращается из вечной казни в документ об освобождении, что видно из истин Корана, и для заблудших и распутных она – некая вечная казнь, подобная тому, что происходит с ними внешне, некая вечная разлука со всеми любимыми, со всеми существами. То не остается никаких сомнений, что: «Самым счастливым является тот, кто в терпении благодарит и, полностью используя срок заключения, беря уроки «Света», старается в кругу поклонения служить вере и Корану».

О человек, охваченный удовольствиями и наслаждениями! Я в мои семьдесят пять лет через тысячи испытаний, доказательств и происшествий ясно понял, что:

Настоящее удовольствие и наслаждение, не содержащее мучений, и радость без примесей грусти, и счастье жизни находятся только в вере и в кругу истин веры. А в одном мирском наслаждении содержится множество мучений. Все равно, что накормив одной изюминкой, оно дает десять пощечин и похищает наслаждение жизни.

О несчастные, попавшие в беду заключения!.. Поскольку ваш мир плачет, и ваша жизнь огорчена, старайтесь, дабы также не заплакал ваш потусторонний мир. Дабы заулыбалась ваша вечная жизнь, дабы стала она сладкой, используйте это ваше заключение. Подобно тому, как иногда, в тяжелых условиях, под угрозой нападения врагов, один час нахождения в карауле может превратиться в целый год поклонения, точно также и каждый час тягот вашего поклонения в этих тяжелых условиях, став многими часами, превращает эти трудности в милость для вас.

* * *

Мои дорогие, преданные братья!

Вместо сочувствий я хочу выразить вам свои поздравления. Поскольку, согласно мудрости, Божественное предопределение отправило нас в это третье по счету медресе Юсуфа (а.с.), и выделило нам здесь часть нашего пропитания, то есть, само пропитание вызвало нас сюда; и поскольку, на основе нашего прошлого опыта нам известно, что Божественная милость удостоила нас постижения

смысла **عَسَىٰ أَنْ تَكْرَهُوا شَيْئًا وَهُوَ خَيْرٌ لَّكُمْ**; и поскольку, наши новые братья в этом медресе Юсуфа (а.с.) больше всех нуждаются в утешениях книг Рисале-и Нур, и сотрудники судебных органов имеют больше потребностей в его правилах и священных законах, чем остальные должностные лица; и поскольку, многие экземпляры Рисале-и Нур выполняют вместо вас ваши обязанности за пределами этого места; и поскольку, каждый мимолетный час здесь равносителен вечным часам в богослужении; то разумеется, исходя из перечисленных пунктов, мы должны в совершенном терпении, стойкости и радости выражать благодарность. Я снова отправлю вам все небольшие письма, которые писал в качестве утешения в тюрьму города Денизли. Ин шаа Аллах, эти истинные строки и вам дадут утешение.

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: я возношу бесконечную хвалу Аллаху за то, что появились герои из числа муфтиев, проповедников, имамов и ходжей ведь это те, кто на самом деле должен претендовать на Рисале-и Нур. До сих пор, посвятившими себя служению Рисале-и Нур были молодежь, учащиеся средних школ и учителя. Теперь же Эдхем, Ибрагим и Али Осман, да благословит их многократно Аллах, оправдали ожидания учащихся и преподавателей духовных школ, и их робость превратили в смелость.

Во-вторых: они не должны беспокоиться об этом случае, который произошел в связи с их беззаветной деятельностью и взволнованностью. Ибо в отношении своих последствий, Денизлинская тюрьма заставила поздравить тех, кто действовал по неосторожности. Великая духовная награда была приобретена за счет совсем незначительных трудностей. Ин шаа Аллах, это третье по счету медресе Юсуфа (а.с.) не будет отставать от второго.

В-третьих: поскольку, воздаяния возрастают пропорционально трудностям, мы должны выражать благодарность за эти суровые условия. Мы должны с искренностью стараться выполнять свое служение вере, что является нашей обязанностью, а в отношении их успехов и достижения благих результатов, нам не следует вмешиваться в дела Аллаха. Сказав: **خَيْرُ الْأُمُورِ أَحْمَرُهَا**, в этом месте страданий, мы обязаны безропотно выразить благодарность перед лицом наших трудностей. И должны понимать, что это признак приемлемости наших действий, и свидетельство того, что мы сдали экзамен нашей священной борьбы.

Я хочу обратиться к управляющему тюремной администрации с ходатайством, которое формально является неважным, но имеет большое значение для меня.

Проведя двадцать два года в полной изоляции, в свои семьдесят пять лет мой организм не может выдержать вакцинации. Кроме того, много лет тому назад мне даже сделали прививку, которая двадцать лет потом гноилась. Это было похоже на хроническое отравление. Об этом было известно двум врачам и моим друзьям в Эмирдаге. Кроме того, четыре года назад в Денизли они привили меня вместе со всеми другими заключенными. И хотя это не оказало ни на кого из

них вредного воздействия, меня заставила болеть в течение двадцати дней. Но благодаря божественной заботе я не оказался вынужденным обращаться в больницу, что стало бы рискованным для меня. Абсолютно несомненно то, что мой организм не принимает вакцины. Собственно говоря, этот мой предлог является существенным; и, будучи в возрасте семидесяти пяти лет в чрезвычайно слабом состоянии, я могу перенести лишь вакцину, предназначенную для десятилетнего ребенка. Мало того, поскольку я постоянно нахожусь в одиночной камере, у меня нет ни с кем контакта. К тому же, месяц назад губернатор послал двух врачей в Эмирдаг, чтобы они провели мое тщательное обследование. В результате они не смогли найти никаких следов инфекционных заболеваний, и кроме коликов в спине, а также моей слабости, старости и отчужденности, они ничего не обнаружили. Эти условия, разумеется, не обязывают меня по закону быть привитым.

У меня есть еще одна очень важная просьба к вам: не отправляйте меня в больницу. Не принуждайте меня попадать в ситуацию, которую я никогда не мог вынести в своей жизни, особенно за эти двадцать два года в одиночной камере, то есть, приставлять меня под контроль незнакомых мне санитаров. Честно говоря, в эти моменты мысль о пребывании в могиле казалась мне куда более приятной. Однако, на данный момент, ради тюремной администрации, чьей человечности я стал здесь свидетелем, и для утешения заключенных, я предпочел могиле эту тюрьму.

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: не расстраивайтесь жестокому обращению и вероломству, направленному на мою личность. Ибо они не могут найти недостатков в Рисале-и Нур, и вместо этого они занимаются моей незначительной и имеющей недостатки личностью. Но я рад этому. И даже если ради его благополучия и чести, я тысячекратно подвергнусь личным страданиям, несчастьям и оскорблениям, то полученные от Рисале-и Нур уроки, снова обязуют меня с гордостью выразить благодарность. Так что в этом отношении не стоит меня жалеть.

Во-вторых: на сегодняшний день широко распространенные жестокие и беспощадные атаки ослабли в двадцать раз. Вместо тысячи преданных учеников Рисале-и Нур и сотни тысяч имеющих к нему отношения людей, они собрали только несколько новых

братьев. Стало быть, с помощью Божественной опеки, это обошлось нам очень незначительно.

В-третьих: с помощью Божественной благосклонности, бывший губернатор провинции, который в течение двух лет устраивал заговор против нас, был уволен; и есть большая вероятность того, что министр внутренних дел, чьи подозрения о нас были чрезмерными, ослабил эти суровые нападки вследствие землячества и его принадлежности к очень религиозному роду. Поэтому не расстраивайтесь и не беспокойтесь.

В-четвертых: многочисленная практика и обстоятельства в убедительной форме показали, что когда «плачет» Рисале-и Нур, то либо содрогается земля, либо проливают слезы небеса. И как мы неоднократно видели это своими глазами и частично доказывали в суде, беспрецедентная улыбчивость в начале зимы, подобно лету, совпадала с некой улыбкой множительного аппарата и публикации Рисале-и Нур под завесой скрытого; а затем, его плач, все это приостановилось из-за повсеместных обысков и изъятий, совпадал с внезапно сильной яростью и плачем зимы. Это очевидный знак того, что Рисале-и Нур в этом веке является блестящим и великим чудом Коранических истин, и что Земля и вселенная связаны с ним.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Сегодня, мне вдруг пришло на память, чтобы я вместо выражения сочувствия поздравил тех, кто согласно Божественному предопределению оказался в этом медресе в связи с делом Рисале-и Нур. Потому что каждый из вас взваливает на плечи обязанности, которые возможно выполнить за двадцать-тридцать, а то и сто лет служения вере, усилиями тысячи невинных братьев, чтобы избавить их таким образом от трудностей. И в условиях продолжающегося служения вере, каждый из них в течение короткого времени выполняет огромную службу, а некоторые из них за десять лет выполняют столетнюю работу. К тому же, они становятся участниками тяжелой борьбы и испытания этого нового медресе Юсуфа (а.с.), чтобы удостоиться его значимых и ценных результатов. Они также встречаются с преданными и искренними братьями, с которыми без труда желали бы увидеться, и получают друг от друга приятные уроки. *Поскольку спокойные времена в этом*

мире непродолжительны и проходят впустую, разумеется, людей, которые вследствие небольших затруднений достигают больших успехов, следует поздравить.

Мои братья! Эти широко распространенные нападки врагов направлены против достижений Рисале-и Нур. Но они поняли, что чем больше Рисале-и Нур подвергается атакам, тем ярче он светит, а круг читателей, расширяясь, приобретает большее значение и становится непобедимым. Но, только он действует под завесой

سِرِّاتِنَوْرَت. По этой причине они изменили свою тактику и больше не атакуют открыто Рисале-и Нур. И поскольку мы находимся под Божественной опекой, разумеется, мы в совершенном терпении должны выразить благодарность.

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Возникла необходимость объяснить вам два моих странных и тонких состояния.

Первое: когда, находясь в одиночной камере, я не мог встретиться с такими, как вы, моими братьями, которых я люблю больше своей жизни, мне в сердце было низведено, что это является Божественной милостью и обстоятельством моего благополучия. Поскольку, многие из наших братьев, которые тратили пятьдесят лир для того, чтобы увидеть меня в Эмирдаге в течение пяти-десяти минут, некоторые в течение десяти минут, а некоторые возвращались, вовсе не увидевшись со мной, под этим предлогом бросили бы себя в это медресе Юсуфа (а.с.). Если, даже мое ограниченное время и состояние души, возникшее от моего уединения, предоставили бы мне возможность сполна пообщаться с теми преданными друзьями, то служение Рисале-и Нур не позволило бы мне этого сделать.

Во-вторых: однажды, участники войны, увидели одного известного ученого сразу на нескольких фронтах и сказали ему об этом. А он ответил: «Это делают вместо меня некоторые святые в моем облике, чтобы дать возможность мне обрести награду, а верующим воспользоваться моими уроками.» Точно так же в Денизли было официально объявлено, что меня видели в тамошних мечетях, о чем управляющий и надзиратели тюрьмы были проинформированы. Некоторые из них встревоженно вопрошали: «Кто открывает ему двери тюрьмы?» То же самое произошло и здесь. Но вместо

приписываемого незначительного чуда моей несовершенной и маловажной личности, собрание «Печать Сокровенного Подтверждения» доказывает и демонстрирует чудеса Рисале-и Нур, завоевав тем самым в сто, или даже в тысячу раз большее доверие к Рисале-и Нур, заверив своей подписью его признание. И особенно, героические ученики Рисале-и Нур ставят своими блестящими подвигами и перьями под ним подписи.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Не беспокойтесь обо мне, я рад и счастлив находиться вместе с вами в том же здании.

Сейчас наша задача состоит в том, чтобы отправить один экземпляр моей защитительной речи в Испарту. И если возможно, то по необходимости сделайте двадцать копий новыми и старыми буквами при помощи копировального аппарата. Она должна быть показана даже тамошнему общественному обвинителю. Также одну ее копию следует вручить лично нашему адвокату, а другой его экземпляр предоставить начальнику тюрьмы, с тем, чтобы тот передал его нашему защитнику. Следует также передать то же самое в правительственный отдел Анкары, как было отправлено в Денизли. И по возможности, следует подготовить пять копий для отправки в Анкару. Потому что изъятые копии Рисале-и Нур в старой письменности, которые были отправлены в те департаменты, и, в частности, в Управление по делам религии, прибыли сюда. Кроме того, скажите нашему адвокату, Ахмед бею, чтобы при копировании защитительной речи на аппарате, он обращал особое внимание на его правильность. Ибо, мой стиль выражения не похож на чей-либо другой. Допущенная хотя бы в одной букве, или даже точке, ошибка меняет суть содержания излагаемого и искажает смысл. К тому же, если вам не дают разрешение на использование двух пишущих машинок, которые были отправлены сюда, то верните их обратно.

Не тревожьтесь и не отчаивайтесь. По тайне **لَنْ مَعَ الْعُسْرِ يُسْرًا** Ин шаа Аллах, Божественная милость быстро подоспеет нам на помощь.

Мои дорогие, преданные братья!

Рисале-и Нур, встречается с вами вместо меня и прекрасно учит знаниям новых братьев, желающих послушать его уроки. Многочисленная практика доказала нам, что чтение *Рисале-и Нур*, его изучение, либо же переписывание и другие подобные занятия, дают сердцу простор, душе легкость, телу здоровье, а пропитание делают обильным. Ныне, вам был дарован такой герой Рисале-и Нур, как Хусрев. Ин шаа Аллах, это медресе Юсуфа (а.с.) станет частью Медресету-Зехра, благословенным местом уроков. До сих пор, я прятал и не показывал Хусреву мирским людям. Однако, изданные собрания показали его политикам полностью; ничего секретного не осталось. Поэтому, близким братьям я описал две три стороны его служения. К тому же, я и он, больше не скрываем этого, и более того будем по необходимости излагать те истины. Однако, сейчас перед нами, среди тех, кто может слушать истину, появились два ужасно упрямых человека. Один из них, безбожник, действует в Эмирдаге посредством атеизма и коммунизма, а другой здесь. Они с особой хитростью пытаются вызвать тревогу у чиновников, и с клеветой обратить их против нас. Следовательно, в настоящее время нам надо действовать с большой осторожностью и не бояться, а так же выждать, надеясь на Божественную помощь.

О мои товарищи по заключению и братья по вере!

Для вас моему сердцу было напомнено об одной истине, которая может спасти вас от наказания и в этом мире, и на том свете. Эта истина такова:

Например, человек убил чужого брата или родственника. Убийство вместе с одной минутой наслаждения местию дает миллионы минут душевных томлений и наказания лишением свободы. Так же и родственники убитого, с беспокойством помышляя о мести и о том, что у них есть враги, лишаются удовольствия жизни, перенося наказание гневом и страхом. Из этого есть лишь один выход: согласие и примирение, которые повелевает Коран, а также требуют и поощряют основы истины, справедливости, благополучия, человечности и, наконец, Ислам.

Да, истина и благополучие – в примирении. Поскольку смерть одна, и она не откладывается, в любом случае тот убитый, поскольку его время пришло, больше не мог бы оставаться на этом свете. Тот убийца же по Божественному предопределению стал неким орудием.

Если примирения не произойдет, обе стороны постоянно будут нести наказание в виде страха и жажды мести. Поэтому Ислам повелевает: *«Верующий не должен держать обиду на другого верующего более трех дней»*. Если же это убийство произошло не от враждебности и злобной неприязни, а стало следствием коварства лицемера, то необходимо примириться как можно быстрее, иначе эта беда станет большой и продолжительной.

Если же они примирятся и убивший раскаявшись будет постоянно молиться за убитого, то каждая из двух сторон многое обретет, и они станут братьями друг другу. Вместо одного ушедшего брата получают нескольких братьев по вере. Смирившись с судьбой и Божественным предопределением, простят своего врага. И особенно, если они слушали уроки «Рисале-и Нур», то, конечно же знают, что мир, общественное и личное спокойствие и братство в кругу света требуют оставить все обиды между ними.

Подобно тому, как в тюрьме г. Денизли все заключенные, которые были друг другу врагами, слушая уроки «Рисале-и Нур», стали братьями, что послужило одной из причин нашего оправдания; и даже неверующие, глядя на них, удивлялись, говоря: «Машааллах, Баракаллах!». А заключенные свободно вздохнули.

Я здесь увидел, что из-за одного человека сотни людей, испытывая трудности, не выходят вместе на прогулку, что является своего рода насилием над ними. Благородный и совестливый верующий из-за какой-нибудь мелкой оплошности или ради некой выгоды не станет вредить сотне верующих людей. Если же совершит ошибку и нанесет им вред, то ему необходимо быстро раскаяться.

* * *

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Всех вас вместе с собою и Рисале-и Нур я поздравляю и даю вам благую весть о Хусреве, Хыфзи и Бартынлы Сейиде. Да, те, кто отправился в паломничество в этом году знают, что выдающиеся ученые Мекки перевели основные коллекции Рисале-и Нур на арабский и индийский языки и пытались опубликовать их. Также, они получили такое признание и в Медине, что были помещены над благословенной могилой Пророка (мир ему и благословение) в Равзаи Мутаххара. Хаджи Сейид видел своими глазами Посох Мусы на могиле Пророка (мир ему и благословение). Это означает, что он стал приемлемым Пророком (мир ему и благословение) и

вошел в круг его довольствия (мирему). Как мы уже делали намерение и говорили тем, кто отправлялся отсюда совершить хадж, Рисале-и Нур, вместо нас посетил те благословенные места. Бесконечная хвала Аллаху, один из многих преимуществ публикации этих коллекций героями Рисале-и Нур в исправленном виде, является то, что они избавили меня от работы по их исправлению и от беспокойства; и с точки зрения формирования этих копий, как источники для других переписываний от руки, они стали как сотни «корректоров». Пусть Милосердный Аллах запишет в книгах записей их добрых дел, тысячу воздаяний за каждую букву страниц тех коллекций. Аминь. Аминь. Аминь.

Один благоприятный сон, который дал нам радостную весть и оказался явью

Али, который помогает мне в служении, пришел ко мне и сказал: «Мне приснился сон, в котором вы и Хусрев поцеловали руку Пророка Мухаммада (мир ему и благословение)». Тогда я получил письмо, в котором говорилось, что паломники видели сборник Посоха Мусы, написанный почерком Хусрева, над могилой Пророка (мир ему и благословение). То есть, по сути вместо меня «Посох Мусы» поцеловал руку Пророка (мир ему и благословение) с помощью пера Хусрева, и удостоился довольства Пророка (мир ему и благословение).

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья и товарищи по заключению!

Во-первых: не волнуйтесь, что мы не смогли встретиться лично. Духовно мы постоянно вместе. *И вместо моей маловажной личности, какую бы из книг Рисале-и Нур вы бы не взяли почитать или послушать, вы увидите меня в ней в качестве слуги Корана, и сможете беседовать со мной.* Я же, в свою очередь, мысленно встречаюсь с вами во всех своих молитвах, в ваших работах и благодаря вашей сердечной связи, будто бы мы находимся все время в одном кругу и встречаемся вместе.

Во-вторых: новым ученикам Рисале-и Нур, в этом новом медресе Юсуфа (а.с.), мы говорим: согласно твердым подтверждениям

Корана, которые вынудили признать даже экспертную комиссию, «Верный ученик Рисале-и Нур войдет в могилу с верой. И через проявление участия в делах духовных, в зависимости от степени, каждый ученик получает долю от духовных достижений и молитв всех своих братьев. Словно тысячами языков стремится к Божественному прощению и поклонению». Эти две прибыли и результаты сводят на нет все трудности и лишения этого необыкновенного времени; с учетом верности покупателей, за небольшую плату дает им те две высокие прибыли.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Защитительная речь Афьона содержит важные истины, касающиеся и нас, и Рисале-и Нур, а также этой страны и всего Исламского мира.

Вероятно, будет необходимым подготовить новой письменностью пять-десять его копий, чтобы таким образом она была направлена в правительственные ведомства в Анкаре. Освободят ли они нас или накажут, уже не имеет никакого значения. Наша задача сейчас заключается в информировании правительства, судебных властей и народа о содержании истин в защитительной речи. Возможно, это была одна из причин Божественного предопределения, которая привела нас в это медресе. Они как можно быстрее должны переписать ее на пишущей машинке. Даже если бы они освободили нас сегодня, мы по-прежнему обязаны были отправить ее в Анкару. И пусть они обманом не вынудят вас отложить это. Хватит уже! Это будет нашей последней защитой на одно и тоже обвинение, из-за которого мы уже три раза за пятнадцать лет были подвержены угнетениям и неслыханным мучениям. Поскольку, предыдущие суды согласно закону дали нам пишущую машинку, чтобы мы могли защитить себя, здесь они не могут привести ни одного закона для лишения нас этого права. Если вы не нашли официального решения, то наш адвокат, прежде всего должен переписать пять экземпляров на пишущей машинке, и уделить большое внимание правильности их написания.

Саид Нурси

Дорогие мои новые братья и старые узники!

Я твердо убежден, что согласно Божественной милости одной из причин нашего заточения сюда стали вы. То есть, Рисале-и Нур вместе с утешениями и истинами веры спасает вас от тоски тюремных несчастий и от большого ущерба в этом мире, и от бесполезности жизни, попусту уходящей в горести и тоске, дабы она не исчезла безрезультатно, и дабы не заплакала ваша вечная жизнь, подобно плачу этой жизни, давая вам полное успокоение.

Поскольку истина такова, то конечно, и вы, подобно узникам Денизлинской тюрьмы и ученикам Рисале-и Нур, должны стать друг другу братьями. Вы видите: для того, чтобы никто из вас не ударил другого ножом и чтобы вы не нападали друг на друга, проверяются все поступающие к вам извне вещи и продукты, ваш хлеб и похлебка. Преданно служащая вам охрана испытывает множество затруднений. Вы даже на прогулку не выходите вместе, чтобы не наброситься друг на друга, словно хищники, или дикари. Итак, теперь это ваши новые братья, имеющие врожденный героизм, подобный вашему; а в таком случае, с великим духовным героизмом, скажите администрации: «Если нам в руки попадет не только нож, а даже маузер с револьвером, и даже если нам будет приказано, мы и тогда не тронем наших братьев. Пусть даже раньше между нами была стократная вражда и ненависть мы им прощаем все это, и для того, чтобы уважать их и впредь, решаем стать на путь истины, как того повелевает Коран и вера, исламское братство и наши принципы», и с этими словами превратите эту тюрьму в благословенное медресе.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Подобно тому, как каждая группа мирских людей, занимаясь политикой, искусством, или некоторыми обязанностями или задачами, связанными с жизнью общества, или с каким-либо особым видом торговой деятельности, собирается на своего рода конгрессах для обсуждения своей работы, так же и ученики Рисале-Нур, которые занимаются в священном служении истинами веры, собрались на конгресс этого медресе Юсуфа (а.с.), согласно воле и предопределению Божественной милости. Ин шаа Аллах, впоследствии им будет даровано немало ценных, полезных и значительных результатов, и если ученики в отдельности имеют

значимость, равносильную «единице», подобно «алифу», но, становясь плечом к плечу с тремя другими алифами, они обретут значение тысяча ста одиннадцати, а в результате этого сближения их цена, Ин шаа Аллах, их священное служение и вознаграждения, возрастут в тысячу раз; и тот один Алиф станет тысячью.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Причина заколачивания моих окон сегодня, заключалась в обсуждениях дел и в обмене приветствиями с заключенными. Хотя внешне, они продемонстрировали совсем другой предлог. Но вы совсем не беспокойтесь. Напротив, поскольку они заняты моей маловажной персоной и не создают особых проблем Рисале-и Нур и его ученикам, я серьезно и искренне этому рад, так как они своим вероломством и пытками, вместо вас, причиняют мучения только моей личности, и в некоторой степени не вмешиваются в дела Рисале-и Нур, поэтому я терпеливо выражаю благодарность и не беспокоюсь. Вы тоже не должны расстраиваться из-за этого. Я убежден в том, что наши скрытые враги, привлекая внимание чиновников к моей персоне, оказывают большую услугу для благополучия Рисале-и Нур и его учеников. Некоторые из наших братьев не должны раздражительно дерзить друг другу. Они должны действовать осмотрительно и не тревожиться. Кроме того, они не должны говорить о данном вопросе со всеми. Ибо есть шпионы, которые придают неправильные значения тому, что говорят наши наивные братья и те, кто еще не привык быть осторожным. Они могут сделать много шума из ничего и уведомить об этом. Сейчас у нас нешуточная ситуация. Но, тем не менее, не беспокойтесь. *Мы находимся под божественной защитой, и мы полны решимости преодолеть все трудности с совершенным терпением, а скорее, даже с благодарностью. За малые трудности, которые приносят нам обильную милость и награды, мы обязаны выразить благодарность.*

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

На основании двух причин и истины, низведенной мне в сердце, я вынужден передать долг по защите прав находящимся здесь и будущим надежным ученикам Рисале-и Нур. Особенно Х. Р. Т. Ф. С.*

Первая причина: в ходе допросов в следственном отделе, и еще по многим другим признакам я твердо понял, что они пытаются создать для меня как можно больше трудностей и помешать мне одержать идейную победу. На что они получили официальное распоряжение. Под различными предложениями они не давали мне возможности выступить, как будто, если я начну говорить, то одержу победу в споре над дипломатами силой своих политических и научных доводов. Даже как-то во время допроса, на один из вопросов я ответил: «Не могу вспомнить». В изумлении судья произнес: «Как может человек с вашими незаурядными умственными способностями что-то забыть?» Они посчитали исключительные качества и научные открытия в Рисале-и Нур, результатом моих мыслей, и поэтому испугались. Они не дают мне возможности говорить. Кроме того, они считают, что любой, кто встречается со мной сразу же становится преданным учеником Рисале-и Нур. Поэтому, они не позволяют мне ни с кем встречаться. Начальник Управления по делам религии даже сказал: *«Тот, кто встречается с ним, сразу же попадает под его влияние; он обладает притягательной силой».*

Значит, ситуация требует, чтобы я передал все свои дела вам. Мои старые и новые защитительные речи, имеющиеся у вас, вместо меня, примут участие в ваших совещаниях. Этого будет достаточным.

Вторая причина: осталась на другое время. Тем не менее, краткое указание его духовного предупреждения, таково: моя самая высшая обязанность касательно Иного мира и состояние души, которые в течение двадцати пяти лет заставили меня отказаться от политики, газет и других мимолетных вещей, решительно мешают мне заниматься этим вопросом более детально. Вы сможете справиться с этой моей обязанностью, совещаясь время от времени с вашими адвокатами.

Мои дорогие, преданные братья!

Когда я совершал молитву, мое сердце озарила одна истина: из-за чрезмерно положительного мнения о тебе, твои братья ждут от тебя материальной и духовной поддержки, уроков и благосклонности.

* Хусрев, Рефет, Тахири, Фейзи, Сабри.

Раз ты в мирских делах назначил специально поверенных учеников, оставляя их на долю совета преданных братьев, так и дела, связанные с Иным миром и Кораном, верой и знаниями, тебе следует возложить на коллективную личность учеников Рисале-и Нур; эта коллективная личность искренних и преданных братьев, наряду со своими обязанностями, выполнит эту обязанность гораздо более совершеннее тебя. Кроме того, они всегда и поныне делают эту работу. Например, если встретившийся с тобой человек получит всего лишь один мимолетный, незначительный урок и маленький совет, то от одной части Рисале-и Нур он сможет получить урока в сто раз больше и лучше. Он также может получить от него наставление и общение, взамен твоего. К тому же, преданные ученики Рисале-и Нур все время выполняют эту обязанность. Ин шаа Аллах, их коллективная личность, со своей крайне возвышенной степенью и приемлемыми молитвами, является неизменным, действующим Устадом и помощником, что стало для моей души утешением, спокойствием и благой вестью.

Мои дорогие, преданные братья!

Случай с двумя небольшими хлопками, в течение этих двух дней, произошедшие без какой-либо видимой причины и удивительным образом, совсем не походят на случайность.

Во-первых: чугунная печь в моей камере, вдруг, как револьвер, издала громкий хлопок, и его толстая, железная нижняя часть, подобно бомбе разорвалась на две части. Портной Хамди был напуган, а мы же остались в изумлении. И это несмотря на то, что она этой зимой, неоднократно раскаляясь углем докрасна, выдерживала давления.

Во-вторых: на второй день в камере Фейзи, безо всякой причины стакан, который стоял на кувшине с водой, вдруг необычным образом раскололся на куски. Мне вдруг вспомнилось: наши экземпляры защитительных выступлений взорвали уготовленные против нас страшные бомбы в Анкаре, которые были отправлены туда в шесть департаментов правительства, но, не причиняя нам вреда, Ин шаа Аллах, разорвала этим расколенную и сердитую на нас печь на две части. Возможно также, что это необыкновенная печь, которая была моим единственным и очень полезным спутником, слушая мои печали и мольбы, дала мне таким образом весть: «Скоро вы выйдете из этого темного подземелья, и во мне больше не останется нужды...»

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Сегодня, вследствие одного духовного напоминания, я испытал за вас беспокойство и тоску. В тот момент, когда я действительно почувствовал волнение и тревогу за тех из моих братьев, которые, заботясь о своих насущных проблемах, захотели поскорее выйти на волю, мне в сердце, вместе с истиной и благой вестью, пришла одна блаженная мысль: ведь через пять дней начнутся три почтенных месяца, которые в высшей степени благословенны и являются прибыльным поклонением. *Ибо, если в другое время награда за одно доброе дело равна десяти, то в месяц Раджаб воздаяния возрастают до ста и более, в Шаабан их становится больше трехсот, и в Рамадан их количество достигает тысячи, а по пятницам в месяц Рамадан те же воздаяния даются тысячами и в Ночь Могущества могут достичь тридцати тысяч.* Разумеется, очень выгодно провести эти три месяца, которые увеличивают прибыль в десять раз, и являются священным рынком для торговли, в великой степени приносящими пользу в делах потустороннего мира, и исключительной выставкой для людей истины и поклонения, чем обеспечивают верующим результаты восьмидесятилетней жизни в этом медресе Юсуфа (а.с.). Какими бы ни были трудности, это исключительная милость. Подобно тому, как это существенно для нашего поклонения, так же по отношению к служению Рисале-и Нур не в качественном, а в количественном соотношении, ее прибыль возрастает в пять раз. Потому что входящие и выходящие из этой гостиницы люди становятся средством распространения уроков Рисале-и Нур. А иногда искренность одного человека дает пользу равную искренности двадцати человек. И при этом, согласно тайне искренности Рисале-и Нур, не имеют никакого значения малые трудности и страдания в связи с распространением истин этих книг среди несчастных заключенных, которые склонны к политическому героизму и нуждаются в утешениях Рисале-и Нур. И что касается средств к существованию, то поскольку эти три месяца являются рынком для будущей жизни, и каждый из вас направлен в эту тюрьму вместо многочисленных других учеников Рисале-и Нур, а некоторые из вас вместо тысячи, то разумеется, эти братья помогут в ваших делах снаружи, отчего я почувствовал себя совершенно облегченно и понял, что находиться здесь до самого наступления праздника будет большим благом.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: от всего сердца поздравляю вас с наступлением месяца Раджаб и с завтрашней святой ночью Регаиб.

Во-вторых: не теряйте надежд, а еще, не волнуйтесь и не переживайте. Ин шаа Аллах, Божественное благоволение придет к нам на помощь. Готовящаяся последние три месяца бомба, взорвалась. Весть, которую дали моя печь, стакан Фейзи и две питьевые чашки Хусрева, оказалась верной. Но этот взрыв не был таким уж страшным; все легко обошлось. Ин шаа Аллах, тот огонь будет полностью потушен. Все их нападки являются дискриминацией моей личности и ограничением завоеваний Рисале-и Нур. Посредством еретика «полу-ходжи» они пытались нанести нам сильный удар, вместе с человеком, который намного вредоноснее известного лицемера в Эмирдаге, и простой пешки в руках тайных безбожников, но этот вред сократился в двадцать раз. Ин шаа Аллах, он больше не нанесет нам ранений, а их планы и намерения, нацеленные на отпугивание нас друг от друга и от Рисале-и Нур, останутся безрезультатными. Очень важно, из уважения к этим благословенным месяцам, быть уверенным в том, что они нам дают заработать обильную награду, а также, покоряясь правилу **مَنْ آمَنَ بِالْقَدْرِ آمِنَ مِنَ الْكَدْرِ** в терпении выражать благодарность и уповать на Божью милость.

Саид Нурси

ОДНО ЗАЯВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА, МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦИИ И ВНУТРЕННИХ ДЕЛ *

Все члены правительства, которые пережили Провозглашение Конституции, Первую мировую войну, годы перемирия, создание националистического правительства и образование Республики, хорошо меня знают. Тем не менее, с вашего позволения, все вместе рассмотрим, как на киноплёнке, каждый аспект из моей жизни.

* Эта часть была написана адвокатами нашего Устада, с его разрешения, когда он содержался в Афонской тюрьме, и была направлена в упомянутые министерства. *Сунгур*

Я родился в деревне Нурс, в провинции Битлис. Еще будучи учеником я с Божьей помощью побеждал в научных диспутах всех ученых, которые встречались мне на пути следования в Стамбул. И в Стамбуле, получив губящую славу, я продолжал участвовать в дискуссиях; затем, вследствие провокации моих соперников, по приказу султана Абдулхамида я попал в приют для душевнобольных. А после провозглашения конституции, своей деятельностью в инциденте тридцать первого марта, я привлек к себе внимание правительства Комитета Единения и Прогресса. К ним я обратился с предложением об открытии Исламского университета в Ване, под названием Медресетуз-Зехра, наподобие университета аль-Азхар. И даже заложил его фундамент. Но, когда началась Первая мировая война, я собрал своих учеников и принял участие в войне в качестве командира ополчения. Воевал на Кавказском фронте, и в Битлисе был взят в плен. После побега из плена я вернулся в Стамбул, и был назначен членом Даруль-хикметиль-Исламие. Во время перемирия, я изо всех сил работал против оккупационных сил, а после победы национального совета, в знак признательности меня вызвали в Анкару, где я снова повторил свое предложение об открытии университета в Ване.

Жизнь, которую я провел до этого момента, была наполнена патриотизмом. Я хотел служить религии посредством политики. Однако, с тех пор, я полностью повернулся спиной к миру, и похоронил названного мною Старого Саида. Как Новый Саид, всецело посвятив себя Иному миру, я отказался от этого мира. Отходя от общественной жизни, я уединился на горе Юша Тепеси в Стамбуле. После чего, я отправился в Битлис и Ван, на свою родину, где поселился в пещере. Я остался там наедине с удовольствиями моей души и совести. То

есть, взяв себе в принцип **أَعُوذُ بِاللَّهِ مِنَ الشَّيْطَانِ وَالسَّيِّئَةِ**, я погрузился в глубины своего собственного духовного мира. Проводя время в изучении Корана, я начал жить, как «Новый Саид». Но проявление Божественного предопределения отправило меня как ссыльного в другие места. В это время, в результате вдохновения, родившегося в моем сердце от сияния Корана, появился целый ряд трактатов, которые были записаны находящимися рядом со мной братьями. Я дал им название Рисале-и Нур. В действительности, это название родилось в моей совести, основываясь на свете Корана. Я абсолютно уверен, что это было Божественным вдохновением, и тем, кто выступал в качестве переписчиков, я сказал: «*Баракаллах!*» Ибо, невозможно оградить от других свет веры. Целая группа

верующих переписыванием создавала копии моих трактатов. У меня сложилось мнение, что они были Божественным зовом в целях укрепления сломленной веры мусульман. И понял следующее: как ни один верующий не может воспрепятствовать этому Божественному зову, так же и поощрять к нему; я посчитал своей религиозной обязанностью. Во всяком случае эти трактаты, которые в настоящее время насчитывают сто тридцать наименований, целиком разбирают вопросы будущей жизни и веры, и не содержат преднамеренных упоминаний о политике и делах этого мира. Но, тем не менее, они стали объектом интереса ряда оппортунистов. После проведенных исследований я был арестован и отправлен в тюрьмы Эскишехир, Кастамону и Денизли, где были проведены судебные разбирательства. В результате проявилась истина, и справедливость нашла свое применение. Но эти оппортунисты не прекращали своих интриг. На этот раз меня арестовали и отправили в город Афьон. Теперь я нахожусь под арестом, и подвергаюсь допросам. Они обвиняют меня в следующем:

1. Основание политического общества.
2. Публикация идей, несоответствующих нормам государственного режима.
3. Преследование политических целей.

Поводом и мотивом этому послужили десять-пятнадцать предложений в двух-трех моих трактатах. Уважаемый министр! Как говорил Наполеон: *«Напиши мне одно недвусмысленное предложение, и я этим казню тебя»*. Существует ли произнесенное человеком такое предложение, которое не будет иметь сходных по смыслу выражений, квалифицирующее собой состав преступления. И особенно труды такого, как я, достигшего семидесятипятилетнего возраста, полностью отошедшего от жизни этого мира, и посвятившего свое внимание Иному миру, безусловно, будут свободны от судебных преследований. Их ничто не страшит, поскольку они были написаны с добрыми намерениями. Несправедливо изучать их для того, чтобы обнаружить в них признаки преступления. Это не что иное, как несправедливость. Следовательно, ни один из моих ста тридцати трактатов не содержит целей причастных к вопросам этого мира. Все они, исходя из света Корана, связаны только с загробной жизнью и верой. Таким образом, все проведенные до сих пор судебные разбирательства пришли к такому же выводу и вынесли оправдательные приговоры. Поэтому, будет предосудительным без необходимости занимать от имени страны и нации судебные залы заседаний и отвлекать ни в чем

не повинных верующих от их работ и занятий. И как может Новый Саид утопить себя в политике, будучи в семидесятипятилетнем возрасте полностью отошедшим от всего мира, в то время, когда Старый Саид провел всю свою жизнь ради счастья своей страны и народа? И вы тоже придерживаетесь этого мнения.

У меня есть только одна цель:

Во время своего приближения к могиле, я слышу уханье большевистской совы в этой стране, на мусульманской земле. Этот звук вредит основам веры исламского мира. Он лишает людей веры, и особенно молодежь, привязывая их к себе. Я призываю молодежь и всех мусульман к вере, борясь всеми силами против этих неверующих масс. И с этой борьбой я хочу отправиться в Божественное присутствие. Это все, ради чего я стараюсь. А что касается тех, кто мешают мне в этом деле, то я боюсь, что они могут оказаться коммунистами! Ведь, для меня является священной целью сотрудничать с силами религии, которые приняли борьбу с этими врагами веры. Дайте мне свободу! Предоставьте мне возможность работать по перевоспитанию молодежи, отравленной коммунизмом! Позвольте мне ради веры этой страны служить божественному единству!

Заклученный
Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Самое эффективное средство этого времени, особенно для попавших в беду людей, и главным образом, против томлений и безнадежностей учеников Рисале-и Нур, это умение утешать, радовать и морально укреплять друг друга, а также проливая бальзам на горести и страдания истинных и преданных братьев, с настоящим состраданием успокаивать их опечаленные сердца. Истинное братство Иного мира не претерпит между нами обид и пристрастного сторонничества. Поскольку, я полностью доверился вам, и решил пожертвовать ради вас не только своим счастьем, самоуважением и честью, а скорее, даже и своей жизнью, о чем вы в действительности знаете, а возможно и видите это. Вдобавок, я клятвенно заверяю, что вследствие мучений этих последних восьми дней по поводу пустякового инцидента двух главенствующих учеников Рисале-и Нур, из-за своенравного огорчения друг друга,

вместо утешения и поддержки, мою душу и сердце беспокоили плачь и причитание: *«Аль-аман, Аль-аман! Йа Архамуррахимин медет! Сохрани и спаси нас от зла сатаны из числа джиннов и людей. Наполни сердца моих братьев верностью, любовью, милосердием и братскими чувствами друг к другу!»*

О крепкие, как сталь, мои братья! Помогите мне в этом деле. Ведь наше положение крайне чувствительно. Я в такой степени положился на вас, что переложил на вашу коллективную личность все свои обязанности. Поэтому с вашей стороны, вам необходимо устремиться ко мне на помощь. Хотя, этот инцидент был пустяковым, мимолетным и незначительным, но даже один волосок или соринка, попадая в механизм наших часов или же в зрачок нашего глаза может причинить значительную боль. И этот вопрос очень важен, ведь с тремя материальными хлопками и тремя духовными наблюдениями оказалась верной.

Саид Нурси

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Случаи с разрыванием на части моей печи и двух стаканов Фейзи, Сабри и Хусрева, предсказали страшное бедствие. Очень важно сейчас практиковать между нами подлинную солидарность и оставлять без внимания недостатки друг друга, что является нашей самой мощной точкой опоры, и еще никогда не обижаться на такого героя Рисале-и Нур, как Хусрев, так как он занимает свое особое место и является важным представителем коллективной личности Рисале-и Нур. Последние несколько дней я чувствовал страшное бедствие и отчаяние, что в тревоге сказал себе: «Наши враги нашли способ одержать над нами верх.» Моя печь и абсолютно правильное замечание, которое я сделал в моем воображении, дали правильную весть. *Будьте осторожны! Скорее укрепите в прежнее состояние вашу солидарность, которая до сих пор была сильна, как сталь. Я клянусь Аллахом! Существует большая вероятность того, что этот инцидент может причинить вреда служению Корану и вере больше, чем наше заключение в тюрьму, и особенно на данном этапе процесса.*

Саид Нурси

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Ночь Вознесения Пророка (мир ему и благословение) является подобием Ночи Могущества. Старайтесь в эту ночь настолько, насколько это возможно, ведь ее духовная награда увеличивается в тысячу раз. По секрету духовного сотрудничества, каждый из вас в эту ценную ночь, Ин шаа Аллах, подобно некоторым ангелам, прославляющим Создателя сорока тысячью языками, будет выполнять поклонения и моления также сорока тысячью языками. И в этом месте мучений даст вам еще большую награду а за то, что вред этой разрушительной беды в отношении нас сократился в тысячи раз, вы будете выражать благодарность в эту ночь через ваше поклонение. Вместе с вашей безупречной осторожностью, поздравляю вас с той Божественной заботой, которая наиболее ярко проявилась в отношении нас.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: от всего своего сердца я поздравляю вас с ночью Вознесения.

Во-вторых: ученики Рисале-и Нур, согласно своим убеждениям, в течение двадцати лет всеми силами сохраняют общественный порядок. И божественная милость, как необыкновенный результат вашей преданности и искренности, в чудесном виде снизила вред нашего лишения свободы в сто раз. Ибо, была большая вероятность того, что этот инцидент в тюрьме стал бы для совершающих на нас нападки основным поводом для опровержения наших принципов по поводу общественного порядка и норм безопасности. То есть, гора была превращена в кротовины. В противном случае те, кто делает в отношении нас из мухи слона, возможно, использовав этот случай против нас, побудили бы многих людей поверить в их клевету.

В-третьих: не волнуйтесь за меня. Находиться с вами в одном здании, сводит к нулю все мои трудности и страдания. На самом деле, наше совместное пребывание здесь во многих отношениях очень значимо, и это также во многом полезно для нашего служения вере. К тому же, поскольку целый ряд существенных фактов в дополнение к моему письменному возражению были направлены в шесть департаментов правительства, то привлекая

к себе их полное внимание и влияние до такой степени, что сократит все наши беды на нет.

В-четвертых: всеми силами занять себя служением Рисале-и Нур рассеивает бедствия, и может рассматриваться в качестве пяти видов поклонения.

В-пятых: благодаря урокам Рисале-и Нур, предыдущие несчастья были уменьшены в сто раз. В противном случае, вследствие восприимчивости этого времени и места, та одна кротовина превратилась бы в целую гору, все равно, что поднести зажженную спичку к пороху. Кроме того, некоторые должностные лица сказали: «*Те, кто слушал уроки Рисале-и Нур, не стали участниками этого события*», и если бы все остальные слушали бы эти уроки, то ничего бы не произошло. По мере возможности, не позволяйте осуществиться разногласиям, не стоит добавлять еще одно огорчение к трудностям тюрьмы. Другие заключенные, подобно ученикам Нура, тоже должны быть братьями и не сердиться друг на друга.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные и чистосердечные братья!

Всестороннее претворение в жизнь в отношении друг друга правил «трактата об искренности», в его истинном смысле и в рамках объективной возможности, для нас обрело степень необходимого. Я получил точную информацию о том, что в течение последних трех месяцев сюда были направлены три человека, чтобы создать холодность в отношениях между преданными братьями, играя на их различиях идей и направленности мыслей. Они также беспричинно растягивают судебные разбирательства, чтобы этим измотать и сотрясти решительных учеников, и сделать впечатлительных и нерешительных недоверчивыми, а так же, заставить их отказаться от своего служения Рисале-и Нур. Будьте осторожны! Не позволяйте поколебаться сохранившемуся до сих пор между нами самоотверженному братству и чистосердечной любви. Если они поколеблются даже на самую малость, то это может причинить нам большой вред. Лишь небольшой толчок в Денизли отдалил друг от друга таких ходжей как... *И несмотря на то, что наше служение Корану и вере требует – в случае необходимости – жертвовать собой ради друг друга, истинно преданные не станут огорчать других из-за трудностей или раздражительности,*

скорее они с совершенным смирением, скромностью и покорностью припишут себе недостатки, и попытаются увеличить свою любовь и искренность. В противном случае это может привести к необратимым последствиям. Перепоручая на вашу проницательность, на этом я коротко сокращу.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Вследствие одного важного духовного напоминания, в настоящее время у вас имеется одна-две задачи, связанные с Рисале-и Нур, что делает необходимым для вас всеми силами стараться с его уроками не допустить споров и предубеждений среди других несчастных заключенных в этом третьем медресе Юсуфа (а.с.). Потому что есть ужасные провокаторы, которые под завесой скрытого пытаются воспользоваться разногласиями, обидами, ненавистью и упрямством. Поскольку, большинство наших братьев по заключению проявляют склонность к героизму, что делает их готовыми пожертвовать при необходимости своей жизнью ради своей родины, нации и родных, то, безусловно, эти храбрые люди должны пожертвовать на благо народа и тюремного порядка своим упрямством, ненавистью и враждой, которые полностью лишены пользы и крайне разрушительны в эти беспокойные времена. Только в этом случае они могут спастись от разрушений тех, кто тайно заражает все коммунизмом, который затем превращается в анархию. В противном случае, для сотен несчастных заключенных, а также невинных учеников Рисале-и Нур и для города Афьон, это может привести в это время к значительным трудностям и сотрясениям, подобно поднесению зажженной спички к пороху. Скорее даже это приведет к вмешательству в наши земли тайного общества, корни которых находятся за границей. Поскольку Божественное предопределение отправило нас сюда ради них, а для их счастья и духовного спокойствия некоторые из нас не хотят выходить из этих мест, и мы жертвуем нашим покоем и терпеливо терпим все трудности, то разумеется, нам необходимо ради наших новых братьев, подобно заключенным Денизли, из уважения к месяцам Шаабан и Рамадан, не сердиться друг на друга и заключить между собой братский мир. В любом случае, мы и я принимаем их в круг учеников Рисале-и Нур и включаем их в наши молитвы.

Саид Нурси

يَا سَيِّدِ سُبْحَانَكَ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: согласно значению **الْخَيْرُ فِي مَا اخْتَارَهُ اللَّهُ**, Ин шаа Аллах, в затягивании нашего суда и в том, что ранее освобожденные наши братья вновь находятся на возобновленном процессе, есть много пользы.

Да, поскольку вопрос Рисале-и Нур имеет важное значение для всего Исламского мира и особенно для этой страны в целом, такие взволнованные мероприятия должны будут привлечь всеобщее внимание к своим истинам. Ибо своим необыкновенным великолепием, Рисале-и Нур, сверх наших надежд, мер предосторожностей, утаиваний, а также, унижения нашими врагами и вне нашей воли открыто дает уроки своих истин друзьям и врагам. Он без колебаний раскрывает свои самые конфиденциальные тайны даже самым отдаленным людям. И поскольку истина такова, мы должны рассматривать наши незначительные трудности подобными горькому лекарству – хинин, и терпеливо, выражая благодарность, сказать: «Даст Бог, и это пройдет.»

Во-вторых: руководителям этого медресе Юсуфа (а.с.) я написал, что когда я был в плену в России, тамошняя большевистская буря, в первую очередь, разразилась именно в тюрьмах. Так же, как великая французская революция была развязана заключенными с мест лишения свободы, известными в истории, как «беспутные». Исходя из этого, мы ученики Рисале-и Нур старались исправить заключенных Эскишехира, Денизли и здешних мест, настолько, насколько это возможно. Это некое перевоспитание в тюрьмах Эскишехира и Денизли достигло полного успеха. Здесь от него будет больше пользы, потому что сила пронесшейся бури (*Прим.*), в результате уроков Рисале-и Нур в это щекотливое время, уменьшится стократно. В противном случае вредоносные внешние течения, которые пользуются подобными конфликтами и инцидентами, и которые ожидают удобного случая, воспламенили бы порох и вызвали пожар.

Саид Нурси

Примечание: Этой бурей оказалось восстание, вспыхнувшее в Афонской тюрьме, в котором ни один из учеников Рисале-и Нур не оказался вовлеченным.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные и непоколебимые братья, которые не останавливаются перед трудностями и не оставят нас!

В то время, когда от имени всех вас моя душа была опечалена из-за физического и духовного томления, мне в сердце вдруг снизошло следующее: если ради того, чтобы в непосредственной близости встретиться здесь со всеми своими братьями, вы бы претерпели трудности, в десять раз больше, чем эти, то по-прежнему они обошлись бы для вас очень легко. И подобно тому, как в прежние времена люди истины собирались и встречались по крайней мере один-два раза в год, так и ученикам Нура тоже необходимо собираться совместно один раз в несколько лет в медресе Юсуфа (а.с.), чтобы предоставить возможность высказаться коллективной личности всех учеников, соответствуя религиозному и аскетическому направлению Рисале-и Нур, и его принципу преподавания урока всем без исключения: и нуждающимся, и даже противникам. И не важно, если это повлечет за собой тысячи трудностей и невзгод. Отказ от круга Рисале-и Нур некоторыми из наших слабых братьев в наших предыдущих заключениях не причинило никакого вреда для Рисале-и Нур, а лишь для них самих вызвало неизмеримые потери. Вместо них появились более решительные и искренние ученики. А поскольку, испытания этого мира преходящи и мимолетны, и оставляют нам свои плоды и награды, то мы должны довериться Божественной заботе и в терпении выражать благодарность.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: Когда вы через подходящего и серьезного человека неофициально будете отправлять председателю суда последние две страницы, написанные старой письменностью или напечатанные на машинке, то дайте ему также следующую отдельную записку: «Саид благодарен вам и говорит: «Они открыли окна, но прокурор не позволяет никому из моих братьев, или тех, кто посещает меня, приехать ко мне. И я прошу вас, вернуть мне мой драгоценный и написанный с совпадениями Коран, который находится в суде, чтобы читать его во время этих благословенных месяцев. Я послал три джуза того дивного Корана в Департамент по делам религий в

качестве образцов, чтобы они могли распечатать его фотографически. Вдобавок, я прошу одну из коллекции Рисале-и Нур, которая тоже находится в суде, чтобы читать эти книги в тяжелом бедствии своего одиночного заключения, в качестве утешения и единственного товарища. В любом случае, три-четыре суда видели эти коллекции, и не выразили никаких возражений по поводу них. Кроме того, они были высоко оценены и одобрены со стороны ведущих ученых Мекки, Медины, Дамаска, Алеппо, и университета аль-Азхар в Каире, и никто из них не подверг их критике и возражениям.»

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

У Фейзи есть две копии Хизб-уль Нури. Если он не нуждается в них, то пусть одну из них отправит мне, или пусть Мехмед Фейзи перепишет еще одну копию. И еще здесь нужны трактат о Рамадане и напечатанное Великое Знамение. Кроме того, немедленно исправьте напряженную ситуацию между вами. И будьте осторожны! Малейшее отклонение может вызвать большой вред кругу Рисале-и Нур. Не поддавайтесь эмоциям, возникающим в связи с трудностями. Хлопок моей печи стал признаком этого бедствия.

Саид Нурси

Мои дорогие преданные братья, Хусрев, Мехмед Фейзи и Сабри!

Всеми силами доверяя вам и оставляя на вас благополучие Рисале-и Нур, я ожидал войти в могилу с душевным спокойствием. И был уверен, что ничто не сможет отдалить вас друг от друга. Но теперь поступило официальное сообщение об одном ужасном плане по способствованию холодных отношений между ведущими учениками Рисале-и Нур. Поскольку, как обусловлено силой вашей верности и вашего энтузиазма в заботе о Рисале-и Нур, вы готовы при необходимости пожертвовать своей жизнью друг за друга, то, безусловно, вы обязаны будете пожертвовать своими очень незначительными, мимолетными и маловажными чувствами. В противном случае, я боюсь, что, как это вызовет неисчислимый ущерб на данном этапе, так же есть вероятность лишиться круга Рисале-и Нур. За последние три дня я снова был потрясен таким бедствием, какого никогда раньше не испытывал. Сейчас я определенно понял, что незначительная раздражительность со стороны таких,

как вы, подобно попаданию волосинки в глаз, будет иметь эффект разорвавшейся бомбы для нашего благополучия в кругу принципов Рисале-и Нур. Вдобавок скажу вам следующее, было потрачено много усилий для того, чтобы продемонстрировать свою связь с нами во время минувшей бури. Теперь они пытаются дистанцировать нас друг от друга. Хотя от вашего имени я пострадал в десять раз больше, чем вы, все же я решил не замечать недостатков каждого из вас. И прошу вас во имя нашего учителя, коллективной личности Рисале-и Нур, оправданно или нет, не проявлять собственного эгоизма. Если в этом необыкновенном месте в вашу совместную жизнь вмешиваются скрытые руки, то пусть один из вас перейдет в камеру Тахири.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Прошу вас не расстраиваться из-за того, что я придал большое значение имеющемуся между вами тремя обиду друг на друга. Потому что у Хусрева и Фейзи, как и у меня, есть некоторая нелюдимость и смущенность. Они также отличаются друг от друга по темпераменту. А что касается Сабри, то поскольку он участвует в общественной жизни через своих родственников и средства его существования, он обязан быть осторожным. Так вот я обеспокоен и подозреваю, что, вероятно, в связи с этими различиями путей и темпераментов, вы трое были не в состоянии терпеть и выдерживать шум камеры, и ее изнурительной толпы. Потому что, даже небольшое разногласие в настоящее время может причинить много вреда.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья и товарищи по уроку в этом медресе Юсуфа (а.с.)!

Исходя из того, что наступающая этим вечером Святая ночь Бараат, является священным семенем целого года и программой человеческих судеб, ее святость равноценна Ночи Могущества. Так же, как все добрые дела в Ночь Могущества достигают ценности тридцати тысяч воздаяний, в эту ночь, награда за каждое благое дело и за каждую произнесенную букву Корана возрастает до двадцати тысяч. Если в любое другое время такие заслуги равны десяти, то в течение трех благословенных месяцев они поднимаются до ста и тысячи. А в известные святые ночи, они достигают десяти, двадцати

или тридцати тысяч. Эти ночи могут быть эквивалентны пятидесяти годам поклонения. Поэтому очень полезно, насколько это возможно, заниматься в это время чтением Корана, просьбами о прощении и чтением молитв за Пророка (мир ему и благословение).

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ
السَّلَامُ عَلَيْكُمْ وَرَحْمَةُ اللَّهِ وَبَرَكَاتُهُ أَبَدًا دَائِمًا سَلَّمَ اللَّهُ فِي الدَّارَيْنِ

От всего своего сердца и души я поздравляю вас с наступлением ночи Бараат, которая для верующих дает возможность заработать духовные достоинства пятидесяти лет поклонения. И согласно секрету духовного партнерства и сияния солидарности, я в надежде ожидаю от Божественной милости, чтобы каждый искренний ученик Рисале-и Нур мог исполнить поклонения и молитвы сорока тысячью языками, подобно тому, как некоторые ангелы таким же количеством языков произносят прославления.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Во-первых: как результат подстрекательства некоторых ходжей, которые содействуют принципам нововведений, в обвинительном акте был оспорен один материал из Пятого Луча, словно они не принимают пришествие исламского Даджала вместе с многочисленными другими. На это дает ответ достоверный хадис, который показывает блестящее чудо Пророка (мир ему и благословение):

لَنْ تَزَالَ الْخِلَافَةُ فِي وَدِ عَمِّي صِنُو أَبِي الْعَبَّاسِ حَتَّى يُسَلِّمُوهَا إِلَى الدَّجَالِ

То есть: «Халифат будет продолжаться сыновьями моего дяди Аббаса, пока он не перейдет в разрушительные руки Даджала». То есть, Аббасидский халифат просуществует в течение длительного периода в пятьсот лет, затем он будет уничтожен такими известными личностями как Чингиз и Хулагу, олицетворяющими в совокупности одного из трех даджалей, который будет вероломно править в Исламе. Стало быть, как об этом свидетельствуют многочисленные

хадисы, так же существует явное свидетельство того, что в Исламском мире появятся три даджали. Предсказания этого хадиса сообщают о двух очевидных чудесах:

Первое заключается в том, что Аббасидский халифат, после своего образования, будет существовать в течение пятисот лет.

Второе же говорит о том, что конец существованию халифата Аббасидов поставит самый жестокий разрушитель-даджаль, по имени Чингиз и Хулагу. И возможно ли вообще такое, чтобы владетель шариата, который в книгах хадисов предсказывал даже самые незначительные случаи, связанные с Кораном и положениями Ислама, не сообщил бы о чрезвычайных событиях нашего времени? И разве возможно ли такое, чтобы там не было никаких намеков на учеников Рисале-и Нур, которые в разгар этих необычных событий, стойко служат Корану в самых широких сферах и в самых суровых условиях, а плоды этого служения подтверждаются друзьями и врагами?

Саид Нурси

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ
وَضُرِبَتْ عَلَيْهِمُ الذِّلَّةُ وَالْمَسْكَنَةُ

[Один прекрасный пункт этого величественного аята]

Мой дорогой брат Рефет бей, командир Нура и слуга Корана!

Еврейская нация всегда испытывала свою чрезмерную любовь к этой жизни и к ее земным утехам, и по этой причине они каждое столетие заслуживали удары унижений и страданий. Тем не менее, в данном Палестинском вопросе у них не преобладала страсть к жизни и этому миру, а скорее свою значительную роль сыграли национальные и религиозные чувства, так как Палестина является местом многочисленных могил пророков из сынов Израилевых, принадлежащих к их нации. Поэтому они не получают сейчас какой-либо мгновенной кары. Ибо, небольшая их группа никогда не смогла бы продержаться в условиях подавляющего большинства арабских земель: они сразу были бы подвергнуты бедности.

Саид Нурси

ВОПРОС: Есть ли какой-либо аят, в отношении того утверждения, что Земля имеет шарообразную форму, и если да, то в какой суре? У меня возникли сомнения касательно ее плоской или шарообразной формы. Ведь все страны расположены на территориях, окруженных морями. А что защищает внешние границы этих морей? Я прошу дать мне разъяснения, и целую ваши руки.

Али Ходжа из Эмирдага

Рисале-и Нур решил подобного рода вопросы. Исламские ученые признали, что земля является круглой, и это никоим образом не противоречит религии. Упоминание в аяте о плоскости словом «сатх», еще не означает, что Земля не имеет округлой формы. Муджтахидами был установлен факт, что обращение в сторону киблы при выполнении молитвы является обязательным условием, что применимо к каждой части молитвы, в том числе в поясных и земных поклонах. Поскольку в соответствии с шариатом, есть светящаяся вверх от Каабы колонна до самого Божественного Трона, и вниз до самой земли, то выполнение всех действий молитвы в направлении киблы возможно только при условии шарообразности земли.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ وَإِنْ مِنْ شَيْءٍ إِلَّا يُسَبِّحُ بِحَمْدِهِ
السَّلَامُ عَلَيْكُمْ وَرَحْمَةُ اللَّهِ وَبَرَكَاتُهُ أَبَدًا دَائِمًا

Мои дорогие, преданные братья!

От всего своего сердца и души я поздравляю вас с наступлением благословенного месяца Рамадан. Да сделает Всемогущий Аллах для всех вас Ночь Могущества равной тысяче месяцев, и примет ее, как восьмидесятилетнюю жизнь, проведенную в поклонении. Аминь.

Во-вторых: Я придерживаюсь того мнения, что в нашем пребывании здесь до самого праздника будет много преимуществ и польз. Наше освобождение лишило бы нас всех благ в этом медресе Юсуфа (а.с.), так же, как своей мирской деятельностью мы нанесли бы вред нашему духовному состоянию в месяце Рамадан, с его потусторонними выгодами. В соответствии с правилом

الْخَيْرُ فِي مَا اخْتَارَهُ اللَّهُ, Ин шаа Аллах, и в этом мы тоже удостоимся

больших радостей. На суде вы также поняли, что они никак не могут осудить нас по закону, в результате чего делают предметом обсуждения некоторые мелкие вопросы в личных письмах, которые не имеют никакой связи с законами. Ибо они не нашли других способов борьбы со значимыми и всеобщими вопросами Рисале-и Нур. Кроме того, эта их клевета, направленная к моей персоне, вместо получивших распространение Рисале-и Нур и его учеников, является наиболее выгодным для нас положением, что Божественное предопределение не позволяет им вмешиваться в дела Рисале-и Нур и его учеников, а занимает их только моей личностью. Поэтому я обращаюсь к вам и ко всем своим друзьям: *я с радостью и благодарностью, ради вашего счастья и для благополучия Рисале-и Нур, всем сердцем, даже с согласием моего нафса, принимаю все причиненные мне трудности. Подобно тому, как Рай недешево стоит, так и Ад имеет необходимость в своем существовании. Этот мир и все его тяготы являются временными и мимолетными. И поскольку на Великом Суде и частично в этом мире нашим врагам стократно воздастся за жестокое обращение с нами, то мы должны проявить к ним не злобу, а скорее жалость.*

Поскольку реальность такова, проявлять без тревог и опасений совершенное терпение и благодарность за Божественное предопределение в отношении нас и верить себя Божественному покровительству, а также, искренне радуя друг друга, проводить сердечные и дружелюбные беседы с находящимися здесь нашими братьями, и занять всех в месяц Рамадан постоянными молитвами, награда за которые возрастает в тысячу раз, при этом стараясь над научными уроками, не придавать большого значения этим незначительным трудностям, является для нас поистине великим счастьем. А эти важнейшие и эффективные уроки Рисале-и Нур, в этом испытании судебного разбирательства, дают своим врагам себя читать, одерживая таким образом важную победу над ними.

Примечание: конечно, плохо то, что некоторые из наших братьев излишне отрицают свою причастность к служению Рисале-и Нур, особенно ..., И то, что они скрывают свои прошлые значительные заслуги. Но из-за их минувшего служения мы должны простить их, и более не сердиться.

Саид Нурси

بِاسْمِهِ سُبْحَانَهُ وَإِنْ مِنْ شَيْءٍ إِلَّا يُسَبِّحُ بِحَمْدِهِ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: в достоверных преданиях приводится: «Ищите Ночь Могущества во второй половине Рамадана, особенно в последних десяти ночах.» Таким образом, для человека будет большим счастьем постараться в этих достойных местах получить пользу от Ночи Могущества, которая в эти ближайшие дни дает возможность заработать воздаяния ценой в восьмидесятилетнюю жизнь проведенную в поклонении.

Во-вторых: согласно значению **مَنْ آمَنَ بِالْقَدَرِ آمِنَ مِنَ الْكَدْرِ** «Тот, кто верит в Божественное предопределение спасается от горя и печали» и **خُذُوا مِنْ كُلِّ شَيْءٍ أَحْسَنَهُ** «Смотри на лучшую сторону вещей», и по смыслу,

الَّذِينَ يَسْتَمِعُونَ الْقَوْلَ فَيَتَّبِعُونَ أَحْسَنَهُ أُولَئِكَ الَّذِينَ هَدَاهُمُ اللَّهُ
وَ أُولَئِكَ هُمُ أُولُوا الْأَلْبَابِ

Те, из них, кто слушает слова и внимает лучшим из них, не обращая внимания на худшее, наделены разумом и удостоиваются покровительства Аллаха.

Мы должны сейчас смотреть на лучшие и прекрасные стороны, и на радующие душу аспекты всего, дабы наши сердца не тяготились бессмысленными и ненужными, вредоносными и неприятными, тревожными и временными обстоятельствами сего мира. В сравнительном рассказе Восьмого Слова, где один человек вошел в сад, а второй оставил его, счастливый из них смотрел на цветы и великолепные вещи того сада, от чего получал наслаждение. Другой же, несчастный, обращал свое внимание только на скверные и грязные вещи и не в состоянии от них избавиться, испытывал тошноту и расстройство вместо покоя, а затем, он выйдя продолжил свой путь. Теперь же, нынешняя картина социальной жизни человека, особенно медресе Юсуфа (а.с.), напоминает тот сад. Он содержит в себе, как скверные, так и красивые, как тревожные, так

и приятные вещи. Здравомыслящим человеком является тот, кто получая удовольствие от красивых и приятных вещей, избегает всего скверного и изнурительного, и вместо жалоб, начинает радоваться и выражать благодарность.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: Существует большая вероятность того, что завтрашняя ночь будет являться именно Ночью Могущества. Некоторые из муджахидов, ввиду определенных вычислений, подтвердили эту вероятность. Даже если это окажется не совсем так, то поскольку Умма смотрит на нее этим взглядом, Ин шаа Аллах, она будет принята как таковой.

Во-вторых: Я обеспокоен по поводу самочувствия наших братьев в беспокойной шестой камере. Некоторые руки извне влияют на обстановку в тюрьме, в частности в шестой камере. Наши братья должны быть внимательными и осторожными, и ни во что не впутываться.

В-третьих: Отправили ли вы копию адвокату, чтобы он прочитал его председателю суда? Кроме того, поскольку это тот же самый вопрос, Халил Хильми является не только адвокатом Сабри, но и каждого из нас. То есть, я его так расцениваю. Теперь, за счет всех нас, он должен полностью помочь нашему первому адвокату.

В-четвертых: я дал переписать Сабри предисловие Ташкопрулю Садик бея. Если оно уже переписано, то откорректированная ее часть должна быть направлена к нему. А его вновь переписанную копию отправьте мне. Кроме того, у меня есть еще копия небольшого стихотворения Садика. Если у вас ее нет, то я ее вам отправлю.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: Поздравляем вас и всех ваших товарищей с праздником. Также вы должны знать и рассказать другим, что те поздравления, с которыми к вам обращаются, я принимаю и в свой адрес, как если бы посетил лично всех вас с этой целью.

Во-вторых: раскалывание моей чугунной печи своим неким указанием заставило нас действовать осмотрительно и сдержанно, что в сто раз снизило масштаб вреда от пронесшейся бури. Однако, моя стеклянная фляжка, разбившаяся вдребезги, сообщает нам о том, что мы вновь должны вести себя с совершенным самообладанием, терпением и осторожностью. Исходя из полученных духовных предостережений стало ясно: скрытые лицемеры хотят использовать несовершенствующих намаз развратников и распутных коммунистов против религиозно мыслящих людей, и даже оказали свое некоторое влияние.

Небольшое примечание: Вчера я почувствовал некую радость и счастье. Как вдруг я узнал, что мой брат, восемь месяцев назад, послал мне в Эмирдаг из Нурса мед в стеклянном балоне. Вчера он прибыл сюда из Эмирдага. Я сказал им, чтобы они немедленно отправили его мне. Но после некоторого моего ожидания его не принесли. То мое чувство радости вдруг обратилось в чувство гнева. И стеклянный балон с медом, который был для меня дорог, чем сто балонов, попал в чужие руки, затем был отправлен на рынок и там неожиданно разбился. Я послал небольшое количество этого сладкого меда всем моим братьям, в качестве праздничного подарка из моей родной деревни Нурс, которую я не видел вот уже сорок восемь лет.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные и непоколебимые братья!

Поздравляю вас от всего сердца с тем, что вы способствовали скорому заживлению наших общих ран. Прошлой ночью в результате этого исцеления мне стало гораздо легче. В сущности, деятельность Медресетуз-Зехры, расширяясь, воспитывает и приучает представителей круга Рисале-и Нур к искреннему и героическому отказу от эгоизма, и полному смирению. Разумеется, очень незначительные и временные своенравность, восприимчивость и раздражительность не смогут нарушить его сильные учения и узы братства. И Трактат об искренности является совершенным путеводителем по этому вопросу. *Сейчас их самые ужасные планы направлены на то, чтобы сотрясти нас и Рисале-и Нур, создавая между братьями холодные отношения, играя на различиях в их идеях и темпераментах, тем самым, отдаляя их друг от друга.* Хотя, это было только незначительным недоразумением, но оттого, что один волос при попадании в глаз причиняет боль, подобно удару тяжелым камнем по голове, так же, и мой стеклянный балон дал весть об этом, как о серьезном инциденте. Жалоба покойного

Хафиза Али (да смилуется над ним Аллах) незадолго до его смерти на такую же незначительную ситуацию, возможно, сто раз приходила мне на ум и печалила меня.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Я не отдавал начальнику тюрьмы письменного возражения учеников. Только лишь сказал ему: «Мы хотим отправить это вместе с моей последней частью письменного возражения, в Управление по делам религии и уголовный суд Анкары, который оправдал нас и наши трактаты. И если уместно, послать туда же список ошибок и исправлений, однако в частном порядке и просто для информации». Он сказал: «Да, уместно». Теперь вы можете попросить адвоката, чтобы он подготовил несколько копий письменного возражения учеников и две копии списка.

Кроме того, напишите в Управление по делам религии, что, поскольку в этот раз они совершенно правильно написали в Афонском докладе о Саиде и его друзьях, то угнетенный Саид и его невинные спутники чрезмерно благодарны их отделу за обязанности защиты религоведов. Во всяком случае, наша связь с религией и наукой, должна больше заинтересовывать Департамент по делам религии, чем полицейское и судебное управление, или любое другое отделение. По этой причине, мы в первую очередь написали наши жалобы ученым этих отделов в Денизли и в Афьоне. И еще, напишите заглавие подобного смысла.

Саид Нурси

Мой дорогой и преданный брат, Рефет бей!

Из почтения к Величественному Корану и вашей нерушимой связи с Ним, а также ради вашего двадцатилетнего служения вере посредством книг Рисале-и Нур, немедленно положите конец этим небольшим на взгляд, но из-за щепитильности нашей ситуации, ужасным и тяжким обидам и ссорам между вами, находящимся на положении поднесенного огня к пороху. Ибо это во многом может содействовать скрытым лицемерам, которые стараются нас уничтожить. В противном случае, велика вероятность того, что из-за личной и мелочной правоты мы можем нанести вред самим себе, и нашему служению Корану и вере. *Я также клятвенно вас заверяю,*

что если один из вас по-страшному оскорбит меня и полностью попреет мою честь, то при условии не оставлять служение Корану, вере и Рисале-и Нур, я со своей стороны прощу его, заключу с ним мир и постараюсь не сердиться на него. Так как, вы знаете, что наши враги пытаются воспользоваться нашей малейшей грубостью, и поэтому вы должны быстрее примириться. Перестаньте быть раздражительными, ведь это чувство причиняет вред и не имеет никакого смысла. В противном случае некоторые из нас, такие, как Шемси, Шефик и Тевфик, всерьез присоединившись к тем, кто выступает против нас, вызовут большой вред и убыток нашему служению вере. Поскольку, до сих пор Божья милость восполняя все наши потери, даровала нам по той же системе многочисленных других, Ин шаа Аллах, она снова придет к нам на помощь.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Директору очень понравился трактат Великого Знамени и Путеводитель для молодежи. Теперь он хочет для себя Посох Мусы и Зульфикар. И я дал слово, что привезу их ему. Если здесь, в Афьоне, есть их копии, то выделите ему по одному экземпляру Посоха Мусы, Зульфикара (в переплете и большого размера), Путеводителя для молодежи и Великого Знамени.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: В этом докладе был такой же результат, как и в Денизли. Они оправдали нас по тем пунктам, по которым нам ранее были предъявлены обвинения, но для того, чтобы снискать их уважения и показать, что они не являются последователями Нура, используя склонность к ваххабизму, напали на нас с некоторой научной критикой. Я считаю, что этот отчет прибыл сюда еще до того, как был написан обвинительный акт, чтобы можно было извлечь из него несколько пунктов. В этом случае, наш список ошибок и исправлений полностью отвечает на них. А что вы думаете об этом? Кроме того, каковы наши новые ответы, хороши ли они? Я написал их в спешке, будучи в удрученном состоянии.

Во-вторых: совершенно очевидно, что до сих пор они вплотную занимались нашими личностями, а также, вопросами политического и суфийского общества, и еще некоторыми маловажными частными письмами. Но теперь Рисале-и Нур, являющийся средством обеспечения спокойствия в этой стране, был своего рода атакован происками наших скрытых врагов, принудительным изъятием трактатов Сираджунур и Шесть атак, и привлечением внимания экспертной Комиссии к нему. Таким образом, как уже ранее это многократно повторялось, аналогично, во время нападков в стране произошло два сильных землетрясения, в тот самый момент, когда я писал данную тему. И эти землетрясения подтвердили мое утверждение, говоря: «Нет больше необходимости писать.» Так, что я не стал писать дальше. Однако, сегодня я услышал, что появился страх перед началом войны. По этой причине, я сказал ответственному здесь лицу: «Всякий раз, когда Рисале-и Нур подвергается нападению, земля либо сердится, либо появляется страх перед войной. Мы испытали множество подобных, не похожих на случайность, событий, которые затем были продемонстрированы суду». Стало быть, моя без ведома сильная обеспокоенность по поводу недавних событий с Рисале-и Нур, недоверчивая критика экспертной комиссии, и конфискация важных ее частей, исчезновение под завесой Сираджунура, который расценивается, как приемлемая милостыня и средство для защиты от бедствий, совпало с землетрясениями и началом страха перед войной.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Не волнуйтесь, мы находимся под божественной защитой. За внешними трудностями для нас существует безграничная милость. Экспертная комиссия была вынуждена возражать против некоторой части. Однако, разумеется, в сердцах они стали последователями Нура.

Саид Нурси

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные, непоколебимые, безмятежные братья, которые никогда не променяют иной мир на этот!

Не расстраивайтесь, что мы слегка задержимся здесь от их желания несколько растянуть наше дело. Напротив, радуйтесь, как и я. *Ибо жизнь не останавливается, и стремится к своему концу. И в таких, как эти, местах мучений она оставляет свои вечные плоды. Кроме того, круг читающих Рисале-и Нур расширяется.* Например, ученые из экспертной комиссии обязаны в настоящее время изучать с большим вниманием трактат Сираджунур. К тому же, вполне возможно, что наше освобождение сейчас причинит в двух-трех отношениях ущерб нашему служению вере. Хотя я намного больше вас испытываю трудности, все же не стремлюсь быть освобожденным. Так же и вы, насколько сможете, попытайтесь вынести их терпеливо, и приучайтесь к такого рода жизни, а также, ищите утешение и отраду в переписывании и чтении Рисале-и Нур.

Саид Нурси

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: Если у вас есть необходимость, то я могу послать к вам две копии списка ошибок и исправлений в новой письменности, включенную в конец защитительной речи. Они должны быть направлены в Управление по делам религии, в дополнение к ответу экспертной комиссии, и в уголовный суд Анкары. Копию ответа экспертной комиссии следует также представить и здешнему суду.

Во-вторых: в оттягивании нашего дела имеется благо. До сих пор, чтобы обесценить его, они показывали его внешне незначительным и неважным, но втайне придавали ему большое значение. Теперь, Ин шаа Аллах, ситуация будет более выгодной и полезной для нашего служения вере и Корану.

Саид Нурси

يَا سَمِيهٖ سُبْحَانَہٗ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: Если бы мы в этом году были освобождены, то, возможно, некоторые из нас совершили бы паломничество в хадж. Ин шаа Аллах, эти наши намерения будут приняты в качестве совершенного паломничества, и в этих тяжелых условиях наше служение вере и Рисале-и Нур даст большую награду, равноценную воздаянию за хадж.

Во-вторых: Так как, мы неоднократно говорили: «*Рисале-и Нур является мощным и истинным толкованием Корана*», я получил извещение о том, что должен объяснить этот факт, поскольку некоторые невнимательные люди не понимают его полного смысла. А его истина такова:

Есть два вида толкования Корана:

Первый вид является известным. Толкование такого рода излагает и объясняет смыслы текстов, предложений и слов Корана.

Второй вид, с мощными аргументами объясняет, доказывает и излагает истины Корана, связанные с основами веры. Этот вид имеет большое значение. Иногда известные, поверхностные комментарии Корана включают эти истины в краткой форме. Но *Рисале-и Нур, непосредственно сделал эту часть своей основой, и является толкованием духовных значений Корана, который беспрецедентным образом заставляет умолкнуть упрямых философов.*

В-третьих, сегодня утром я собирался написать кое-что, но не стал делать этого. Теперь, возник тот же вопрос, и писарь Салим бей дал на это разрешение. Завтра, чтобы написать ходатайство в Кабинет министров, пусть ко мне придут Хусрев и Тахири.

Саид Нурси

يَا سَمِيهٖ سُبْحَانَہٗ

Мои дорогие, преданные братья!

Удивительно, неужели во всей округе наиболее вредоносными являемся только мы и Рисале-и Нур, что все другие авторы свободно пишут, а остальные классы людей беспрепятственно собираются вместе? Однако, без религиозного воспитания среди мусульман воцарится абсолютный деспотизм и взяточничество. Потому что до настоящего времени ни один мусульманин не стал истинным

христианином или иудеем, скорее они становились безбожными и полностью испорченными. И истинным коммунистом он стать не сможет. Он скорее превратится в анархиста и будет неуправляем, кроме как в среде абсолютного деспотизма. Мы, ученики Рисале-и Нур, стараемся на благо правительства, общественного порядка, страны и нации. А те, кто против нас являются безбожными анархистами, врагами страны и народа. Очень важно, чтобы правительство не вмешивалось, а защищало наши интересы и помогало нам.

Саид Нурси

يَا سَيِّدِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: освобождение таких издателей Нура, как Рефет, Эджем, Чалышкан и Бурхан показывает, что распространять Рисале-и Нур не запрещено, и что суд никак не вмешивается в это. Также это является признаком заключительного постановления об отсутствии у нас наличия какого-либо политического общества. Кроме того, продление сроков нашего процесса в виде официальной рекламы и всеобщего приглашения, привлекает широкое внимание к Рисале-и Нур, а также возбуждает у нуждающихся желание к изучению и прочтению его, в результате чего, в сто раз превосходит все наши невзгоды и потери, что для нас и верующих это становится средством получения воздаяний. Ин шаа Аллах, этот наш священный урок будет иметь эффект атомной бомбы против агрессивных войск безбожия, которые в это время и по всей земле, в наиболее распространенной и ужасной форме, находятся на положении атакующих.

Саид Нурси

يَا سَيِّدِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья Рефет, Мехмед Фейзи и Сабри!

Исходя из полученного мною серьезного предупреждения и указания, я искренне прошу вас троих из почтения к Рисале-и Нур и к этому празднику, и ради наших с вами старых прав, попытайтесь излечить эту нашу новую страшную рану. Потому что наши скрытые враги преследуют две цели: одна заключена в уничтожении моей личности путем оскорблений, а вторая – в укреплении холодных

отношений между нами. То есть, чтобы критикой, возражениями и обидами, главным образом на Хусрева, вызывать среди нас разногласия. Я объявляю вам, что если у Хусрева будут иметься тысяча недостатков, то я опять же буду избегать возражений против него. Ибо выступить против него сейчас, означает выйти непосредственно против Рисале-и Нур и меня, что окажется своего рода поддержкой и помощью нашим врагам. А это будет ужасным предательством, о котором предупреждал удивительный случай, в виде беспричинного раскалывания на части моей печи. Я также придерживаюсь мнения, что последние мучения, которым я подвергся, стали следствием вашей бессмысленной и очень вредной разобщенности. Страшные руки вмешиваются сюда, особенно в шестую камеру. *Не заставляйте меня плакать в этот праздник. Немедленно помиритесь и простите от сердца все обиды.*

Саид Нурси

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَہُ

Мои дорогие, преданные братья!

Сегодня я пожелал освобождения только для двух-трех наших братьев. Однако, Божественная милость оставила их здесь для получения ими некоторой пользы. И очень важно, чтобы нынешнее состояние сохранилось в течение двадцати дней. Так как, наше совместное пребывание на этом празднике необходимо для нас самих, Рисале-и Нур, нашего служения, так и для нашего физического и духовного покоя, а так же, чтобы получить полную долю от молитв паломников, и сохранить от конфискации трактаты, которые были отправлены в Анкару, и чтобы увеличилось число тех, кто сочувствует нам в нашем тяжелом положении и принимает Рисале-и Нур. А это может стать доказательством того, что мы не вступили в ряды предателей страны, нации и религии, соглашаясь с этими серьезными ошибками.

Саид Нурси

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَہُ

Мои дорогие, преданные братья!

Из-за склонности к ваххабизму, не выдержав интереса и положительной оценки Имама Али (р.а.) в отношении Рисале-и Нур, и под влиянием необоснованных подозрений, что в прошлом

году привело к выливанию привезенной воды Замзам, а в этом году препятствовало людям для совершения ими хаджа, экспертная комиссия направила свою несправедливую, ошибочную и неоправданно ревностную критику на Пятый Луч. В свою очередь, сейчас для нас самым безопасным местом, в это время подозрений и тревог, является тюрьма. *Ин шаа Аллах, трактаты Рисале-и Нур, и для нас, и для себя, заслужат свободы.* Поскольку в этих тяжелых условиях и перед лицом стольких противников, Рисале-и Нур в беспрецедентном виде дает себя прочитать, и занять его учеников в тюрьме различной работой, не позволяя посредством Божественной заботы им опечалиться, мы вынуждены довольствоваться этим и вместо жалоб выражать благодарность. Именно из-за этого удовлетворения, я в состоянии вынести все свои тяжелые бедствия. И еще я не вмешиваюсь в дела Аллаха.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Из этих двух экземпляров, один принадлежит мне, а другой директору. Для начала вы откорректируйте копию директора в соответствии с написанной моим почерком. Изучая в этот раз Великое Знамение, я увидел, что вторая тема полностью, вместе с «Одной своеобразной беседой» в его конце, имеет большую важность, отчего я получил неизмеримую пользу. И чтобы вы тоже могли получить пользу, пусть один из вас читает, а другой слушает. Наши братья не должны сидеть сложа руки: наряду с работой по корректировке, другие братья пусть попарно читают и изучают.

Во-вторых: Моя копия Десятого Слова, тетрадь с письмами и все остальное, не должны потеряться и оставаться без дела в стороне. Контроль за этим я оставляю на Джейлана.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Читая сейчас Джальджалютию, у меня в сердце возник следующий вопрос: «Интересно, а какова связь между сурой

بِحَقِّ تَبَارَكَ ثُمَّ نُونٍ وَ سَائِلٍ и словом «предопределение» во фразе

شَمُّ نُونٍ на двадцать шестой ступени, что указывает на трактат о Божественном предопределении?» При чтении начала этой суры я увидел, что аят نَ وَالْقَلَمِ وَمَا يَسْطُرُونَ является главой, основой, источником и извечным учителем всех перьев, писем и книг, а так же словом [ن] указывает на перо Божественного предопределения, на Нур, и на свет вечного знания. То есть, как وَالذَّارِيَاتِ с мощной связью смотрит на Трактат о мельчайших частицах, так же словом [ن] сильными знаками он указывает на Трактат о Божественном предопределении.

Саид Нурси

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные и непоколебимые братья!

Во-первых: согласно смыслу **الْخَيْرُ فِي مَا اخْتَارَهُ اللَّهُ**, в затягивании нашего дела имеется польза. Так как, этого желало мое сердце и требовала свобода Рисале-и Нур. *Вы же, утешая и укрепляя друг друга, ведя между собой приятную беседу на научные темы, а так же переписывая и изучая Рисале-и Нур, удостоитесь Божественной милости, которая устраним все преходящие трудности и преобразует эти временные часы в вечные.*

Во-вторых: поскольку мы в предварительном изоляторе суда обменялись поздравлениями, в качестве праздничного сладкого подарка я послал к вам очень значимый для меня мед из села Нурс, вместе с водой Замзам, которую Зубейр, герой из Коньи, привез мне. Вы залейте воду во флягу из под меда и смешайте их вместе. Затем налейте в нее Замзам, и пейте на здоровье.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

С одной важной стороны мне был задан один существенный и значимый вопрос. Меня спросили: «В отношении вашей непричастности к политическому обществу было вынесено оправдательное решение тремя судами, к тому же, этот факт также не был установлен в шести провинциях, которые держали вас под наблюдением в течение двадцати лет. Тем не менее, у последователей Нура есть такая чудесная связь между собой, которую не найти в любом другом политическом обществе или комитете. Мы бы хотели услышать объяснение этому.»

В ответ я сказал следующее: *«Да это правда, последователи Нура не являются каким-либо обществом, и тем более они не относятся и не могут относиться к политической, мирской и негативной организации или комитету, с личными или с общинными интересами. Они являются внуками, сыновьями и дочерьми прежних героев этой земли, миллионов преданных Исламу предков, которые с совершенной радостью пожертвовали своими жизнями, чтобы заслужить звание мученичества. Они унаследовали тот характер самопожертвования, отображая эту чудесную привязанность, что в результате на Денизлинском суде обязали этих слабых и несчастных братьев объявить: **«Мы тоже готовы посвятить свои жизни за ту истину, ради которой пожертвовали своими жизнями миллионы героев!»** Сказав это от их имени, они вынудили суд ответить безмолвным удивлением и похвалой. То есть, среди последователей Нура есть такие верные, искренние и преданные, которые действуют исключительно ради довольства Аллаха и потустороннего мира, что страшные тайные общества масонов, коммунистов, коррупционеров, атеистов, безбожников и Дашнакичутюнов, не найдя средств противостоять им, замыслили разрушить и уничтожить их путем обмана правительства и судебной власти, используя при этом «гибкие» законы. Но, Ин шаа Аллах, они ничего не смогут сделать, только станут причиной для увеличения числа преданных Рисале-и Нур и вере.»*

Саид Нурси

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Изложу вам один похожий на вчерашний вопрос случай, на который я уже ответил сорок лет назад. В те давние времена, страстная привязанность учеников Старого Саида, делала их беззаветно преданными своему Устаду. А это в свою очередь позволило Старому Саиду выступить против активно действующих в окрестностях Вана и Битлиса армянского комитета Дашнакцутюн, и до известной степени препятствовать им. Он обрел винтовки «маузер» для своих учеников, что на некоторое время его медресе превратилось в казарму, где оружие и книги лежали рядом. В этот период их посетил дивизионный генерал, увидел медресе и сказал: «Это не медресе, это – казарма». После Битлисских событий это вызвало у него подозрения, и он приказал конфисковать наши винтовки, в количестве пятнадцати штук. Это все, что они смогли обнаружить. Через месяц или два началась мировая война, и я настоял, чтобы винтовки вернули»...

В связи с этой деятельностью у меня спросили: «Преданные революционеры армянской организации испытывают перед вами страх, что, в то время, когда вы вступаете на гору Эрег в Ване, революционеры избегая столкновения с вами рассеиваются и меняют свои позиции. Удивительно, какой силой вы обладаете, что она заставляяет их действовать таким образом?»

Я же на этот вопрос отвечаю так: *«Поскольку против нас выступают такие армянские революционеры, которые исключительным образом жертвуют собой ради преходящей жизни этого мира, и ради временной пользы и благополучия своей вредоносной идеологии. То безусловно, ученики, которые позитивно действуют ради вечной жизни, ради пользы великой и святой нации Ислама, и с убеждениями в неизбежности смертного часа, не останутся позади тех революционеров (Прим.). При необходимости они без колебаний и с гордостью пожертвуют тем смертным часом и несколькими годами своего внешне мнимого мира, ради миллионов лет жизни, и ради благополучия и пользы миллиардов единоверцев».*

Саид Нурси

Примечание: От имени своих братьев я смиренно говорю, что если появится такая необходимость, то Ин шаа Аллах, мы пойдем еще дальше. Продемонстрируем, что мы унаследовали от своих предков не только религию, но и героизм.

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные, верные и сострадательные братья!

Вот уже два дня, как от сильной простуды я испытываю головную боль и нервозность. В таких обстоятельствах, нуждаясь в утешении и дружественном общении с друзьями, я был зажат в ужасном одиночестве и изоляции. В сердце мне пришла следующая жалобная мысль: «Почему мы страдаем от этих мук? Какую пользу это может принести нашему служению?»

Неожиданно, этим утром мне открылась одна истина: мы были подвергнуты этому суровому экзамену и тщательному анализу с тем, чтобы многократными ударами по нам пробным камнем, точно определить: золото мы или медь; и во всех отношениях испытать нас несправедливыми обвинениями, пропуская три или четыре раза через все самые тонкие сита, чтобы убедиться в отсутствии корыстных желаний нафса и ухищрений, что является крайне необходимым для нашего служения, которое должно быть искренним и проявляться исключительно во имя истины и справедливости. И поэтому Божественное предопределение и благосклонность позволило этому случиться. Ибо, столкнувшись в настоящее время испытаний с упрямыми, несправедливыми врагами и их предложениями, все поняли, что нет никакого обмана, ни эгоизма, ни корысти, и никакие мирские, личные или потусторонние интересы не проникают в наше совершенно искреннее и истинное служение. И если бы это оставалось скрытым, то дало бы множество значений. А массы простых верующих не были бы уверены в нас. Они сказали бы: «Может быть, они хотят нас обмануть». Также и ученые оставались бы при своих подозрениях. Думая, что «возможно, они действуют так, чтобы завоевать к себе доверие, подобно некоторым обладателям степеней», и не прониклись бы абсолютным доверием. Теперь же, после этого испытания, даже самый упрямый и подозрительный вынужден признать. Трудность у вас одна, а выгод же тысяча. Ин шаа Аллах.

Саид Нурси

يَا سَيِّدِي سُبْحَانَكَ

Мои дорогие, преданные братья!

Когда они с их строгими запретами повсюду пытались отпугнуть от меня людей, статья в газете о моем инциденте в лагере для военнопленных, как объявление, увеличила их интерес ко мне. Три должностных лица, которые поддерживали оскорбления в наш адрес, и особенно направленные на мою личность, вчера во дворе тюрьмы сказали главному надзирателю: «Стоит Саиду появиться в окне, как люди собираются и смотрят на него. Он не должен подходить к окну, или же переведите его в другую камеру.» Однако вы вообще не беспокойтесь. Я решил терпеливо перенести все трудности. *Ин шаа Аллах, благодаря вашим благословенным молитвам, эти бедствия превратятся в отраду.*

В основе своей тот инцидент является достоверным, но по причине отсутствия свидетелей я не описывал его в деталях. Правда я не знал, что прибывший взвод уже был построен для того, чтобы казнить меня. Это я уже понял позже. И не понимал, что русский командующий говорил мне что-то на русском. То есть, капитан-мусульманин, который присутствовал при этом, и рассказавший впоследствии об этом случае в газете, понял, что командующий несколько раз произнес: «Простите меня!»

Братья мои! Пока я занят Рисале-и Нур, бедствия уменьшаются. Это означает, что нашим долгом является изучать его светлые истины и не придавать никакого значения преходящим вещам, а также в терпении выразить благодарность.

Саид Нурси

ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ ЧЕРТЕ ХАРАКТЕРА БАДИУЗЗАМАНА

[Эта статья была напечатана 15-октября 1948 г. в номере журнала Ахлю-Суннат. Она была написана владельцем этого журнала, который к тому же был адвокатом.]

Когда в Первую мировую войну я после ранения был захвачен близ Битлиса в плен, в тот же день был пленен и Бадиуззаман. Его отправили в Сибирь, в один из самых больших лагерей для военнопленных. Я был на острове Наргин, близ Баку. В один прекрасный день, Николай Николаевич посетил лагерь для того,

чтобы проверить заключенных. Во время обхода он прошел перед Бадиуззаманом, на что тот не обратил никакого внимания, и даже не пошевелился. Это привлекло внимание главнокомандующего. Вновь он под каким-то предлогом прошел мимо него во второй раз, и снова Бадиуззаман не поднялся на ноги. Проходя в третий раз он остановился, а затем между ними последовал следующий разговор:

– Разве Вы не знаете, кто я?

– Знаю, – Николай Николаевич, дядя царя, главнокомандующий Кавказского фронта.

– Тогда почему Вы оскорбляете меня?

– Простите, я не оскорблял Вас. Я только выполнил то, что повелевает мне моя вера.

– А что повелевает Ваша вера?

– Я мусульманский ученый. В моем сердце есть вера. Человек с верой стоит выше человека без веры. Если бы я встал, это было бы проявлением неуважения к моей вере. Поэтому я не поднялся.

– Таким образом, утверждая, что у меня нет веры, в моем лице вы оскорбляете и мою армию, и мою нацию, и царя. Пусть немедленно созовут военный трибунал и допросят его.

По приказу генерала был созван военный трибунал. Тогда, турецкие, немецкие и австрийские офицеры, приехавшие в штаб, попытались убедить Бадиуззамана извиниться перед генералом, но он им ответил: *«Я хочу перейти в мир Иной и предстать перед Пророком Аллаха (мир ему и благословение). Для этого мне требуется какой-нибудь документ. Я не стану поступать вопреки своей вере»*.

Все их старания уговорить его оказались напрасными, осталось только ждать приговора суда. Допрос был закончен. Суд приговорил Бадиуззамана к смертной казни за оскорбление царя и русской армии. Когда взвод выстроился для исполнения приговора, Бадиуззаман с совершенным спокойствием попросил офицера пятнадцать минут, чтобы выполнить свою обязанность. Это было омовение и два раката молитвы. Бадиуззаман совершал свой последний обряд, когда к месту казни прибыл Николай Николаевич. После завершения молитвы генерал обратился к нему:

– Прошу меня извинить. Я думал, Вы вели себя так, чтобы оскорбить меня, и я поступил соответственно. Теперь я понимаю, что Вы действовали так, как требует того Ваша вера. Ваш приговор отменен. Вы достойны лишь самых высоких похвал за твердость Вашей веры. Еще раз приношу Вам свои извинения.

Капитан, один из товарищей Бадиуззамана, будучи свидетелем этого случая, описал эту его чрезвычайную смелость и сильное

чувство религиозного достоинства, которые стали примером для всех мусульман. И услышав об этом, мои глаза невольно наполнились слезами.

Абдурахим

Несмотря на то, что наш Устад не рекомендовал написание этой статьи в газете, но по своему весьма любопытному, поучительному и вызывающему восторг характеру, она была включена сюда.

Хусрев

Мои братья!

Вследствие того, что у меня отсутствует аппетит, и подарки причиняют мне вред, я послал вам от своей доли три упаковки сливочного масла, одну корзину винограда, мешочек с яблоками, две пачки чая и сахар. Я собирался дать их вам в качестве подарка, однако я поинтересовался и узнал, что у вас тоже есть. На деньги, от них я собираюсь купить йогурт, яйца и хлеб, дабы Медресетуз-Зехра не обижалась на меня, говоря, что я не съел их подарка. Продайте их по дешевой цене нуждающимся и тем, кто этого заслуживает, чтобы дары Медресетуз-Зехры и его отдела стали благословенными в двух отношениях, а также исцелением для меня и для тех, кто их получает. Пусть Джейлан и Хыфзи займутся их продажей, а Хусрев проконтролирует это.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: в связи с газетной статьей обо мне, я вспомнил о следующем: если должностные лица, признавая сильные и искренние учения Рисале-и Нур, которые дают человеку обрести твердую веру – в сто раз лучше, чем я мог бы дать – будут продолжать упрямяться и не придут к добросовестности, притом, что властный русский полководец перед лицом достоинства веры, переосилив свой гнев, принес свои извинения, то разумеется никакое наказание, кроме Ада не сможет их очистить. Наказание за такое безграничное преступление не сможет уместиться в такую короткую жизнь. Ибо если масло будет испорчено, оно станет несъедобным, не как в случаях с молоком или йогуртом. Ин шаа Аллах, Рисале-и Нур спас большинство из них, прежде чем они были испорчены.

Во-вторых: пусть Мехмед Фейзи напишет Бедри, что я упомянул в своих молитвах тех, кого он перечислил в своем письме. И они тоже пусть молятся за меня.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: я должен описать вам о принятых в отношении меня мерах во время двух моих назидательных и удивительных периодов плена. Итак:

Мы вместе с другими девяносто военнопленными офицерами, находились в казарме города Костромы в России. Время от времени я давал им религиозные уроки. Но, однажды пришел русский полководец и увидел это. Он сказал: «Этот курд, будучи командиром ополчения, убил многих наших солдат. А сейчас он дает здесь политические занятия. Я запрещаю, больше никаких уроков!» Два дня спустя он снова пришел, и на этот раз позволил мне, сказав: «Поскольку то, чему ты учишь, не носит политического характера, а является религиозным и нравственным, можешь продолжать свои уроки».

Во время моего второго плена в этой тюрьме, со стороны должностных лиц было запрещено посещение одного из моих близких братьев, который в течение двадцати лет слушал мои уроки и сам дает их лучше меня. Мало того, они не позволяют присутствовать помощникам в моих основных потребностях, лишь бы только они не получали от меня наставлений. Тем не менее, Рисале-и Нур не оставил никакой нужды в других уроках, и у нас нет никаких других уроков и неразглашенных секретов. Так или иначе, коротко сократить этот длинный рассказ вынудили меня определенные обстоятельства.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Наш безгранично дорогой, любимый, ценный и благословенный Устад!

Выражая вам свое уважение и почтение, я хочу осведомиться о вашем самочувствии, и молясь за ваше здоровье, целую подол вашей одежды, руки и ноги.

Наш милосердный Устад! Вы, наш любимый учитель, попросили нас сообщить вам через одного благословенного брата о нашем мнении по поводу **Тонкости Хуве** в трех ваших ценных письмах, добавленных в конец защитительной речи.

Любимый наш учитель! В вашем первом письме, с одной важной стороны вам был задан вопрос: «несмотря на продолжающиеся в течение двадцати лет преследования и гонения шесть провинций и три суда не смогли обнаружить каких-либо признаков основания политического общества, в результате чего они вынесли вам оправдание; так почему же между учениками Рисале-и Нур существует такая удивительная связь, какую нельзя увидеть ни в одном комитете и обществе». Вы же ответили, что дети и внуки миллионов исламских патриотов, пожертвовавших собой ради приобретения степени мученичества, получили в наследство от них этот патриотизм, и поэтому противодействующие организации и комитеты терпят поражение перед лицом потусторонней, созидательной, искренней и истинной самоотверженности ваших учеников, которая послужила причиной тому, что вы, наш любимый учитель, высказали фразу, заставившую замолчать суды: «Да падут жертвой наши головы ради той истины, ради которой пожертвовали своими жизнями миллионы героев». К тому же вы дали понять, что те, кто стремятся рассеять последователей Нура, Ин шаа Аллах, не смогут достичь своей цели, а напротив, лишь станут причиной приумножения учеников и патриотов веры.

В вашем втором письме: как ответ на заданный вопрос вы сообщаете о имеющейся в вас, в нашем любимом учителе, и в ваших учениках силе, которая останавливала и вынуждала рассредотачиваться армянских и дашнакцютонских патриотов, вызывавших страх у верующих округа, против которых вы вместе с обучающимися у вас учениками выступали в защиту; и в ответ на ту удивительную самоотверженность, которую проявляли армянские патриоты ради временной пользы ничтожного национализма и брэнной мирской жизни, вы противопоставили сильную связь своих преданных учеников, усердствующих ради вечной жизни и созидательной пользы священной исламской нации, а также уверовавших в то, что смерть одна и неизменна; именно эта сила исходила оттого, что они несколько сомнительных лет своей мирской жизни с гордостью жертвовали ради жизни продолжительностью в миллионы лет, и ради благополучия и пользы своих единоверцев.

Ваше третье письмо: стало напоминанием о жалобе, возникшей в благословенном сердце нашего любимого учителя по поводу этих

мучений и одиночества, которое в этой болезни, среди потребности утешения и общения, продолжается уже более девяти месяцев. Так же вы сообщаете о том, что мы были подвергнуты этому суровому экзамену и тщательному анализу для того, чтобы, многократно ударяя по нам пробным камнем, точно узнать: золото мы или медь; и во всех отношениях испытать нас несправедливыми обвинениями, пропуская три или четыре раз через самые тонкие сита, чтобы убедиться принимают ли в этом участие наши нафсы или ухищрения, что является крайне необходимым для нашего служения, которое должно быть чистым и проявляться исключительно во имя истины и справедливости. И поэтому Божественное предопределение и благосклонность позволили этому случиться. Ибо, столкнувшись в настоящее время испытаний с упрямыми, несправедливыми врагами и их предложениями, все поняли, что нет никакого обмана, ни эгоизма, ни корысти, и никакие мирские, личные или потусторонние интересы не проникают в наше совершенно искреннее и истинное служение. И что каждая наша трудность приносит нам тысячу выгод. И если бы это оставалось скрытым, то имело бы множество значений, в связи с чем массы простых верующих и ученых оставались бы при своих подозрениях и не прониклись бы абсолютным доверием. В результате чего, после этого испытания, даже самый упрямый и подозрительный вынужден был признать это.

В вашем четвертом письме, под названием «**Тонкая особенность Хуве – имени Аллаха**», наблюдая и изучая страницы воздуха в вашем мысленном путешествии через материальную сторону слова

قُلْ هُوَ اللَّهُ أَحَدٌ هُوَ , являющейся частью священных выражений

и لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ проявляются изящная тонкость, которая указывает на единобожие, благодаря чему становится ясным, насколько легким является путь веры и трудным, мучительным является путь безбожия. Здесь, в очень приятной, прекрасной, убедительной и удовлетворяющей разум форме доказывається, что если приписать причинам те чудеса могущества, увиденные нами в сущности различных засеянных в землю (самую яркую сферу проявления Божественного могущества)семян в слове هُوَ, распространяющемся в частице воздуха (являющегося еще одним местом проявления Божественной воли), то зародятся небывалые трудности, но если объяснить это все посредством необъятности могущества Аллаха, то возникнет удивительная легкость. Мы убедились в том, что

тонкость «хуве» имеет ценность, подобно целой брошюре, и может быть экстрактом Тридцатого Слова и Двадцать третьего Сияния (Трактат о Природе). И этими вашими ценными трудами Рисале-и Нур возвышает и освещает с головы до ног каждого, кто его читает, что становится причиной для бесконечной признательности вам, нашему любимому учителю.

Хусрев

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَہُ

Мои дорогие, преданные братья!

Уже второй или третий раз на меня находит одно важное душевное состояние. Сейчас во мне появились признаки того же моего душевного состояния, которое тридцать лет назад заставило меня в Стамбуле подняться на гору Иша, и не позволило принять к себе даже для необходимых услуг покойного Абдурахмана, моего первого ученика и героя Рисале-и Нур. Я предполагаю, что это является предвестием о появлении Третьего Саида, полностью отказавшегося от этого мира. Стало быть, Рисале-и Нур и его храбрые ученики будут выполнять мои обязанности, во мне уже не осталось необходимости. К тому же, каждая содержательная часть Рисале-и Нур и каждый из непоколебимых искренних учеников дают уроки намного лучше меня.

Саид Нурси

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَہُ

Во-первых: исходя из некоторых признаков я предполагаю, что среди всех изданных собраний большее значение они придают Путеводителю. Я считаю, что «Тонкость Хуве», которая сломала хребет скрытым врагам – безбожникам, разбила идеологию о природе, ставшей их точкой опоры, и если они могли в какой-то степени спрятать этот идол в темных недрах земли, то после «Тонкости Хуве» у них не осталось никакой возможности скрыть его в прозрачном потоке воздуха, в результате чего они по причине упрямого неверия и вероотступничества, вводя в заблуждение суды, настраивают их против нас. Ин шаа Аллах, Рисале-и Нур обратит их в свою пользу, и оставит те нападки безрезультатными.

Во-вторых: и газета Эхл-и Суннат, и местная газета, а также пламенный ответ Зубейра стали в виде великолепной рекламы для

того, чтобы заниматься Рисале-и Нур. Кроме того, рассмотрите вместо меня понравившиеся мне темы, которые касаются нас, а затем, сообщите мне.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья Мехмед, Мустафа, Ибрахим и Джейлан!

Во-первых: вчера я стал свидетелем вашей оживленной беседы, и был сильно рад этому. Я слушал с такой радостью, будто тоже нахожусь рядом с вами. Но вдруг я увидел, как вас подслушивают с двух сторон. Это продолжалось полчаса. Я обеспокоился и подумал про себя: есть большая вероятность, что среди слушающих может находиться доносчик, который сделает из мухи слона и придаст неверный смысл сказанному вами; он внимательно прислушивается к разговору братьев, которые под влиянием атмосферы теплой беседы забывают об осторожности и не обращают внимания на него. Поэтому я отправил вам ответ. Альхамдулиллах, я понял, что этот разговор был безвредным. В это щекотливое время следует быть более осмотрительным.

Во-вторых: по письму Ходжи Хасана, которое он написал с чрезмерно хорошим мнением обо мне, в сто раз превышающим мое истинное положение, я понял, что он станет распространителем Нура, таким же, как покойный Хасан Фейзи, герой из Денизли. Ин шаа Аллах, подобно ему, в Афьоне тоже появится много таких, как Хасан Фейзи. И Афьон не будет отставать от Денизли, и обратит наши трудности в милость.

Саид Нурси

Братья мои!

Я не интересуюсь газетами. Но вполне вероятно, что в настоящее время статьи в газетных изданиях Эхл-и Суннат и Сабилуррашад, в которых о нас писали благоприятно, сбили с толку наших скрытых врагов из числа безбожников и завистников. Меня обеспокоила вероятность того, что они предпримут меры для того, чтобы заставить замолчать этих друзей.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Одно истинное утешение, которое свело на нет мои томительные несчастья.

Первое: Трудности обращаются в милость.

Второе: Счастье заключено в согласии со справедливостью Предопределения и в покорности ему.

Третье: Сущность особой милости в отношении учеников Нура приносит радость.

Четвертое: Мучения преходящи, а после их ухода приходит наслаждение.

Пятое: Безмерные воздаяния.

Шестое: Невмешательство в Божественные обязанности.

Седьмое: Самые малые тяготы и самые легкие раны, полученные при самых жестоких нападениях.

Восьмое: Намного более легкое положение в сравнении с другими несчастными.

Девятое: Радость от воздействия громких объявлений, становящихся результатом суровых испытаний в служении Нуру и вере.

Эти девять духовных радостей представляют собой такую успокаивающую мазь, что ее невозможно описать. Они облегчают наши тяжелые муки.

Саид Нурси

Мои дорогие, преданные и стойкие братья!

За десять месяцев эти нападки, которые всеми своими интригами совершают лицемеры, подчинив себе одного официального служащего, не поколебали даже самого слабого ученика. Эта их клевета ничтожна сама по себе. В ответ на наше разоблачение их ста обманов, они смогли найти только одну ошибку в нашем письме по поводу одной газетной статьи, которая подтолкнула вышеупомянутого губернатора к отставке, называя это несоответствующим действительности. Между тем как эта ошибка принадлежит той газете. Во всяком случае, такого рода клевета не оказала на нас даже одной тысячной доли воздействия, Ин шаа Аллах, не причинит она вреда и кругу Рисале-и Нур. И как

я вам уже говорил, не придавайте большого значения заведомо ложным сведениям этого служащего, пусть они не волнуют ваши мысли. Если в моей защитительной речи есть какие-либо оставшиеся без ответа законодательные пункты, то дайте на них краткий ответ. И скажите: «Саид говорит: «Я не буду придавать значения, отвечая на ваше недоброжелательное обвинительное заключение, чтобы не разгневать и не умалить честь трех судов, которые оправдали нас и Рисале-и Нур. Мое большое защитительное выступление является тому полным и совершенным ответом, и особенно на незаконное действие, которое проявилось с десяти сторон».

يَا سَمِيهَ سُبْحَانَہُ

Во-первых: Большой милостью Аллаха является то, что я не услышал заведомо ложное обвинительное заключение того человека. В противном случае я бы стал отвечать резко. А председателю суда я сказал, что за его несправедливое отношение я отдаю его на великий суд. И когда я говорил, что у меня нет адвоката, то подразумевал, что во всех вопросах нет единого адвоката для каждого из нас, а по поводу нападок в отношении моей личности я могу ответить только сам. Сообщите об этом Ахмеду Хикмату.

Во-вторых: в качестве ответа на обвинения прокурора достаточно будет наших старых защитительных речей.

В-третьих: Мустафа Осман и Джейлан написали мне о том, что они осмыслили, и еще о том, что это не окажет плохого воздействия ни на них, ни на круг Рисале-и Нур. Я видел героя Тахири. И он тоже осмыслил это в такой же степени. Меня интересует положение Хусрева, Фейзи и Сабри.

В-четвертых: Я полагаю, что поскольку сейчас неверие и заблуждение атакует под прикрытием комитетов и организаций, божественное предопределение позволило им причинить нам мучения с этой жестокой несправедливостью под предлогом политического общества. Стало быть, в настоящее время есть большая необходимость в объединении верующих людей. Но, по той причине, что мы не знаем этой истины, мы получаем пощечину от справедливости предопределения.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во времена господства деспотичных кабинетов, которые запрещают Хадж и выливают воду Замзама, позволяющих суровую несправедливость в отношении нас, и не придающих значения конфискации таких книг, как Зульфикар и Сираджуннур, а также повышая в должности чиновников, пристрастно и незаконно притесняющих нас, не слышащих громкого и угнетенного плача и голоса из наших домов, самым спокойным местом в таких обстоятельствах является тюрьма. Но было бы гораздо лучше, если бы нас перевели в другую тюрьму.

Во-вторых: подобно тому, как они вынудили читать самых посторонних для нас людей наши самые конфиденциальные брошюры, таким же образом они насильно вынуждают нас организовать некое сообщество. Между тем как, мы не ощущали никакой потребности в каком-либо обществе или комитете. Потому что исламское братство единого общества всех верующих весьма искренне и самоотверженно получило развитие среди учеников Нура; а также, эти ученики с абсолютной преданностью, унаследованной от миллионов своих героических предков, ухватились за истину, ради которой их предки в совершенной радости жертвовали своими душами, что до сих пор не оставляло нужды ни в каких-либо официальных, политических, тайных или явных сообществах и комитетах. Раз Божественное предопределение позволяет им нападать на нас, значит, сейчас в этом появилась необходимость. Они поступают несправедливо, обвиняя нас в мнимом сообществе. Предопределение же, говоря «Почему вы с полной искренностью и солидарностью не стали настоящим обществом Аллаха», дает нам пощечины их руками, и тем самым проявляет справедливость.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: я не считаю вас нуждающимися в утешении. Если вы станете укреплять духовную силу друг друга, то этого будет достаточно для вас. И та надпись, которая висит передо мной, тоже для меня достаточна. Эти последние нападки, с их совершенной несправедливостью и беззаконием, дали ясно понять, что это было

не более, чем устрашение, которое исходило от их бессилия и мнительности, а состояние местных жителей и полиции заявляло о своем несогласии с этим бессмысленным нападением.

Во-вторых: достаточно ли будет моей защитительной речи против нового обвинительного акта? Работают ли над этим Зубейр с адвокатом? И нет ли у них беспокойств по этому поводу? Пусть они вовсе не волнуются. Ибо, основываясь на тех статьях, которые стали причиной нашего обвинения, можно привести к ответственности всех тех, кто находится в духовном братстве, и даже всех имамов, а также учеников, которые берут уроки у своих учителей и преподавателей. Стало быть их противники обрели большую силу, что используя весь этот навязчивый страх и выдавая предполагаемое за действительное, они напали на нас под предлогом неслыханных предрассудков.

В-третьих: по моему личному убеждению нам необходимо остаться в тюрьме до самой весны. К тому же, в зимнее время начинается полный застой. Ин шаа Аллах, милость Аллаха снова придет к нам на помощь.

Саид Нурси

يَا سَيِّدِي سُبْحَانَكَ

[Письмо Хусрева]

Наш любимый Устад!

В то время как главной обязанностью ученых экспертной комиссии, которые ревностно изучали чудесные истины Рисале-и Нур, было отстаивать права верующих людей, и особенно защищать тех, кто распространяет истины Корана, они своим сфабрикованным отчетом настроили против нас судебные власти Афона расследовать это дело в мельчайших подробностях, в результате чего, вас, нашего любимого Устада, подвергли в течение восьми месяцев самым суровым репрессиям, а нам продлили срок нашего заключения. Несомненно, что ваши записи, вынудившие вас с сожалением ответить на рапорты тех, кто подстрекал Афонский суд против нас, является результатом вашей доброты. И хотя вы имели полное право обратиться с многочисленными вопросами к этим ученым, которые образовали фронт против нас в это самое опасное время, не говоря уже о том, чтобы они защитили вас, нашего любимого Устада, который в течение двадцати пяти лет с горсткой учеников боролся против наших скрытых врагов, и чтобы защитили Рисале-и Нур, включающий в себя наиболее

важные истины Корана, ваши очень незначительные вопросы не вызовут ничего, кроме порицания. Исключительная Божественная милость, которая превратила в великое чувство достоинства наше отчаяние, изошедшее в это щекотливое время от наших томительных ожиданий, снова проявила себя здесь, в Афонской тюрьме. И когда вы описывали землетрясения, происходившие во время нападков на вас, нашего любимого учителя, и на Рисале-и Нур, земля, которая не сотрясалась уже в течение восьми месяцев, снова придя в гнев, два раза достаточно сильно качнулась. И мы тоже стали свидетелями этому, что укрепило наши надежды. Тем самым, земля проявила милосердие и помощь вашему очевидному одиночеству перед лицом страшного натиска жестоких врагов, жаждущих уничтожить вас. И землетрясением подтвердила правоту вашего дела. Этим божественным могуществом, предоставляя благую весть о «нашей победе», через ваши благословенные перья, сделала нас по-настоящему признательными вам, нашему любимому Устаду.

Ваш крайне несовершенный ученик
Хусрев

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Во-первых: Необходимо проявлять осмотрительность и серьезность, а также совещаться между собой.

Во-вторых: Я получил одно духовное напоминание о том, что Зубейр, был дан мне вместо моего покойного племянника Абдуррахмана, а Джейлан взамен моего покойного племянника Фуада. Таким образом, я оставил на них здесь свои дела.

В-третьих: Я был осведомлен о том, что судьи сделали предлогом для моего заключения одно мое известное письмо, написанное в начале «Маидат-уль Куран» очень старательному, но неосторожному Ахмеду Фейзи, в котором говорится: «Саид подтверждает в свой адрес хвалу и все прочее». Но я неоднократно говорил, что прежде всего Ахмед Фейзи должен объяснить о несогласии с другими письмами в отношении меня, и что он должен изменить содержание одной его части, тем не менее, он написал то, чем излишне разозлил их. И если я увижу в нем даже тысячу недостатков, то я все равно не стану сердиться на него. Однако, чтобы вред не коснулся Нура, он должен в некоторой степени избегать неосторожных и опрометчивых действий.

В-четвертых: Наш брат Ахмед Фейзи, являющийся одним из многих героев с фамилией Фейзи, должен вести себя так же, как и Тахири в своей камере, в его медресе. И вместо ушедших, они должны вдохновлять своих учеников на уроки Корана и Рисале-и Нур, а также на их написание. Отправленные мне вчера тетради новых учеников обернули мое печальное состояние в радость. И я сказал «Альхамдулиллах».

В этот раз круг нападков весьма широк... Глава правительства и действующий кабинет министров, под действием необоснованных подозрений, совершили на нас спланированную атаку. Согласно одному полученному мной известию и судя по многим признакам, лживые доносы и интриги тайных лицемеров, показав нас полностью причастными к организации и даже назвав координаторами создания комитета по восстановлению халифата и секретного сообщества тариката Накши, вызвали у властей в отношении нас большие опасения. И в качестве доказательства они указывают на большие коллекции Рисале-и Нур, будучи изданными в Стамбуле и с большим одобрением распространенными во всем Исламском мире, чем окончательно напугали власть и бессовестно повернули завистливых Ходжей и мнительных чиновников против нас. По их мнению обязательно появится еще много подтверждений и свидетельств этому их утверждению. И они были уверены, что характер «Старого Саида» не выдержит и наломает дров. Да вознесется бесконечная хвала Аллаху, эта беда сократилась в тысячу раз. Несмотря на все их обыски, не было найдено ни одного признака нашей связи с каким-либо тайным сообществом или комитетом. Ведь мы не имеем никакого отношения к ним, чтобы еще и признаки были обнаружены. Поэтому прокурор вынужден был прибегнуть к лжи и клевете, давая неправильные значения и утверждения, за которые нет никакой ответственности. Поскольку истина такова, то мы и Рисале-и Нур были избавлены от бедствия на девяносто девять процентов. В таком случае, мы не должны жаловаться, а многократно благодарить и молить Аллаха, в терпении дожидаясь завершения этого проявления Божественного благоволения. И уроками Рисале-и Нур, мы должны утешить нуждающихся и тех, кто ищет их, которые постоянно входят и выходят из этого медресе.

Саид Нурси

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Из одного серьезного напоминания я понял, что вредоносно настроенные политические речи, которые вы и Ахмед Фейзи читали в зале суда, противореча таким принципам Нура, как не вступать в споры, не препираться с мирскими людьми, не касаться политики, и только при крайней необходимости немногословно защищать себя, причинили большой вред Рисале-и Нур. На самом деле, они послужили причиной нашего приговора и жестокого обращения со мной. Я вовсе не сержусь на тебя и на Ахмеда Фейзи. Однако, в первую очередь вы должны были показать их мне. Эта ситуация была дана вам в качестве материального божественного повеления. Вы должны действовать так, как я, чтобы исправить это положение. И Фейзи также больше всего необходимо изо всех сил отказаться от политического стиля защиты, и, как Тахири, занять себя Рисале-и Нур и новыми учениками.

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие братья!

Надо попытаться выполнить в Испарте и Стамбуле, если возможно и здесь, как старой так и новой письменностью, печать сорока с лишним страниц обо мне и Рисале-и Нур, списка ошибок и исправлений вместе с приложением к нему, а также ответ на газету «Пост». Поскольку суд дублирует на печатной машинке вопросы, касающиеся нас, то это является также и нашим законным правом копировать темы вместе с таблицей в девяносто ошибок, и мы должны это сделать. Позже, мои объемные защитительные речи и письменные возражения таких братьев, как Ахмед Фейзи, Зубейр, Мустафа Осман, Хусрев, Сунгур и Джейлан должны быть также напечатаны с Божьей помощью.

Said Nursi

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные братья!

Я получил напоминание о том, что должен написать вам о произошедших в течение двух часов двух странных, с виду незначительных, но на самом деле очень важных событиях.

Первое: я читал двум кандидатам в ученики Рисале-и Нур один важный вопрос из Путеводителя для молодежи, которой был вдохновлен мне в Ночь Могущества. И в тот самый момент, когда я в конце сказал: «*Рисале-и Нур дает заработать своим ученикам пятидесятилетний уровень образования медресе в течение десяти недель обучения*», мне на ум пришла следующая мысль: так же, как Старый Саид, в возрасте пятнадцати лет, удостоился с Божьей помощью знаний за пятнадцать недель, которые обычно приобретаются в медресе в течение пятнадцати лет изучений, так и с помощью Господней милости в это время, когда отсутствуют медресе, Рисале-и Нур является достаточным средством для приобретения знаний по наукам истин и веры в течение пятнадцати недель вместо тех пятнадцати лет, что подтвердили это на своем собственном опыте пятнадцать тысяч человек за эти пятнадцать лет.

Второе: В тот же самый час, наше тяжелое окно, будто без причины, упало на мою посуду и еду. Мы предположили, что и стекло, и вся моя стеклянная тара были сломаны, а пища в них пропала. Но на удивление, ни одна вещь не оказалась сломанной или испорченной. Пострадало лишь сваренное мясо, которое я получил в качестве подарка. Однако оно было предназначено для новых учеников Рисале-и Нур, поддерживая мое правило не принимать подарков, и неординарно соответствуя первому событию.

Саид Нурси

بِسْمِهِ سُبْحَانَهُ

Братья мои!

В некотором смысле абсолютно незаконно то, что наши документы и приложения не были до сих пор отправлены в кассационный суд для апелляции. Наши три уполномоченных адвоката должны насколько это возможно найти способ гарантировать их отправку. Иначе то, что прокуратура под разными предложениями растянула наше заключение на одиннадцать месяцев, и что она не позволила мне говорить в суде, и что содержала меня в тяжелых условиях одиночной и холодной камеры, указывает на ее враждебные намерения, неприемлемые справедливостью. Поэтому вам и нашим адвокатам необходимо всеми силами постараться, чтобы наше дело было передано на рассмотрение в суд другой провинции.

Саид Нурси

يَا سَمِيهِ سُبْحَانَهُ

Мои дорогие, преданные, искренние, стойкие и самоотверженные братья!

Во-первых: причина того, что я не держу при себе копию **إِنَّا أَعْطَيْنَا** заключается в том, что уже давно существует некоторая путаница в двух моих предчувствиях.

Первое: я предчувствовал, что наступит ужасное событие и с угнетателями произойдет беда, которая коснется лишь нашей страны. Однако, как я и предсказывал, спустя двенадцать лет, правда в больших масштабах и по всей земле, эта великая тайна стала очевидной. С одной стороны, мое предсказание на деле обрело несколько другой вид. Но, в целом, оно является правдивым и истинным. По этой причине, я не держу при себе тот трактат, и не даю его другим.

Второе: Сорок лет назад я многократно говорил: «Мы увидим свет». Я сообщал радостную весть об этом. Тогда я предполагал, что свет будет в масштабе всей страны. В то время как этим светом оказался Рисале-и Нур. И я ошибался, считая круг учеников Рисале-и Нур политической сферой всей страны и государства.

Господин начальник! Я благодарю вас за то, что в моей камере был повешен флаг по случаю Праздника независимости. Во время Национального движения в Стамбуле публикацией и распространением своей работы Шесть шагов, направленной против британцев и греков, я сослужил службу, возможно, равную службе военной дивизии, и Анкара знала об этом, потому что Мустафа Кемал дважды послал мне зашифрованные сообщения, вызывая в Анкару для вознаграждения. Он даже сказал: «Этот героический хаджа нужен нам здесь!» Так что я имею полное право повесить этот флаг в день этого праздника!

Саид Нурси

[Защитительное выступление учеников Рисале-и Нур в период их испытаний в Афонском суде, который начался в 1948 году, как заговор, с целью приговорить нас к смертной казни, а завершился вынесением решения о возврате всех трактатов Рисале-и Нур.]

Насколько же далеки от истины и справедливости те, кто, называя мирской и политической организацией, уличает в преступлении связи с Нуром и его переводчиком, которые связаны между собой исключительно искренним служением Иному миру; и вместе с тем, что три суда вынесли оправдательное решение по этому обвинению, мы говорим:

В основе общественной жизни человека и особенно исламской нации лежит чистосердечная любовь между родными, крепкая связь между племенами и родами, моральная помощь и братство со своими единоверцами и самоотверженное сочувствие соотечественникам, основанные на Исламском патриотизме, а также непоколебимая привязанность и преданность истинам Корана, которые сохраняют их вечную жизнь. Назвать политическим обществом учеников Рисале-и Нур возможно только отрицая эти связи, в корне нормализующие общественную жизнь людей, и принимая «красную опасность», которая сеет свои ужасные семена анархии с севера, и уничтожает поколения и народы путем использования их детей в своих целях, чем открывает путь к полному уничтожению человеческой культуры и цивилизации.

Поэтому ученики Рисале-и Нур без стеснения показывают свою связь с истинами Корана и братьями по Иному миру. И вследствие такого братства, они с согласием принимают любое наказание перед лицом вашего справедливого суда, и признают истинное положение вещей. Они не унижают себя, используя в своей защите хитрость, подхалимство и ложь.

Заклученный
Саид Нурси

[Защитительная речь Хусрева]

Уголовному Суду Афона

В своем обвинительном заключении прокурор в отношении меня использовал две формы обвинения: публичную и частную. Публичная форма предусматривала обвинение за мое служение Рисале-и Нур и соучастие в мнимом преступлении Устада. Частное обвинение же

состоит из ряда обстоятельств, связанных с моей личностью, а также с моей маловажной уединенной жизнью, которая не представляла из себя никакого преступления. В ответ на обвинение прокурора по поводу соучастия в мнимом преступлении моему Устаду, вследствие моего служения Рисале-и Нур, я говорю:

Я всей душой и сердцем принимаю участие в этом мнимом преступлении, в котором обвиняется мой Устад на своем пути, и особенно, в совершаемой им священной службе для этой родины и нации. И я буду до конца своей жизни благодарить Аллаха за успех в этом служении вере.

Уважаемая судебная коллегия!

Определенные доказательства моих успехов в служении Рисале-и Нур заключаются в следующем:

Несмотря на мое несовершенное арабское письмо, я удивительным образом и сверх своих способностей написал в неповторимой и в крайне совершенной форме три Корана. Один из которых находится у вас.

Второе доказательство моего успеха осуществилось с написанием почти шести сотен копий различных частей Рисале-и Нур, огромная заслуга которого уже в течение двадцати лет подтвердилась пользой для этой родины, нации, религии и высокой нравственности. И при этом мои друзья знают, что за короткий промежуток времени в один месяц я еще преуспел в написании четырнадцати трактатов. Я считаю излишним защищать те моменты, связанные с моим священным служением моему Устаду, который прокурор расценивает как преступление. Всеми силами соглашаясь с протестом против судебного решения моего Устада вместе с его приложением, я представляю их великому суду в качестве моих собственных.

Уважаемая судебная коллегия!

То, что находящийся до сих пор у вас под следствием мой Устад совершил священную службу для этой родины и нации своими благословенными, святыми и светлыми произведениями, являющимися истинами Корана и веры, и что он не преследовал никаких мирских или политических целей, смело подтверждается мной и нашими братьями. Более того, это подтверждали и патриоты Правительства партии Единения и Прогресса. Так как, в то время они выделили девятнадцать тысяч золотых лир на построение университета моего Устада в Ване, называемый «Медресетуз-Зехра». И национал-патриоты также подтвердили патриотическое и всенародное служение науке нашего Устада. В то время – когда бюджет был очень скудным – сто шестьдесят три депутата из

двухсот приняли финансирование ста пятидесяти тысяч лир на этот восточный университет моего Устада.

И вашему великому суду я заявляю, что горжусь своей обязанностью писаря и служением Рисале-и Нур, исполненным мной за последние двадцать лет на священной службе во всех научных работах моего святого и благословенного Устада, направленные на обеспечение краеугольного камня счастья этой нации и процветания страны, которые прокурор называет преступлением, и которые, несмотря на суровые и резкие слова на протяжении всей его жизни, вынудили признаться даже самых упрямых и завистливых противников, старающихся больше всех остальных осудить его на судах.

Заключенный
Хусрев Алтынбашак

* * *

[Защитительная речь Тахири]

Уголовному суду города Афьон

Как мне сообщило Управление государственного обвинителя Афьона, я вместе с моим учителем Бадиуззаманом Саидом Нурси и другими братьями был привлечен к суду по обвинению в подстрекательстве людей к действиям, нарушающим безопасность государства, используя их религиозные чувства.

Я правдиво ответил на вопросы, заданные мне на Мировом Суде Испарты и в следственном отделе Афьона. Оправдавший нас суд Денизли вернул нам все наши книги, а также не осудил нас за чтение и переписывание трактатов моего Учителя Бадиуззамана и за переписку с его учениками, являющимися моими братьями. Тем не менее, без разрешения моего Устада, я шесть лет назад по собственной инициативе распечатал в Стамбуле пятьсот экземпляров Седьмого Луча Бадиуззамана старой письменностью. И в соответствии с решением от 20.07.1945 г., Денизлинский суд вернул их в полном объеме вместе с коробкой, передав их мне лично. Затем они по себестоимости были распределены между желающими учениками Рисале-и Нур.

Итак, в результате этого заключительного решения, который был утвержден Верховным кассационным судом, два года назад я купил в Стамбуле печатную машинку и бумагу, а затем доставил их в Испарту.

Из трех собраний, которые находятся в вашем распоряжении, два из них переписал мой брат Хусрев Алтынбашак, а один был переписан мной. Прежде всего мы напечатали сборник Зульфикара, содержащий Чудеса Корана и Мухаммада (мир ему и благословение). Одну часть из них мы продали, и на вырученные деньги купили бумагу для сборника Посох Мусы. Затем мы напечатали Посох Мусы, и продали его. Потом мы, купив бумагу для сборника «Сираджунур», напечатали и его. Это продолжалось около года. И когда около тридцати копий этих коллекций отправились в Эгирдир, они были задержаны по пути, и переданы в судебные органы этого города. Спустя некоторое время, когда годом ранее мы были направлены в суд, после обыска в доме Хусрева Алтынбашака, произведенного по инициативе судебных органов Испарты, были изъяты печатная машинка и коллекции этих книг. В результате чего, Хусреву Алтынбашаку, мне и еще одному нашему товарищу вынесли наказание сроком в один месяц за самовольную печать запрещенных религиозных произведений. Мы обратились в кассационный суд, и не дожидаясь решения, меня отправили в тюрьму города Афьон.

Теперь, по поводу этого моего бескорыстного служения своей религии и своим единоверцам, в частности из-за вопросов Пятого Луча, который содержит толкования хадисов и был возвращен нам прежним судом, прокурор города Афьон под предлогом «нарушения безопасности государства» требует на вашем Высоком суде и для меня, и для автора Рисале-и Нур, и для Хусрева Алтынбашака, и еще для сорока шести других братьев-студентов наказания за то, что мы писали и читали эти произведения.

В вашем присутствии я говорю не отклоняясь от истины в качестве полноправного гражданина этой страны, что в течение многих лет я был учеником Саида Нурси, самого уважаемого нами учителя, который с помощью своих работ воспитывал наш нрав в религиозном отношении, и который гневно отвергал наши симпатии, когда мы его называли «муджаддидом». Я в несомненной степени могу засвидетельствовать, что ни он сам, ни его работы, и ни его ученики абсолютно не пытались нарушить государственную безопасность. Один из пунктов, по которому нам были предъявлены обвинения это вырученные от продаж книг деньги, в отношении которых суд города Испарты, в полной мере осознавая эту истину, не вынес нам обвинительного приговора. Однако, у нас нет необходимости получать средства к существованию от продажи книг, поэтому мы использовали эти деньги на покупку печатной машинки, бумаги

и чернил. И нет никакой вероятности, чтобы совершаемая нами с прекрасными намерениями и исключительно ради довольства Аллаха служение носило характер преступления, а следовательно, от вашего Высокого суда и совести я требую возвращения нам произведений Рисале-и Нур.

Заключенный
Тахири

* * *

[Защитительная речь Зубейра]

Уголовному суду города Афьон

Меня обвиняют в организации тайного общества и в нарушении безопасности государства. Как будет изложено ниже, уже с этого момента я отвергаю данное обвинение, и вы сами, будете несомненно убеждены в несовершении мною подобного рода преступлений. Да, я с радостью и откровенно могу сказать, что я являюсь учеником Рисале-и Нур. Отрицать это, противоречило бы урокам добродетели, которым научил меня Рисале-и Нур, и я не могу совершить такого проступка. Люди, читающие Рисале-и Нур, не смогут скрывать этого. Напротив, они провозглашают это с гордостью и бесстрашием. Ибо он не содержит ни одного слова или предложения, которое могло бы вызвать сомнения.

На сорока-пятидесяти страницах, я попытался описать значение Рисале-и Нур. Однако я не могу сказать, что оценил его по достоинству. Так как, для меня не представляется возможным восхвалить какую-либо часть Рисале-и Нур, не говоря уже о всей его коллекции. Ибо это настоящее толкование Мудрого Корана, которое является солнцем и разумом Вселенной, освещающее и направляющее человечество на верный путь в течение тысячи трехсот лет. Как я уже говорил выше, если в написанных мною работах, в которых я пытался описать его значение, был обнаружен вопрос, связанный с тайным обществом, то вы можете наказать меня за попытку распространить опасную литературу. Тем не менее, Рисале-и Нур, по подтверждению образованных личностей, написанный в исключительном и необычайном виде, имеет достаточно сил для исправления испорченного общества, является руководством для людей двадцатого столетия, и спасает их от заблуждения материализма и натурализма, от полной темноты их представлений, и посредством сияния и света Корана, он открыл и ясно указал

для человечества путь, ведущий к их счастью и спасению. И таким образом, я уверен, что если собрания книг Рисале-и Нур не содержат никаких обсуждений, связанных с преступлениями, в которых меня обвиняют, то наказывать меня, стало бы противоречием правосудию, с чем может согласиться и ваш суд.

На следствии было сказано: «*Являешься ли ты учеником Рисале-и Нур?*»

Я не считаю себя достойным быть учеником такого гения, как Бадиуззаман Саид Нурси. Но если он примет меня, то я с гордостью признаю: «Да, я – ученик Рисале-и Нур».

Мой устаз, Бадиуззаман Саид Нурси, несравненный автор книг Рисале-и Нур, неоднократно предавался суду, подвергаясь клевете со стороны его тайных врагов, но каждый раз ему выносили оправдательный приговор. Рисале-и Нур, построчно был внимательно изучен комиссией из профессоров и исламских ученых, и ими было вынесено заключение о том, что эта работа написана с непревзойденным знанием и представляет собой настоящий комментарий к Корану. Поскольку истинное положение таково, то почему же он вновь привлекается к суду? Свое твердое мнение же по этому вопросу, я изложу следующим образом:

Те, кто читает Рисале-и Нур, и в особенности пронизательная молодежь, обретают сильную веру. Они становятся непоколебимо самоотверженными, религиозными и преданными своей родине. Ибо там, где есть несокрушимая вера, не сможет найти себе опору безнравственность и порочность, привитая отрицательной идеологией. И пока растет численность обладающих такой непоколебимой верой, масонство и коммунизм, никогда не смогут распространиться. Рисале-и Нур посредством аятов Корана, весомых аргументов и доводов, рационально, логически и благоразумно доказывает то, что материалистическая философия, на которой основан коммунизм, не имеет абсолютно никакой связи с истиной и реальностью, и что ее теория совершенно необоснованна. Он, освещая тех, кто попадает в темноту тех испорченных идей, сохраняет их. С мощными доказательствами даже материалистам, которые верят только в то, что могут видеть их глаза, доказывает существование Аллаха, а также невозможность Его непризнания и отрицания.

В частности, со своим оригинальным, привлекательным стилем, и высоким литературным слогом, это замечательная работа дает прочитать себя учащимся средних школ и студентам высших учебных учреждений.

Именно из-за этого коммунисты и масоны понимают, что Рисале-и Нур образует сильное препятствие для распространения их смертоносных идей. Они прибегают к различным уловкам и клевете в целях его устранения, или же, чтобы это истинное толкование Корана, которое является мощным источником веры, перестало быть читаемым. Хотя до сих пор, не было никаких признаков приписываемой нам лжи, они по – прежнему продолжают устраивать нападки на нас. Отсюда становится ясным, что они хотят запугать и заставить нас отказаться от книг Рисале-и Нур, и с другой стороны предложить нам взамен свою ядовитую публикацию. В результате чего, полностью лишая наш народ и молодежь своей веры, и приводя к снижению их моральных устоев, они таким образом, хотят добиться развала государства. Стремятся предать эту страну и ее народ иностранной державе. Я же, в присутствии судебной коллегии, смело заявляю:

Они должны знать и трепетать от страха, что нас не запугать простыми угрозами. Ибо мы, увидели в Рисале-и Нур истину и реальность, познали ее и уверовали. Турецкая молодежь не дремлет. Эта героическая турецкая нация Ислама, не склонит своей головы под гнет другой страны. Храбрая мусульманская молодежь, согласно силе своей обретенной веры, не предаст родную страну. Набожная и воинственная турецкая нация, и верующая, отважная турецкая молодежь, ничего не боятся. Именно по этой причине, мы читаем и будем читать Рисале-и Нур, который поднимает нас на самую высокую степень человечества, способствует нашему продвижению в каждой сфере, и воспитывает в нас, молодых, любовь к религии, стране и нации, делая истинными приверженцами религии, готовых принести себя полностью в жертву. Как мною уже было сказано выше, несмотря на то, что я прочитал очень мало из Рисале-и Нур, но все же смог извлечь из этого большую пользу. Эта работа имеет несоизмеримую пользу, как для этой страны и нации, так и для всего человечества в целом. И будь у меня богатства, то я потратил бы все на его распространение. Ибо, я готов пожертвовать всем своим существом ради моей религии, вечного счастья и благополучия своей страны и народа.

Более того, я не уверовал в Рисале-и Нур простодушно. Тридцать три аята Корана, Хазрети-Али (да будет доволен им Аллах) и имам Абд-уль Кадир Гейлани (да святится его тайна), в виде подтверждения из сокрытого, сообщают о написании книг Рисале-и Нур, и, о его руководстве для людей этого столетия. Кроме того, прочитанные

мною части Рисале-и Нур придали мне уверенности в том, что эта коллекция состоит из работ, которые учат истине и реальности, а так же, перевоспитывают человечество.

Я ощущал большую пустоту в своей душе. И когда, при поиске книг, я впервые прочитал Рисале-и Нур, то не смог оторваться от него. Почувствовал, что знакомство с ним, несет в себе огромную потребность в моем сердце. Нашел в ней рациональные и убеждающие разум доказательства, которые спасали меня от сомнений в вере и знаниях. Таким образом, я был избавлен от бедствия всякой мнительности. И понял из его истин, что Рисале-и Нур был написан для нас, людей этого столетия.

Сильная вера необходима для того, чтобы обрести такие самые возвышенные добродетели, как благой нрав, хорошие манеры и вежливость. Чем больше я читаю об истинах веры, разъясненных с помощью чрезвычайно весомых доказательств и ясных примеров в Рисале-и Нур, тем сильнее укрепляется моя вера. Благодаря этому, я был спасен от отказа от своей религии, которая является истиной и включает в себя принципы высшей цивилизации, и от бедствия быть проглоченным красным монстром. Таким образом, Рисале-и Нур спасает своих читателей от многочисленных материальных и духовных бедствий; делает их осведомленными, более чем выпускника университета, вселяет в них любовь к Исламу, стране и народу, учит их покорности Аллаху, трудолюбию и состраданию; никто из тех, кто понимает его значение, не расстанется с ним, чего бы ему это не стоило. Эти искренние почитание и уважение, не смогут быть вырваны из сердец.

Рисале-и Нур, описывается обвинительной стороной, как пагубное произведение. Я самым решительным образом протестую против этой бесчеловечности и лжи. А также, они утверждают, что я был содействующей стороной в этом деле. Да, это правда. Однако сердца всех просвещенных, услышавших эту ложь восприняли это с болью, плакали и скрежетали зубами. Двадцатый век является временем доминирующих позитивных идей. Обстоятельства без приведенных доказательств и аргументов, невероятны, и мы не будем верить в них. Мы хотим доказательства того, что эти произведения являются на самом деле пагубными.

Если оклеветавшие нас наши скрытые враги поставили себе одним из замыслов уничтожение солидарности тех, кто читает Рисале-и Нур, которая проявляется ради служения Корану и в виде исключительных связей друг с другом, в устах мусульманского братства, и не обращенный к любой другой цели, помимо уважения,

сострадания и любви, то они глубоко обманываются. Пусть понапрасну не занимаются этим. Будучи самым отстающим и простым из читателей Рисале-и Нур, я даю им такой ответ:

Даже если один из нас будет находиться на востоке, другой на западе, один на юге, а другой на севере, один в будущей жизни, а другой в этом мире, мы по – прежнему будем вместе. Если сообща соберется сила даже всей вселенной, она не сможет отлучить нас от нашего великого Устада Саида Нурси, от Рисале-и Нур и друг от друга.

Ибо мы служим Корану, и будем служить. Потому что мы верим в истинность будущей жизни, и никакая сила не сможет искоренить эту духовную любовь и нашу солидарность. Так как, все мусульмане будут собраны вместе у обители вечного счастья.

С вашего позволения я опишу вам один важный факт, касающийся благополучия нашей страны и нации: одним из тайных планов коммунистов является подстрекательство народа против правительства.

Они доводят до руководителей правительства ложные сведения, с тем, что бы те отправили Бадиуззамана Саида Нурси в тюрьму, а его произведения, рассматривали как вредоносные. Однако, никто не верит в эту негативную пропаганду. В течение многих лет люди этой нации, так прочно уверовали в то, что Бадиуззаман Саид Нурси является уникальным исламским ученым этого столетия, и во всех отношениях не имеет себе равных, что никакая пропаганда не сможет разрушить это их истинное убеждение.

Я возношу хвалу и благодарность Всемогущему Аллаху за то, что Он дал мне возможность получить пользу от работ великого Устада. От всего своего сердца и души, я признателен ему, послужившему причиной неизмеримой пользы для моего обучения урокам веры и Ислама. Поскольку мой Устад в течение долгих лет в трудностях писал произведения, спасая меня от вечного одиночного заточения, а мою юность, от уловок коммунизма, то я готов буду томиться за него в этой мирской тюрьме в течение многих лет.

Если я подвергнусь смертной казни на пути этого толкования Корана, который за двадцать лет дал миллионам людей уроки религии, веры, Ислама и добродетели, сохраняя их от безбожия, то буду идти к виселице не замедляя шаг и восклицая : «Аллах! Аллах! Йа Расулуллах!» А если же я буду расстрелян на пути Рисале-и Нур, который защищает нашу молодежь от отказа от своей религии, будучи охваченной коммунизмом и скатываясь к вечным страданиям, и от преступления предателя своей родины, за которое они могут быть расстреляны, то я не дрогнув, обнажу свою грудь под

пули. И прошу от своего Господа, что если я буду искромсан ножом ради моего Устада Бадиуззамана, чтобы моя кровь разбрызгивалась во все стороны фразами: «Рисале-и Нур! Рисале-и Нур!»

Уважаемая судебная коллегия!

Чтение уроков Рисале-и Нур поистине удивительно и оригинально, и оно не имеет себе равных. Целью других видов образования является получение материальных благ и достижение различных позиций. Люди учатся, а скорее, даже они вынуждены учиться, в основном ради славы и материальных выгод. Однако тот, кто, получая образование, продолжает читать трактаты Рисале-и Нур, которое напоминает неорганизованное и свободное образование университета, не лелеют никаким другим мирским целям, помимо служения вере и Корану.

Тем не менее, Рисале-и Нур, который состоит из серьезных научных трактатов об истинах веры, читается с таким энтузиазмом, желанием и удовольствием, что он пробуждает в тех, кто читает преданно, желание читать его снова и снова. Хотя те, кто переписывая читает Рисале-и Нур, ставят свою жизнь под опасность, стоя у дверей зала суда, они открыто заявляют, что читали эти замечательные произведения, и что будут продолжать их читать. Даже если они узнают, что в отношении них будет вынесено решение исполнения казни, они все равно не воздержатся проявить свою стойкость. Таким образом, одна из многочисленных чудесных особенностей Рисале-и Нур, дало вам следующее убеждение: *«Неужели те, кто признает это, подобрали свои жизни с обочины дорог!»*

Стало быть, в Рисале-и Нур и у Бадиуззамана имеется такая высокая истина, без содержания какого-либо вреда, что они не смогли отрицать этого.

Обычно студенты обучаются с учетом воспитания дисциплиной и авторитета. Бадиуззаман же, никого не принуждает к чтению Рисале-и Нур. Несмотря на это большинство из сотен тысяч читателей, не видя его, самоотверженно и решительно становятся его учениками, получая уроки от книг Рисале-и Нур. Такой чудесный метод воспитания никогда не встречался ни в одном медресе, и не в любом другом университете.

Уважаемый прокурор сказал, что «уважение проявленное к Бадиуззаману, не было ранее предоставлено ни одному другому толкователю Корана».

Да, это верно. Судя по тому, что уважения и почтения удостоиваются согласно величию и достижениям, а признательность и благодарность зарабатывается по степени полезности, то

произведения Бадиуззамана, предоставляют возможность получить огромную степень пользы, что уважение и благодарность по отношению к ней являются беспрецедентными.

Масоны и коммунисты стараются для того, чтобы Бадиуззаман, самый большой исламский мыслитель и автор двадцатого столетия, оставался неизвестным нам, и особенно молодежи. Но бдительная турецко-мусульманская нация и молодежь, познали этого героя религии, нашего Устада, извлекли от него пользу и позволили другим сделать это. Именно по этой причине, их исключительная привязанность и доверие непоколебимы.

Поскольку, содержащиеся в Рисале-и Нур аяты, не утратив особенностей величайшего чуда Мудрого Корана, были искусно и творчески изложены на турецком языке, что каждый класс общества – мужчины, женщины, должностные лица, торговцы, ученые и философы – имеют возможность прочесть и понять его. Получая выгоду, по мере своих способностей, они все более сильнее привязываются к нему. Школьники, студенты, профессора, преподаватели и философы читают его. Эти просвещенные круги, получая необычайную пользу, подтверждая оригинальность и превосходное искусство в написании книг Рисале-и Нур, в полном изумлении чувствуют в себе сильное желание прочитать собрание полностью.

Когда проникательные и умеющие ценить люди, впервые знакомятся с Бадиуззаманом и Рисале-и Нур, они бесконечно сожалеют о том, что не познали их раньше; и для того, чтобы наверстать упущенное, не тратя своего свободного времени на бессмысленное, если даже у них будет пять минут, они предают им большое значение с тем, чтобы день и ночь проводить за чтением книг Рисале-и Нур. Эти чрезвычайный интерес и востребованность, никогда ранее не встречались по отношению к трудам психологов, социологов и философов. Только образованные из них могли извлечь пользу. Ученик средней школы или умеющая читать женщина, читая произведения выдающегося философа, не смогли извлечь из этого пользы. Однако каждый, в соответствии со своими способностями, смог получить ее от книг Рисале-и Нур. По этой причине, весь народ ждет вашего решения об оправдании Бадиуззамана и учеников Рисале-и Нур. И если Саид Нурси не наставлял бы своих учеников о необходимости терпения, выдержки и умеренности в период несчастий, то подобно тому, как он собирал их к сражению, будучи командиром сил ополчения в Первой мировой войне, также и тысячи почтительных учеников Рисале-и Нур, раскидывая свои шатры

на вершинах вокруг Афьона, ждали бы оправдательного решения Афьонского уголовного суда.

Труды Саида Нурси и учеников Рисале-и Нур, рассматриваясь в рамках закона, не могут быть уличены в качестве тайного общества. Однако, почему же это не может быть доказано? Неужели компетентный юрист, который поднялся по службе до должности главного прокурора не имеет права обосновать этого в соответствии с законом? Конечно же нет, он не является не правоспособным. Просто не существует никакой организации, которую можно было бы назвать тайным политическим обществом. Именно поэтому оно не может быть доказано.

В первоначальном заявлении прокурора с абсолютной точностью и в соответствии с законом было сделано утверждение того, что *«ученики Рисале-и Нур не относятся к политическому обществу»*, а затем позже, изменяя его, он почему-то сказал, что *«относятся»*, это является противоречивым друг другу. Разумеется последнее считается недействительным. Мы уверены, что судьи, ясно понимая этот факт, дадут решение о том, что *«нет никакого тайного общества»*.

Уважаемые Председатели суда! Если во время страдания от горя и тоски отрывался бы кусок от сердца, то известие о потере одним молодым его религии, разорвало бы его сердце на мельчайшие частицы.

Таким образом, ваш оправдательный приговор может стать причиной эффективного спасения мусульманской молодежи и Исламского мира от этого ужасного несчастья. Это еще одна из причин, которая неразрывно связывает меня с Бадиуззаманом и его произведениями.

Ваше же решение об оправдании Рисале-и Нур, которое даст ему полную свободу, сохранит всю турецкую молодежь и всех мусульман от трагедии безбожия. Ибо без всякого сомнения, в один прекрасный день, Рисале-и Нур, сокровищница возвышенных истин, станет известным во всем мире. И тогда вы заслужите одобрения всего человечества. Ваше решение об оправдании Рисале-и Нур, сделает нынешнее и будущее поколения благодарными вам, а чем больше он будет читаться и приносить пользу, тем с большим почтением вы будете упомянуты.

Будьте осторожны! Не подумайте, что эти мои произнесенные искренне слова – притворны. Абсолютно нет! Потому что в то время, когда Бадиуззамана судят, я никого не боюсь и не колеблюсь.

Только с вашего позволения хочу лишь самую малость сказать: если прокурор будет продолжать делать такие презренные

обвинения в адрес Рисале-и Нур, который в этой благословенной стране, является превосходным средством препятствования масонству и коммунизму, а также, в адрес его автора и читателей; и воздерживаясь от принятия этих обвинений совершенно ошибочными, с пристрастием выступить против них, то он будет воспринят содействующим коммунизму и масонству, и станет помогать распространению вредоносных атеистов, против которых, на самом деле, должны быть сделаны эти обвинения.

[Составная часть дополнения к кассационному суду]

С помощью доказательств Рисале-и Нур восстанавливает веру людей от разрушений, появившихся в результате сомнений и подозрений, которые исходят от публикаций тайных атеистических организаций.

Итак, одним из наиболее ощутимых причин притягивающих молодежь к книгам Рисале-и Нур, словно наэлектризованных, заключается в следующем: в течение многих лет с исключительной преданностью и самопожертвованием, пожилой, больной и нуждающийся во внимании Бадиуззаман Саид Нурси, с совершенным терпением пережил различные муки своих тайных врагов, коммунистов, масонов и прочих обманутых ими людей. Поистине, своим пронизательным и реалистичным взглядом, он смог отличить многочисленные коварные замыслы против религии, и написал трактаты о вере, которые сводят на нет их интригующие и тайные планы.

Однако крайне прискорбно и печально положение того, что за двадцать пять лет они пытались устранить в тюрьмах, темницах и одиночных заточениях этого несравненного человека и Исламского героя. Если, даже по причине необоснованного подозрения, исходящая от замыслов и враждебности коммунистов, автора Рисале-и Нур подвергнут наказанию, то вновь его произведения будут читаться со все более возрастающим интересом и энтузиазмом.

Первое и самое мощное доказательство этого заключается в следующем: молодые люди, которые читают книгу Посоха Мусы, растиражированной новой письменностью, за короткий срок учатся коранической письменности для того, чтобы иметь возможность читать остальную часть книг, написанную тем же шрифтом. Это устраняет препятствие незнания Коранической письменности,

которое мешает человеку изучить многочисленные науки, и вынуждает его читать произведения, написанные специально с целью отдаления его от религии и веры. *Всякий раз, когда молодые какого-либо народа были осведомлены и укреплены Кораном и вытекающими из него науками, этот народ начинал развиваться и прогрессировать. Молодежь начинала заполнять свои души, сгорающие от потребности в вере и Исламе, светом и файзом этого толкования Корана. Таким образом, удостоившись осознанной веры, наша молодежь будет бороться против безбожия и коммунизма, и ни за что не продаст свою страну врагам Ислама. Поэтому, если коммунисты найдут возможность уничтожить все бумаги и чернила, то многие из молодых, подобных мне, и пожилых людей будут готовы пожертвовать собой ради распространения истин Рисале-и Нур, и если это будет возможно, то мы сделаем свою кожу бумагой, а кровь чернилами.*

Да! Да! Да! Тысячу раз да!

В обвинительном заключении прокурор говорит: «Саид Нурси, отравляет учащихся университетов своими произведениями.» На что мы в ответ говорим: «Если Рисале-и Нур является ядом, то у нас есть нужда в тоннах и тысячах килограммов этого яда. И если он знает, откуда его можно достать в изобилии, то пусть он отправит его нам самолетами!»

В то время, когда мы, ученики Рисале-и Нур, ради служения вере и Исламу подвергаемся преследованию угнетателей, мы предпочитаем смерти в полном комфорте умереть в углах тюрем или на виселицах. Мученическую смерть в тюрьме, в которую мы были несправедливо брошены вследствие нашего служения Корану, мы признаем как великую милость Аллаха, лучше, чем жить под видом свободы, а в действительности, окованными абсолютным деспотизмом.

Заключенный Афьонской тюрьмы,
Зубейр Гундузальп

P.S. После того, как это защитительное письмо и дополнение к нему были направлены в кассационный суд, председатель суда отдал приказ телеграфировать об освобождении из тюрьмы Зубейра.

[Защитительная речь Мустафы Сунгура]

Уголовному Суду города Афон

Прокуратура требует для меня наказания по поводу обвинения в принадлежности к обществу «Нурджулар» и подстрекательства людей против правительства.

Во-первых, не существует какого-либо общества под названием «Нурджулар». И себя к таковому обществу я никоим образом не отношу. Я принадлежу к великой и светлой, святой и Божественной Исламской общине, которую основал Почтенный Мухаммад (мир ему и благословение), Гордость вселенной, дающему всему человечеству радостную весть о вечном благополучии и счастье, что на протяжении четырнадцати веков в каждом веке включал в себя по триста пятьдесят миллионов своих представителей. Хвала Аллаху, я вознамерился всеми своими силами подчиниться священным предписаниям Ислама. Что же касается приверженности Рисале-и Нур, за которое сейчас меня обвиняют, то это произведение является Кораническим Чудом, обучившим меня моим религиозным обязанностям и ответственности по отношению к вере, давшим мне разъяснение о величии Ислама и святости религии, являющимися наилучшими средствами достижения счастья для всего человечества. Также он помог мне понять, что Коран является Божественным Повелением Величественного Творца – Вездесущего и Всевидящего Хозяина всех творений. Все творения, начиная от частиц, заканчивая звездами и Солнцем, находятся под Его извечным правлением. И под Его божественным повелением находятся все события от извечности до вечности, что демонстрирует чудо Его деяний. Благодаря Рисале-и Нур я также осознал, что священный Коран это настоящее чудо с сорока сторон, являющийся извечной проповедью Вечного Солнца и находящийся выше всех книг по значению, который своей благой вестью роду человеческому о вечном счастье сделал благодарным по отношению к себе всех людей, тоскующих по вечности. К тому же, я понял, что Благородный Посланник (с.а.с.) был послан со стороны Творца мироздания. Он является Любимцем Аллаха, и став причиной сотворения вселенной, всеми своими состояниями является самым совершенным из всех людей, и самым преданным и благородным, и в своем достоинстве самым возвышенным из них. И посредством принесенного им Нура Ислама, он является самым великим благовестником для всего человечества, дарящим самое святое утешение. И на протяжении четырнадцати веков он осуществляет

свое духовное правление над пятой частью человечества; и с тех пор все духовные приобретения его уммы аналогичным образом записываются в книгу его благодеяний. А также Рисале-и Нур, своими удивительными аргументами и яркими доводами, решительно и несомненно доказал существование Вечного мира, Рая и Ада.

Рисале-и Нур своими словами и предложениями свидетельствует о существовании извечного и вечного Нура, исходящего от света Корана и света Мухаммада (мир ему и благословение).

А вследствие того, что он относится к Корану, как особое толкование, то с этой позиции он является небесным и связанным с величественным Аршем. Так вот, Рисале-и Нур, про который считают, что он подстрекает народ против правительства, в действительности же всеми своими Словами, всеми Лучами, Сияниями и всеми Письмами дает урок о Божественных истинах, Исламских законах и Коранических тайнах. Интересно, разве является преступлением чтение в такой степени почтенного, весьма возвышенного, высоконравственного и добродетельного толкования Рисале-и Нур, дающего убедительный урок божественных истин, и переписывать его рукописи, дарящие вечное счастье, ради извлечения пользы одним верующим со стороны его веры? Разве это подстрекательство народа против властей? И посещение такого брата, наделенного высокой нравственностью и добродетелью, находящегося на высокой вершине человеческого совершенства и на самой высшей степени веры, коим является автор этих столь благословенных и величественных произведений, или же проявление братства на пути веры и Корана по отношению к ученикам Рисале-и Нур, которые добром и правдивостью, своей несокрушимой верой и убежденностью оберегают и возвышают честь Ислама и истины Корана, не преследуя при этом никакой иной цели, кроме как обретения довольства Аллаха, разве все это является организацией общества? Интересно, какая чистая и справедливая совесть сможет за все это дать наказание?

Уважаемые Судьи! Нет абсолютно никакого сомнения в том, что все Слова, Лучи и Сияния из Рисале-и Нур, обретающего самую высшую степень веры и подтвержденного со стороны самых высших ученых, являются по одному светлomu толкованию Корана Чудесно-Издающего, по одному сильно сияющему Солнцу, устраняющему духовный мрак и духовные болезни.

Наделенный обязанностью нести на себе авторство Рисале-и Нур, наш Устад, противостоя на пути Корана разнообразным затруднениям и проблемам, своим распространением истин Корана

в это время, и, особенно стараясь спасти детей этого благословенного народа от ужасных нападений коммунистов и различных групп безбожников, свидетельством своей чистой и безупречной жизни показал, что он в это время был наделен священной обязанностью служения вере. Он нам (да упаси Аллах) не дает уроки пораженчества и безнравственности. Скорее он дает нам урок спасения веры, являющейся в этом мире самым важным вопросом и самой великой проблемой рода человеческого. Его старания на протяжении этих двадцати пяти – тридцати лет посредством Рисале-и Нур спасти веру сотням тысяч верующих, и особенно таким, как я беднякам, неосведомленным об Исламе; а также своим преподаванием урока веры, являющейся самым большим счастьем и целью жизни, конечно же, и несомненно, он является для нас Божественным благоволением. Людям, которые отрицают его святое служение вере и его религиозную службу, поступая, таким образом, противоположно всей истине и справедливости, и воспринимающим его вредоносным общественной жизни, мы скажем:

Если верой связать себя с Аллахом, и религиозными предписаниями стараться спасти людей от таких ужасных бедствий, как безнравственность и неверие, и вечным счастьем Ислама делать человечество счастливым, является преступлением, тогда они могут сказать, что для общественной жизни он является вредоносным. Иначе же все это будет являться самой большой клеветой и абсолютно непростительным преступлением. Целью Рисале-и Нур является не этот мир, а довольство Извечного и Вечного Милосердного обладателя Величия, перед которым все изыщества огромного Рая являются всего лишь сиянием Его любви, а все вечное счастье и находящиеся в этом мире очарование, являются всего лишь тенями Его прелестной красоты. Поскольку имеются такие вот Божественные, святые и весьма возвышенные цели, то мы тысячи раз очищаем Рисале-и Нур от грязных, греховных и тленных явлений, наподобие подстрекательства народа против властей. И мы прибегаем к защите Аллаха от всех тех, кто препятствует нашему просвещению в религиозных науках, не желает нашего старания в вопросах веры, и пытается такими вот клеветническими способами нас подавить.

Уважаемые судьи!

Указания тридцати трех священных аятов и одобрительные заявления Имама Али (р.а.) и Шейха Гейляни (к.с.), и еще сотен исследователей истины о том, что Рисале-и Нур является нуром из Корана, и что ухватившиеся за него Ин шаа Аллах спасут свою

веру, твердым образом подтверждают, что он ни в коем случае не погаснет и не будет повержен. Примером этого является тот факт, что совершаемые на протяжении двадцати пяти лет нападки на Рисале-и Нур с целью его уничтожения, напротив, послужили причиной его еще большего распространения и сияния. Так как его хозяином является Величественный Правитель, под могущественным и извечным правлением которого находится все, начиная от извечности вплоть до вечности. Потому что его истины являются истинами Корана, и благодаря Божественному обереганию и благоволению он будет вечно сиять.

Уважаемые судьи!

Если читать и переписывать Рисале-и Нур, подтвержденный твердыми доводами в том, что он является в это время великим Кораническим чудом и его светлым толкованием, не преследующим иной цели, кроме довольства Всевышнего, обучающим воодушевлению и самой возвышенной любви по отношению к Исламу, и если давать верующим братьям его брошюры, разъясняющие истины имана, является преступлением; и если объединение на пути Корана, веры и любви к Аллаху, на пути Исламского братства, являющегося религиозной связью и исходящего из священных религиозных повелений, со святыми и божественными братьями по вечной жизни является созданием общества, то в таком случае быть представителем такого вот общества для меня является большим счастьем. И это счастье превыше всех наград и заслуг. Да вознесется безграничная хвала Всевышнему Аллаху за то, что такому бедняге, как я, довелось удостоиться большой милости стать учеником Рисале-и Нур, дающему возможность обрести такое вот счастье и удачу.

﴿ حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ ﴾

﴿ حَسْبِيَ اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ عَلَيْهِ تَوَكَّلْتُ وَهُوَ رَبُّ الْعَرْشِ الْعَظِيمِ ﴾

Учитель
Мустафа Сунгур

[Дополнение к апелляции Мустафы Сунгура]

1. Уголовный суд, называя «подстрекательством народа против властей» такие мои действия, как чтение и переписывание книг Рисале-и Нур, и то, что я, дав их нуждающимся верующим братьям, с тем, чтобы они смогли извлечь из этого пользу, предусмотрел это в качестве правонарушения. Однако, в своем письменном обжаловании на данное обвинение, я сказал, что Рисале-и Нур, который, как предполагается, подстрекает народ против властей, является истинным толкованием Корана. Он всеми своими частями, учит истинам веры и дарует величайшее счастье для тех, кто читает и переписывает его. Он не ставит перед собой целью преходящие пути, подобно настраиванию людей против руководства, по которым идут распутные и аморальные бездельники, а скорее, лишь довольство Аллаха, находящееся на самой совершенной ступени счастья. Я горжусь тем, что, читая и переписывая Рисале-и Нур, который дал мне возможность обрести веру, как самую большую заслугу и самый сладкий дар, сделал меня самым избранным из его учеников, и его беззащитным служителем. И, ценя высший Божественный дар в отношении моей принадлежности к Рисале-и Нур, я постоянно благодарю своего Господа, который почтил такого несчастного и недостойного, как я, этой огромной щедрости; но, несмотря на все это, не основываясь на законах правосудия и аргументах, признав мою связь с верой и Исламом преступлением, меня наказали не по справедливости.

2. Я был свидетелем тому, что во время учебы в институте Гелькёй в Кастамону некоторые учителя давали нам уроки по атеизму. Они говорили, (да сохранит Аллах), что Коран написал пророк Мухаммад (мир ему и благославление), и Ислам отныне будет упразднен; и что цивилизация продвинулась далеко вперед, а следовать в этом столетии Корану будет большой ошибкой и упадком. Однажды, даже один преподаватель сказал, что пока мусульмане выполняли обязательные молитвы и думали об Ином мире они всегда пребывали в бедственном положении и проводили свою жизнь в тоске; и что в исламских мечетях постоянно веяло увядающей атмосферой, в то время, как христианские церкви всегда были полны радости и жизни; и что христиане счастливо проводили свое время, наслаждаясь жизнью, с игрой на музыкальных инструментах и другими развлечениями. Так они старались разорвать в наших сердцах связи с Исламом и верой, а вместо них привить отрицание и неверие.

В таком случае, если один несчастный человек, которому вселяли подобную отвратительную идеологию, и чью духовность они пожелали уничтожить с помощью своих вредоносных атеистических учений, что увлекшись даже и уверовав (да сохранит Аллах) в эти идеи, начнет их распространять; а затем, прочитав несколько трактатов из Рисале-и Нур, изливающегося из несравненного сияния Корана, которые блестящими доводами и аргументами доказывают истины веры и Ислама, а также, что религия Ислам, это неугасаемое духовное солнце, служащее средством для достижения человеческого счастья и благополучия, он вдруг отбросит все эти пагубные идеи, и обретая веру, не станет скрывать своей бесконечной радости и счастья, которые почувствует к сострадательному, преданному и истинному герою, Устаду Бадиуззаману, давшему возможность удостоиться этого через свои трактаты, который был обременен обязанностью написания Рисале-и Нур, спасая этого несчастного от своей прежней беспечной жизни и заблуждения, что в результате привело его к вере и свету, а для всего человечества же, стало неким Солнцем руководства прямого пути и средством обретения счастья, и в особенности, Божьей милостью для всех верующих людей; квалифицируя в качестве «тайной разрушительной организации Суфьяна» тех, кто своими гнусными и агрессивными нападками на Коран и Ислам, как было описано ранее, стимулирует сынов этой героической мусульманской нации к отказу от религиозных верований, пытаются нанести урон священным и Божественным основам Ислама, с которыми связаны миллионы людей, а затем, разрушить их вечное счастье; с чувством глубокой жалости и отвращения по отношению к тем сумасшедшим, приветствующим их агрессивные и тиранические разрушения он обратился к своим бывшим сотоварищам по этим урокам, которые впали в сомнение относительно их веры, со словами: *«Давайте откажемся от порочности и прихотей наших душ; преклоним колени перед истинами Корана, поспешим в медресе Рисале-и Нур, как к наставнику этого века на пути счастья. Оставим ложь презренных и то, что они выставляли нам за истину, которой мы рукоплескали в течение нескольких месяцев или лет; и обращая свои сердца к урокам Бадиуззамана Саида Нурси, примем его как нашего Устада. Давайте отвернемся от мрака и примем свет»*; интересно, не будет ли это исходить от чувства радости своей веры, от любви и привязанности к Корану и Исламу, от желания обретения каждым осознанной верой и безграничного счастья, будучи преданным своему народу?

Разве это преступление, вверить себя Аллаху и провозгласить, что Ислам является самой возвышенной религией, несущей добродетель и благовест о вечном счастье? В то время, как ложь и клевета со всех сторон начинают предпринимать попытки атаковать Коран и Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха), уничтожить высокую сущность и священную цену этих книг; тогда, как они распространили печатные издания по основам безбожия, атеизма и аморальности, и эти непокорные Аллаху, никчемные и временные личности, которые атакуют Ислам, пользуются уважением, а их еретические и недозволенные поступки с почетом приветствуются; разве является преступлением верить и провозглашать о святости и возвышенности Рисале-и Нур, как о Божественном свете и даре чуда Корана, который ясно и решительно объясняет и доказывает величие, достоверность и святость Корана и Мухаммада (мир ему и благословение), существование Аллаха и, что вселенная со всеми ее существами, составными частями и системами свидетельствует о необходимости существования и единстве ее Творца; и что человек, с точки зрения своего разума и мыслей, а также, как наиболее яркое зеркало Божественных Имен, является своего рода султаном всех других существ; и что если человек свяжет себя с Аллахом через поклонение, веру и удержит себя от заблуждений, пороков и тяжких грехов, то он будет достойным подняться выше всех остальных существ, на самый высокий уровень совершенства, и станет уважаемым гостем, удостоенным вечного счастья и Рая; однако, если он через многобожие, непокорность, беспечность и заблуждение, станет отрицать своего Творца, то став несчастным, упадет ниже животного, и опустившись на самый низкий уровень, заслужит для себя вечный Ад и бесконечные мучения; и что Коран есть истинное и постоянное Божественное Слово, а его предписания и повеления неизменны, а Ислам это истинное и вечное счастье для человечества, которое возможно только с подчинением приказам Корана?

Временное, пяти-, десятиминутное прочтение романов или рассказов, написанных с целью недозволенного удовольствия и против основ Ислама, а также, печать чрезвычайно опасных и губительных для благополучия страны и нации изданий, их одобрение и рекомендации к чтению, не считаются преступлениями, а то, что мы читаем, пишем или сверх наших возможностей описываем возвышенные особенности Рисале-и Нур, который является выразителем солнца Ислама и благовестником истинной веры, в которых сотни миллионов людей нашли истинное счастье, воспринимается в качестве преступления. Интересно, может ли

посчитать это нарушением закона тот, кто имеет в своем сердце веру размером с частицу, и желает благополучия для страны и народа?

Уважаемые судьи кассационного суда!

Предоставленное вашему вниманию дело является непосредственно священным делом веры и Корана. Это борьба за вечное счастье и спасение миллионов людей. С ним связаны все пророки (мир им), во главе с Почтенным Посланником Аллаха (мир ему и благословение), все святые и бесчисленное количество изыскателей истины и верующих, а также, все наши предки, которые ушли в мир вечности. Сейчас, вам предоставляется возможность завоевать любовь и приветствия, молитвы и заступничество тех миллионов изыскателей истины. Высокая истина, под названием Рисале-и Нур, находится перед вами. Действительно ли его целью являются преходящие и мимолетные завоевания этого мира, или же, его цель достичь довольства Аллаха, как самого великого счастья, совершенной радости и самой высокой благодати? Настраивают ли все его Слова людей к аморальности, или же он дает им приобрести веру, высочайшую нравственность и добродетель?

Находящийся перед вами Рисале-и Нур, это Божественный Свет, который проистекает из духовного красноречия Корана Превосходно-Излагающего. Поскольку, самым важным делом в жизни каждого человека является обретение веры для того, чтобы иметь возможность перейти из этого мира в царство вечного счастья. И поскольку Рисале-и Нур, давая уроки истин веры, определенно дает возможность решить этот вопрос посредством избытия Корана, что становится очевидным из свидетельств сотен тысяч людей, читавших и переписывавших его, и согласно сообщениям многочисленных аятов Корана и хадисов Пророка (мир ему и благословение), и с твердым заявлением таких многочисленных святых, как имам Али (р.а.) и Гавс-аль Азам (да святится его тайна). И разумеется, и без всякого сомнения, что вы через вашу привязанность к истине и справедливости, выше всякого рода переживаний над всем тленным, будете понимать и ценить истинность Рисале-и Нур, его коранический облик и прекрасное значение, и увидите, что его ученики, не ставят перед собой никакой другой цели, кроме довольства Аллаха.

Уважаемые судьи кассационного суда!

С высокой нравственностью и добродетелью, с великим состраданием и милосердием нашего уважаемого и дорогого Устада Бадиуззамана, который стремится спасти людей от глубокой тьмы ложных представлений и вечного заточения, претерпевая

самые суровые бедствия и мучения, и посредством исполнения священного долга распространения истин Корана, возложенного на него со стороны Всемогущего Аллаха, он достиг в наше время пределов высшей ступени совершенства, но вопреки этому он не по справедливости попадет в тюрьму. Печальное положение нашего благословенного и по-настоящему гуманного Устада, пронзает сердца и вызывает боль; в свои семьдесят пять лет, будучи престарелым, больным и одиноким, он своим непревзойденным вероубеждением, поклонением, блестящим интеллектом и образованием не ставит для себя никакой другой цели, кроме как сохранения веры людей, продолжает находиться в страшных мучениях среди сильного холода тюрьмы города Афьон. Полагаясь на вашу чрезмерную привязанность к высокой справедливости и истинную человечность, мы ожидаем от вашего правосудия проявления к нему глубокого сострадания и симпатий.

Мустафа Сунгур

[Защитительная речь Мехмеда Фейзи]

Уголовному суду города Афьон

В обвинительном заключении говорится, что я был главным переписчиком моего Устада Саида Нурси, непосредственно связанный с ним самим и с Рисале-и Нур обязанностями служения, в результате чего, сочли это за преступление. Со своей стороны, подтверждая данное обвинение, я всеми силами горжусь этим положением. Так как, в моем естестве имеется мощное стремление к знаниям. Доказательством этому служит то, что во время процесса в Денизли в моем доме, после проведенного обыска, был официально установлен факт наличия более пятисот различных научных книг, некоторые из которых были на арабском языке. Несмотря на мое безденежье, молодость и отсутствие знаний арабского, это необычное желание и чрезвычайная любовь к учебе, встречающееся в это время у одного из тысячи, заставила меня собрать эти пять сотен книг.

В связи с этой врожденной потребностью, я долгое время искал настоящего Устада. Бесконечная хвала Всемогущему Аллаху за то, что Он дал мне искомое вдалеке в непосредственной близости от меня. Да, жизнь моего Устада Саида Нурси свидетельствует о том, что его единственной целью в жизни было сильное стремление к

знаниям и наукам Ислама. На примере собственных наблюдений и опубликованной биографии Устада, а также из собранных от его прежних учеников сведений, я ясно понял, что та любовь к учебе в моем естестве, в таком необыкновенном виде имеется и у моего Устада; в противоположность всем остальным ученым медресе этого времени, он удивительным образом и собственными силами смог сохранить процесс обучения в медресе, стойко проходя через каждую трудность. При этом, политики не понимая этого необычайного состояния моего Устада, пытались в некоторой степени связать его с политикой, к которой он не испытывал никакого интереса, и, в конце концов, даже бросили его за решетку. Однако позже Всемогущий Аллах сделал эту его страсть к знаниям, ключом к истинам Корана. В результате появился Рисале-и Нур, который оставил всех ученых и философов в изумлении. Примерно в то же время, будто Божественная милость, я нашел этого Устада рядом с собой в Кастамону, которого искал всю свою жизнь, и природа естества которого была похожа на мою, но в чрезмерно возвышенной форме. До конца своих дней, я буду благодарным за это.

Так же, мой Устад ради сохранения достоинств знаний, с самого начала никогда не принимал пожертвований и подарков, как не позволял он этого делать и своим ученикам. Он не преклонялся ни перед кем. В действительности, еще одним удивительным обстоятельством является то, что он не поставил себя в унижительное положение, прячась в окопы во время сражения на передовой линии, тем самым сохраняя достоинство знаний. Так же героически сохраняя честь науки перед лицом трех, вызывающих страх, командиров, он совершенно равнодушно отреагировав на их гнев, заставил замолчать. Поэтому я принял его, как моего истинного Устада, пожертвовавшего всем ради сохранения высокой чести этого народа, страны и турецких улемов. Даже если предположить, что у него имеются сотни изъянов, то ради его такой истинной преданности своей стране и нации, стоит отнести к нему с почтением и не подвергать критике.

Примером тому, как была оценена непомерная служба нашего Устада во имя страны и нации, патриотами этой страны в период Второго Конституционного строя и националистами Республики, является следующее: правительство комитета Единения и Прогресса дало девятнадцать тысяч золотых лир на закладку фундамента в Ване, но отложенного по причине событий Первой мировой войны, Восточного университета Медресету-Зехра, по системе образования Аль-Азхар. По той же схеме, спустя двадцать четыре года, под

петицией ста шестидесяти трех депутатов руководством Республики было решено выделить на университет 150 тысяч лир. Успех нашего Устада в организации своими силами строительства большого университета, подобного университету Аль-Азхар, но созданного, правда, по инициативе тысяч преподавателей, показывает, что все патриоты и преданные своей стране, вместе с преподавателями медресе (религиозных школ), должны по праву ценить и приветствовать его. Что же касается нас, то отыскав такого Устада, мы решили претерпеть всякие лишения и трудности. Я испытываю безграничное уважение к нему, как к исключительному ученому нашего времени, который лучезарными знаниями и истинами ста тридцати своих работ заставил меня двигаться вперед по пути веры и знаний. Ин шаа Аллах, это мое отношение будет неизменным до самой вечности.

Обвинительная сторона с целью вынесения мне приговора, после многих месяцев обысков и исследований, не достигла действительности факта какого-либо существования «тайной организации, якобы использовавшей религию и религиозное настроение, с целью нарушения общественной безопасности». Нет у нас никаких связей с подобным обществом. Наше единственное внимание, в рамках законов Республики, приковано к Рисале-и Нур, который претерпел самые суровые испытания, удостоился должного уважения со стороны высшего комитета экспертов и был оправдан правомочными судами. И это не является предательством по отношению к стране и нации, а скорее, непосредственное служение для получения ими полезных наук. За исключением этого у нас нет ни каких-либо политических целей, ни любых других намерений. Таким образом, с наличием факта нашей невиновности и искренности в этом вопросе, я прошу для себя от вашего правосудия, такого же справедливого оправдания, как и в суде города Денизли.

Заклученный в Афыонской тюрьме,
Мехмед Фейзи Памукчу из Кастамону

[Защитительная речь Ахмеда Фейзи]

Уголовному суду города Афьон

Уважаемые Судьи!

Разве не является обязанностью и правом верующего служить Корану и Пророку (мир ему и благословение) посредством совместных встреч с ученым религиозных наук, читая и переписывая его книги об истинах веры, и спешить на помощь к его товарищам по религии? Имеется ли статья в Конституции, запрещающая нам исполнение данного служения? Разве будет считаться преступлением критиковать некоторые аспекты атеистических и аморальных течений нашего времени? Мы лишь исключительно религиозно-настроенные люди, без каких-либо связей с политикой или правительством. Иметь благое мнение о ком-либо и считать его достойным одобрений, является личным мнением каждого из нас. Мы знаем Бадиуззамана, как самого выдающегося ученого религиозных наук этого времени. Как выразителя истин религии без какого-либо обмана. Мы называем его муджахидом, из-за его вступления в борьбу против течений безнравственности и неверия, которые угрожают нашей родине, и его служения вере, опирающегося на непоколебимые истины Корана. В стране, в которой доминирует свобода совести и вероисповедания, мы не можем быть признаны виновными за свое добросовестное мнение. Следовательно мы не обязаны перед кем-либо отчитываться.

Что касается вопроса о переданных в хадисах личностях, которые появятся в конце времен, то мы скажем, что не выдумывали эти повествования от себя. Они берут свое начало в религии. В ряде хадисов Посланника Аллаха (мир ему и благословение Аллаха) говорится, что продолжительность жизни его общины не превысит тысячу пятьсот лет. Он сообщает о крупных исторических событиях до того времени, которые будут иметь важнейшее значение для жизни его общины и для жизни мира, называя их «признаками Конца Света». Он обратил внимание мусульманской Уммы на их пагубную сторону. Он сказал, что беспечные и невежественные, сталкиваясь с этим злом, подвергнутся вечным страданиям и лишениям. И имеется бесчисленное множество религиозных доказательств этому. Мы верим в Аллаха, Его Посланника и Коран. И не стремиться ли нам теперь вследствие такой веры в правдивость Посланника спасти самих себя от вечной гибели? Разве мы не видим, что происходит вокруг нас? Задайтесь вопросом: «А настали

ли те опасные времена? Как бы мы не стали поколением, которое станет жертвой этих опасностей!» Разве мы не должны указывать на их аспекты к существующим религиозным истинам? Интересно, если отворачиваясь от имеющихся перед нами положительных аргументов и проверенных научных истин, которые ведут нас к знаниям о божественном существовании, и допуская безбожие Европы самой величайшей необходимостью цивилизации и единственным условием просвещения, мы откажемся от нашей религии, то кто тогда спасет нас от вечной гибели? Разве мы не должны задумываться об этом? Будет ли человек с такой направленностью мыслей, который не признает ничего превыше Корана и его истин, бросать себя в вечную гибель перед страхом временного наказания в этом мире?.. Придаст ли он значимость некоторым тленным вещам? Станет ли он отказываться от своей обязанности служить Аллаху, Его Посланнику и Его религии? Таковы истинные факторы наших связей с Бадиуззаманом. Существует ли другой источник религии, который смог бы подавить извечные потребности наших душ?

Уважаемый Прокурор рекомендует нам для чтения тысячи арабских книг и еще множество неспособных выразить душевное состояние современного человека произведений, которыми заполнены библиотеки. Ему самому и мыслящим, как он, может прийти не по душе собрание научных знаний, сокровищница независимых норм и высокие истины, под названием Рисале-и Нур; они могут даже его раскритиковать. Это их личное дело. Но они не могут вмешиваться в наши интерес и внимание к тому или иному произведению. Нам нравится Рисале-и Нур. И мы знаем, что это толкование Корана, истинные и искренние книги по основам религии. Измерение ценностей и значение суждений является вопросом свободы совести. Никто не может в них вмешиваться. Да, мы согласны с тем, что автор книг Рисале-и Нур всегда учит урокам исключительной истины. Его несогласие с данным фактом не поколеблет нашего мнения. Более того, наше убеждение основано не на его караматах в физическом мире, а на караматах его знаний, чрезвычайные проявления которого мы наблюдаем в учении Рисале-и Нур, который бросает вызов всему просвещенному миру знаний. Можете ли вы показать нам второго такого же Бадиуззамана, у которого период обучения наукам не продолжался более трех месяцев, но несмотря на это, он своими необычайными способностями смог распространить такой блестящий свет знаний, настолько совершенно отображая логику в крайних пределах науки, что оставил в изумлении даже самых выдающихся мыслителей; и на

изученном только во второй половине своей жизни языке, он смог продемонстрировать подобный увлекательный стиль красноречия и захватывающую манеру изложения; можете ли найти другого такого человека, переполненного любовью и рвением, такое бушующее море веры, сокровищницу Божественных знаний, океан мудрости?

Думаете ли вы, что мы чрезмерно считаем Устада образцом духовной силы и света, который не проявляет ни малейшего интереса к мимолетной помпезности и показной роскоши, не склоняется даже к самой незначительной выгоде или удовольствию, не придает никакого значения прислужникам, пачкающимся грязью мимолетных увлечений; тот который ни от кого не ждет, не просит и не принимает ничего; тот, кто выражает наилучший пример чистейшего целомудрия и нравственности, терпеливо и упорно выстаивая всякие лишения, посвятив себя истине, свету Корана и знаниям Мухаммада (мир ему и благословение), и по вине избытка своего милосердия плача от страданий народа; и который несмотря на все вероломства никогда не отказывался от своего служения, ради счастья окружающих его; и пренебрегая своей старостью и одиночеством, с данным от Аллаха упорством самоотверженно сражался и стремился спасти людей от пропасти невежества и водоворота безбожия? В дополнение к каратам его знаний, описанных выше, он достоин, чтобы его узнавали и считали примером для подражания, как образец совершенства, добродетели, несравненного самопожертвования и самодостаточности, как пример целомудрия и умеренности, продемонстрированные в это время упадка моральных ценностей.

Именно таким взглядом мы видим Бадиуззамана и его произведения. Интересно, из-за нашей ли привязанности к нему, возникшей исключительно от нашей веры и твердого убеждения относительно суровых упреков и порицаний, изложенных Кораном и Мухаммадом (мир ему и благословение) о неверии и нравственности, он смог вовлечь нас в политику, рассматриваемую как мимолетную грязь? Можно ли назвать подстрекательством воздействие на духовное развитие незапятнанных душ и невинной совести сыновей наших праотцов, спасти их от вечного исчезновения, дав им знания об Аллахе и Его Посланнике, истине и Коране, которые в течение двадцати пяти лет не смогли узнать об истинах религии и направляются к абсолютной гибели?

Уважаемые Судьи! Мы никоим образом не вовлечены в политику. Для не обладающих знаниями о ней, подобно нам, политика сопряжена с тысячью опасностями, риском и ответственностью.

В любом случае, мы не придаем никакого значения всему мимолетному и показному. Обращаем свое внимание только на прекрасную сторону этого мира, которая ведет нас к Божественному довольству. Поэтому мы категорически отвергаем выдвинутые против нас обвинения по поводу преследований нами политических целей и противостояния государственной концепции. Будь у нас такие намерения, то за двадцать пять лет они дали бы обнаружить свои самые незначительные проявления. Да, у нас есть одна негативная направленность, но она обращена на порицание безнравственности и безбожия. Это исходит только от веры и нашей непосредственной практики в ответ на грозные предостережения и суровое содержание Корана в отношении этих вещей. Если эти побуждающие причины не убедили вас в способах изложения нашей искренности, чистосердечия и истинности, то приговорите нас к такому наказанию, к какому пожелаете. Однако, не стоит забывать, что Иса (мир ему), который на сегодняшний день имеет шестьсот миллионов последователей, был приговорен к смерти властями своего времени, подобно некому вору, только потому, что его сердце билось ради счастья человечества, и что он был носителем пророческой миссии увещателя.

Будучи свободными людьми, мы будем гордиться перед лицом нашего приговора за высказанное нами. И восклицая

حَسْبُنَا اللَّهُ وَنِعْمَ الْوَكِيلُ, мы открываем наши руки в молитве прося только лишь у Отвечающего на потребности в День Суда.

Заклученный Афьонской тюрьмы
Ахмед Фейзи Кул из Ортактлар Буджаглы

[Защитительная речь Джейлана]

Уголовному суду города Афьон

Делая много шума из ничего, вследствие моего преданного служения Устаду и Рисале-и Нур, обвинительная сторона выставляет меня в качестве видного дипломата и каверзного заговорщика. В ответ на приобщение к моему делу большей доли вменяемого Рисале-и Нур предполагаемого преступления, я скажу: получив большую пользу от прочтенных трактатов моего Устада Бадиуззамана

по основам религии, вероубеждения и нравственности, я в такой степени привязался к нему, что готов пожертвовать ради него своей жизнью. Но, тем не менее, это моя привязанность отнюдь не такая, какую выдвигает обвинение, в образе приносящей вред для страны и нации, и подстрекающего народ против государства, а скорее, это неразрывные узы на пути сохранения себя от вечного уничтожения в могиле, которой никому не избежать, а также, сохранение веры моих братьев по религии, нуждающихся, как и я, в ее сохранении в это опасное время; и нравственно воспитывая их, сделать полезным инструментом для нации и страны.

Я один из приближенных к нему. В течение четырех лет я время от времени с гордостью служил ему. За это время, кроме всецелой его добродетели, я не был свидетелем ничему другому. Ни разу не слышал от него ни единого слова относительно его принадлежности к миссии Махди или обновителя религии. Более ста тысяч экземпляров Рисале-и Нур и сотни тысяч его искренних учеников, которые сохранили свою веру, читая его трактаты, могут засвидетельствовать о нем, как о самом воплощении кротости.

Мой благословенный Устад считает себя таким же учеником Рисале-и Нур, как и мы. Это то, что он утверждает. И это легко можно увидеть из имеющихся в вашем распоряжении многих его писем, особенно в трактате об Искренности, которая включена в собрание Посоха Мусы. В своих письмах и работах он неоднократно говорит: *«Несокрушимые, как Солнце и алмазы, истины не должны быть связаны с тленными личностями, а эти личности, в свою очередь, не смогут претендовать на их драгоценность.»* Таким образом, обвинять его в самовосхвалении, в утверждении им роли Махди и обновителя религии, непостижимо ни одним здравым интеллектом. Ибо, если вы внимательно и беспристрастно прочтете все его трактаты и письма, то составите определенное убеждение о том, что это всесторонне образованная личность этого времени является ученым религиозных наук, которую не встречали на протяжении веков, и это хранитель основ веры, подобия которому не будет; и в то время, когда опасность красных огоньков коммунизма уже приняло серьезный оборот, он проявил патриотизм гораздо более полезный и продуктивный для страны и нации, чем целая армия. Я сожалею, что не смог раньше стать учеником таких произведений и их автора, уважаемого Устада.

Уважаемая судебная коллегия!

С идеей исполнения священного служения народу я напечатал в Эскишехире Путеводитель для молодежи, с тем чтобы такие,

как я, сыны этой земли могли извлечь пользу и бесконечные преимущества из Рисале-и Нур, которые я испытал на себе. Я спрашиваю вас: как может противоречить истинному правосудию это жестокое обращение с нами, когда служение такому истинному и неопровержимому толкованию Корана, как Рисале-и Нур, и посредством него вере таких же несчастных, как я, должны были бы приниматься с похвалой, признательностью и поощрением?

Я прошу у вашего справедливого суда, чтобы вы дали Рисале-и Нур полную свободу, ибо он является источником пропитания наших душ, средством нашего спасения, и ключом к нашему вечному счастью. Если на ваш взгляд обстоятельства, некоторые из которых я уже упоминал и перечислял выше, представляют собой настоящие преступления, то я с совершенным согласием моего сердца готов буду принять самое суровое ваше наказание.

Заключенный в Афьонской тюрьме,
Джейлан Чалышкан из Эмирдага

[Защитительная речь Мустафы Османа]

Уголовному суду города Афьон

В ответ на выдвинутые вопросы, предусмотренные в качестве обвинения о факте моего участия в мнимой деятельности против государственного режима, совершаемого Бадиуззаманом Саидом Нурси, который подозревается в создании тайного общества и использовании религиозных чувств, направленных на разрушение безопасности государства, я говорю следующее:

1– Да, как и многие ученики Рисале-и Нур, я начал собирать эти трактаты и читать их с целью сохранения своей религии и веры, получая культурно-религиозное образование и обучаясь коранической нравственности, которая является нашим национальным долгом и исторической гордостью, в истинной турецкой и исламской принадлежности. Я намеревался стать полезным человеком для страны и ее граждан, защищать их от воздействия иностранных идеологий. В период, когда порочность и безнравственность растоптали честь и историческую славу наших предков, отравили жизнь всего общества, выводя на улицы в степени отвратительной аморальности распутных людей, разложили общественное мнение, с тем чтобы семьи участливо сплетничали об этом в каждом доме;

когда эта тяжкая ситуация быстро распространилась и довольно просто стала общепринятой, приводя к критике в виде новостных событий о моральной этике и различных других предметов обсуждений в газетах и журналах, являющихся некими языками общественного мнения, – справедливо ли считать преступлением чтение собрания книг Рисале-и Нур, которые своими уроками по основам религии, нравственности, общественного сознания и этических норм освободили меня, как и всех остальных читателей мусульман, от бездны аморальности; или может быть преступлением является то, что по настоятельным просьбам я даю прочесть эти трактаты своим соотечественникам, которые знают или слышали, что я читаю эти произведения, дабы защититься от распутства, а также наставить на путь истинный некоторых заблудших людей и сделать из них посредством этого эффективного учения полезных для общества людей. Каким образом распространение трактатов, своеобразных действенных орудий духовного муджахида Бадиуззамана, в религиозном и действенном смысле выступившего в духовной борьбе против «красной чумы» коммунизма и заслужившего тем самым похвалу и признательность, может считаться преступлением в отношении моей личности, когда за двадцать лет они превратили двадцать тысяч человек, и, вероятно, еще больше, в полезных людей для страны и нации? И таким же образом, как могло стать это причиной для обвинения в отношении их Уважаемого автора? Я спрашиваю у вашей совести.

2– Хадисы, которые в обвинительном акте некомпетентно описываются как «ложные», в книгах хадисов приводятся в качестве «достоверных»; и по признанию их многими учеными-хадисоведами, и тот факт, что ведущие ученые Стамбула, в период доконституционной революции и во время ее принятия, по требованию японского главнокомандующего и англиканской церкви обратились к Бадиуззаману с вопросами, ответы которых сейчас находятся в Пятом Луче, и что те видные ученые не стали возражать против их интерпретаций, определенно устанавливает истинность этих хадисов.

Кроме того, не только эта часть Рисале-и Нур, но и все его остальные истины и уроки, которым ни один истинный исламский ученый не смог возразить, настолько сильны, что Управление по делам религии и истинные ученые по всей стране в постконституционный период, были вынуждены принять и прочесть их. Возражения и заявления одного-двух человек, известных в качестве ученых, но которые лишены истинного знания, не смогут опровергнуть эти

истины с его весомыми доказательствами. Они просто смешны. Разве это предательство по отношению к режиму написать благодарственное письмо автору Рисале-и Нур из чувства долга и ввиду увлеченности истинами Корана и веры, в которых содержатся совершенно очевидные духовные и материальные блага, и которые ради спасения своей вечной жизни от уничтожения, с одобрениями изучаются по всей стране каждым классом общества, тем самым сохранив свою веру и получив пользу, тысячи соотечественников испытали к их уважаемому автору вечную признательность; рассматривать и таким образом предполагать некоторые действия и события в этой стране, как уже свершившиеся, основываясь при этом на неоспоримые истины хадисов и их соответствующие описания, которые считаются составом преступления, а также, опираясь на заявления многочисленных исламских ученых, видеть и радоваться этому как победе Корана, которая приведет к исправлению некоторых ошибок, а затем, конфиденциально представлять эту цель и точку зрения Устаду, чьи труды преуспели в этом; и надеяться, что страна и народ не впадут в анархию и в объятия «красной опасности», заставляющей весь мир содрогаться – разве это будет предательством по отношению к режиму? Разве это очернит устоявшиеся реформы? И несмотря на то, что после такой же клеветы некоторые суды оправдали этого ученого человека, заслуживающего исключительной похвалы и признательности, вновь обвинять его в тех же вопросах, несмотря на его уединенность, пожилой возраст и аскетический образ жизни, арестовывая и сажая в одиночную камеру, а затем приводить его на суд, а также, расценивать в качестве преступления наши общие с ним научные взгляды и старания ради сохранения нашей веры, и поставить их в виде доказательств нашего предполагаемого нарушения государственной безопасности, чьей же справедливой совести является это решение? Я задаю этот вопрос вашему правосудию и оставляю это на вашу совесть.

3– Касательно обвинения по поводу того, что мы носим фотографии Бадиуззамана, словно нечто священное, собираем его письма и ведем с ним переписку, я скажу следующее: не то чтобы держать при себе простую фотографию с изображением всемирно известного ученого и уважаемого автора, который через свои труды спас мою духовную и вечную жизнь от исчезновения, позволил мне испытать удовольствие и счастье физической жизни, и спас веру тысячам таким же, как и я, но даже оформлять ее в золото и драгоценности, поздравлять и посылать ему письма, и знакомить с теми, кто его полюбил, это является исключительно моим личным

правом, как и для каждого человека. Не думаю, что оно будет представлять собой преступление; и в завершение я говорю: имея возможность служения обществу этой страны, нации и человечеству в целом, о чем может засвидетельствовать полиция двух провинций и многих городов, на протяжении долгих лет ученики Рисале-и Нур уберегли через эти книги отдельных личностей от беспутства и стали средством для спасения остальных. Несмотря на то, что в действительности, мы исполнили для этой страны и ее правительства гораздо большее патриотическое служение, чем тысячи стражей правопорядка, и более достойны одобрения и признательности, все же, неверно истолковываясь, словно действуя умышленно от имени какой-то иностранной державы, мы были арестованы и преданы суду. Втоптали тем самым все наши работы и старания в грязь, и довели до слез наши несчастные семьи и детей, оставляя их без средств к существованию. Каким законам демократии, какой человеческой совести судей, которые дали присягу, и каким их справедливым решениям это может соответствовать? Я задаю эти вопросы вашему суду и вашей совести. И я прошу ваш уважаемый суд, который выполняет правосудие от имени справедливого турецкого народа и его великого национального собрания, освободить от уголовной ответственности эти произведения, многочисленные пользы и преимущества которых очевидны и неоспоримы, а также, и прошу нас оправдать.

Заключенный в Афьонской тюрьме,
Мустафа Осман из Сафранболу.

[Защитительная речь Хыфзи Байрама]

Уголовному суду города Афьон

Меня обвиняют в изучении произведений исламского ученого Бадиуззамана, обвиняемого в попытке разрушить государственную безопасность, используя религиозные чувства, посредством уроков, которые учат истинам Корана и веры, и имеют большие преимущества для нации и страны; а также, в распространении и предоставлении этих трактатов, из которых я получил большую пользу в отношении своей веры, религии и нравственности Корана, по просьбам отдельных знакомых, в надежде на то, чтобы и они получили благие результаты в отношении своего воспитания

учениям вероубеждения, религиозных основ и моральных этических норм, что является нашим национальным долгом. Кроме того, под предлогом рассылок по моему адресу дружественных или научных писем целому ряду знакомых, утверждается, что я стал соучастником в вышеупомянутых преступлениях. Возражая против данных пунктов предъявленного обвинения, я говорю:

1– Подобно тому, как я не читал трактатов Рисале-и Нур в том виде, в каком предвзято настаивает на обвинении прокурор, которые ранее прошли судебный процесс, а затем были оправданы и возвращены их автору, и которые в Исламском мире и учеными этой страны получили высокую оценку и рекомендации. Равно как предоставлять эффективные уроки по исламскому и религиозному воспитанию в качестве важного комментария к Корану в служении нравственного развития людей, помогая им стать достойными и спасая их от падения в пропасть неверия; и читать эти произведения с целью самостоятельного обучения и сохранения своей религии и веры, а также, рекомендовать и давать читать другим, воспринимая их в виде самой большой духовной помощи для моего народа и страны, и даже для всего человечества, не может являть собой преступление. Потому что ученики Рисале-и Нур никогда не принимали участие во вредных для страны, народа и руководства инцидентах, чего и не было зафиксировано ни одним полицейским протоколом. Кроме того, будет абсолютно неверным говорить: «Они тайно изучают и читают их», тем самым вызывая сомнения у других относительно тайного общества. Так как, ученики Рисале-и Нур не имеют никаких связей с каким-либо тайным или публичным обществом, будь то научным или политическим. И даже несколько лет назад, Бадиуззамана вместе с другими учениками подвергли обвинениям и направили в уголовный суд города Денизли, и, хотя все части Рисале-и Нур были тщательно и в мельчайших деталях исследованы, впоследствии все они вместе с книгами получили оправдательное заключение. Я не знаю в какой степени могут требовать справедливости, выдвигая в качестве доказательств обвинения в совершении тяжкого преступления за чтение произведений и за их распространение, которые ранее вместе с автором были оправданы по факту нарушения государственной безопасности и предательство по отношению к конституционному строю; я оставляю это на вашу совесть.

2– Среди обвинений отмечается также и передача мне во время ареста какой-то брошюры со стороны неизвестного мною жителя Баязида. Однако, этой брошюры я не видел, и неосведомлен о ее содержании. Если она относится к Рисале-и Нур, то я принимаю это.

Вы со своей стороны задайте мне вопрос, а я вам отвечу. Тем не менее, из обвинительного заключения я узнал, что прокурор упоминает о миссии Махди, тогда как мой Устад далек от такой клеветы. Никогда мы не слышали от него, чтобы он говорил подобное, как не видели этого ни в одном из его произведений. Более того, при каждом удобном случае, он запрещал своим ученикам почитать, возвеличивать и приписывать ему какую-либо степень, также, он упрекал тех, кто писал ему хвалебные письма. Мы всегда знали его, как большого ученого и требовательного в науках Ходжой, который не стремился к карьеризму.

Заключенный
Хыфзи Байрам

[Защитительная речь Мустафы из Эмирдага]

Уголовному суду города Афьон

В ответ на мое обвинение по поводу пособничества моему Устаду Бадиуззаману в предполагаемом преступлении, я коротко скажу следующее:

То служение, которое я исполнил для моего Устада и Рисале-и Нур, не имея при этом самого малейшего сожаления, сравнимо с одной каплей в океане милости и благоволения. Например, чтобы достичь сокровищницы с драгоценными алмазами, приносятся в жертву крошечные осколки стекла, так же и я каждый миг готов пожертвовать своей жизнью ради Рисале-и Нур, который является средством спасения моей вечной жизни. Я считаю, что проявить равнодушие и отказаться от Рисале-и Нур, огромные пользы и бесчисленные преимущества которого были осуществлены в отношении обоих миров, во избежание вреда нашей короткой и бурной жизни в этом мире, из-за временного лишения свободы и незначительных трудностей связанных с этим, будет страшным вероломством по отношению к моему благословенному Учителю, ведущему ученому времени, и к его единственной цели – вере и Корану. *И не желаю ни на йоту отклоняться от его предписаний и повелений.*

Уважаемая судебная коллегия!

Почему при моем скудном положении считается чрезмерным факт моего желания стать учеником великого религиозного ученого, который сформировал мощную позицию против целенаправлен-

ности коммунизма в рассеивании своих ядовитых микробов по нашей прекрасной земле? Несомненно, это доказывает, что богатство Рисале-и Нур намного превышает все земные богатства. Признайте моего Устада и Рисале-и Нур невиновными навсегда, чтобы они могли сохранить веру миллионам таким, как я, молодым Турции, и помогли им стать для страны полезными гражданами. Необходимость нашей турецкой молодежи в книгах Рисале-и Нур в тысячи раз выше необходимости в свежем воздухе человека, который находится в полной изоляции, или его потребности в свете, находясь в кромешной тьме, или его нужды в пище и воде, как при жажде и голоде в пустыне, или же его необходимости в спасателе, когда тот тонет в море. Поэтому, исходя из вышеуказанных некоторых фактов, неприменимо с честью правосудия губить в этих тюрьмах Бадиуззамана, который завоевал к себе наше безмерно хорошее мнение и расположение, и с которым мы связаны неразрывными узами; а также, бросать в них многих несчастных его искренних учеников.

Заключенный в Афьонской тюрьме,
Мустафа Аджет из Эмирдага

[Защитительная речь Халила Чалышкана]

Уголовному суду города Афьон

Уважаемая судебная коллегия!

В зачитанном мне прокурором обвинительном акте, мое служение Устаду цитируется, как серьезное преступление. Мой Устад приехал в наш город в 1944 году и проживал там в течение четырех лет. И уже сорок лет, как он отказался от всех удовольствий и удобств этого мира и старался на пути веры и будущей жизни только ради Ислама, чтобы сохранить вечное счастье исповедующих Ислам, и особенно мусульман и тюркского народа. С учением принципам вероубеждения и нравственности в Рисале-и Нур, он построил барьер против вредоносных идей большевизма, с наличием их чрезмерного материального и духовного ущерба, которые причиняют большой вред нашей религии, в особенности среди мусульман и турков нашей страны. Он предотвращает распространение подобных этим вредоносных для народа вещей. Так имеет ли состав преступления с точки зрения справедливости мое преисполненное гордостью

служение в течение трех лет, с небольшими перерывами, книгам Рисале-и Нур и моему Устаду, которые удостоились признания и одобрения со стороны всех ученых мира? Кроме того, прокурор показывает в качестве обвинительного пункта мой отказ от ремесла портного ради выполнения этого служения. Даже если я пожертвую своей жизнью на благо моего Устада и Рисале-и Нур, который является истиной и настоящим толкованием Корана, разве будет это сочтено тяжким преступлением, а я разве буду рассмотрен, как предатель родины? У вас спрашиваю.

Уважаемый Председатель суда!

Я прочитал некоторые части Рисале-и Нур, а некоторые из них переписал. Бесконечная хвала Всемогущему Аллаху за то, что с давних пор, чувствуя в своем сердце большую потребность к знаниям, я начал получать ее пользу от этих трактатов. И хотя я был тесно связан с ними, я не видел в них ни о подстрекательстве народа против властей, ни о нарушении общественного правопорядка, ни о создании тайного общества. Также от своего Устада я не слышал ни о миссии Махди, ни об обновителе религии, ни о каких-либо других действиях, связанных с этим. Единственной целью Рисале-и Нур, нашего Устада и его учеников, является служение на пути Ислама, в частности вере и нравственности для турецкой нации. Разумеется, Рисале-и Нур и его служащие не должны подвергаться преследованиям из-за этой службы. Потому что, это наша единственная цель и намерение. Нет у нас ничего кроме этого. Мы выполняем эту обязанность ради довольства Аллаха. К тому же, мы не могли использовать такой священный долг в качестве орудия для этого мира и всех мирских выгод, и не опустимся до такого. Поэтому, мы не можем терпеть обвинения прокурора против искренних учеников Рисале-и Нур, сердца которых постоянно заняты верой и потусторонним миром, и не имеют они никаких других мирских амбиций, основывая их на тайном политическом обществе, существование которого никогда не приходило мне на ум.

Итак, Уважаемая судебная коллегия! Мы верим в то, что вы осознали цели, намерения и характер учеников Рисале-и Нур, и что вы убедились об отсутствии у нас связей с преступлениями, которые нам приписывает сторона обвинения. Поэтому мы просим ваше Высокое Правосудие и вашу совесть, освободить от уголовной ответственности и вернуть нам эти книги, а также, и оправдать нас.

*Заключенный в Афьонской тюрьме,
Халил Чалышкан из Эмирдага*

[Защитительная речь Мустафы Гюля]

Уголовному суду города Афьон

Я не состою ни в каком тайном обществе. Причем мой Устад Бадиуззаман Саид Нурси не основывал подобного. Он всегда учил нас истинам Корана и категорически запрещал нам связываться с политикой. Я всего лишь ученик великого Устада Саида Нурси. Всем сердцем и душой, я связан с ним и Рисале-и Нур. И ради Рисале-и Нур и моего Устада, я буду рад любому назначенному мне приговору. Благодаря своим произведениям, мой Устад спас мою веру и вечную жизнь. Его целью является сохранение всех мусульман и наших соотечественников от неверия, помогая им достичь вечного счастья. Во всех судебных процессах становилось очевидным, что у нас нет связей ни с какими политическими амбициями. И хотя истинное положение было таковым, снова нас несправедливо и неуместно приводили на суд. Мы из этого поняли, что они хотят сломить нашу сплоченность. Но наша сплоченность не обращена к каким-либо мирским и политическим целям или делам. А к нашему Устаду мы чувствуем в себе только очень большое уважение. Читающие Рисале-и Нур обретают необычайную веру, а также, знания об основах Ислама, морали и совершенства.

Мы не в состоянии утаить огромную любовь к нашему Устаду. Я всем своим существом привязан к такому учителю и ученикам Рисале-и Нур. Это связь не будет разорвана или сломлена, даже после моей казни. Я и все мои братья невиновны. Мы изо всех сил просим, чтобы Рисале-и Нур был освобожден. И прошу об оправдательном решении для моего благородного Устада, невинных братьев, и меня.

Мустафа Гюль из Испарты

[Защитительная речь младшего Ибрагима]

Уголовному суду города Афьон

Уважаемые судьи!

Преступление, в котором мы обвиняемся является и неуместным, и относится к этому миру, то есть к политике. Однако, действительно ли мы являемся теми, которые будут участвовать в политике или нет, вы, уважаемые судьи, давно, уже поняли это с первого взгляда. И в особенности, даже если бы они заверили сотни авторитетных людей, чтобы эта холодная и чужеземная клевета стопроцентно оправдалась, и мой разум при этом обладал бы стократно большими способностями, чем сейчас, то из-за чувства, которое оставили во мне Рисале-и Нур и его уважаемый автор, я бы всем своим существом бежал от мимолетных и преходящих политических острых ощущений и приключений, и потратил бы их на пути веры в потусторонний мир и спасения от ада. Наше уважение и привязанность к достойному автору Рисале-и Нур, или наше чтение и переписывание его книг, или же наши отношения и связи с его учениками устремлены к Иному миру, о чем подтвердили Денизлинский уголовный и кассационный суды. Настолько, что с той точкой зрения, которую мы получили от Рисале-и Нур, не променяли бы эту лучезарную суть на мирские и материальные ценности. И она будет жить в нас в состоянии веры до самой смерти.

Уважаемая судебная коллегия!

Поскольку мы вследствие этого страшного обвинения собрались все здесь, то сообщить о следующем важном факте, является моим долгом перед страной и совестью: в течение уже более десяти лет, только в моем собственном окружении, Рисале-и Нур, на глазах у всех, продемонстрировал исправление характера людей, в результате чего, во главе со мной многие другие «узнали дорогу домой». Неважное положение было преобразовано в счастливую семейную обстановку. Матери и отцы теперь молятся за тех, кто стал причиной этому. В нашей провинции и его окрестностях вы можете прослушать подобного рода истории о многих людях. В частности, когда Рисале-и Нур вошел в тюрьму города Денизли, он оказал такое благотворное влияние на заключенных, что оно все еще остается предметом обсуждений. То же самое было, когда я приехал сюда, в тюрьму города Афьон; с кем бы я ни говорил, описывая свое бывшее и настоящее состояния, они с благодарностью и признательностью молятся за учеников Рисале-и Нур. Эти факты хорошо известны...

Позвольте мне оставаться при своем мнении; однако я удивляюсь, как может любовь к Рисале-и Нур, который в такой степени воспитал меня и моих товарищей, как в социальном и нравственном, так и в отношении нашей потусторонней жизни, и который является важным толкованием Корана, и исламская любовь к его уважаемому автору и к соотечественникам, а также, писать им письма утешения, восприниматься как нечто политическое? С тем же удивлением я говорю, что нет такого преступления. Но могу сказать, что не более, чем скрытые враги Корана, а соответственно и Рисале-и Нур, вызвав у судебных органов и полиции подозрения в отношении нас, стали причиной заключения всех нас в тюрьмы. Разумеется, что уважаемые судьи смогут увидеть эти факты, и положив свои руки на сердца, вынесут справедливое решение, в отношении вечного и божественного благовестия, и сделают турков-мусульман, ждущих по всей стране с нетерпением их решения, благодарными им.

Заклученный в Афьонской тюрьме,
Ибрагим Факазлы из Инеболу

